32 - 1

Годъ 9-й. Кн. XXXII.

ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ИЗДАНІЕ ЭТНОГРАФИЧЕСКАГО ОТДѢЛА

Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи,

состоящаго при Московскомъ Университетѣ.

1897, № 1.

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

Н. А. Янчука.

МОСКВА.

Типо-лит. К. Ф. Александрова, Арбатъ, близъ Арбатскихъ вор., домъ Платонова.

1897.

Digitized by Google

P Slav 928.10

Bright fund
(1897)

Печатано съ разрѣшенія Совѣта ИМПЕРАТОРСКАГО Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи.

Digitized by Google

СОДЕРЖАНІЕ.

Стр.

I. Къ повѣрьямъ о св. Касьянѣ. *Н. М. Мендельсона*. 1.

II. Этнографическіе матеріалы, собранные въ Купянскомъ уѣздѣ Харьковской губ. I. Примѣты и повѣрья, относящіяся къ беременности и къ рожденію дѣтей.—II. Колыбельныя пѣсни.—III. Дѣтскія пѣсни и приговорки. — IV. Прикладки къ именамъ, дразнилки и клички. *П. Иванова* . . . 22.

III. Очерки семейственнаго обычнаго права крестьянъ Минской губерніи. Гл. I–II. *М. Довнаръ-Запольскаго* . . . . . 82.

IV. Смѣсь:

Къ вопросу о борьбѣ Московскаго правительства съ народными языческими обрядами и суевѣріями въ половинѣ XVII вѣка. *Н. Харузина* . . . . . 143.

Этнографическія коллекціи на Всероссійской Выставкѣ 1896 г въ Нижнемъ-Новгородѣ. *Д. У.* . . . . . 152.

Сборникъ польскихъ пословицъ XVIII столѣтія. *М. Довнаръ-Запольскаго* . . . . . 158.

V. Критика и библіографія:

1. Книги, ученыя и справочныя изданія. . . . . 164.

Е. Будде. Къ исторіи великорусскихъ говоровъ. *Всев. Миллера* (164). — А. А. Кауфманъ. Крестьянская община въ Сибири. *Н. Х* (171).—И. И. Янжулъ. Отпускная торговля и нѣкоторыя мѣры для ея развитія Торговые музеи, экспортные союзы и склады товарныхъ образцовъ. *Н. Х.* (173).—Русскія народныя пѣсни, собранныя Н. А. Львовымъ.

Digitized by Google

Напѣвы записалъ и гармонизовалъ Ив. Прачъ. Изд. Суворина. *А. Соболевскаго* (178). — В. С. Рыбинскій. Баронъ А. А. Дельвигъ. Его жизнь и литературная дѣятельность. *А. Лободы* (179). — Труды Московскаго Предварительнаго Комитета X Археологическаго Съѣзда въ Ригѣ. Т. II. Подъ ред. гр. П. С. Уваровой. *N.* (181).—Ежегодникъ Тобольскаго Губернскаго Музея. Т. V. *Н. Х.* (183).—Е. Балобанова. Легенды о старинныхъ замкахъ Бретани. *В. Каллаша.* (184).—A. Balladoro. Folk-lore Veronese. Proverbi. *А. Д. Каржева* (185).—Aug. Emil und Hans Bielenstein. Studien aus dem Gebiete der lettischen Archäologie, Ethnographie und Mythologie. *Н. Х.* (189).—S. F. Marianû. Orajî, farmece, si desfaceri. *А. Яцимирскаго* (191).

2. Обзоръ газетъ и журналовъ (1896—1897 гг.) 207

3. Новости этнографической литературы. 214

VI. Извѣстія и замѣтки.

Абиссинская выставка въ Москвѣ (216).— Къ изученію великорусской народной пѣсни (217).—Предполагаемое изданіе русскихъ народныхъ сказокъ (218).

Digitized by Google

КЪ ПОВѢРЬЯМЪ о СВ. КАСЬЯНѢ.

I.

Г. Н. Потанинъ передалъ мнѣ повѣрье о св. Касьянѣ, записанное имъ въ с. Денисовкѣ, Лубенскаго уѣзда, Полтавской губерніи. Просматривая матеріалы, собранные изслѣдователями нашего народнаго календаря, я не нашелъ нигдѣ повѣрья, вполнѣ похожаго на записанное Г. Н. Потанинымъ. Св. Касьянъ настолько интересная личность въ богатомъ матеріалѣ нашей народной агіографіи, что я рѣшился сопроводить лубенское повѣрье указаніями на тѣ преданія, которыя ходятъ объ этомъ святомъ въ другихъ мѣстахъ и разбросаны по разнымъ сборникамъ сырого матеріала. Не претендуя на полноту сообщаемыхъ свѣдѣній, а тѣмъ менѣе имѣя въ виду дать какія-либо опредѣленныя толкованія по поводу происхожденія сказаній о св. Касьянѣ, я преслѣдую только одно—хоть немного облегчить работу тѣхъ лицъ, которыя займутся этимъ интереснымъ святымъ.

Лубенское повѣрье разсказываетъ слѣдующее: Касьянъ сидитъ на стулѣ неподвижно, съ опущенными рѣсницами, которыя у него столь длинны, что достигаютъ до колѣнъ; изъ-за этихъ рѣсницъ онъ не видитъ божьяго свѣту. Только 29 февраля, въ високосный годъ, по утру онъ поднимаетъ рѣсницы и оглядываетъ міръ; на что онъ тогда глянетъ, то погибаетъ. Поэтому не совѣтуютъ выходить въ этотъ день рано утромъ изъ хаты на огородъ.

Приведенный разсказъ не знаетъ, гдѣ сидитъ неподвижный Касьянъ. Быть можетъ, лицо съ такимъ губительнымъ взглядомъ должно быть помѣщено въ аду. Дѣйствительно, существуетъ преданіе, которое знаетъ Касьяна какъ сторожа, привратника ада. Разъ въ четыре года Господь отпускаетъ Касьяна на отдыхъ

Digitized by Google

и, за его отсутствіемъ сторожатъ адъ двѣнадцать апостоловъ[1]). Въ „Сборникѣ матеріаловъ для ознакомленія съ Пермской губерніей“, вып. V[2]), статья Н. Л. Скалозубова о народномъ календарѣ сообщаетъ повѣрье, что Касьяна черти бьютъ молотомъ, а 29 февраля даютъ взглянуть на свѣтъ; на что онъ взглянетъ, то повянетъ (с. Богородское). Въ с. Сарсахъ разсказываютъ, наоборотъ, что не Касьяна бьютъ черти, а онъ самъ бьетъ дьявола, который рыщетъ по свѣту и напускаетъ на людей болѣзни и разныя невзгоды. 29 февраля Касьянъ именинникъ, ничего не работаетъ, поэтому сатана и успѣваетъ напустить на людей невзгоды; отпраздновавъ именины, Касьянъ снова принимается колотить дьявола по головѣ. Нѣкоторая разница въ богородскомъ и сарсскомъ варіантахъ не мѣшаетъ сходству въ главной мысли разсказа: въ той и другой версіи отъ Касьяна, непосредственно или черезъ дьявола, которому онъ даетъ отдыхъ, зависятъ разныя людскія невзгоды. Этотъ взглядъ на святого Касьяна, какъ на носителя злой, губительной для людей силы, проявляется во всѣхъ относящихся къ этому святому преданіяхъ, поговоркахъ, примѣтахъ. „Словарь“ Даля въ „Мѣсяцесловѣ“ подъ 29 февраля[3]) содержитъ слѣдующее: Касьяна завистливаго, Касьяна злопамятнаго, недоброжелателя, завистника, скупого, немилостиваго; Касьянъ на скотъ взглянетъ—скотъ валится, на дерево—дерево сохнетъ. Зинулъ Касьянъ на крестьянъ. Касьянъ на что ни взглянетъ—все вянетъ. Касьянъ на народъ—народу тяжело; Касьянъ на траву—трава сохнетъ; Касьянъ на скотъ—скотъ дохнетъ. „Мѣсяцесловъ“ сообщаетъ свѣдѣнія и о праздникахъ въ честь Касьяна: св. Касьяну три четверга празднуютъ: на седмицкой, на масляной и на святой. Четвертокъ на троицкой недѣлѣ Касьяну, чтобы не перекосилъ[4]).

---

[1]) Калинскій. Церковно-народный мѣсяцесловъ на Руси, 105.

[2]) Приложеніе къ адресъ-календарю и памятной книжкѣ, Пермской губерніи на 1894 г., Пермь. 1893.

[3]) Даль. Толковый словарь, 973—974.

[4]) „Перекосилъ“—весьма вѣроятно, подъ вліяніемъ созвучнаго „Касьянъ“, но характеренъ выборъ глагола съ такимъ именно значеніемъ.

Digitized by Google

Есть народные разсказы о Касьянѣ нѣсколько иного характера, чѣмъ только что приведенные, разсказы, интересующіеся, главнымъ образомъ, вопросомъ о томъ, почему Касьяну празднуютъ разъ въ четыре года. Въ разсказахъ этого рода приведенныя выше свѣдѣнія о злобной, завистливой натурѣ Касьяна являются только эпизодомъ, какъ будто не интересуютъ повѣствователя сами по себѣ, безотносительно къ вопросу о церковномъ празднованіи Касьяну. Таковъ, прежде всего, разсказъ, записанный Якушкинымъ и напечатанный въ I т. „Лѣтописей“ Тихонравова. Содержаніе разсказа слѣдующее: Касьянъ и Николай идутъ одной дорогой и встрѣчаютъ мужика, увязившаго возъ среди дороги. Касьянъ отказывается помочь мужику, боится замарать свое платье. Тогда Николай подпираетъ возъ своимъ плечомъ и выручаетъ мужика изъ бѣды. Пришли святые къ Богу, а Онъ и спрашиваетъ Николая, почему у него платье выпачкано. Разсказалъ Николай, какъ было дѣло, и рѣшилъ Богъ, чтобы Касьяну праздновали разъ въ четыре года, а Николаю четыре раза въ годъ. Аналогичный разсказъ помѣщенъ у Аѳанасьева въ „Народныхъ русскихъ легендахъ“ (№ 11). Разсказъ въ „Бѣлорусскомъ сборникѣ“ Романова (IV, стр. 15—17) представляетъ нѣкоторыя особенности. Касьянъ за обѣдней подпалилъ усы „Ивану Хрящицелю“, который, получивъ отъ Бога другіе усы, золотые, сталъ называться „Златоусомъ“; Касьяну же, въ наказаніе за его поступокъ, „у три годы разъ святкуюць“. Заканчивается разсказъ очень характерно: а у Касьяновъ годъ што-што да прокинетца: ци на людзёхъ, ци на скоцини, ци на лясáхъ — дзѣ-дзѣ да прокинетца“. Вотъ тѣ свѣдѣнія народнаго календаря о Касьянѣ, которыя были у меня подъ руками.

Изображеній св. Касьяна мнѣ не приходилось видѣть, но одна крестьянка Тверской губ., сообщившая мнѣ нѣсколько пословицъ, относящихся къ этому святому, разсказывала, что въ домѣ помѣщика, у котораго разсказчица служила, была въ комнатѣ для прислуги икона св. Касьяна, гдѣ онъ былъ изображенъ „такой страшный, съ большими глазами и длиннымъ носомъ, точно „арменинъ“. Разъ одна дѣвушка, поглядѣвъ на икону, сказала: что это за святой, словно чертъ; а

Digitized by Google

онъ ей ночью и приснился, страшный, сердитый. Вынесли потомъ эту икону изъ комнаты".

Знаетъ о Касьянѣ и книжная, точнѣе — книжно-народная повѣсть. Г. Лопаревъ въ „Памятникахъ древней письменности" подъ № XCIV напечаталъ „Слово о святомъ патріархѣ Ѳеостириктѣ" по тремъ редакціямъ [1]). Роль, которая отведена Ѳеостирикту въ заключительномъ эпизодѣ „Слова" (по всѣмъ тремъ редакціямъ) очень похожа на роль Касьяна въ легендахъ Аѳанасьева, Якушкина и Романова. Ѳеостириктъ въ гостяхъ у Синагрипа, который устраиваетъ пиръ на радости: благодаря св. Николаю, онъ только что спасся отъ гибели на морѣ. Ѳеостирикта же Синагрипъ пригласилъ потому, что онъ одинъ „можетъ призвати святого Ніколу во образе человѣка" (2-я ред.). Все готово къ началу пира; ждутъ лишь святого Николая. Но онъ очень замедлилъ, показался лишь „по 9 часѣ" и объяснилъ свое замедленіе тѣмъ, что былъ на морѣ Тиверіадскомъ, спасалъ тонувшихъ, за что они „завѣщаша канонъ и свѣщи и темьяны и даша... куръ печенъ тестянъ... И показа ему (Ѳеостирикту) данное" (1-я ред. а); а Ѳеостириктъ и говоритъ: „Се азъ сего дѣля кура тестянаго ни трию быхъ ступеніи не ступилъ... За ты три ступени повелѣша святии отци по три года не поминати (Ѳеостирикта), но четвертое лѣто повелѣша его поминати,— тогда бываетъ високостъ, а св. Николая трижды годомъ повелеша поминати святии отци" (1-я ред. а). Какъ уже было упомянуто, всѣ три редакціи сходны въ заключительномъ эпизодѣ, связанномъ съ разсказомъ о Синагрипѣ и о чудѣ Николая. Начало „Слова", довольно искусственно прикрѣпленное къ мотиву о Синагрипѣ, представляетъ нѣкоторую разницу: въ 1 и 3 редакціяхъ фигурируетъ Ѳеостириктъ, а во 2—Касьянъ. По 1 ред. б. Ѳеостириктъ родился въ Кесаріи „въ лѣта Уалента царя", и вскорѣ послѣ рожденія въ него вселился бѣсъ. Во время литургіи Ѳеостириктъ не захотѣлъ „возглашати прокимен „Въскресні Господи Боже мой, тажа

---

[1]) Первая редакція: а) И. П. Б. FI 691; б) И. П. Б., Погод. Древл. № 833 и в) И. П. Б. QI 1021. Вторая редакція Хлуд. № 178. Третья редакція: а) И. П. Б. QI 862 и б) Румянц. № 181.

Digitized by Google

стих „Исповѣмся тебѣ Боже мой всѣмъ сердцемъ моимъ“. Василій Великій, служившій литургію, ударилъ Ѳеостирикта „по ланитѣ, онъ же възгласи и прослезися отъ удара и глагола прок(именъ)... стихиру..., и отъ часа того бысть свѣтъ великъ въ церкви паче солнца, занеж бѣсъ исповѣдася в вѣру Христову“. По 2 редакціи Касьянъ родился въ старомъ Римѣ, „въ царство Костянтина Великаго“, родился „по сновидѣнію“,... ..во младенчестве украдоша его дѣмони и не отдаша его отцу, но отнесоша во своя жилища и воспита(ша) его [1]). И водяше его съ собою на всякие бесовския дѣла и дѣюще пакости великому Василию, когда божественную литургію писаше“. Служа литургію, Василій Великій „обвѣша ризы своя колоколцы: аще будетъ чисто предъ Богомъ; то ни единъ колоколецъ не зазвонитъ; а будетъ не чисто служеніе, то колоколецъ едінъ отъ малыхъ зазвонитъ. И некогда Василіѣ служа пріимаше во церкви честныя дары, ижъ тело есть и кровь Господа нашего Исуса Христа, и тогда дѣмони изъ церкви бежше, а Касьянъ въ церкви остася у места кадильнаго. И принятся за единъ колоколецъ и возвенѣ колоколецъ. И обзрѣся Василіі и видѣ сего Касияна стояща в свѣтках демонскихъ». Святитель ударилъ Касьяна по головѣ крестомъ «и вообразись знамение крестное на челѣ его. И бѣжа Касіянъ изъ церкви. И узрѣша дѣмони то знамение крестное на немъ и отъ того нача огнь попаляти бѣсы; дѣмони же бѣжаша отъ Касияна въ свой полкъ, а Касияна не пріимаша; онъ же скитаясь по градцкимъ улицамъ и не умѣяше никоторымъ языкомъ глаголати. И поругашась ему народы. И по моленію святаго Василия отверзе ему Богъ языкъ, и научи Василіі его грамотѣ и постави его въ четцы; и потомъ бысть прозвитеръ и епископомъ поставленъ бысть“. Далѣе 2 редакція не возвращается уже къ Касьяну: она разсказываетъ о случаѣ, заставившемъ Василія В. составить прокименъ „всякое дыханіе да хвалитъ Господа“ и переходитъ къ разсказу о Ѳеостириктѣ и Синагрипѣ.

---

1) Касьяна, украденнаго демонами, знаетъ и народное повѣрье. См. Калинскій, 1, с.

Digitized by Google

Г. Лопаревъ, разсмотрѣвшій списки „Слова“ о Ѳеостириктѣ, пришелъ къ мысли о существованіи особаго цикла книжно-народныхъ повѣстей, посвященныхъ 29 февраля. „Можно полагать“, говоритъ г. Лопаревъ, „что содержаніе повѣсти пріурочивалось и къ одному Касьяну, на что есть отчасти указаніе въ Хлудовской рукописи (т. е. во 2 ред.); двѣ рукописи публичной библіотеки говорятъ уже объ одномъ Ѳеостириктѣ; быть можетъ, нѣчто подобное связывалось и съ именемъ Іоанна (Варсонофія), чествуемаго также 29 февраля, на что имѣется легкое указаніе въ Бѣлорусскомъ сборникѣ Романова, гдѣ онъ, правда, замѣненъ Іоанномъ Златоустымъ“. Мнѣ кажется, что „Иванъ Хрясцицель“ бѣлорусскаго разсказа играетъ роль аналогичную не съ Касьяномъ-Ѳеостириктомъ, а съ Николаемъ и Василіемъ Великимъ, поэтому едва-ли бѣлорусскій разсказъ даетъ поводъ предполагать, что про Варсонофія-Іоанна разсказывалось тоже, что про Касьяна и Ѳеостирикта.

Итакъ, книжно-народная повѣсть вспоминаетъ 29 февраля двухъ святыхъ, одержимыхъ демонами, Ѳеостирикта и Касьяна, народный календарь въ этотъ день вспоминаетъ одного Касьяна. Думается, что можетъ быть лишь отрицательный отвѣтъ на вопросъ академика Веселовскаго — „случайно или нѣтъ упоминаніе Касьяна въ хлудовскомъ варіантѣ чуда (Николая) передъ эпизодомъ о Синагрипѣ?“ [1]).

II.

Все приведенное выше достаточно ясно обрисовываетъ демоническій образъ Касьяна. Разложивъ этотъ образъ на отдѣльныя черты, его составляющія, мы получимъ слѣдующее: Касьянъ родился по сновидѣнію; онъ въ младенчествѣ украденъ демонами; Касьянъ стражъ ада, отпускается отъ его воротъ лишь разъ въ четыре года; онъ бьетъ дьявола молотомъ, прекращая это занятіе 29 февраля, или, наоборотъ,

[1]) См. рецензію А. Н. Веселовскаго на книгу Гастера. Ilchesters Lectures, Ж. М. Н. П., 1888, III.

Digitized by Google

дьяволъ бьетъ Касьяна, давая ему отдыхъ разъ въ четыре года; у Касьяна очень длинныя вѣки: онъ изъ за нихъ не видитъ свѣта никогда, за исключеніемъ 29 февраля; все, на что онъ взглянетъ, погибаетъ; вообще Касьянъ — носитель силы губительной, злой; день его праздника—нехорошій день, а празднуютъ Касьяну, кромѣ 29 февраля, еще въ четверги троицкой, святой и масляной недѣли.

Таковы черты, изъ которыхъ слагается образъ Касьяна по народнымъ воззрѣніямъ. Думаю, что не будетъ безполезно привести нѣкоторыя соображенія, на которыя напрашиваются невольно нѣкоторыя изъ этихъ чертъ. Быть можетъ, эти соображенія хоть немного помогутъ будущему изслѣдователю преданій о Касьянѣ разобраться во всемъ томъ, что наслоилось на интересный обликъ демона-святого.

Касьянъ родился „по сновидѣнію", въ младенчествѣ украденъ демонами, которые „не отдаша его отцу, но отнесоша въ своя жилища и воспиташа его". Эти два эпизода—рожденіе по сновидѣнію и похищеніе ребенка демонами — принадлежатъ къ числу наиболѣе употребительныхъ въ обиходѣ книжно-народныхъ біографій и часто встрѣчаются въ соединеніи съ другими бродячими мотивами, напримѣръ, съ мотивомъ о нечистомъ рожденіи, съ мотивомъ о неосторожномъ обѣщаніи отца отдать дьяволу то, что онъ найдетъ новаго, возвратясь домой, или, наконецъ, съ мотивомъ о бездѣтныхъ родителяхъ, обѣщающихъ черту ребенка, если онъ родится [1]). Слѣдуетъ, впрочемъ, замѣтить, что мы знаемъ о Касьянѣ *украденномъ* демонами; этимъ самымъ народное преданіе, какъ будто, исключаетъ возможность связать этотъ мотивъ съ мотивомъ о ребенкѣ, *обѣщанномъ* родителями черту, отсылая насъ къ разсказамъ о чертяхъ, ворующихъ дѣтей. Какъ на образецъ такихъ разсказовъ укажу на разсказъ, помѣщенный у Чубинскаго [2]) и озаглавленный „Одмінокъ": баба-повитуха вечеромъ, возвращаясь отъ родильницы, увидѣла на дорогѣ громадную лягушку и говоритъ: „бый тя болото, и тобі, якъ

[1]) См. относительно этихъ бродячихъ мотивовъ у Жданова, Былевой эпосъ, стр. 282 и слѣд. и указанія Cosquin'a (Contes populaires de Lorraine) къ №№: XII, XIV, XLIV сказокъ. Ср. также у Веселовскаго, Разысканія, II, 114.

[2]) Труды, I, 193.

Digitized by Google

я бачу, незабавкомъ треба бабы". Ночью чертъ унесъ повитуху къ родильницѣ-чертовкѣ. Въ новорожденномъ повитуха узнаетъ ребенка той женщины, возвращаясь отъ которой она встрѣтила лягушку. Повитуха воткнула булавку въ голову ребенка, онъ сталъ кричать. Не будучи въ силахъ вынести его крика, чертовка велѣла черту отнести дитя бабѣ, а свое принести отъ нея. У Ciszewsk'аго [1]) есть аналогичное только что приведенному разсказу повѣрье, которое говоритъ о младенцѣ, подмѣненномъ „przez Bogienkę lub Mamonę". и совѣтуетъ, какъ быть въ этомъ случаѣ: подкидыша надо бить изо всей силы, тогда черти, не будучи въ состояніи вынести крика своего ребенка, относятъ обратно украденное дитя и забираютъ свое[2]). Припомнимъ, наконецъ, что „одмінка" знаютъ и кавказскія преданія: драконицы украли младенца Артавадза и дэва положили на его мѣсто [3]).

Касьянъ бьетъ черта молотомъ и разъ въ четыре года даетъ ему отдыхъ, по другому варіанту—черти бьютъ молотомъ Касьяна и перестаютъ бить лишь на одинъ день въ четыре года. По поводу этихъ двухъ мотивовъ я позволю себѣ прежде всего напомнить легенду „Кузнецъ и чертъ", помѣщенную у Аѳанасьева [4]). Легенда разсказываетъ, что кузнецъ на дверяхъ кузницы нарисовалъ черта и всегда по утру съ нимъ здоровался: „здорово, землякъ!". Сынъ кузнеца, продолжавшій дѣло отца, не захотѣлъ почитать черта, какъ почиталъ его старикъ, а вмѣсто того каждое утро раза три билъ черта по лбу самымъ большимъ молотомъ. Чертъ разсердился и рѣшилъ отомстить непочтительному кузнецу. Принявъ видъ рабочаго, чертъ приходитъ въ кузницу и нанимается служить. Кузнецъ принялъ его; новый рабочій работаетъ превосходно. Дальше легенда разсказываетъ о томъ, какъ новый рабочій перековалъ старуху въ молодую; слава его гремитъ всюду; кузнецъ завидуетъ, ссорится со своимъ работникомъ, и послѣдній уходитъ. Послѣ ухода черта куз-

[1]) Zbiór wiadomości do antropologii krajowéj..., т. IX.

[2]) См. объ этомъ въ статьѣ г. С у м ц о в а: „Boginki-Mamuny" (Wisla, t. V). *Ред.*

[3]) В. Ѳ. М и л л е р ъ. Кавк. преданія о великанахъ, прикованныхъ къ горамъ. Ж. М. Н. П. 1883, I, 107.

[4]) Аѳанасьевъ. Русскія народныя легенды, № 31. Варіантъ этой легенды у Ч у б и н с к а г о, Труды, I, 154, гдѣ вмѣсто черта Христосъ.

Digitized by Google

нецъ, по его примѣру, попробовалъ „перековать“ старика; ничего изъ этого не вышло, кузнецъ жестоко поплатился, а чертъ, такимъ образомъ, былъ отмщенъ.

Аналогичную сказку записалъ въ Колывани Г. Н. Потанинъ. Начало этой сказки, любезно предоставленной въ мое распоряженіе, не говоритъ о предварительныхъ дружескихъ отношеніяхъ кузнеца къ черту, а прямо начинаетъ съ того, что у одного кузнеца на стѣнѣ висѣлъ образъ черта; входя въ кузницу, хозяинъ имѣлъ обыкновеніе всякій разъ ударить молотомъ по лбу нарисованнаго на стѣнѣ черта. Чертъ не вытерпѣлъ и рѣшился отомстить кузнецу. Разсказъ о мщеніи аналогиченъ съ разсказами Аѳанасьева и Чубинскаго. Мнѣ кажется, что слѣдующія припоминанія могутъ намъ нѣсколько облегчить объясненіе начала сказокъ Аѳанасьева, Чубинскаго и Потанина. Я хочу напомнить о нѣкоторыхъ обрядахъ кузнечнаго цеха, о которыхъ больше всего свѣдѣній находится въ преданіяхъ кавказскихъ. Въ Грузіи существуетъ обрядъ, по которому кузнецы въ страстной четвергъ бьютъ молотомъ по наковальнѣ, чтобы пролизанная собакою цѣпь, которою прикованъ Амиранъ, вновь срослась [1]). Если бы кузнецы забыли исполнить этотъ обрядъ, то Амиранъ разорвалъ бы цѣпь и наказалъ бы всѣхъ кузнецовъ [2]). Обрядовые удары кузнецовъ существуютъ и у армянъ, гдѣ приводятся въ связь съ армянскимъ Прометеемъ-Артавадзомъ. Закованный въ цѣпи, не видя божьяго свѣта, Артавадзъ силится выйти, положить конецъ міру; двѣ собаки безпрестанно грызутъ его цѣпи, но отъ звука *ударовъ молота кузнецовъ* снова укрѣпляются оковы Артавадза. Такъ разсказываетъ легенда, и, слѣдуя ей, многіе изъ кузнецовъ ударяютъ (молотомъ) о наковальню, чтобы укрѣпились, какъ говорятъ, цѣпи Артавадза [3]). Кузнецы персидскихъ армянъ, живущихъ въ Джульфѣ, соблюдаютъ такой обычай: для того, чтобы не порвались цѣпи Шидара, которыми онъ прикованъ къ черной горѣ и которыя безпрерывно лижутъ собаки, въ исходѣ года, въ первый день мѣсяца навасарда, всѣ ковачи, какой бы работой

[1]) Хахановъ. Очерки по исторіи грузинской словесности, вып. I, 27.
[2]) Ibid, 39.
[3]) В. Ѳ. Миллеръ, 1, с. 107.

Digitized by Google

ни были заняты, ударяютъ три раза по наковальнѣ. Помимо этого, въ субботу вечеромъ, передъ тѣмъ, какъ запирать кузницу, кузнецъ съ молотомъ подходитъ къ наковальнѣ и со всего размаху три раза ударяетъ по ней. Дѣлается это съ тою же цѣлью, что и ежегодный торжественный обрядъ, совершаемый въ исходѣ года [1]). Такова таинственная связь между кавказскими героями, прикованными къ горамъ и обрядовыми ударами кузнецовъ. Я привлекъ эти обрядовые удары кузнецовъ, какъ возможную параллель къ началу сказокъ Аѳанасьева, Чубинскаго и Потанина. Разсказы о кузнецахъ, бившихъ молотомъ по изображеніямъ черта, не есть ли разсказы объ *обрядовыхъ* ударахъ кузнецовъ? Нѣкоторый намекъ на обрядность можно видѣть въ томъ, что кузнецъ колыванскаго разсказа билъ черта обязательно при входѣ и при выходѣ изъ кузницы, а у Чубинскаго указано и число ударовъ—три. Правда, наши сказки не знаютъ ничего о чертѣ, закованномъ въ цѣпи, которыя надо укрѣплять ударами молота, онѣ, быть можетъ, забыли объ этой подробности, увлекшись разсказами о мщеніи черта; но легенды о закованномъ чертѣ съ подробностями, близко соприкасающимися съ деталями кавказскихъ преданій, существуютъ въ обиходѣ нашей демонологіи. Такъ, у Чубинскаго [2]) находимъ такой разсказъ: черти при началѣ свѣта „сталы ставыть пекло на людей, и—отъ началы воны его ставыть и нiякъ не моглы ёго кончыты. Якъ скажуть на велыкдень „Хрыстосъ воскресе", то пекло заразъ и разсыпется. Зробыли воны таке зализо на Хрыста, и разъ ишовъ Хрыстосъ дорогою и зайшовъ до пекла. Старый чортъ и просыть ёго, щобъ надивъ на себе те зализо. Хрыстосъ загадавъ ёму попереду надиты. Чортъ якъ улизъ, то Хрыстосъ такъ и заклявъ ёго до страшного суду. Чортъ и теперъ грызе те зализо, и якъ уже перегрызае, то тутъ и скажуть „Хрыстосъ воскресе", а зализо зновъ зробыться таке, якъ и було". Здѣсь слова „Христосъ воскресе" имѣютъ та-

---

[1]) Ibid. 109. Ср. сказаніе о Дегіалѣ изъ сборника „1001 день" въ ст. г. Кузьмичевскаго „Шолудивый Буняка въ украинскихъ народныхъ сказаніяхъ". Кіевск. Стар. 1887, VIII, 711--712.

[2]) Труды, I, 195.

Digitized by Google

кую же магическую силу, какъ удары молотомъ въ кавказскихъ преданіяхъ. Если наше предположеніе о томъ, что колыванская сказка съ ея варіантами сохранила память объ обрядовыхъ ударахъ кузнецовъ, имѣющихъ цѣлью защитить отъ козней дьявола, имѣетъ основаніе, то сказки эти слѣдуетъ привлечь къ объясненію роли Касьяна въ мотивахъ съ молотомъ. Быть можетъ, въ связи съ общимъ демоническимъ обликомъ Касьяна, эти мотивы объяснятся памятью объ обрядовыхъ кузнечныхъ ударахъ. Весьма вѣроятно, что на основаніи лубенскаго повѣрья, разсказывающаго, что Касьянъ сидитъ на стулѣ *неподвижно*, мы имѣемъ право подозрѣвать существованіе сюжетовъ о Касьянѣ *прикованномъ*. Перестановка дѣйствующихъ лицъ, заставляющая Касьяна то фигурировать въ роли молотобойца, то самому ложиться подъ молотъ дьявола, врядъ ли должна особенно останавливать наше вниманіе; разрисовывая образъ Касьяна чертами, взятыми изъ обихода демонологіи, народная память останавливалась, главнымъ образомъ, на связи между ударами молота и дѣйствіемъ губительной силы, мало обращая вниманія на другія подробности, которыя и сдѣлались неустойчивыми.

Что касается роли молота въ народной демонологіи, то, боясь отвлечься слишкомъ далеко въ сторону, я позволю себѣ только замѣтить, что удары молотомъ въ качествѣ предохранительнаго средства отъ дѣйствія злой силы соприкасаются съ обширной областью люстраціонныхъ, очистительныхъ обрядовъ, состоящихъ въ ударѣ палками, розгами, вѣтвями и т. д. [1]) и что многочисленность обрядовъ, повѣрій, примѣтъ, связанныхъ съ кузнечнымъ дѣломъ, свидѣтельствуютъ о томъ громадномъ значеніи, которое имѣло когда-то это дѣло. Стоитъ вспомнить хотя бы въ высшей степени характерный разсказъ, сохраненный намъ Ренаномъ въ воспоминаніяхъ о его родной Бретани. Больного ребенка, разсказываетъ Ренанъ, привели къ часовнѣ святого, исцѣлявшаго отъ лихорадки;

[1]) Этихъ люстраціонныхъ ударовъ довольно подробно касается г. Эйманъ въ изслѣдованіи „Легенды о римскихъ царяхъ“, говоря о преданіяхъ и обрядахъ, связанныхъ съ именемъ Мамурія. (Ж. М. Н. П. 1895, V, 35 — 39). Къ области этихъ же люстраціонныхъ обрядовъ надо отнести молотъ въ нѣкоторыхъ заговорахъ, напр., у Хаханова, l. c., 128, 132.

Digitized by Google

туда же явился и кузнецъ со всѣми орудіями своего ремесла. Раскаливъ желѣзо, кузнецъ приблизился къ статуѣ святого съ требованіемъ исцѣлить больного, грозя въ противномъ случаѣ „подковать“ непокорнаго святого. Требованіе было исполнено, ребенокъ выздоровѣлъ [1]).

Заканчивая свои замѣчанія о роли Касьяна въ сюжетахъ съ молотомъ, я хотѣлъ бы еще напомнить, что Касьянъ бьющій дьявола, не стоитъ одиноко въ матеріалѣ народной агіографіи. Въ брошюрѣ „X археологическій съѣздъ въ Ригѣ“ есть вопросъ г. Четыркина: св. Никита изображается на древнихъ крестахъ и образахъ бьющимъ дьявола или держащимъ его на цѣпи, или же готовящимся возложить на дьявола цѣпь. Одно изъ такихъ изображеній, о которыхъ говоритъ г. Четыркинъ, имѣется въ Московскомъ Историческомъ музеѣ [2]). Это мѣдная маленькая икона, принадлежащая къ числу такъ называемыхъ змѣевиковъ. На оборотной сторонѣ иконы изображена голова, окруженная змѣями и Ѳедоръ Тиронъ, на лицевой—св. Никита, поборающій дьявола. Святой держитъ дьявола за чубъ, замахивается палицей; въ рукахъ у дьявола находится какое-то переломившееся орудіе [3]). Будущему изслѣдователю преданій о Касьянѣ, вѣроятно, придется привлечь св. Никиту, поборающаго дьявола, а также свв. Косьму и Даміана [4]), для объясненія мотива о Касьянѣ-молотобойцѣ.

По словамъ лубенскаго повѣрья, у Касьяна такія длинныя рѣсницы, что достигаютъ до колѣнъ; изъ-за этихъ рѣсницъ онъ не видитъ божьяго свѣту; только разъ въ четыре года, 29 февраля, въ високосный годъ, по утру онъ подни-

---

1) Renan, Souvenirs d'enfance et de jeunesse, p. 86.

2) По каталогу втор. изд. 1893 г.—зала 7, № 14—15 (стр. 540 каталога).

3) Быть можетъ, древнія изображенія св. Никиты стоятъ въ связи съ отреченнымъ житіемъ этого святого; по тексту, напечатанному Тихонравовымъ (Пам. стар. отреченной литературы, II, 112), въ этомъ житіи имѣется такое мѣсто: „... простре же блаженный руку свою ятъ дьявола и поверже подъ собою и наступи на шею его и задави... и снемъ оковы яже бѣху на ногу его и бьяше дьявола оковами и т. д. (acta „fabulosa“ болландистовъ—aass, Sept., IV, 12—въ подробностяхъ схожи съ нашимъ отреченнымъ житіемъ).

4) Любопытно, что Никита въ отреченномъ житіи тоже названъ *врачомъ*. Въ aass онъ тоже однажды явился „tamquam medicus cum ferro et medicamine“.

Digitized by Google

маетъ рѣсницы и оглядываетъ міръ; на что онъ тогда глянетъ, то погибаетъ. Украинской демонологіи знакомъ такой образъ: таковъ, прежде всего, Вій, народный разсказъ о которомъ далъ сюжетъ для повѣсти Гоголя, а затѣмъ шелудивый Бунякъ или Буняка. Преданія о Бунякѣ [1]), войдя въ различныя соединенія то со сказочными мотивами (наприм., мотивъ о разборчивой невѣстѣ), то съ дуалистическими вѣрованіями о сотвореніи міра, въ большинствѣ случаевъ рисуютъ „шолудиваго“ Буняка чудовищемъ, глаза котораго имѣли такія вѣки (иногда—брови), что двое человѣкъ подымали ихъ вилами, если онъ хотѣлъ что-нибудь видѣть [2]); взглядъ его страшенъ, и гибнетъ все, на что онъ взглянетъ, даже самъ онъ, увидѣвъ себя въ зеркалѣ, отъ ужаса проваливается подъ землю [3]). Этотъ мотивъ о Бунякѣ, провалившемся подъ землю или вросшемъ въ землю, повторяется во всѣхъ почти преданіяхъ о немъ. По мнѣнію г. Кузьмичевскаго, Буняка, проваливающійся сквозь землю, замѣнилъ собою сатану, черта другихъ, болѣе полныхъ разсказовъ; очевидно, длинныя вѣки или рѣсницы, закрывающія глаза,—общее мѣсто народной демонологіи и, какъ такое общее мѣсто, прикрѣпились къ Касьяну.

Св. Касьяну празднуютъ три четверга: на седмицкой, на масляной и на святой. Четвертокъ на троицкой недѣлѣ Касьяну, чтобы не перекосилъ. Относительно пріуроченія празднованія Касьяну къ четвергамъ слѣдуетъ замѣтить, что четвергъ вообще принадлежитъ къ числу дней нехорошихъ, тяжелыхъ. Въ „Мѣсяцесловѣ“ Далева словаря [4]) находимъ такую отмѣтку: четвертокъ—перечитъ, а статья Siarkowsk'aго [5]) сообщаетъ, что „koło Pińczowa utrzymuje lud, że djabel, nazwany tu Judaszem, w każden czwartek największą ma moc nad

---

[1]) Ихъ подробно изслѣдовалъ г. Кузьмичевскій въ названной уже выше статьѣ, помѣщенной въ VIII и X кн. „Кіевск Старины“ за 1887 г. Преданій о Бунякѣ касается и г. Ждановъ въ статьѣ о „Князѣ Романѣ“—Былевой эпосъ, 442—453.

[2]) Кузьмичевскій, о. с., К. С. 1887. VIII, 692.

[3]) Ждановъ, l. c. 452.

[4]) Даль. Толковый Словарь, 973—974.

[5]) Zbiór wiadomości, IX, 65.

Digitized by Google

ludźmi". Максимовичъ [1]) сообщаетъ, что „въ каждый четвергъ въ году не должно, во-первыхъ, трусить сажи на печахъ, чтобы она не загорѣлась; во-вторыхъ, не сновать пряжи на сновницахъ, ни накидывать новой основы на ткацкій станъ—иначе будетъ сновать черезъ дворъ скажéная собака". Четверги на исходѣ каждаго мѣсяца тоже замѣчательны: это самые благопріятные дни для выливанія переполоху. Что касается четверговъ троицкаго и великаго, то эти четверги слывутъ въ народѣ днями особенно тяжелыми. Тотъ же Максимовичъ сообщаетъ, что «на Украйнѣ всѣ четверги, отъ чистаго (великаго) и до вознесенскаго, почитаются неблагопріятными днями какъ для выѣзда въ великую дорогу, такъ и для начатія какого-нибудь значительнаго дѣла [2]). Въ свѣтлый четвергъ выпущенные съ того свѣта мертвецы не боятся ни креста, ни молитвы, и если завидятъ живого человѣка, то душатъ его до смерти; еще опаснѣе бываютъ „мавки" и русалки въ троицкій или „зеленый" четвергъ; чтобы не разсердить ихъ, женщины и дѣти ничего не работаютъ въ этотъ день [3]). Въ великій четвергъ оканчиваютъ дѣлать тѣ ворота, которыя тайкомъ отъ всѣхъ надо мастерить во весь постъ по четвергамъ, начиная съ первой недѣли. Въ великій четвергъ эти ворота ставятъ въ незамѣтномъ мѣстѣ, вечеромъ садятся около нихъ и наблюдаютъ. Вѣдьма, идя дорогой, не можетъ миновать этихъ воротъ и должна перелѣзть черезъ нихъ, тогда ее можно узнать [4]). Такимъ образомъ, четверги вообще, а великій и троицкій особенно, отмѣчены въ народномъ календарѣ какъ дни, въ которые нечистая сила особенно сильно заявляетъ о своемъ существованіи; тѣмъ характернѣе народное пріуроченіе памяти Касьяна къ этимъ днямъ. Рядомъ съ четвергами троицкимъ и великимъ народный календарь посвящаетъ Касьяну еще и четвергъ на масляной недѣлѣ. Не явились ли эти *три* четверга, посвящен-

---

[1]) Максимовичъ. Дни и мѣсяцы украинскаго селянина, соч. т. II, 502—503.
[2]) Ibidem.
[3]) Чубинскій. Труды, III, 185.
[4]) Ibidem, 15.

Digitized by Google

ные Касьяну, наивнымъ дополненіемъ календаря народнаго къ календарю церковному, празднующему Касьяну лишь разъ въ четыре года?[1]).

III.

Въ началѣ этой замѣтки я раздѣлилъ весь тотъ матеріалъ, который мы имѣемъ о Касьянѣ, на двѣ группы: къ одной я отнесъ тѣ преданія и повѣрья, въ которыхъ на первомъ мѣстѣ стоитъ разсказъ о демонической силѣ Касьяна, ко второй тѣ преданія, которыя главнымъ образомъ заняты вопросомъ, почему Касьяну празднуютъ разъ въ четыре года. (Изъ того матеріала, которымъ я пользовался, одинъ только бѣлорусскій разсказъ съ его характернымъ заключеніемъ можетъ быть помѣщенъ въ той и въ другой группѣ). Думаю, что я имѣлъ нѣкоторое право на такое дѣленіе: въ то время какъ разсказы второй группы о празднованіи Касьяну разъ въ четыре года, хотя и носятъ отпечатокъ русскаго народнаго юмора, все же несомнѣнно восходятъ къ греческому, пока неизвѣстному намъ, оригиналу,—разсказы первой группы о Касьянѣ демонѣ, молотобойцѣ, Віѣ — не что иное, какъ loci communes, народной демонологіи, прикрѣпившіяся къ Касьяну. Вопросъ о томъ, почему эти loci communes прикрѣпились къ личности Касьяна, будетъ однимъ изъ основныхъ вопросовъ, съ которыми придется считаться будущему изслѣдователю преданій о Касьянѣ. Быть можетъ, окажется, что народное воображеніе не менѣе, чѣмъ благочестивая мысль

---

[1]) Въ Корежемскихъ святцахъ 1621 г. (Собр. Ундольскаго, № 237) читаемъ подъ 29 февраля: „подобаêтъ вѣдати яко аще прилучится февраля въ кн҃ день случится служба Касіяна поêтся на пáвечерни. Ащеж прилучится н҃ѳ тогда поêтся служба святаго якоже и протчимъ. Стіиже отцы повелѣша пѣти службу его на д лѣто помянути“ (л. 139). А.Н. Веселовскій отмѣчаетъ подобное же свѣдѣніе о св. Ѳеостириктѣ изъ пергам. Еванг. XIC в.: „отца Феостерикта сего поминають на д—е лѣ“ (см. указанную выше рецензію на книгу Гастера, Ж. М. Н. П., 1888, III).

Digitized by Google

византійскаго книжника, было поражено личностью святого, которому празднуютъ разъ въ четыре года, и само, безъ вліянія книги и книжнаго преданія, надѣлило Касьяна демоническимъ обликомъ, относя къ вліянію этого святого всѣ невзгоды, которыя обыкновенно связываются съ високоснымъ годомъ [1]); можетъ случиться и другое,—быть можетъ, книжное преданіе,пока еще неизвѣстное, нарисуетъ намъ Касьяна такими чертами,которыя можно будетъ поставить въ непосредственную связь съ Касьяномъ-демономъ народныхъ разсказовъ.

Мнѣ кажется, что то немногое, что мы знаемъ о Касьянѣ изъ упомянутаго уже выше хлудовскаго текста, изданнаго г. Лопаревымъ, указываетъ намъ, куда должны мы направить наши поиски книжныхъ преданій о Касьянѣ. Житіе Касьяна надо искать въ томъ отдѣлѣ агіографіи, который занятъ разсказами объ обращеніи ко Христу невѣрныхъ, язычниковъ, поганыхъ. Типичными примѣрами для этой группы будутъ житія Христофора и Варвара. А. Н. Веселовскій въ статьѣ «Хананеи-кинокефалы и иконографическія изображенія св. Христофора» [2]) подробно излагаетъ сказанія объ этомъ святомъ, котораго знаетъ и славянскій прологъ, добавляющій, что до крещенія имя Христофора было Репревъ. Приводимыя Веселовскимъ сказанія не скупятся на краски для изображенія ужасной наружности Христофора. У него глаза съ необыкновеннымъ блескомъ, страшные зубы. Когда онъ изъ за своихъ сгущенныхъ на лицо косматыхъ волосъ взглянулъ на дѣвушку, вошедшую въ садъ, она ушла пятясь ὡς ἀπὸ πρόσώπου δράκοντος.

При видѣ Христофора чуть не упалъ со страха царь Декій, къ которому привели святого. Во всѣхъ почти сказаніяхъ есть одна подробность: Христофоръ, inter feras nutritus, по выраженію Якова de Voragine, чудеснымъ образомъ полу-

---

1) Високосные годы издавна считаются годами всякихъ несчастій. См. указанія у Калинскаго, l. c. Въ поэтической формѣ это воззрѣніе выражено въ якутской пѣснѣ — импровизаціи. См. Верхоянскій сборникъ Худякова, 19. Ср. также „Этн. Обозр.“ XXI кн. стр. 188, стат. Дикарева. Въ уставѣ митр. Георгія по списку троицкому, напеч. у Голубинскаго въ „Исторіи русской церкви“, т. I, стр. 519, читаемъ: недостойно високосного лѣта блюсти.

2) Ж. М. Н. П. часть CCXLI, отд. 2, 189.

Digitized by Google

даръ слова или, въ тѣхъ легендахъ, которыя рисуютъ его болѣе человѣкоподобными чертами, научается говорить по-гречески „Οὐκ ἠδύνατο τῇ ἡμετέρᾳ διαλέκτῳ λαλεῖν", сообщаетъ одна легенда. Мужъ въ лучезарной одеждѣ коснулся устъ Репрева, и онъ заговорилъ [1]). Что касается Варвара, „иже бѣ разбойникъ", какъ отмѣчается онъ въ святцахъ, то его наружный видъ житія обрисовываютъ не такими рѣзкими чертами, какъ наружность Христофора, но и относительно Варвара, сообщается, что Θροῦς τις ὡςπερεὶ θηριώδης καὶ δύσηχος φωνοῦντος αὐτοῦ προεφέρετο [2]). Выйдя изъ храма, передъ которымъ находился Варваръ, этотъ ὅ τοῦ Σατὰν τρόφιμος, пришедшій сюда первоначально съ цѣлью убить священника, пресвитеръ увидѣлъ разбойника „ἄγριον ὁρῶντα, ἀγριώτερον βοῶντα, ἄναρθρά τε καὶ ἄσημα τὸ πλέον φθεγγόμενον· βαρβαρικῶς γὰρ ἐξηχεῖτο. καὶ τὸ διὰ χρόνου ἑλληνίσαν αὐτῷ τῆς γλώττης". Вспомнимъ теперь нашего Касьяна, который стоялъ за литургіей „въ свѣтках демонскихъ". Василій Великій ударилъ его въ голову животворящимъ крестомъ, и „вообразись знамение крестное на челѣ его. И бѣша Касьянъ изъ церкви. И узрѣша дѣмони то знаменіе крестное на немъ, и отъ того нача огнь попаляти бѣсы; дѣмони же бѣжаша отъ Касияна во свой полкъ, а Касияна не пріимаша; *онъ же скитаясь по градцкимъ улицамъ и не умѣяше никоторымъ языкомъ глаголати.... И по молєнію святаго Василія отверзе ему Богъ языкъ*, и научи Василій его грамотѣ и постави его въ четцы; а потомъ бысть просвитеръ и епископомъ поставленъ бысть". Нельзя ли предположить, что этотъ эпизодъ о нашемъ святомъ, не умѣвшемъ „никоторымъ языкомъ глаголати" и только по молитвѣ получившемъ даръ слова, также связанъ съ неизвѣстными еще намъ подробностями житія Касьяна, какъ аналогичные

[1]) Любопытную параллель къ тому, что говорится о Касьянѣ въ началѣ Худовской рукописи, представляетъ одна западная легенда, придѣлавшая къ житію Христофора своеобразное введеніе; это введеніе сообщаетъ, что Христоферъ родился послѣ долгаго неплодія родителей; онъ былъ великанъ, обжора, страшный силачъ. Въ поискахъ властителя, сильнѣе котораго нѣтъ на свѣтѣ, Христоферъ скитается по свѣту, попадаетъ къ дьяволу и т. д. (Веселовскій, о. с., 202).

[2]) *Ἀνάλεκτα Ἱεροσολυμιτικῆς σταχυολογίας.... τόμος Α'*, XVIII, слово Константина Акрополита о Варварѣ, стр. 412.

Digitized by Google

эпизоды въ житіяхъ Христофора и Варвара связаны съ происхожденіемъ этихъ святыхъ? Нельзя ли предположить, что между житіемъ Касьяна, о которомъ мы такъ немного узнаемъ изъ Хлудовской рукописи, и житіями Христофора и Варвара было что-нибудь общее, хотя бы, напримѣръ, нравоучительная идея о томъ, что вѣра можетъ обратить къ Богу всякаго человѣка, каково бы ни было его происхожденіе и какъ бы ни была грѣшна и преступна его прошлая жизнь [1]). Разумѣется, той единственной черты сходства между житіями Христофора и Варвара съ одной стороны и Касьяна съ другой, на которую мы только что указали, очень мало для того, чтобы отнести житіе Касьяна къ типу житій Варвара и Христофора; придется подождать болѣе подробныхъ свѣдѣній о Касьянѣ. Впрочемъ, есть еще одно основаніе думать, что между житіемъ Касьяна и Варвара есть какая-то связь, — это указаніе восточнаго мѣсяцеслова, который часто календарными совпаденіями указываетъ на связь между житіями двухъ святыхъ. Корежемскія святцы, 1621 г. [2]), подъ 6 мая, днемъ памяти св. Варвара, „иже бѣ разбойникъ“, помѣщаютъ и „Касияна епископа“, и мѣсяцесловъ при греческомъ Апостолѣ XI—XII в. въ Моск. Дух. Акад. подъ 29 февраля отмѣчаетъ Варвара [3]). „Касіянъ епископъ“, отмѣченный въ

---

[1]) Не лишнимъ будетъ замѣтить, что житіе Варвара, примыкая съ одной стороны къ типу житій, разсказывающихъ объ обращеніи невѣрныхъ, съ другой стороны соприкасается съ разсказами объ евхаристическомъ чудѣ, каковы, напр., преданія объ Амфилохѣ (Веселовскій, Разысканія, V, гл. XVII, онъ же, Ж. М. Н. П. часть CCLXII, отд. II, 370—382). Касьянъ съ демонами, присутствующіе въ церкви во время литургіи напоминаютъ тѣхъ „темныхъ ангеловъ“ легенды объ Амфилохѣ, которые „обымѣтаютъ іерея сѣтми, хотяще прельстити его“ (Веселовскій, Ж. М. Н. П. l. c., 371).

[2]) См. выше, примѣч. на стр. 15.

[3]) Сергій. Полный мѣсяцесловъ Востока, т. II, 53. Варваръ помѣщенъ подъ 29 февраля въ отдѣлѣ, помѣченномъ цифрою IV, т. е. въ ряду тѣхъ святыхъ, которые, находясь въ древнихъ рукописныхъ памятникахъ восточной церкви, не находятся уже въ полныхъ печатныхъ греческихъ и славянскихъ мѣсяцесловахъ. Тутъ же помѣщены имена святыхъ безъ всякихъ свѣдѣній о нихъ. Быть можетъ, это имена извѣстныхъ святыхъ, перенесенныхъ на тѣ дни съ другихъ дней года, но нѣтъ признаковъ, за какихъ святыхъ съ подобнымъ именемъ считать ихъ, ибо одноименныхъ святыхъ не мало. Сергій, l. c., II, II.

Digitized by Google

Корежемскихъ святцахъ подъ 6 мая, вызываетъ сомнѣнія у составителя мѣсяцеслова; онъ спрашиваетъ, не нужно ли здѣсь поставить Сильвана епископа (4 и 5 мая). Впрочемъ, продолжаетъ авторъ мѣсяцеслова, „есть Кассіаны епископы и мученики въ 4 в. въ Италіи". Позволю себѣ напомнить, что Хлудовская рукопись, носящая въ заголовкѣ имя „Касияна Римлянина", въ концѣ говоритъ уже о Касьянѣ „епископѣ". Такое же чередованіе могло быть допущено и въ святцахъ, такъ что нѣтъ ничего невѣроятнаго, что корежемскіе святцы подъ 6 мая отмѣчаютъ того же Касьяна, что и 29 февраля. Итакъ, мѣсяцесловъ какъ будто указываетъ на какую-то связь между житіями Варвара и Касьяна. Случайны или нѣтъ указанія мѣсяцеслова, можно будетъ рѣшить опять таки только тогда, когда мы подробнѣе узнаемъ житіе Касьяна.

Въ заключеніе настоящей замѣтки позволю себѣ еще одно замѣчаніе относительно одиноко стоящаго въ нашихъ былинахъ имени Касьяна. Касьянъ Михайловичъ фигурируетъ въ былинѣ „О сорока каликахъ съ каликою" [1]) въ качествѣ атамана каличьяго круга; у него податаманье — родной братъ Михайло Михайловичъ. Въ другой былинѣ „О сорока каликахъ съ каликою", записанной въ Шенкурскомъ уѣздѣ [2]), атаманъ каличьяго круга „Михайлушка Касьяновъ". Послѣдняя былина кончается насильственной смертью атамана, котораго, благодаря кознямъ Апраксіи, обвиняютъ въ кражѣ чаши. Первая былина представляетъ болѣе развитое содержаніе. Касьянъ, зарытый въ землю, не погибъ: возвращаясь изъ Іерусалима, товарищи находятъ его невредимымъ. По дорогѣ калики заходятъ снова въ Кіевъ. Касьянъ исцѣляетъ княгиню Апраксію, которая, въ наказаніе за свое коварство „лежала въ сраму полгода".

Молодой Касьянъ сынъ Михайловичь
А и дунулъ духомъ святымъ своимъ
На младу княгиню Апраксѣевну
Не стало у ней того духу, пропасти;
Оградилъ ее святой рукой,
Прощаетъ ее плоть женскую.

---

1) Кирѣевскій, III, 90 (Кирша Даниловъ).
2) Кирѣевскій, III, 81.

Digitized by Google

Можно думать, что Кирша Даниловъ, сохранившій въ такомъ стройномъ видѣ содержаніе былины, сохранилъ въ цѣлости и первоначальное имя героя. Михайлушка Касьяновъ первой былины явился какъ плодъ реминисценцій атамана Касьяна Михайловича и податаманья Михайла Михайловича, брата Касьяна[1]).

Собираясь въ путь „во ту ли пустыню во Данилову“ или „ко святому граду Іерусалиму“, калики „кладутъ заповѣдь великую“.

Еще кто изъ насъ, изъ сорока каликъ,
Котора калика заворуется,
Котора калика заплутуется,
Котора обзáрится на бáбицу,—
Отвести того, дородна добра молодца,
Отвести далеко во чисто поле:
Копать ему ямище глубокое,
Зарывать его во сыру землю,
Во сыру землю по бѣлымъ грудямъ.
Чистъ-рѣчистъ языкъ вынять теменемъ,
Очи ясныя—косицами,
Ретиво сердце промежду плечей
Казнена дородна добра молодца
Во чистомъ полѣ оставити.

Очевидно, прошлое этихъ удалыхъ молодцовъ было таково, что нужна была извѣстная сдержка, „заповѣдь великая“. Вообще, они мало похожи на смиренныхъ богомольцевъ. Когда они, напримѣръ, „скричали зычнымъ голосомъ“:

Дрогнетъ матушка сыра земля,
Съ дерсвъ вершины попадали,
Подъ княземъ конь окарачился,
А богатыри съ коней попадали.

При такомъ описаніи каликъ вспоминаешь не смиренныхъ паломниковъ-богомольцевъ, а скорѣе буйнаго Ваську Бусла-

---

1) Въ былинѣ „Сорокъ каликъ съ каликою“, напечатанной въ „Русскихъ былинахъ старой и новой записи“, изд. подъ редакц. Н. С. Тихонравова и В. Ѳ. Миллера (№ 68, II) главнымъ дѣйствующимъ лицомъ является „Михайло сынъ Михайловичъ“, но въ числѣ каликъ есть одинъ называющійся „Касьянъ сынъ Ивановичъ“.

Digitized by Google

ева съ его ватагой. Онъ, вѣдь, тоже ходилъ въ Іерусалимъ, рѣшивъ, что

Съ молоду бито много, граблено,
Подъ старость надо душа спасти [1]).

Если наше предположеніе о томъ, что житіе Касьяна принадлежитъ къ тому же типу, что и житіе Варвара, весь смыслъ котораго лежитъ въ противоположности великихъ прегрѣшеній Варвара - разбойника и его необыкновенныхъ покаянныхъ подвиговъ [2]), если предположеніе это имѣетъ за себя нѣкоторыя основанія, то появленіе имени Касьяна въ былинѣ „О сорока каликахъ съ каликою", нельзя, пожалуй, счесть случайнымъ: оно легко могло зайти въ былину изъ житія, когда понадобилось окрестить атамана каличьяго круга, идущаго замаливать грѣхи буйной молодости. Такому заимствованію было тѣмъ удобнѣе совершиться, что былина „О сорока каликахъ съ каликою" стоитъ какъ бы на межѣ, отдѣляющей собственно былины отъ духовныхъ стиховъ. Нельзя ли видѣть нѣкоторый намекъ на такое происхожденіе имени Касьяна въ былинѣ въ тѣхъ словахъ ея, которыя говорятъ:

А и *дунулъ духомъ святымъ своимъ*
Оградилъ ее *святой* рукой.

Отчего это духъ, дуновеніе Касьяна стало святымъ? Вѣдь, онъ даже не былъ со своими товарищами въ Іерусалимѣ. При условіи вліянія житія на былину, прямо или посредствомъ духовнаго стиха, эти слова объясняются легко.

Н. Мендельсонъ.

---

[1]) Кирша Даниловъ, № XVIII, стр. 169.

[2]) Это видно, напр., изъ заглавія житія Варвара, напечатаннаго г. Лопаревымъ по ркп. Торжественнику XVI в. (Описаніе рукописей Императорскаго Общества любителей древней письменности, ч. I, № CLXXXV, 344 — 346): «Слово о Варварѣ разбойницѣ, како приведе его Богъ на покаянье".

Digitized by Google

Этнографическіе матеріалы, собранные въ Купянскомъ у. Харьковской губ.

I.

Примѣты и повѣрья, относящіяся къ беременности и къ рожденію дѣтей.

Въ крестьянской семьѣ женщина и въ періодѣ беременности не освобождается отъ обычныхъ работъ. Она носитъ воду и дрова, топитъ печи, доитъ коровъ, моетъ бѣлье, работаетъ въ огородѣ и въ полѣ. Молодая женщина, готовящаяся быть матерью, исполняетъ и въ этомъ положеніи всѣ обыденныя женскія работы; гигіеническія же требованія существуютъ для нея только въ видѣ соблюденія установленныхъ обрядовъ и обязательнаго знанія относящихся сюда повѣрій и примѣтъ.

Не входя въ обсужденіе вопроса о раціональности тѣхъ и другихъ, приведемъ изъ нихъ наиболѣе распространенныя и общеизвѣстныя.

Молодая женщина, несущая въ ведрахъ воду, не должна давать пить одновременно изъ обоихъ ведеръ, въ противномъ случаѣ она родитъ двойни.

Для легкихъ родовъ беременная женщина должна спать на овечьей шубѣ, а въ послѣднемъ періодѣ беременности совѣтуютъ имѣть при себѣ образокъ великомученицы Варвары.

Нѣкоторыя дѣйствія и поступки беременной женщины вліяютъ, по мнѣнію народа, извѣстнымъ образомъ на физическія и нравственныя качества будущаго человѣческаго существа, а потому относящіяся сюда примѣты должны быть извѣстны молодой замужней женщинѣ.

Digitized by Google

При какой работѣ почувствуетъ она въ первый разъ трепетаніе ребенка, въ такомъ родѣ занятій будетъ ему удача въ жизни. Напримѣръ, если это случится во время дачи корма скоту, то предвѣщается счастье въ скотоводствѣ; если — на рѣкѣ, то будетъ счастливый рыболовъ, морякъ, торговецъ рыбою.

Зачатый подъ праздникъ будетъ уродъ.

Зачатый „пидъ краску", во время мѣсячныхъ очищеній, будетъ красивъ.

Если беременная женщина что-нибудь уворуетъ, то на тѣлѣ младенца будетъ темное „родимое" пятно, формою украденной вещи.

Также, если, испугавшись пожара, схватится за лицо рукою, на лицѣ ребенка будетъ родимое пятно.

Перейдетъ ли дорогу, когда несутъ покойника, на тѣлѣ ребенка неизбѣжно будутъ родимыя пятна, потому что кровь у него запечется.

Беременная не должна на себѣ ничего зашивать или пришивать къ надѣтому платью, иначе у ребенка будетъ какой-либо изъ членовъ тѣла его пришитъ.

— Не должна толкать ногою кошекъ, собакъ, свиней, иначе у ребенка будутъ на тѣлѣ нарывы (г. Купянскъ), или спина болѣть (сл. Ново-Екатеринославль).

— Не должна переступать черезъ веревку, иначе ребенокъ родится перевитый пуповиной.

— Не должна переступать черезъ коромысло, а то у ребенка да и у нея самой будутъ на ногахъ нарывы. Чтобы избавиться отъ такихъ нарывовъ, слѣдуетъ приложить къ нимъ глею (глины), замѣшаннаго на той водѣ, въ которой было вымыто бѣлье съ слѣдами перваго мѣсячнаго очищенія дѣвушки. Въ нѣкоторыхъ семействахъ матери нарочито хранятъ эту воду для сказаннаго употребленія.

— Не должно носить щепокъ въ передникѣ, потому что между щепками можетъ попасться клинъ, а въ такомъ случаѣ у ребенка будетъ „гила".

— Не слѣдуетъ бросать дровъ подъ печку, а то сонная броситъ ребенка.

Digitized by Google

— Не слѣдуетъ беременной „трусить“ сажи и лазить въ печь, иначе ребенокъ будетъ страдать „удушіемъ“.

— Проходя мимо падали, не слѣдуетъ закрывать носа, чтобы у ребенка не было дурнаго запаха изо рта.

Не должна выплескивать черезъ порогъ воды, а то ребенокъ будетъ страдать рвотой.

— Не должна пить воды прямо изъ ведра, иначе ребенокъ будетъ страдать изжогой.

— Не должна по пятницамъ разчесывать у себя на головѣ волосъ, чтобы не страдать сильно при родахъ.

— Не должна по средамъ мыть головы, чтобы не прибавилось вшей.

Слѣды взгляда на беременную женщину, какъ на нечистое существо, обнаруживаются въ слѣдующихъ повѣрьяхъ:

Если беременная женщина перейдетъ кому дорогу, на того нападутъ чирьи. Это случится неизбѣжно, если беременная будетъ не честная жена, а дѣвка.

Е́сли беременная женщина переступитъ черезъ хомутъ или черезъ сѣдло, то будетъ очень тяжело лошади.

Отправляясь къ роженицѣ, беременная женщина должна взять за пазуху проса и кусокъ желѣза, чтобы не повредить ей.

При чисткѣ колодезя беременная не должна присутствовать, чтобы не испортилась вода въ немъ.

Беременная женщина не можетъ быть воспріемницей (крестить).

Почувствовавъ приближеніе родовъ, роженица посылаетъ за бабкою. Посланный къ бабкѣ не беретъ съ собою ничего, а равно и бабка является безъ хлѣба; но иныя изъ бабокъ приносятъ или проса, которымъ посыпаютъ порогъ, или желѣзную пластинку, которую кладутъ на порогѣ подъ дверь, для предохраненія родильницы отъ „дурного глаза“, или же „іорданскій колъ“, который кладется подъ порогомъ съ тою же цѣлью.

Войдя въ хату къ больной, бабка зажигаетъ страстную свѣчу и лампаду передъ иконами, потомъ начинаетъ молиться Богу, читая большею частью слѣдующія молитвы: Во имя Отца, Отче нашъ, Вѣрую и Да воскреснетъ Богъ; если же

Digitized by Google

этой послѣдней молитвы не знаетъ, то читаетъ (въ сл. Двурѣчной): „Воскресный Богъ, воскресна молитва. Самъ ты, Господи, воскресился, воскреси и намъ младенца!". Всѣ эти молитвы читаются девять разъ.

При трудныхъ родахъ бабка отыскиваетъ счастливое мѣсто, водя для этого больную по разнымъ мѣстамъ въ хатѣ, въ сѣняхъ, въ хижкѣ и даже (въ сл. Ново-Николаевкѣ) въ сараѣ, гумнѣ; а для ускоренія и облегченія родовъ прибѣгаетъ къ слѣдующимъ средствамъ: вынимаетъ изъ ушей больной серьги, снимаетъ съ пальцевъ кольца, развязываетъ вездѣ узлы, отпираетъ въ сундукахъ замки и растворяетъ всѣ двери. Снимаетъ икону, благословенную, обмываетъ ее водою и даетъ этой воды пить больной.

Сдвигаетъ съ мѣста столъ и лавки. Отодвинувъ на середину хаты столъ, обводитъ больную вокругъ него три раза и заставляетъ ее брать и ѣсть каждый разъ по грудочкѣ соли изъ насыпанныхъ по четыремъ угламъ стола кучекъ.

Переводитъ больную черезъ положенный на землѣ пустой мѣшокъ или же поясъ; заставляетъ переступать (въ сл. Ново-Глуховѣ) черезъ нижнее бѣлье мужа, а иногда даже и черезъ самого мужа, который для этого ложится на землю спиною вверхъ.

Заставляетъ больную повторять за собою слѣдующія слова (въ сл. Кабаньей): „Прости меня, бѣлый свѣтъ! Прости меня, матушка сырая земля! Я по тебѣ ходила, много грѣховъ творила: одну душу прости, а другую на свѣтъ пусти!".

При недѣйствительности этихъ средствъ, обращаются къ священнику, просятъ его прочесть „разрѣшительныя" молитвы, а главное—растворить въ церкви царскія врата.

Полагаютъ, что когда много народа знаетъ о родахъ, — роды бываютъ всегда трудны.

Принявъ ребенка, повивальная бабка креститъ его и три раза читаетъ молитву: Во имя Отца..., и если новорожденный не плачетъ, то хлопаетъ его слегка рукою, чтобы заплакалъ. Если новорожденный задыхается, она гукаетъ, т. е. кричитъ ему на ухо имя отца — мальчику, а дѣвочкѣ — имя матери. Если родившійся показываетъ слабые признаки жизни, то бабка произноситъ имена извѣстныхъ ей святыхъ; при

Digitized by Google

произнесеніи какого имени крикнетъ ребенокъ, имя того святого и даютъ ему, о чемъ бабка и заявляетъ священнику, когда приходитъ къ нему за молитвою.

По положенію и виду ребенка, при появленіи его на свѣтъ и по времени рожденія, бабка предугадываетъ судьбу его.

Если ребенокъ родится лицомъ внизъ, то скоро умретъ.

Если ребенокъ родится съ длинными волосами на головѣ,— скоро умретъ;

— съ длинными волосами на рукахъ или на ногахъ,—будетъ счастливъ;

— въ сорочкѣ—будетъ счастливъ;

— перевитой пуповиной—будетъ солдатомъ;

— дочь, похожая на отца, или сынъ, похожій на мать, — счастливы.

Родившійся съ зубами будетъ знахарь, плутъ и все глазитъ.

Якъ постоянно плаче дытына, то воно буде спивлыве и здорове на грудь.

— Якъ все плаче дытына и важка якъ возьмышь іи на рукы, то воно довго ны жытыме, а умре—й году ны пырыжыве.

— Якъ мовчкы все лыжаты ме, – буде выздорове на сылу, сырдыте и скупе.

— Якъ буде дывыця и повыртатыме голову на бокы, — буде знатнык.

— Якъ родыця дытына у ночи пидъ вылыки праздныкы: Риздво, Хрыщеніе, то зъ ёго ны буде добра: буде калика або малоумне (хуторъ Маліевъ).

Родившійся подъ воскресенье будетъ сладострастенъ, похотливъ.

Родившійся подъ понедѣльникъ будетъ вѣдунъ, но для этого слѣдуетъ ему постить по понедѣльникамъ.

Родившійся подъ четвергъ будетъ богатъ.

Родившемуся мальчику слѣдуетъ тотчасъ же дать въ ручку ножъ или кинжалъ, чтобы изъ него вышелъ храбрый воинъ.

При родахъ не слѣдуетъ браться за привѣшенный рушникъ (полотенце), чтобы не приготовить ребенку висѣлицы.

Прежде чѣмъ кормить ребенка грудью, слѣдуетъ дать ему

Digitized by Google

соку изъ плодовъ или краснаго вина, но не воды и не молока, иначе будетъ пьяница.

Родильница ни за что не покормитъ грудью своего ребенка до крещенія его. Если же необходимость указываетъ покормить новорожденнаго, то приглашается для этого посторонняя женщина, которая, не опасаясь никакихъ дурныхъ для себя послѣдствій, можетъ дать ему грудь; для матери же кормленіе грудью некрещеннаго ребенка весьма опасно.

Сюда же можно отнести повѣрье: если мать, отнявши ребенка отъ груди, снова начнетъ кормить его грудью, то изъ этого ребенка выйдетъ современемъ большой воръ.

При рожденіи ребенка ангелъ беретъ каплю крови матери и несетъ на небо; если во время полета онъ упуститъ ее, то, гдѣ эта капля крови упадетъ, тамъ приключится новорожденному смерть: уронитъ каплю въ лѣсъ, новорожденный повѣсится, въ рѣку, въ воду—утонетъ, въ поле на чистую землю—умретъ въ дорогѣ.

Пуповину отрубаютъ у мальчика топоромъ на полѣнѣ, чтобы былъ искусный мастеровой, а у дѣвочки—на гребнѣ, чтобы была хорошей пряхой, и завязываютъ прядевомъ. Впрочемъ въ настоящее время у многихъ крестьянъ отступаютъ уже отъ этого обычая, а просто перерѣзываютъ пуповину ножницами и перевязываютъ красной ниткой.

Прибравъ породилю (родильницу), бабка кладетъ ей подъ головную подушку желѣзный ножъ, съ которымъ больная, въ случаѣ необходимости, и выходитъ изъ хаты; при томъ до девяти дней она можетъ выходить только днемъ, послѣ восхода солнца, а послѣ захожденія солнца она ни въ какомъ случаѣ не должна выходить изъ хаты. Постель, солома, на которой лежала больная, выбрасывается въ свинятникъ. Мѣсто, послѣдъ, вымывается, заворачивается въ чистую бѣлую тряпочку съ житомъ, и закапывается тамъ, гдѣ были роды, въ хатѣ— подъ поломъ, служащимъ вмѣсто кровати, въ клунѣ— въ землю. Мѣсто зарывается пуповиною вверхъ; если же положить и зарыть его пуповиною внизъ или въ сороковой день отрыть его и переворотить, то родильница не будетъ уже послѣ этого больше рожать дѣтей.

Нѣкоторыя изъ бабокъ, при закапываніи мѣста, шепчутъ

Digitized by Google

заговоръ, обращаясь въ немъ съ просьбою къ уразу (маткѣ), чтобы онъ сталъ снова тамъ, гдѣ онъ былъ во время вѣнчанія.

Ребенка купаютъ въ теплой водѣ, въ которую кладется троицкая трава, преимущественно бывшая въ церкви подъ колѣнями священника. Купель потомъ выливается днемъ въ углѣ двора, гдѣ сходятся плетни. По захожденіи солнца не слѣдуетъ выливать воды, въ которой купали ребенка, чтобы не повредить здоровью его.

„Хто купа у ночвахъ дытыну, то ныхай прыглядаеця до него: якъ буде воно ковтаты воду, яка нехотя хлюпнеця на губы, то буде пьяныця, а якъ-же ны ковтатыме тіи воды, то буде ны пьяныця, а робоче и пьяныхъ людей нынавыдитыме“ (сл. Ново-Николаевка).

Скупавъ и спеленавъ ребенка, бабка беретъ его за носъ, причмокиваетъ и говоритъ: будь здоровъ! затѣмъ, заворотивъ въ кожухъ, кладетъ его на лежанкѣ на виду матери, чтобы лукавый не могъ подмѣнить некрещенаго еще ребенка.

Если ребенокъ родится ночью, то до утра долженъ горѣть тамъ огонь, чтобы въ темнотѣ не подмѣнили ребенка.

Изъ того дома, гдѣ есть новорожденный, ни за что ничего не дадутъ: ни денегъ, ни хлѣба, ни вещи; нѣкоторые изъ купцовъ даже не продаютъ изъ лавокъ въ тотъ день.

До 40 дней въ комнатѣ, гдѣ лежитъ новорожденный, должно закрывать окна, потому что ночью лукавый старается заглядывать туда, чтобы наслать на ребенка „крикливци“.

До 40 дней не выносятъ изъ хаты пеленокъ, потому что лукавый крадетъ съ пеленокъ кровь; въ теченіе этого времени пеленки моютъ въ хатѣ, а не на рѣкѣ; но и послѣ 40 дней, при мытьѣ ихъ на рѣкѣ не бьютъ о доску, иначе ребенокъ будетъ болѣть животомъ, вѣтрами.

До шести недѣль не слѣдуетъ прижимать лицо ребенка къ своему лицу, иначе онъ будетъ часто и сильно плакать (сл. Ново-Николаевка).

Подъ кровать родильницы ставятъ на 40 дней новый, опрокинутый дномъ вверхъ горшокъ (сл. Двурѣчная). Туда же ставятъ иногда и кувшинъ съ водою, чтобы у родильницы не было молочной лихорадки (тамъ-же).

Digitized by Google

Молодыя женщины, сосѣдки и знакомыя, узнавъ о благополучныхъ родахъ, являются съ поздравленіями къ родившей и приносятъ ей при этомъ что-нибудь изъ съѣстного. Войдя въ комнату, говорятъ, обращаясь къ родильницѣ: „поздравляю васъ съ сыномъ (дочерью) и съ животомъ. Сяду жъ и я на горячемъ мисти". Садится у ногъ больной, и подавая ей кусокъ хлѣба, продолжаетъ: „нажъ тебѣ кусочекъ та закладай куточекъ!".

Продѣлываютъ все это молодыя женщины для того, чтобы родить самимъ и чтобы и у нихъ роды прошли благополучно.

Бабка идетъ къ священнику за молитвой, а потомъ готовятся къ крестинамъ. Обыкновенно стараются крестить новорожденнаго ребенка въ день его рожденія, чтобы онъ меньше времени находился подъ вліяніемъ нечистой силы. Идетъ приглашать воспріемниковъ, кума и куму, обыкновенно отецъ съ хлѣбомъ; кумъ и кума приходятъ тоже съ хлѣбомъ, причемъ кумъ долженъ принести непремѣнно цѣлый хлѣбъ, кума же можетъ ограничиться и кускомъ, который она и подаетъ бабкѣ.

Бабка, заворотивъ ребенка въ рубашку отца его, кладетъ головою къ покути на положенную на землѣ, шерстью вверхъ, шубу, а кума беретъ его уже съ шубы. При этомъ бабка говоритъ: „нате вамъ не хрищене, не молитвене, а мени принесите и хрищене и молитвене!". Затѣмъ даетъ кумѣ за пазуху кусокъ хлѣба съ солью и, сверхъ того, завязываетъ въ узелокъ уголь и печинку (кусочекъ глины отъ печи), отдаетъ и этотъ узелокъ также кумѣ съ приказаніемъ ей бросить его черезъ правое плечо на средокрестной дорогѣ, не осматриваясь назадъ, а только сказать: „Господи Iисусе Христе, помилуй насъ!" Въ слободѣ Ольшаной завязываютъ въ узелокъ, вмѣсто угля и печинки, ладанъ, чтобы чортъ не смѣлъ дорогой приближаться къ ребенку.

Возвратившись отъ священника и войдя въ хату, кума кладетъ на лежащую на землѣ шубу окрещеннаго ребенка, и затѣмъ кумъ и кума, взявшись за шубу, кумъ отъ ножекъ, а кума отъ головы, поднимаютъ на шубѣ съ земли ребенка, подаютъ его бабкѣ, поздравляютъ ее со внукомъ (или внуч-

Digitized by Google

кою) и говорятъ: „мы взяли отъ васъ не хрищене, не молитвене, а принесли вамъ и хрищене и молитвене“. Бабка передаетъ ребенка матери, отдаетъ ей также и кусокъ хлѣба, бывшій при крещеніи у кумы за пазухой; поздравляетъ мать и отца съ сыномъ, а потомъ, взявъ ребенка отъ матери, сповиваетъ его и кладетъ его въ колыску, куда передъ тѣмъ клала кота, и въ заключеніе говоритъ: „на кота дримота, а на дитя ростота!“. Въ слободѣ Ново-Глуховѣ принято класть прежде ребенка на шубу какую-нибудь монету, чтобы новорожденный былъ богатъ.

Отецъ угощаетъ кумовьевъ, а бабка идетъ приглашать родственниковъ на крестины.

Собравшіеся гости садятся за столъ; отецъ новорожденнаго подчуетъ всѣхъ водкой, потомъ обѣдаютъ. За обѣдомъ кума набираетъ каждаго кушанья по три ложки, подаетъ родильницѣ и говоритъ: „на, кума, кусочекъ, та закладай куточекъ, де бувъ сыночекъ!“- Въ заключеніе обѣда бабка подаетъ вареныя яблоки, груши и варенуху (взваръ грушъ съ медомъ) и при этомъ говоритъ: „хозяинъ просилъ васъ на хлибъ та на силь, а я прошу на опенечки: та беритъ за хвостыки, шобъ родылысь хлопчики!“. Гости пьютъ варенуху, и каждый кладетъ за это угощеніе нѣсколько копѣекъ бабкѣ.

Злывки (*злывщины*).—На третій день послѣ крещенія ребенка, рано утромъ, до „схидъ сонця“, бабка приноситъ изъ колодца „непочатои“ воды. Неся отъ колодца воду, не должна оглядываться, чтобы съ ребенкомъ не случилось чего-нибудь дурного. Въ принесенную воду добавляютъ немного освященной „іорданской“ воды. Вливая освященную воду, бабка говоритъ: „свята вода ордана, отъ Бога создана! наполняешь ты, Господи, родники и рѣки, наполни же и рабѣ (имя родильницы) груди!“. При этомъ всыпаетъ въ воду конопляное сѣмя и хмѣль. Затѣмъ родильница становится правой босой ногой на сокиру (топоръ), положенную на вѣникъ изъ нехворощи (въ сл. Ново-Николаевкѣ становится, вмѣсто топора, на васильки), а бабка льетъ ей на руки воду. Сперва льетъ три раза на правую руку, а родильница подхватываетъ лѣвою рукою воду, сбѣгающую съ праваго локтя, и пьетъ ее, по-

Digitized by Google

падающееся при этомъ сѣмя жуетъ; потомъ такимъ же образомъ бабка три раза льетъ воду родильницѣ на лѣвую руку, а та подхватываетъ правою рукою сбѣгающую съ лѣваго локтя воду и снова пьетъ. Далѣе родильница сливаетъ бабкѣ на руки, послѣдняя моетъ свои руки и дѣлаетъ мокрыми руками знакъ креста на лицѣ, груди и спинѣ родильницы; наконецъ бабка беретъ сокиру и отрубливаетъ концы вѣника и кладетъ ихъ въ кувшинъ съ водою для купанія ребенка; самый же вѣникъ сберегается и чрезъ него лѣтомъ брызгаютъ воду на капусту, чтобы на ней не было блошаку.

Когда родильница сливаетъ воду на руки бабкѣ, то бабка говоритъ (въ сл. Ново-Николаевкѣ) слѣдующія слова: „очищаешь ты, мои руки, очисти, Господи, твою душичку и на симъ свити и на тимъ! Прибавляется у колодизи вода: прибавься у хрищенои, молитвенои рабы (имя) у грудяхъ младенця кормыты!“.

Потомъ родильница и бабка молятся Богу и просятъ одна у другой прощенія, повторяя три раза: „Простить меня, бабусю! можетъ я вамъ что горькое сказала?“. — Я тебя прощаю и Богъ тебя проститъ и на тимъ свити и на симъ свити; не суды и ты мене, якъ я тутъ съ тобою обходилась.

Сливаніе на руки дѣлается съ цѣлью очищенія родильницы отъ грѣховъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы у нея прибавилось и всегда было достаточно для кормленія ребенка молока. Размываютъ руки не только родильницѣ и бабкѣ, но и всѣмъ присутствовавшимъ при родахъ женщинамъ.

Родильница послѣ „размывки“ рукъ подаетъ бабкѣ хлѣбъ, съ грудочкою соли сверху, и кусокъ, аршина 2—3 полотна; иногда сверхъ этого дарятъ бабкѣ платокъ и кусокъ мыла.

Послѣ этого родильница беретъ свое дитя, и тотчасъ начинается обхожденіе вокругъ стола, на которомъ обыкновенно все бываетъ приготовлено еще до размыванья. Впереди идетъ бабка и ведетъ за собою родильницу, которая держится за конецъ находящагося въ рукѣ у бабки полотна, а за родильницей слѣдуютъ другія пришедшія на „злывки“ женщины. Онѣ спрашиваютъ бабку: „бабусю, куда вы идете?“—У рай.

— „Боже, вамъ помогай! проситъ и насъ съ собою!“—Идитъ и вы зъ нами.

Digitized by Google

Когда въ такомъ порядкѣ обойдутъ кругомъ стола три раза, тогда всѣ садятся за столъ, и начинается угощеніе. Родильница отсылаетъ первую чарку водки бабусѣ, а за ней пьетъ и сама: сидитъ же она за столомъ на той шубѣ, что разстилали подъ дитя, когда несли его крестить. Садясь за столъ, всѣ говорятъ: „царство небесное нашимъ родителямъ!“. На крестинахъ и на злывщинахъ всегда поминаютъ умершихъ потому, что не всякій крестьянинъ въ состояніи сдѣлать обѣдъ за усопшихъ, а крестины и злывки устраиваетъ каждый, какъ бы ни были скудны средства его.

По окончаніи угощенія, собравшіяся на зливки женщины, посадивъ повивальную бабку на санки, а иногда даже въ ночвы (корыто), везутъ ее въ шинокъ пропивать „пупокъ“, т. е. выпить на счетъ бабки.

Ни на крестинахъ, ни на зливкахъ никакихъ обрядовыхъ пѣсенъ не поютъ, да такихъ пѣсенъ здѣсь и не знаютъ; а вотъ только теперь, везя бабку въ шинокъ, поютъ разныя пѣсни, чаще другихъ слѣдующую „пѣсню голоты“.

Наступа туча, наступа хмара,
Дощикъ накрапа, дощикъ накрапа.
Собирается наша голота
Въ бесѣду гулять, въ бесѣду гулять.
Ой беруть кварту, другую съ жарту—
На дощи сидять, на дощи сидять.
Ой де не взявся нашъ панъ отаманъ—
Стало ему жаль, стало ему жаль:
Ой искидае нашъ панъ отаманъ
Изъ себе кафтанъ, изъ себе кафтанъ;
Своій голоти, своій несчастной
Тай шатеръ напьявъ, тай шатеръ напьявъ.
Пылы горилку, пылы вишнивку—
Ще будемо пыть, ще будемо пыть!
А хто зъ насъ, братци, буде сміяться,
Того будемъ бить, того будемъ бить!
Де не взявсь богачъ, де не взявсь дукачъ—
Насмихается, насмихается:
Ой за що-жъ цяя несчастная голь
Напивается, напивается?
Ой та закричавъ нашъ панъ отаманъ
Тай на свою голь, тай на свою голь:
„Ой биритъ дуку за чубъ, за руку

Digitized by Google

Тай выведитъ вонъ, тай выведитъ вонъ!»
Одинъ за руку, другій за чуба,
Третій зъ дулу бье, третій зъ дулу бье:
„Не ходы, богачъ, не ходы, дукачъ,
Де голота пье, де голота пье!“[1]).

Поютъ также слѣдующую пѣсню:

Ой у поли нивка,
Тамъ дивчина, жито, жито жала,
Сама чернобривка.
Ишовъ козакъ дорогою,
Сказавъ: здоровъ, женче!
Вона ему, ему отвичала:
Здрастуй, козакъ серце!
Ай уже жъ цяя слава
Та по всимъ свиту стала,
Шой дивчина та козаченька
Серденькомъ назвала.
Ой зъ-за гаю, ой зъ-за гаю,
Гаю, гаю зеленого
Тамъ протекала, тамъ пробигала
Ричепька быстренька.
Яй (=й-а-й) по той по рѣчкѣ,
Яй по той по быстрей
Тамъ проплывали, тамъ прохожпвали
Та два човнички,
Та два човнички, та два човнички,
А три рыболовци.
А изъ тіи рички
Дивчина воду брала.
Одинъ каже: дивчин ,
Другій каже: рыбчино,
Третій каже, каже: серце мос,
Чи пидешь за мене?
„Хочешъ ты мене браты, —
Въ тебе нема своеи хаты“.
— Поведу въ хату, въ хату чужую,
Поки свою збудую.
„Та робы хату, хату зъ лободы,
А въ чужую не веды!
Бо чужа хата, хата такая,
Якъ свекруха лихая.
Якъ пиду я до коморы —
Нема хлиба, соли.
Я-жъ не втикала, я-жъ не вбигала
Несчастной доли.
Якъ пиду-жъ я до крыныци,
Наберу водици, —
Я-жъ не втикала, я-жъ не вбигала
Горькои пьяныци.

(Обѣ пѣсни записаны со словъ крестьянки Марфы Столяровской. Большая часть колыбельныхъ и дѣтскихъ пѣсенъ настоящаго собранія, записанныхъ мною въ г. Купянскѣ (К), тоже отъ нея).

Среди крестьянъ повивальными бабками бываютъ старухи, большею частью вдовы. Начавши „бабувать“, старуха не должна уже никому отказывать въ своей помощи. Несмотря ни на время, ни на погоду, ни на разстояніе, повивальная бабка должна отправляться по первому же зову туда, гдѣ больная требуетъ ея услугъ. Въ соотвѣтствіи съ исполненіемъ принятыхъ на себя далеко не легкихъ обязанностей, по-

1) Срв. „Этнографическій Концертъ“, Н. Кленовскаго. Москва, у Юргенсона, 1894, стр. 8 и 44—47, и „Збирникъ украинськихъ писень“, Н. Лисенка, вып. IV, стр. 17—19, № 6. (Кіевъ).

Digitized by Google

вивальныя бабки пользуются въ народѣ значительнымъ уваженіемъ. Черезъ это съ годами и самые обряды, совершаемые бабкою, всѣ пріемы ея пріобрѣтаютъ отпечатокъ важности, какъ бы священнодѣйствія. Этому не мало содѣйствуетъ также и убѣжденіе крестьянъ въ томъ, что бабки, находясь въ частыхъ сношеніяхъ съ священниками, входятъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ болѣе близкія, чѣмъ прочія женщины, сношенія съ высшимъ міромъ, и такимъ образомъ могутъ получать даже особенный даръ предвидѣнія судьбы своихъ пріемныхъ внуковъ и внучекъ.

Въ Купянскѣ извѣстенъ слѣдующій, нижеприведенный, разсказъ, характеризующій съ одной стороны тяжесть обязанностей повивальной бабки, а съ другой—указывающій на источникъ, изъ котораго, по мнѣнію народа, бабки почерпаютъ иногда свои свѣдѣнія объ ожидающей внучатъ ихъ судьбѣ.

— Зимнимъ вечеромъ, во время снѣжной мятели, зашелъ къ повивальной бабкѣ переночевать странникъ, сѣдой старичекъ. Не успѣла хозяйка запереть за странникомъ двери, какъ въ окно раздался стукъ. То стучалъ крестьянинъ, пришедшій просить бабку къ своей больной женѣ. А на дворѣ то бьетъ мятель, завываетъ вѣтеръ. „Нельзя ли обождать до утра? у меня вотъ гость, а я ему еще и вечерять не давала“, говоритъ бабка, чтобы какъ нибудь отдѣлаться отъ непріятности итти въ мятель по сугробамъ. Но крестьянинъ упрашиваетъ ее поспѣшить, потому что жена его уже мучится родами. Странникъ тоже сказалъ: иди, бабусю, иди! я поберегу твою хату, а за вечерю спасибо: я не голоденъ.

Поморщилась старуха, но дѣлать нечего: натянула на себя кожухъ и потащилась за крестьяниномъ. Черезъ часъ возвращается бабка домой; старикъ встрѣчаетъ ее вопросомъ: „а кого Богъ далъ, внука или внучку?“ — Внука, отвѣчала бабка, съ удивленіемъ осматривая свою хату: въ ней все было прибрано такъ чисто, какъ бы къ празднику. „Теперь, кто-бы ни звалъ, ни за что не пойду!“ говоритъ она, взбираясь на лежанку. А подъ окномъ ужъ раздается голосъ: отоприть, лишень, бабусю! — Ой лихо-жъ мини! це мабуть одъ Гапки,—сказала старуха, ударивъ о колѣни руками. Съ

Digitized by Google

неудовольствіемъ слѣзла она съ лежанки и отперла дверь. Дѣйствительно, старуха не ошиблась: пришедшій былъ мужъ Гапки; онъ явился звать бабушку принимать ребенка. Не хочется бабушкѣ изъ теплой хаты ночью итти на морозъ и вьюгу, но старикъ свое твердитъ: „иди, бабусю, иди!“ грѣхъ отказывать бѣднымъ людямъ. Снова потащилась по сугробамъ старуха. Черезъ часъ возвращается домой; старикъ не спитъ;—„а съ кѣмъ поздравить, съ внучкою или внукомъ?“ спрашиваетъ онъ старуху. — Со внукою, — говоритъ она; смотритъ и едва узнаетъ свою хату, такъ хорошо въ ней стало, даже пахнетъ, какъ на троицкихъ святкахъ. „Ни, теперички вже ни за якіе гроши не пиду топтаться по снигу! пора спаты“, говоритъ старуха, отправляясь на печь. Только старикъ чего-то улыбается, слушая слова ея. Умостилась старуха на печи, зѣвнула разъ, другой и раскрыла уже ротъ, чтобы сказать старику: „гаси свитло“, какъ подъ окномъ послышались шаги, а затѣмъ и голосъ, просящій отпереть дверь. „Отъ, Боже мій, напасть сегодня! якъ татарва, просты Господы, лизуть въ ночи. Хиба нема вамъ дня?“ говоритъ старуха, отпирая дверь и впуская въ хату маленькаго оборваннаго мужичишку. „Ну, чого тоби треба?“ сердито спрашиваетъ она крестящагося мужичка.—Бабусю, жинка...—„Знаю, знаю!—перебиваетъ его старуха, махая рукою,—знаю... пидождитъ до утра, прыйду вранци“.—Не можно ждаты,—говоритъ мужикъ, а странникъ тоже: иди, бабусю, иди! ты казала не пиду ни за якіе гроши, а у сего грошій нема. Иди, грѣхъ отказывать въ помощи бѣднымъ людямъ! Мужикъ же знай твердитъ: „бабусю, жинка того... бабусю, жинка того“...

Когда, принявши третьяго ребенка, бабка вошла въ свою хату, то нашла ее еще краше прежняго, словно на Великдень свѣтло и ладаномъ пахло. „Пойди-же теперь, бабусю, посмотри, что дѣлаютъ твои внуки; узнай, какая ихъ доля!“ сказалъ странникъ. Послушалась бабка чуднаго старичка, пошла. Подходитъ къ той хатѣ, гдѣ принимала перваго ребенка, смотритъ въ окно—и что же видитъ? Ребенокъ, цѣпляясь за веревочку ручонками, пробирается къ сволоку. Взглянула въ окно второй хаты, видитъ—на полу стоятъ съ

Digitized by Google

водою ночвы, а въ нихъ барахтается ея внучка. Подошла къ окну третьей хаты, тамъ ребенокъ ползаетъ по землѣ. Возвращается къ себѣ домой и разсказываетъ своему чудному гостю все, что она видѣла, а онъ ей поясняетъ: „внукъ, твой, что цѣпялся за веревочку, повѣсится; внучка, что барахталась въ водѣ, утонетъ, а послѣдній ребенокъ, что ползалъ по землѣ, умретъ на землѣ“. Такъ вотъ какъ бабка узнала судьбу своихъ воспріемныхъ внучатъ.

На долю бабки приходится не мало хлопотъ со внуками не только при появленіи ихъ на этотъ свѣтъ, но и на томъ свѣтѣ грозитъ ей отъ внуковъ не малая опасность: они нападутъ на нее, при первомъ же тамъ появленіи ея, и она отъ нихъ можетъ сильно пострадать за то, что вывела ихъ на бѣлый свѣтъ, въ юдоль печали и скорбей. Въ виду предстоящей опасной на томъ свѣтѣ встрѣчи, предусмотрительныя изъ бабокъ распоряжаются, чтобы, когда онѣ умрутъ, непремѣнно привязали бы имъ къ поясу узелокъ маку обдаривать на томъ свѣтѣ при встрѣчѣ своихъ пріемныхъ внуковъ, которые, занявшись собираніемъ разсыпанныхъ имъ маковыхъ зеренъ, не будутъ имѣть времени напасть на нее, и такимъ образомъ она свободно пройдетъ къ мѣсту своего назначенія.

Не бывшіе воспріемниками приглашаются обыкновенно въ первый разъ къ мальчику, а не къ дѣвочкѣ, потому что, по мнѣнію народа, на томъ свѣтѣ крестныя дѣти являются защищать отъ чертей своихъ крестныхъ отцовъ и матерей подъ предводительствомъ перваго крестнаго ребенка, и если это будетъ мальчикъ, то онъ, не одѣваясь, тотчасъ же явится во главѣ другихъ на защиту своего крестнаго отца или своей крестной матери; если же это будетъ дѣвочка, то пока она одѣнется, черти успѣютъ завести отца или мать туда, гдѣ крестники не отыщутъ ихъ.

Если родившей женщинѣ по необходимости приходится пойти до истеченія девяти дней за водой, то она должна въ первый разъ принести воды въ какой-нибудь маленькой посудѣ, напримѣръ, въ горшечкѣ, но не въ ведрѣ, чтобы новорожденный не былъ пьяницей.

Въ 40 день кума приноситъ своему крестнику новую ру-

Digitized by Google

башечку, въ которой подъ мышками должны быть оставлены незашитыя мѣста, отверстія, для пролета въ нихъ къ груди ребенка ангеловъ. Въ этотъ же день ребенокъ въ первый разъ подпоясывается, чтобы „не рвало“, и мать съ ребенкомъ отправляется въ церковь за молитвой.

Если лунный свѣтъ падаетъ на лежащаго въ люлькѣ ребенка, то, чтобы уничтожить вредное его на спящаго ребенка вліяніе, должно бросить на полъ подъ люльку ножъ. (Сл. Пески).

Ребенку до году не слѣдуетъ давать ѣсть щуки, а то у него не будутъ рости зубы, потому, молъ, что у щуки, когда она линяетъ, сходятъ и зубы.

— Не слѣдуетъ давать ребенку ѣсть тою ложкою, которою только что пересталъ ѣсть другой, иначе у ребенка будутъ зайды.

— Когда толкутъ на маковики макъ, или когда толкутъ сало, то не слѣдуетъ давать дѣтямъ облизывать толкача, иначе у нихъ не будутъ рости на головѣ волоса, они будутъ „голомози“.

— Не слѣдуетъ на большіе праздники за столомъ во время обѣда давать дѣтямъ пить воды, чтобы они, выросши, никогда ни во время работы, ни въ дорогѣ не испытывали сильной жажды.

Нѣкоторые изъ крестьянъ празднуютъ годовщину ребенка, тогда въ первый разъ стригутъ его и дарятъ; но такое празднованіе не имѣетъ характера установившагося обычая.

У народа существуетъ довольно много своихъ средствъ для лѣченія больныхъ дѣтей. Привожу здѣсь только нѣкоторыя изъ этихъ средствъ, потому что народная медицина требуетъ особаго спеціальнаго изученія и не входитъ въ задачу настоящаго очерка.

— Когда у ребенка болитъ голова, то ему обвязываютъ ее тѣмъ рушникомъ, которымъ была подпоясана мать его во время вѣнчанія.

— Если ребенокъ часто потягивается, жметъ спинку и выгибается, заключаютъ, что у него въ спинкѣ шерсть того животнаго (собаки, кошки, свиньи), которое толкнула ногою мать ребенка, когда была имъ беременна, и что теперь

Digitized by Google

для излѣченія ребенка нужно у него выкатать хлѣбомъ эту шерсть изъ спины. Для чего первый вынутый изъ печи хлѣбъ разламываютъ и изъ мякоти его скатываютъ яичко, которымъ и начинаютъ выкатывать вдоль и поперекъ всю спинку больного дитяти. Потомъ, разломивъ это яичко, смотрятъ на свѣтъ—не видно ли въ разломѣ шерстинокъ или волосковъ, и нашедши въ мякоти волосъ или шерстинку, убѣждаются въ достиженіи цѣли. Тогда снова скатываютъ хлѣбный мякишъ яблочкомъ, выносятъ его на дворъ и кладутъ на столбѣ воротъ сверху, чтобы унесли его птицы.

— Когда ребенокъ худѣетъ „нападаютъ сухоты“, то варятъ гнѣздо ласточки въ водѣ и, затѣмъ, въ этой водѣ купаютъ три раза ребенка и купель выливаютъ въ то мѣсто, гдѣ плетень съ плетнемъ сходится (ст. Ново-Николаевка) или берутъ тридевять (27) молодыхъ однолѣтнихъ дубчиковъ (побѣговъ) вербы, варятъ ихъ въ водѣ и въ этой водѣ купаютъ три раза больного ребенка, а потомъ купель выливаютъ подъ какое-нибудь растущее деревцо: если деревцо засохнетъ, — болѣзнь пройдетъ. Или „загнѣтаютъ“ больного ребенка въ печи. Для этого бабка кладетъ ребенка въ холодную печь, головкою къ устью печи, а на загнѣткѣ разводитъ огонь, зажигая термить конопляную. Мать же ребенка въ это время три раза обходитъ кругомъ хаты, останавливаясь каждый разъ противъ окна и спрашивая: „Шо вы, бабусю, тамъ робыте?“— Хлибъ гнечу!—отвѣчаетъ послѣдняя. Послѣ третьяго раза мать входитъ въ хату, бабка вынимаетъ изъ печи ребенка и отдаетъ его матери.

— Если нападутъ на ребенка «желтяницы», то вырѣзанный изъ сорочки отца больного ребенка воротъ кладутъ въ горшокъ съ водою и варятъ, а потомъ въ этой водѣ купаютъ ребенка; или же купаютъ его въ водѣ съ гвоздиками, въ желтыхъ гвоздикахъ (Tagetes erecta L).

— Отъ поноса лѣчатъ такъ: рѣжутъ черную курицу, вынимаютъ изъ нея такъ называемый пупокъ, и разрѣзавъ его, снимаютъ внутреннюю кожицу, засушиваютъ ее, потомъ растираютъ ее въ порошокъ и даютъ больному этотъ порошокъ на водѣ; или же сажаютъ больного поносомъ ребенка на горячую золу.

Digitized by Google

— Больному горячкою кладутъ въ головы сокиру (топоръ). (Сл. Покровскъ).

— Чтобы дитя спало покойно ночью, мать на ночь умываетъ его изъ помойницы и утираетъ ему лицо подоломъ своей рубахи.

— Ребенка больного «младенческимъ» поятъ отваромъ «Прострѣлъ-травы» (Anemone patens L). (сл. Ново-Николаевка).

Если родится мертвый ребенокъ, то его хоронятъ, зарываютъ подъ двернымъ порогомъ, чтобы входящіе въ хату люди, переступая черезъ порогъ, значитъ и черезъ него, крестили его. Съ этою же цѣлью зарываютъ мертворожденнаго иногда и подъ бóвдуромъ, куда ходятъ отрывать заткало.

Умершее неокрещеннымъ дитя дѣлается русалкою.

На томъ свѣтѣ некрещенныя дѣти будутъ ходить безъ поясочка. (Сл. Покровскъ).

Слѣдуетъ умирающаго ребенка передъ кончиною его подпоясывать, чтобы на томъ свѣтѣ, когда Богъ на „Спаса“ будетъ давать дѣтямъ яблочки, ребенокъ могъ спрятать свое яблочко за пазуху; умершій же не подпоясаннымъ, положивъ яблочко за пазуху, потеряетъ его, и въ то время, когда другія дѣти будутъ играть своими яблочками, онъ будетъ стоять въ сторонѣ и только смотрѣть на нихъ.

Появленіе новорожденныхъ дѣтей объясняютъ старшимъ дѣтямъ такъ: бабушка нашла его въ садочку; или — бѣгалъ около кринички, а бабушка и поймала его; или — зайчикъ принесъ и посадилъ его на грядкѣ капусты, тамъ бабушка и взяла его.

Молодая женщина крестьянка, ставшая хозяйкою, должна быть знакома по крайней мѣрѣ съ главнѣйшими положеніями хотя и не писаннаго, но тѣмъ не менѣе обязательнаго для всѣхъ хозяекъ кодекса правилъ, когда что можно и должно дѣлать, и, наоборотъ, когда нельзя или же не должно чего дѣлать, подъ страхомъ подпасть подъ неумолимый судъ своихъ сосѣдокъ, при малѣйшемъ отступленіи отъ принятыхъ порядковъ.

— Вставъ съ постели и обуваясь, не должно ходить по хатѣ съ одной обутой, а другой разутой ногой, — умретъ мать.

Digitized by Google

— Не умывшись, не слѣдуетъ утромъ выходить изъ хаты,—встрѣтитъ вѣдьма.

— Когда кто-нибудь ѣдетъ на встрѣчу, то не слѣдуетъ переходить съ порожнимъ ведромъ ему дороги, иначе съ ѣдущимъ случится въ дорогѣ несчастіе; съ полнымъ же ведромъ можно переходить дорогу, потому что „вода очищаи слидъ и выщуи щастя".

— Не должно оставлять открытой кадушки съ водою, потому что тогда въ ней будетъ купаться чортъ.

— Не слѣдуетъ вносить въ хату березоваго вѣника, а то внесешь съ нимъ лихо.

— Не слѣдуетъ начинать новаго, особенно важнаго дѣла въ понедѣльникъ и въ субботу, а также и въ дни, посвященные памяти мучениковъ, а должно начинать новое дѣло во дни преподобныхъ.

— Въ понедѣльникъ не снуй холста, потому что въ этотъ день Богъ основалъ міръ.

— Не заваривай квасу, иначе въ семействѣ будетъ утопленникъ.

— Не перемѣняй бѣлья, иначе будетъ напраслина.

— Ны годытця въ понидилокъ и въ чытвергъ сыривцю вва́рюваты: въ тимъ сыривци буды нычиста сыла купаться и страву соби зъ его варыты. А если вварить въ чистый четвергъ, то тогда можно и во всѣ четверги въ году.

— Треба противъ середы и пьятныци передилки допрядаты, а то доля буды плакаться, що ій ны даютъ и въ ночи спочиты.

— Въ середу замужней женщинѣ не слѣдуетъ мыть и расчесывать головы, иначе она будетъ во время родовъ сильно страдать и до тѣхъ поръ не разрѣшится, пока свята середа не переберетъ у нея по одному волоску всѣхъ волосъ на головѣ.

— Въ пьятныцю и въ субботу ны годытця сорочекъ золыты, бо на тимъ свити того будутъ лугомъ (щелокомъ) пойиты, а щобы цего наказанія ны тырпиты, такъ треба, якъ золыты, тры ложки лугу выпыты.

— Ны годытця въ пьятныцю прясты. Хто въ пьятныцю пряде, той выретенамы тыка, а гребинкамы дыре́ святу дивоньку—пьятныцю.

Digitized by Google

— Отъ Пасхи до Вознесенія грѣхъ по вечерамъ готовить щелокъ для бѣлья.

— На масляній низзя прясты, щобъ червы ны заводылысь въ масли.

— Предъ тѣмъ, какъ сажать хлѣбъ въ печь, должно до чиста выскресть дижу и закрыть ее, а то у мертваго будетъ открытъ ротъ.

— Первый вынутый изъ печи хлѣбъ не должно рѣзать, а слѣдуетъ ломать.

— Въ пусту мыску низзя молока лыты и въ молоко ножемъ хлибъ низзя крышиты, а то корова мало молока буды даваты: дійки порижутця (потрескаются).

— Скорлупу отъ крашанокъ и кости отъ освященнаго на Пасху поросенка слѣдуетъ сжигать въ печи, а не выбрасывать.

— Когда насѣдки сидятъ на яйцахъ, нельзя тогда печь яицъ и сжигать яичной скорлупы, иначе запекутся зародыши въ яйцахъ подъ насѣдкой.

— Когда домашняя птица сидитъ на яйцахъ, тогда не должно чистить сажу въ трубѣ и вносить въ хату деготь, чтобы не попортились (не почернѣли) подъ насѣдками яйца.

— За ужиномъ не должно начинать цѣлый хлѣбъ, а, при необходимости, оставлять окраецъ и затѣмъ приложить его къ отрѣзанной сторонѣ хлѣба и положить бокомъ къ стѣнѣ.

— Окраецъ хлѣба не должно подавать нищему въ милостыню.

— Съ какой стороны садишься за столъ, въ ту сторону и вылѣзай изъ-за стола, иначе умретъ мать.

— Не должно становиться на порогъ наружныхъ дверей, а равно не слѣдуетъ и ѣсть, стоя на порогѣ.

— Не должно выбрасывать въ окна костей, иначе волки поѣдятъ скотину.

— Не должно плевать въ окно, потому что у окна всегда стоитъ ангелъ.

— Возлѣ иконъ долженъ всегда висѣть чистый рушникъ, чтобы было гдѣ садиться ангелу.

— Ны годытця горшкивъ и ложокъ писля вычери мыты, а то Доли ничого буды йисты.

Digitized by Google

— На ничь ны годытця ножа на столи зоставляты, а то нычыста сыла буды нымъ воюваты.

— На ничь треба викна и двери хрыстыты, шобъ никуды было нычыстій сыли ввійты.

— На ночь должно подметать хату, потому что ночью Богородица ходитъ по хатамъ и, если не подметено, можетъ наколоть себѣ ноги.

— У вечери ны годытця выносыты зъ хаты смитьтя, шобъ въ симни ны було сёрки, а хто наступе на смитьтя — буды слипый.

— Низзя по захидъ соньця выносыты зъ хаты попилу, а то змій (діаволъ) буды его хвататы, та, якъ народытця въ тій симни дытына, буды тымъ попиломъ ій пыкты.

— Якъ градъ иде, такъ треба кочергу и лопату ту, що хлибъ сажають, выкидаты зъ хаты тай казаты: градъ, бый нашу кочергу та й лопату, та ны бый нашого хлиба!

— Зъ новымъ горшкомъ ны годытця до сусидъ ходыты, шобъ ны наклыкаты до ныхъ тараканивъ.

— Въ понедѣльникъ первой недѣли Великаго поста не должно ничего работать, потому что, кто въ этотъ понедѣльникъ работаетъ, у того цѣлое лѣто пальцы на рукахъ будетъ обрывать.

— На Свѣтлый праздникъ, вмѣстѣ съ пасхою, слѣдуетъ святить въ узелкѣ макъ и иголку. Макомъ этимъ посыпать вылупившихся цыплятъ, утятъ и прочую домашнюю птицу, а также и отелившуюся корову, чтобы никто ихъ не сглазилъ; иголку носятъ молодые люди, особенно же женихи и невѣсты, закалывая ее, жаломъ вверхъ, въ платье на груди или на спинѣ, тоже чтобъ никто ихъ не сглазилъ.

— При солнечномъ восходѣ смотрѣть сквозь ушко освященной иглы на солнце,—средство отъ куриной слѣпоты.

Къ сожалѣнію, не всегда приходится получать объясненія, почему одно „годытця“, а другое «ны годытця“ дѣлать. Между тѣмъ эти объясненія проливаютъ нѣкоторый свѣтъ на то, въ силу чего извѣстныя дѣйствія являются въ крестьянской средѣ обычными и имѣютъ отчасти характеръ даже обязательныхъ. Напримѣръ, прежде чѣмъ надѣть на себя новую сорочку, „годытця тричи прокынуты нижъ отъ комыря въ па-

Digitized by Google

зуху, щобъ выгнаты изъ неи лукавого", который, когда сорочку шьютъ, прячется въ ней и катается съ нею. По другимъ, пробрасываютъ ножъ въ пазуху новой сорочки предъ тѣмъ, какъ надѣвать ее, только одинъ разъ и дѣлаютъ это для того, чтобы узнать, благополучно-ли сносишь ее. Если ножъ при этомъ воткнется въ землю, то, значитъ, благополучно, а если не воткнется, а просто упадетъ на землю, то прежде, чѣмъ сносишь сорочку, случится несчастіе.

— Ны годытця оставлять пички пустою, а годытця, шобъ всегда въ неи бувъ горщокъ воды и полино дровъ. Въ печи огонь споритъ съ Господомъ. Огонь говоритъ: я все спалю, а Господь ему отвѣчаетъ: а я тебя залью. Вотъ если въ печи не будетъ воды, то Господу трудно будетъ переспорить огонь; поэтому то и слѣдуетъ всегда имѣть въ печи воду на помощь Господу. Каждая хозяйка, пекущая хлѣбъ, должна класть въ печь, по вынутіи хлѣба, полѣно дровъ въ виду Страшнаго суда. Вѣдь хлѣбъ—живое существо: онъ все чувствуетъ, но терпитъ и молчитъ, хотя и не всегда молчитъ. Такъ, слыша жалобы хозяевъ на несчастную долю, онъ иногда отзывается къ нимъ со стола и, указывая на свою горькую долю, совѣтуетъ безропотно нести свой крестъ, не унывать и не отчаяваться. Такъ вотъ за то, что хозяйка печетъ хлѣбы, заставляетъ его страдать, терпѣть жаръ, она сама должна будетъ на томъ свѣтѣ проползти голымъ животомъ по раскаленному чериню (поду печи); если же она кладетъ въ печь, по вынутіи изъ нея хлѣба, полѣно дровъ, то на томъ свѣтѣ хотя и придется ей переползать черезъ раскаленный черинь, но она будетъ въ послѣднемъ случаѣ ползти уже по дровамъ, а не прямо по чериню.

Въ крестьянской семьѣ дѣвочка съ 7—8 лѣтняго возраста обыкновенно уже нянчитъ своихъ меньшихъ братьевъ и сестеръ и постепенно пріучается къ уходу за дѣтьми. Такимъ образомъ каждая крестьянка прежде, чѣмъ стать матерью, бываетъ коротко знакома съ тѣмъ, какъ слѣдуетъ обходиться съ ребенкомъ, какъ его убаюкать, чтобы онъ скорѣе уснулъ, и какъ тѣшить его, когда онъ проснется. Она не боится теребить своего ребенка, зная изъ дѣтской практики, что умѣренное движеніе не повредитъ ему, а принесетъ пользу, до-

Digitized by Google

ставитъ даже удовольствіе, вызоветъ улыбку, смѣхъ. Поэтому мать всячески развлекаетъ своего ребенка, то слегка подбрасывая его на рукахъ, то похлопывая по спинкѣ, то поглаживая по животику, то выпрямляя, то сгибая ручки и ножки его,—словомъ производитъ гимнастическія, такъ сказать, упражненія и сопровождаетъ ихъ разными припѣвками и приговорками. Приводимъ изъ нихъ тѣ, какія намъ удалось собрать лично или при помощи нашихъ корреспондентовъ въ Купянскомъ уѣздѣ съ нѣсколькими варіантами, записанными въ г. Старобѣльскѣ.

II.

Колыбельныя пѣсни[1]).

1. 1. Ой ну люли, люли...
2. Налетѣли гули (голуби),
3. Тай сѣли на люли.
4. Цытьте, гули, не гудите
5. И Ванюши не збудите!
6. Ваня маненькій,
7. Спаты раденькій.
8. Ой щобъ спало—счастье мало,
9. Ой щобъ росло—не болило
10. И серденько не щемило.

а.

4. Сталы думаты—гадаты,
5. Чымъ Сашеньку годуваты:
6. Чы борщикомъ съ калачомъ,
7. Чы кашкою зъ молокомъ,
8. Чы бублычкомъ изъ медкомъ.
9. А вы, гули, не гудите,
10. И Сашеньки не будите,
11. А Сашенька маленька:
12. Она спатки раденька.

б.

5. Чымъ дытыну гудуваты:
6. Кашкою, молочкомъ,
7. Солоденькимъ медочкомъ.
8. Шобъ спало—ны плакало,
9. Шобъ росло—ны болило,
10. Сердынько ны щымило,
11. И матпици ны надоило. (К.).

в.

6. Чы симьячкомъ, чы мачкомъ,
7. Чы кашкою съ молочкомъ (Ар.).

А.

1. Ай люшеньки, люли!
2. Налетѣли гули,
3. Налетѣли гули
4. Да сѣли на люли.
5. Стали думать и гадать,
6. Чѣмъ сестрицу годовать:
7. Иль пряничкомъ, иль рожкомъ,
8. Иль кашкою съ молочкомъ. (Н.-Г).

Аа.

4. Стали буркотать,
5. Чѣмъ дитя питать: (Ср. Стельмаховка).

Б.

Бай, бай, люльки!
Прилетѣли гульки,
Сѣли на люлькѣ,
Стали думать да гадать,
Чѣмъ дитятко годовать:
Иль бубличкомъ съ медкомъ,
Иль кашкою съ молочкомъ. (В.-Б).

В.

Ой люлички, люли!
Налинулы гули,
Тай сплы на люли,

---

1) Для уясненія значенія колыбельныхъ пѣсенъ напоминаемъ читателямъ статью г. Ветухова объ этомъ предметѣ, напечатанную въ XII XIII, и XV книгахъ нашего изданія. Печатаемые здѣсь тексты даютъ много новыхъ интересныхъ мотивовъ. Мѣста записи обозначены сокращенно, а именно, слободы: Араповка (Ар.), Волоско-Балаклейка (В.-Б.), Гончаровка (Гнч.), Кабанья (Кб.), Куземовка (Кз.), Ново-Глуховъ (Н.-Г.), Ново-Екатеринославль (Н.-Е.), Ново-Николаевка (Н.-Н.), Поповка (Пп.), Преображенная (П-я), Пристѣнь (П-ъ), Радьковка (Рд.), Радьковскіе Пески (Р.П.), хуторъ Нижній-Соленый (Н.-С), города: Купянскъ (К.) и Старобѣльскъ (С.), и др. *Ред.*

Digitized by Google

А люличка хить, хить,
А Ваничка спыть, спыть. (К.).

2. Ой ну люли, люли...
А котови дули,
А Васюни калачи,
Шобъ спавъ и въ день и въ ночи:
А въ ночи—на печи,
А въ ранци—на лавци,
А въ день—у колысци. (К.).
(Ср. Чубинскій. т. IV, стр. 19, №№ 12 и 13).

3. 1. Люли, люли, люлечыкы!
2. Шелковыя вервечыкы,
3. Малёвани быльця,
4. Пишлы до Кырыльця.
5. Що Кырылець робы?
6. — Письмо пышы,
7. И Ваню колышы.

а.

1. Люли, люли, люлечкы!
2. Шовковіи вырвычкы. (Р. П.).

б.

5. Что Кырылко діе?
6. — Золото віе,
7. Книжку пыше,
8. Дытыну колыше. (К.).

А.

1. Люли, люли, люличкы!
2. Шовкови вервечкы,
3. Малёвани быльця,
4. Пишлы до Кырыльця.
5. Шо Кырылецъ робе?
6. Биле письмо пыше,
7. Дытыну колыше.
8. Ой люли, люли. .
9. Мале дитя, спате,
10. Пишла твоя мате
11. До ляха гуляты. (Н.-Н.).

Аа.

6. А Кырылець не гуля:
7. Чырывычкы поправля,
8. Дытыну колыше,
9. На книгыню дыше.

Аб.

8. Намыстычко ныже
9. И важенько дыше. (К.).

Ав.

8. Колысочка новенька,
9. Дытынка маленька;
10. Колысочка хить, хить,
11. Дытыночка спыть, спыть. (П-ъ).

Б.

Шовкова онучка
Малёвани быльця
Пидойшлы до крыльця.
У крыльця панъ сыдыть,
И пысьмечко пышеть,
И малу дытыну колышыть. (Н.-С).
(Ср. Чубинскій, т. IV, стр. 19, № 14.)

4. 1. Ой ну люли, люли...
2. Налетилы гули,
3. Силы на воротяхъ
4. Въ червоныхъ чоботяхъ.
5. А ты, Ваня, не гуляй.
6. Пиды гули позгоняй,
7. Чобиточкы познимай!
8. И матери парку,
9. И батькови парку,
10. И Ванюши парку! (Н.-С.).

а.

5. Цытьте, гули, не гудить,
6. Нашу Катю не будить!
7. Наше дитя маленьке,
8. Воно спаты раденьке. (К.).

б.

8. И батькови пара,
9. И матери пара,
10. А дитяти калачи,
11. Щобъ спало въ день и въ ночи. (Пп.).

в.

7. Красны чобкы (sic) познимай!
8. И дѣдушкѣ парку,
9. И бабушкѣ парку,
10. И татови парку,
11. И мамашѣ парку,
12. И всѣмъ по паркѣ. (К.).

5. Э, э, люлыно!
Засны, мала дытыно!
Якъ не будышь спаты,
Бросю колыхаты! (Р.П.).

6. Баю, баю, баюли!
Сидять гули на люли.
Гули, не гудыте,
Дитя не збудыте. (Пп.).

7. Баю, баю, баю!
Дровецъ нарубаю,
И въ печи натоплю:
Буде тепло въ хати.
Буде дитя спаты. (К.).

8. Хити, хити...
Котику жити[1]).
Некому жити,
Только Микити.

---

[1]) Кажется, должно быть: „Котикъ у(=въ) жити". *Ред.*

Digitized by Google

Ой скокъ, подскокъ,
Молодой гвоздокъ,
По водицу пошелъ,
Молодицу нашелъ.
Молодица моя
Паляница дала,
Съ мачкомъ, съ рачкомъ,
Съ сѣмячкомъ, съ конопелечкомъ.
(Кб.).

9 Баю, баюшки, баю!
Живъ хозяинъ на краю,
Винъ не бѣденъ, не богатъ:
Повна хата ребятъ;
Вси по лавочкамъ сыдять,
Кашу съ маслычкомъ ѣдять.
(Н.-С.).

10. Баю, баю, баю...
Пошлы, Боже, сонкы!
Съ доброи сторонкы!
Баю, баю, баю...
Тоби спаты въ раю.
Пошлы, Боже, сонкы
Та съ доброй сторонкы
На нашу дытынку,
На нашу маленьку!
Бодай росло—не плакало,
Бодай спало—не болило,
Отцу, неньки не дорло. (К.).
(Ср. Чубинскій, т. IV, стр. 20, № 15).

11. Баю, баюшки, баю!
Почивай, дитя, въ раю
Съ Богородицею,
На пуховыхъ подушкахъ
И въ шолковыхъ пелюшкахъ!
Ну рости, дитя, рости
И въ Бога милости проси.
Какъ ты выростешь большой
Будешь въ золотѣ ходить
И съ князьями говорить,
И батюшку и матушку кормить,
И нянюшкамъ и мамушкамъ
Подарочкамъ дарить. (К.).

А.

Спи, дитятко, спи!
Якъ выростешь великъ,
Будешь въ золотѣ ходить.
Баюшки—бай! [1]).
Серебро въ ручкахъ носить.
Мамушекъ, нянюшекъ дарить.
Мамушекъ, нянюшекъ дарить,
Красныхъ дѣвушекъ любить. (К).

Б.

Спи, Петенька, спи!
Большой выростешь.
Баюшки—баю! [2]).
Большой выростешь,
Будешь въ золотѣ ходить.
Будешь въ золотѣ ходить,
Будешь мамушкѣ дарить.
Будешь мамушкѣ дарить,
Матушкѣ кунью шубку.
Матушкѣ кунью шубку,
Нянюшкѣ золота памиста
Нянюшкѣ золота памиста,
А себѣ, молодцу, вороного коня.
Вороного коня,
Золотыя стремена.
Баюшки—баю! (В.-Б.).

В.

Туръ, туръ, пѣтушокъ,
Золотой гребешокъ!
Что ты рано встаешь,
Звонкій голосъ подаешь?
Ты такъ громко не кричи
И Ванюши не сбуди!
Э-э-э, Э-э-э! [3]).
Какъ выростетъ мой Ванюша,
Будетъ щедрымъ панычемъ:
И нянюшкѣ и мамушкѣ
На кокошничекъ найдемъ.
Какъ выростетъ мой Ванюша,
Будетъ умнымъ панычемъ:
И нянюшку и мамушку
Кормить будетъ калачемъ.
Какъ выростетъ мой Ванюша,
Будетъ въ золотѣ ходить,
Будетъ въ золотѣ ходить,
Будетъ нянюшку любить. (С.).

Г.

Нянюшки, мамушки,
Закачайте дитя!
Красныя дѣвушки,
Прибаюкивайте!
А какъ будешь генераломъ,
Будешь въ золотѣ ходить,
Будешь нянюшекъ дарить,
Мамушекъ у нарядахъ водить,—
Нянюшекъ мамушекъ
Будешь золотомъ дарить. (К.).

[1]) Повторяется затѣмъ послѣ каждыхъ 2-хъ стиховъ.
[2]) Послѣ каждаго двустишія.
[3]) Повторяется затѣмъ послѣ каждаго 4-стишія.

Digitized by Google

12. 1. Литивъ, литивъ шпакъ, шпакъ
2. Черезъ попивъ макъ, макъ,
3. Тай сивъ на воротяхъ
4. Въ червоныхъ чоботяхъ.
5. Ворота упалы,
6. Тылятокъ прибылы:
7. Тылята рывнулы.
8. Собакы сбрихнулы,
9. А люды почулы,
10. Попови сказалы.
11 А пипъ съ полу,
12. Та выбывъ ногу;
13. А попадья съ печи;
14. Та выбыла плечи;
15. А дъякъ съ хижкы,
16. Та забувъ книжкы;
17. А дъячиха съ грубы,
18. Та розбыла груди. (Н.-Н.).

А.

5. Ворота скрипнули,
6. Собаки брехнули,
7. Телята ревнули,
8. Сусиды почули,
9. Попови сказали.
10. А пипъ съ печи,
11. Тай выбилъ плечи;
12. А наймачка съ полу,
13. Тай выбила ногу;
14. А попадья съ грубы,
15. Тай выбила груди;
16. А дьячки съ хижки,
17. Погубили книжки,
18. Якъ стало свитаты,
19. Тай стали шукаты,
20. Шукали, шукали—
21. Други написали. (К.)

Б.

3. Тай сивъ на воротихъ
4. Въ червоныхъ чоботихъ.
5. Пиды, Ваня, изжывы,
6. Чобиточкы изнимы.
7. Чобиточкы—няни,
8. А Вани—калачи,
9. Щобъ спавъ у день и въ ночи:
10. У ночи—на печи,
11. А въ день—въ колысци
12. Въ червонимъ намысци. (Р.П.)

13. Литавъ, литавъ чорный шпакъ,
Винъ зозуленьку шукавъ.
Баю, баю, баю, бай! [1])
Зозуленька сызокрыла
На колысоци сидила.
На колысоци сидила,
Ивашечка все глядила.
Колысочка та скрипыть,
Ивашечко мій не спыть.
Ивашечко, ты засны,
Насъ на улицу й пусты. (С.)

14. Э-э, котусю!
Займы мою телусю
На поповы толоки,
А тамъ трава по бокы;
Телусю напасе:
Молока намъ прынесе,
Будемъ кашку варыты
Тай дитя кормиты. (К.)

А.

Ахъ ты, коту, котусю!
Жени мою телусю
На попови толоки,
Тамъ травички по боки:
И трава, и вода,
И Мавруша молода. (Сл. Двурѣчная).

15. 1. Коту, коту, котусю!
2. Займы нашу тылусю
3. На поповы толоки,
4. А тамъ травы по бокы.
5. А кинь бижыть — трава шумыть,
6. Пидъ тымъ конемъ козакъ лежыть.
7. Поцюканый, порубаный,
8. Отъ сопычка погорывъ,
9. А отъ пыли почорнивъ.
10. Дви дивочкы плаче,
11. Дви жиночкы скаче.
12. Не плачте, дивочкы,
13. Пидымо на войну,
14. Посватаемъ попивну.
15. Попивна маленька,
16. Спидничка рябенька,
17. Черезъ тынъ плыгала,
18. Спидничку подрала.
19. Тыны поламала,
20. Тылята побыла.
21. Тылята рывнулы,
22. Собакы брыхнулы,
23. А люды почулы,
24. Попови сказалы.
25. А пипъ съ печи,
26. Та выбывъ плечи;
27. А попадя съ грубы,
28. Та выбыла зубы;
29. А дячкы съ хыжкы,
30. Погубылы кныжкы.

---

[1]) Послѣ двухъ стиховъ.

Digitized by Google

31. Одынъ шукавъ, шукавъ—
32. Не найшовъ...
33. А наймычка съ подушокъ,
34. Наварыла галушокъ:
35. Галушкы грычани,
36. А дивчата звычайни. (Гнч.)

А.

1. Ой ну люли, котусю!..
8. Нагайкою побитый,
9. Китайкою укрытый.
10. И дивочки плачуть,
11. И жиночки скачуть.
12. Не плачьте, дивочки!
13. Не скачьте, жиночки!
14. Ой пойидемъ на войну,
15. Наберемо полону,
16. Засватаемъ попивну.
17. Попивна малая
18. По тыну плыгала,
19. Тыны поваляла,
20. Телята побила и т. д. (Н.-Е.)

Аа.

1. Ой китъ, коту, котуска! и т. д. (Н -Г)

Б.

1. Ой ну, котыкъ, котусю!...
7. Порубаный, поризаный,
8. На капусту посичыный (Р. П.)
9. И дротыкомъ поштрыканый. (Кз.)

Ба.

7. Порубаный, поцюканый:
8. Его рученьки—
9. На три штучиньки,
10. А головонька—
11. На чотыри. (П)

В.

1. Баю, баю, котусю!...
8. Отъ витрычка почорнивъ;
9. Отъ солнышка погоривъ.
10. Бижы, бижы, коню,
11. До дивкы до Насти
12. А въ дивкы у Насти
13. Варенычкы въ масли.
14. А въ дивкы Наталкы
15. Смоляныи лавкы:
16. Якъ сивъ—прикипивъ,
17. Вареникивъ не схотивъ. (К.).

Ва.

10. Вставай, казакъ, не лыжы,
11. Сидлай коня тай бижы
12. До билои хижки,
13. До риднои неньки. (Рд.)

Г.

Коту, коту, котусю!
Займи нашу телусю
На попови толоки,
А тамъ травка по боки.
А конь бѣжитъ—
Трава шумитъ.
Правой ногой до бѣлой хатки,
До дѣвки до Гапки.
Калинова хатка,
Смоляная лавка;
Сидитъ край оконца,
Прядетъ волоконцы.
Якъ выведу нитку,
Та пошію свитку;
Якъ выведу повтора,
Та пошію рукава. (К.).

Д.

1. Коту, коту, котусю!
2. Займы нашу тыдусю
3. На попову толоку;
4. Тамъ травы по боки:
5. Кинь бижыть—трава шумыть,
6. А въ тій трави козакъ лежыть,
7. Поцюканый, порубаный,
8. Отъ солнышка загоривъ,
9. Отъ витреньку почорнивъ,
10. И килочкомъ прибитый,
11. Серпанкою прикрытый.
12. Пришла ненька ридненька
13. Стала плакаты-рыдаты,
14. Горьки слезы проливаты:
15. Лучше було-бъ не родывся,
16. Чимъ нехристомъ ты убывся,
17. Съ билымъ свитомъ (розлучывся)!.
18. А я, ненька старенька [1]),
19. Съ диточками осталася...
20. Ничимъ диточокъ кормить,
21. Никому розуму ихъ вчить!
Бай, бай, бай! (С.)

Да.

10. Не плачь, мате, не рыдай,
11. Якъ выносуть меня за гай;
12. Тоди, мате, заплачешъ,
13. Якъ у труни побачешъ! (К.)

16. 1. Мамко, мамко!
2. Пошій мини лѣльку (сорочку)
3. Изъ билого шовку.
4. Я пиду на билую горку,
5. Та посватаю попивну.
6. А попивна нижна,
7. Черезъ тынокъ лизла,

[1]) Въ рукоп.: ненько старенько. *Ред.*

Digitized by Google

8. Тынокъ повалыла,
9. Тылятъ подавыла.
10. Тылята рывнулы,
11. Собаки брыхнулы;
12. А люди почулы,
13. Попови сказалы.
14. А пипъ изъ полу,
15. Та выломывъ ногу;
16. А попадя зъ печи,
17. Та выбыла плечи;
18. А наймычка зъ грубы;
19. Та побыла груды;
20. А дячкы изъ хижкы,
21. Погубылы книжкы;
22. А дивчата зъ прызбы,
23. Погубылы лиштвы;
А баранъ зъ кошары,
Зъ крутыми рогамы;
А кить зъ пырогамы,
А кишка зъ блинами,
Убылы кота,
Призвалы й попа. (Н.-Е.).

а.

18. А наймычка съ грубы,
19. Побыла груды;
20. А дытына съ колыскы,
21. Побыла выскы.
22. Сыныци по полыци
23. Ножками тупъ, тупъ! (К.).

А.

4. Я пиду на биржу
5. Свататы попивну.
А попивна нижна,
Черезъ тынъ полизла,
Тынъ повалыла,
Поросята побила.
Поросятя, хрюкнули,
Собаки брыхнули,
А люды почули,
Попу разсказали.
А пипъ излякався,
Въ садочекъ сховався;
А попадья съ печи,
Выломала плечи;
А наймычка съ грубы,
Поломала груди;
А дячокъ изъ шинку,
Загубивъ и книжку.
А попивна подхватила,
До колысочкы присила;
Стала книжку ту читать
И Ивашку колыхать.
Бай, бай, бай! (С.).

17. 1. Товчу, товчу макъ—
2. За ступою дякъ.
3 Чого дяче плаче?
4. —Мачуха была,
5. Йисты не давала!
6. Дала, дала кнышъ—
7. Ухопыла мышъ,
8. Тай побигла по тынахъ
9. Тыны поломала,
10. Телятъ полякала.
11. Телята ревнулы,
12. А люди почулы,
13. Попови сказалы.
14. А пипъ съ полу,
15. Выбывъ ногу;
16. А попадя съ печи,
17. Побыла плечи;
18—23=18—23 № 16, а. (К.).

18. Московка ряба
Пойихала по дрова
И зустряла попа:
Помогаюшка, батюшка!
У мого батька
Козынова шапка,
Симсотъ овичокъ,
Щей парка бычокъ!
Тупай, тупай, коне,
До дивчины Гальки,
А въ дивчины Гальки
Смоляныи лавки. (Н.-С.).

19. Ихавъ пипъ черезъ мистъ,
Загрузла кобыла
По самый хвистъ:
Тяги, тяги—нема дуги.
А де дуга?—У лиси.
А де хомутъ?—У стриси. (Кз.).
Завывшки—вышки!
Вставай, панъ, съ колыски! (П-и)

20. Весна красна:
Садъ расцвитае,
Нянько съ дитёмъ
По садку гуляе,
Квиточки зрывае,
Дитя забавляе:
Квиточка трясется—
Дытятко смiстся. (Пи.).

21. Чи-чи, чи-чи, сорока,
Куда летишь?—Далеко.
А гдѣ сядешь?—На току.
Не бей панка по боку.
Панкина жинка
Пошла по мякинку,
Родила дитинку;
Пошла по водицу,
Нашла молодицу.
Молодица молода
Себѣ сына родила.

Digitized by Google

А сынъ Максимъ
Купилъ себѣ дудку,
А дудочка липовая
Да потѣшливая:
Ти-ли-ли, ти-ли-ли...
На полицѣ блины ..
Я не хочу блина,
Кабы чарочка вина,
На закуску пирога. (Н.-Н.).

22. Пошелъ котикъ во лѣсокъ,
Нашелъ себѣ поясокъ,
Подпоясалъ животокъ,
Что и Ваня парубокъ.
Бѣгутъ дѣвки молоды,
Отъ нихъ котку не уйти;
Распоясали животокъ,
Сняли съ котка поясокъ.
Прійди, котикъ, у ночи,
Намъ и проса натолчи,
А я каши наварю,
Тебя й Ваню накормлю.
(Сл. Покровскъ).

А.

Пишовъ котыкъ во лисочекъ,
Найшовъ котыкъ поясочекъ
И къ люличкѣ привязавъ,
И дѣточку закачавъ.
А дѣточка маленька,
Она спаты раденька.
И глазочки закрываетъ,
И дремоту призываетъ.
Бай, бай, бай! (С.).

23. Сѣрый коточекъ
Заховався въ куточекъ,
Только видно хвосточекъ:
Яжъ того коточка.
Выжыну съ куточка.
Ишла киця изъ кухни.
У ней глазки опухли.
Объ чемъ ты, киця, плачешь?
— Поваръ пѣночку слизалъ,
А на киценьку сказалъ. (К.).

24. Китъ—воркотунъ.
Ходитъ курка по току
Въ червоному колпаку.
Курочка—матенька*),
Въ мене батько—татаръ,
А мате—татарка,
А сестра—панятка. (К).

25. Ходитъ китъ...
По-пидъ копами ходилъ,
Перепелки ловилъ,
До шинкарки носилъ.
Шинкарочка—голубочка,
Сыпъ чвертку горилки
За три перепилки. (К.).

26. Ходилъ котикъ подъ горой,
Перепелковъ ловилъ:
Шо вловывъ, той пропывъ,
Дѣтямъ исты не купывъ.
Пишовъ котусь до бабуси
И укравъ моточокъ.
Треба котка быты,
Щобъ вчився робыты:
Чырывычкы шыты,
На базарь носыты,
Зарно продаваты,
Дитокъ годуваты. (К.).

27. 1. Э-э, китку,
2. Та вкравъ квитку (плитку),
3. Та понисъ до Галі.
4. Положивъ на лави.
5. Стала Галя быты,
6. Котыка учиты:
7. Не вчись, коты, красты,
8. А вчися робыты,
9. Черевычкы шыты,
10. Хоть не намъ,
11. Такъ панамъ,
12. Хоть не барськи,
13. Такъ черкаськи,
14. Хоть не дороги—
15. По три золотіи
16. Нашій Катюши малій.

а.

10. Не наськіе,
11. А черкаскіе.
12. Не дорогіе—
13. По три золотые.
14. А въ тыхъ черевычкахъ
15. Буде Галя ходиты,
16. И затій черевычкы
17. Буде котыка любиты,
18. Буде молочкомъ кормиты.

б.

10. Черевички съ рогозу
11. Не боятся морозу.

в.

10. Черевички коркови,
11. А Наумку здорови.

---

*) Намъ припоминается такое сопоставленіе: Курочка рябенька, Дитына маленька. *Ред.*

Digitized by Google

г.

16. Шобъ дякъ торгувавъ,
17. А попъ купувавъ. (Рд.).

д.

10. На базарь носыты,
11. Прянычкивъ купуваты,
12. Та дытынку годуваты (Гнч.).

е.

10. Хлиба заробляты,
11. Дитокъ годуваты. (П-ъ).

ж.

10. Черевички не простые.
11. По три золотые;
12. Не турецкіе,
13. А нѣмецкіе.
14. Отъ полу до лавы—
15. Черевички диряви;
16. Отъ припичка до порога—
17. Черевички попорола. (Рд.).

А.

Китку, китку,
Та вкравъ квитку,
Та понисъ до Гали,
Положивъ на лави.
Галя стала кота быты:
Та не вчись, коту, красты,
А вчися робыты,
Черевычкы шиты.
Батькови парку,
Матери парку,
Дѣдусеви чарку,
А бабуси пляшку,
А братыкамъ тылычку,
А мени спиднычку,
А Гапуни калачи,
Щобъ спала въ день и въ ночи!
(Н.-С.).

Б.

А-а, а-а, бай, бай, бай!
Пишовъ котыкъ въ куточекъ,
Укравъ въ бабы клубочекъ
Тай понисъ его до Гали,
Щобъ Галичка пидростала,
Чулочки собѣ вязала.
А Галичка кота была:
Не учися котыкъ, красты.
А учися заробляты,—
Будешь Галечку качаты,
Въ красныхъ чоботкахъ ходыты,
На подушкахъ мягкихъ спаты,
Сливкы съ молочка спываты,
И Галичку забавляты.
А-а, а-а, бай, бай, бай! (С.).

28. Котикъ сѣрый,
Хвостикъ бѣлый,
Не ходи по хати,
Не збуди дитяти:
Дитя маленькое,
Спати раденькое.
А котъ-воркотъ
На люльку скокъ,
Та вкравъ клубокъ.
Стала Маня кота бить:
Не вчись, коте, красты,
А вчися робиты,
Черевички шиты,
Та не наськіе,
Та черкаскіе,
Та не дорогіе—
По три золотые. (К.).

29. Э-э, коточекъ,
Заховавсь въ куточекъ,
Выпивъ бабинъ медочекъ.
Треба кота быты,
Треба выгоняты,
Щобъ не вчився красты.
А вчився робыты:
Та за ципъ, та на тикъ
Хлиба молотыты,
Хвостыкомъ змитаты,
Лапкамы згрибаты,
Хлиба заробляты,
Дитей годуваты. (К.).

(Ср. Чубинскій, т. IV, стр. 21 и 22, № 17, А, Б, В.).

30 Не ходи, котику, по камышу:
Я дытынку колышу.
Баю, баюшки, баю! \ *)
Баю, баюшки, баю! /
Не ходи, котику, по хати,
Не буди, котику, дитяти.
Мимо, муха, не летай,
Крошки Пети не спужай.
(В.-Б.).

31. А ты, котикъ сѣрый,
Не ходи по сѣнямъ;
А ты, бѣловатый,
Не ходи по хатѣ,
Не буди дитяти;
А ты, котикъ рудько,
Та вытопи грубку;
А ты, котикъ черный,
Садися у човенъ,
Лови рыбки повенъ,
Чтобъ было нянькѣ й мамкѣ,

*) Послѣ каждаго 2-стишія.

Digitized by Google

И бабушкѣ старенькой,
И дѣточкѣ маленькой (В.-Б).

А.

А ты, коту сѣрый,
Вымети намъ сины;
А ты, коту рябку,
Скопай у насъ грядку.
Мы посіемъ квиточекъ
Забавляты диточекъ.
А въ насъ диточки, маленьки,
Воны спаты раденьки.
Бай, бай, бай!
Ой спи, дитя, пидростай,
У Бога счастія просы.
Якъ выростешь великій,
Будешь въ золоти ходиты,
Чисто золото носыты,
Въ свитлыхъ хоромахъ житы,
Бога щиро прославляты.
Бай, бай, бай! (С.)

Б.

Ой ну, коту, котына!
Засны, мала дытына!
Коте волохатый,
Не ходы по хати,
Не буды дытяты!
Дитятко маленьке,
Воно спаты раденьке.
Ой ну, коту рудку,
Вымыты хатку!
А ты, коту сирый,
Вымыты сины!
Та піймай мышку,
Та вкынь въ колыску;
Мышка буде граты,
А мала дытына спаты (Н.-С.).

32. Коте сирый, коте билый,
Коте волохатый,
Не ходы ты коло хаты,
А йды, коте, ночуваты,
Дитя маіе колыхаты.
Бодай спало—не плакало,
Бодай росло—не булило
И сердынько не щемило...
У косточки—ростушечки,
А въ сердынько — здоровьячко.
(Н.-Е.)

А.

Котусь сирый,
Котусь билый,
Не ходы по хати,
Не буды дитяти.
Котусь буде веркотать,
А дытына буде спать. (К.)

Б.

Коту сирый, коту билый,
Коту волохатый,
Та ны ходы коло хаты,
Та ны збуды мого дытяты;
Мое дитя маленьке,
Воно спаты раденьке.
Бодай спало—не плакало,
Бодай росло—не болило
И серденько не щемило. (Н.-Н.)
(Ср. Чубинскій, Т. IV, стр. 22, № 18).

33. Ходыть котыкъ по двору,
Та збырае солому (2)
Дитяткови въ голову.
А дитятко буде спать,
Котыкъ буде колыхать. (Н.-Г.)
(Ср. Чубинскій, Т. IV, стр. 22, № 22).

34. У насъ кить—баламуть,
Та пойихавъ у Бахмуть
Купуваты кици кожуха.
Треба съ кици зняты,
Та дитя укрыты,
Щобъ було тепленько спаты.
(Пп.)

35. 1. Э-э, котку,
2. Не лизь на колодку,
3. Розибъешъ головку,
4. Та буде болиты,
5. Нычымъ завертиты:
6. Одна була хустыночка,
7. Тай ту дивки (няньки) вкралы,
8. На куклы подралы,
9. Куколъ наробылы,
10. Кота обидныли,
10. Въ пичи попалылы,
11. Кицю одурылы. (К.)

а.

6. Купы, маты, шовку
7. Обертиты (sic) головку.

б.

1. Ой котыку-котку!...
10. Дитей обманилы.
11. Ой дай, мамо, голку
12. И ныточку шелку
13. Зашиты головку. (К.)

в.

1. Котку, котку!...
10. Въ рядокъ посадылы. (Н.-Н).

г.

10. Въ садокъ посадылы,
11. Щобъ туды й коты
не ходылы. (Н.-Е.)

А

1. Коту, коту, коту!
2. Не лизь на колоду...
10. Котка подманылы.
11. Иды, иды, коту,

Digitized by Google

12. До нашои хаты
13. Дитей колыхаты,
14. А диты маленьки,
15. Та спаты раденьки. (Гнч.)

Б.

1. Люли, люли, бай, бай, котку...
10. Дитокъ подражнылы.
11. А въ насъ дитокъ.
12. Повенъ кутокъ.
13. Воны уси манесеньки
14. И спаточки радесеньки.
(В-.Б.)

В.

Коту, коту, коту!
Не лазь на колоду, (2)
Розобьешъ голову!
Бай, бай, бай! *)
Головка буде болить,
Ничимъ буде завертить, (2)
Ничимъ буде заличить!
Одна була хустка,
Тай ту дивки вкрали, (2)
На куклы порвали,
Куколъ наробыли,
Одіяльце сшили, (2)
Ивана прикрыли.
Бай, бай, бай! (С.)

(Ср. Чубинскій, Т. IV, стр. 23, № 25).

36. Ой коту-коточекъ!
Заховавсь въ куточекъ,
Да впіймавъ мышку,
Та сховавъ въ колыску;
Мышка буде граты,
А дитя буде спаты. (Н.-С.)

А.

Люли, люли...
Сирый китъ
На колодку скикъ,
Впіймавъ мышку,
Пустывъ у колыску;
Мышка буде граты,
Ваня буде спаты. (Н.-Е.)

(Ср. Чубинскій, Т. IV, стр- 24, № 27).

37. Коть-воркотъ
На виконьце скокъ,
А зъ виконця та на лавку,
А зъ лавки та додолу,
А зъ додолу та въ диброву,
Зъ дибровы та въ лисокъ,
Тай вырвавъ соби горишокъ.
(П-ъ.)

38. Э-э, кыцю!
Пиды по водыцю,
Ны впады въ крыныцю!
Пишла кыця по водыцю,
Тай упала у крыныцю;
Пишовъ котыкъ ратувать,
За вушычка вытягать.
Та вытягъ за вуши,
Поставывъ на суши:
Цыть, кыцю, ны гуды!
И Ивана ны збуды!
У насъ диты маненьки
И спатоньки раденьки.
Бодай спало—ны плакало,
Бодай росло—ны болило
И серденько ны щимило! (Р. П.)

(Ср. Чубинскій, Т. IV, стр. 24, № 26).

39. 1. Пишла кыця по водыцю
2. Тай упала у крыныцю;
3. Пишовъ котыкъ вытягаты,
4. Качалкою потягаты.
5. Вытягъ кыцю за вуши,
6. Посадывъ на суши:
7. Дывысь, кыця, весело,
8. Та пойидымъ у село,
9. Та выоремъ нывку,
10. Посіемъ матырынку.
11. Матырынка не вродыла,
12. Та вродывъ лопушокъ.
13. Спыемъ кыци кожушокъ.
14. Треба зъ кыци зняты,
15. Та дытыни даты,
16. Шобъ тепло було спаты. (К.)

а.

3. Пишовъ кить пишки
4. Ратуваты кишки. (Рд.)

б.

4. Ажъ то его ридна маты.

в.

3. Пишовъ дидъ Вакула,
4 Вытянувъ за уха. (Пш.)

г.

10. Та на матырынку,
11. Будемо збыраты,
12. Та дитей купаты. (К.)

д.

13. Пошыемъ Нюни хвартушокъ. (К.)

е.

13. Та пошіемъ зъ него кожушокъ.
14. Треба зъ кыци зняты,
15. Та Парани даты.

---

*) Послѣ 4 стиховъ.

Digitized by Google

16. А Парася не зносыть,
17. Кожушочка не бросыть.
(Н.-С.)
(Ср. Чубинскій, Т. IV, стр. 25, № 28).

40. Коту сирый, коту билый,
Прійды, коту, ночевать,
Прійды дытятко качать!
Я тоби, воркоту,
За работу заплачу:
Дамъ кусокъ пырога
И кушинъ молока. (Пи).

41. Баюшки-баю!
Ходитъ котикъ по лавочкѣ,
Водитъ кошку за лапочки.
Баюшки—баю!
Вышла кошка за кота,
За кота котовича,
За Ивана Петровича.
Баюшки—баю! (К.).

42. Бай, бай, бай!
А котъ кошкѣ
Перебилъ ножки;
А кошечка хворала,
Коту спать не давала.
Цыть, киська, не плачь!
Приходи къ намъ ночевать:
У насъ хатка тепленька
И дѣточка маленька.
Прійди, котикъ, ночевать
И дитятко покачать.
А дитятко маленько,
Оно спаты раденько.
Бай, бай, бай! (С.).

43. 1. Ой ну, котко, котыно,
2. Куды идешь?—По сино.
3. Возьмы мене съ собою,
4. Буду тоби слугою:
5. И волыкы пасты:
6. И конькы пасты,
7. И конькы и волы
8. Выбрыкують до воды.
9. И волыкы напою,
10. И до дивчины побреду.
11. И волыкы напоивъ,
12. И до дивчины поспивъ.
13. Ой тамъ трава зелена,
14. Тамъ дивчина Олена;
15. Тамъ трава якъ рѣска,
16. И дивчина Параска. (Н.-С.).

а.

5. Буду кашку варыты,
6. Буду дитокъ кормыты. (Н.-Е).

б.

1. Люли, люли, котыно...
5. Ты будешь волы пасты,
6. А я буду сино класты. (Пи.).
(Ср. Чубинскій, т. IV, стр. 26. № 33).

44. Гойды, гойды!
Четыре захвойды,
А пята въ колысци,
Въ червонымъ намысти. (Н.-Н.).

45. Ой спи, дитя, не проснысь,
Поки маты съ поля прійде
Да принесе три квиточки:
Перва квитка сонлива,
А другая дрымлива,
А третя счастлива:
И счастячка, здоровьячка,
И добрую годыну
На малую дытыну. (Ар.)
(Ср. Чубинскій, т. IV, стр. 26, № 35).

46. Мате сына колыхала:
Нпченьки ны досыпляла,
Думала—гадала:
Якъ я его оженю—
Всю родыну звыселю:
Якъ въ службу его отдамъ—
Соби пичали завдамъ. (Пи.)
(Ср. Чубинскій, т. IV, стр. 27, № 36).

47. Ай на гори лобода,
Тамъ ходыла удова
Съ маненькими диточками,
Вмывалася слизочками.
А за нею татарынъ,
Стыдкій, брыдкій, поганый,
Хотивъ іи зарубаты,
Дитокъ съ собою забраты.
Не рубай мене, татарынъ,
Стыдкій, брыдкій, поганый,
Есть у мене краще тебе,
Тай той письмо пыше,
Дытыну колыше. (Гич.).

А.

Ой на гори лобода,
Туда ишла одова
Зъ маленькими диточками.
Де не взявся татарынъ,
Стыдкій, брыдкій, поганый,
Хоче вдову зарубаты,
Малыхъ дитокъ соби взяты.
Не тронь мене, татарынъ,
Стыдкій, брыдкій, поганый!
Бо я роду богатого,
А батеньки хорошого. (К.).
(Ср. Чубинскій, т. IV, стр. 28, № 39).

Digitized by Google

48. 1. Мате сына колыхала,
2. Ни дня, ночи не доспала,
3. Тай думала: добрый буде,
4. Пидъ старисть ій прогодуе,
5. Ажь винъ удавсь пьянычинька:
6. Де горилку чуе, тамъ ночуе,
7. А де медъ-вино, тамъ и днюе;
8. Иде до дому—выкрыкае,
9. Свою неньку выганяе:
10. „Иды, нене, причъ одъ мене:
11. Будутъ, нене, гости въ мене,
12. Усе паны, та все попы,
13. Усе паны у жупанахъ;
14. А ты, нене, въ сирячини".
15. Пишла ненька скитаючи,
16. Господоньки шукаючи.
17. Де господа тепленькая
18. Та дытына маленькая,
19. Туда пиду ночуваты
20. И дытяты колыхаты.
21. Ударивъ гримъ на сынивъ двиръ,
22. Тай вбывъ жинку и дытынку.
23. Пишовъ сынокъ скитаючи,
24. Свою неньку шукаючи:
25. Иды, нене, впьять до мене.
26. Будешь, нене, жити въ мене!
27. Будемъ житы—пануваты,
28. Буду тебе шануваты! (Ар.).

а.

8. До дому йде—гостей веде,
9. Выкрыкуе, выгукуе: (П-ъ).

б.

16. Дочкы Гали шукаючи:
17. Пусты, дочко, въ теплу хату!
18. Я буду зятеви вгожаты:
19. Малу дытыну колыхаты. (Пп.).

А.

1. Маты сына колыхала,
2. Колышучи тай спивала,
3. Бо думала: добрый буде,
4. Матиръ хлибомъ догодуе;
5. А винъ задався такая
6. Та пьяныця горькая,
7. Самъ винъ ходе, пье, гуляе,
8. Матиръ зъ дому прогоняе...
27. Буду хлибъ заробляты,
28. Буду тебе годуваты.
29. Прійде смерть тебе поховаю
30. И хорошенько поминаю. (К.).

(Ср. Чубинскій, т. IV, стр. 29, № 41).

49. Ой, дитки мои,
Голубъятка мои!
Хочу я васъ покинуты,
Далеко видъ васъ полынуты.
— Ненько наша,
Била лебедонька!
Не покинь ты насъ,
Подгодуй ты насъ;
Подгодуй ты насъ,
Попаруй ты насъ!
Пидгодувала й тай попарувала.
Оставайсь, ненько, у темному лузи:
Теперъ вже мы и самы у друзи.
Ой, дитки мои,
Голубъятка мои!
Не оставляйте у темному лузи,
Буду я вамъ довикъ въ услузи:
Буду хату вымитаты,
Малыхъ дитокъ колыхаты. (Ар.).

50. Спарадила маладца матушка
Въ середу, въ несчастнай день;
Спавивала маладца бабушка
Въ бумажныя пелёначки,
Въ шолкавой спавивальничекъ;
Укладала маладца матушка
Въ альховую люличку;
Калыхала маладца, пригавариавала:
Баю, баю, маё дитятко!
Люли, люли, маё милое!
Да нима въ тибя
Радимаго батюшки,
А у меня милаго дружка.
Укрывала матушка маладца
Отъ вётра да отъ солнушка,
Да не укрыла отъ чужой
Да отъ старонушки,
Отъ солдатовъ, отъ некрутиковъ,
(Н.-Н.).

51. Вмерла наша матуся,
Осталася дытынка.
Батько ожинывся,
Узявъ вдову хорошу:
Съ первою дитокъ мавъ,
А съ другою разогнавъ:
„Идитъ, диты, въ наймы:
Ныма житья межъ намы".
Пишлы диты служиты,—
По матушки тужиты.
Ходить батько по двору,
Повисивши голову:
„Идитъ, диты, до дому!"
— Живы, тату, якъ Богъ давъ!
(К.).

52. На базарѣ я гуляла
И дорожку прометала;
Я дорожку прометала;
Пескомъ посыпала.
Я песочкомъ посыпала,
Сестру поджидала.
Кончу я дорожку

Digitized by Google

И пойду къ сестрицѣ;
Я пойду къ сестрицѣ,
Къ миленькой малюткѣ.
Я нарву цвѣточковъ
Сестру забавляти,
Чтобъ не плакала сестрица,
Чтобъ была весела. (Н.-Г.).

53. Баю, баюшки, баю,
Дитятко мое!
Что на зорькѣ, на зарѣ,
О весенней о порѣ
Птички Божіи поютъ;
Въ темномъ лѣсѣ гнѣзда вьютъ.
Соловейко, соловей,
Ты гнѣзда себѣ не вей!
Прилетай ты въ нашъ садокъ,
Подъ высокій теремокъ,
По кусточкамъ попорхать,
Спѣлыхъ ягодъ поклевать,
Солнцемъ крылышки погрѣть,
Ванѣ пѣсенку пропѣть.
Баю, баюшки, баю,
Ванѣ пѣсенку пропѣть! (Н.-Г.).

54. Ой, Титъ—старый сычъ!
По Вкраини все ходывъ,
Панивъ-ляхивъ все палывъ,
Що добывъ, то й пропывъ,
Ицку жида наградывъ.
А тамъ жинка молода
Двухъ сыночкивъ родыла;
А сыночки пидростали,
Батьку по Сичи шукали,
Та червонцы заробляли,
Батьку грошей не давали:
„Иды, тату, до дому,
Пропье мате худобу
И съ дяками, съ казаками
И съ кичливыми ляхами!“
А Титъ, старый хрычъ,
На сынківъ такъ кричитъ:
Нехай мате гуляе
И худобу сбуває.
А вы, хлопци, въ гайдуки!..
И ты, Пструсь, почивай
Та скорише пидростай,
Въ Запорожіе паняй:
Будешь питы и гуляты
И нехристивъ проучаты. (С.)

55. Спи, усни, мое дитятко*),
Пока-ль гроза пройдетъ, (2)
Злая бѣда минетъ.
Твой батюшка—поляночекъ
Злымъ бусурманомъ изрубленъ,
По полю чистому раскиданъ:
Злы татары набѣжали,
Терема и дома сожигали,
Христіанскую кровь проливали,
Стариковъ и дѣточекъ побивали,
Молодыхъ въ полонъ забирали,
Животы про межъ собою дѣлили.
Когда солнышко взойдетъ,—
Твоя очередь настанетъ
Злыхъ татаровъ погублять. (С.)
(Ср. Варенцовъ. Сборникъ пѣсенъ Самарскаго края. СПБ. 1862. стр. 8, № 4)

III.

Дѣтскія пѣсни и приговорки.

а) *Пѣсни.*

Когда тѣшатъ ребенка, подбрасывая его вверхъ на рукахъ, „чукикая“, приговариваютъ:

1. Чебачекъ съ кулачекъ—
Солоненка рыбка,
Ни хвостика, ни ребрышка,—
Только одна спинка.

2. Ой, чукъ, парубокъ!
И скокъ на дубокъ,
Нарвавъ ягидокъ,
Наманывъ соби дивокъ!

3. Ой чукъ, чукъ, чукавочка!
Яка мате, така дочка.
Ходыла по садочку,
Ирвала ягидочки
И маныла парубочки.

4. Ой чукъ, чукъ, чукъ,
Наловывъ щукъ,

*) Припѣвъ послѣ 3-хъ стиховъ.

Digitized by Google

Та повизъ на торжокъ,
Та продавъ за шажокъ.
Медяника купывъ—
Дитей поманывъ. (К.)

5. Ой чуки-рычуки!
На дуби лапти.
Дидъ бабу полюбывъ,
Шо въ чырвоній плахти.
Плахта рябенька,
Баба старенька,—
Цуръ ему, пекъ,
Яка чыпурненька!
А въ садочку кохалася,
А въ ставочку купалася (П-я).

А.

Ой чукъ, чукъ!
А на дуби лапти.
Тымъ дидъ бабу любе,
Шо въ червоній плахти.
Тымъ баба раденька,
Шо плахта рябенька.

6. Чуки, чуки...
Коники въ жити,—
Никому выгнаты,
Якъ ны Микити.
Чому ны вси?—
Половили ихъ въ вирси.

7. Чуки, чуки, чуканики!
Купывъ батько жупаники,
И купывъ, и надивъ.
И Ваню поглядивъ.

8. Ой чукъ, чуканивки!
Ишли дивки зъ Макарпвки,
А собаки зъ Макивокъ
С—къ, п—дь на дивокъ:

9. Водятъ слегка пальцемъ по обнаженной ручкѣ дитяти взадъ и впередъ до локтеваго изгиба, припѣвая:

Мышка, мышка,
Теретышка.
Теретынь, теретынь—
Да упавъ черезъ тынъ.

При послѣднихъ словахъ быстро засовываютъ палецъ подъ рукавчикъ рубашечки до плеча.

10. Няня, держа обнаженную ручку ребенка вверхъ ладонью, водитъ по ней слегка пальцемъ и при этомъ поетъ:

„Мыша, мыша, де була?“
— Въ Бога, въ Бога. (У пана). (К.)
„Шо робыла?“—Сукно ткала.
„Шо заткала“?—Кусокъ сала
„Де положила?“—На мыснычку.
„Куды впало?“—Въпомыйнычку*).
Мышка бигла та вхватыла,
Своимъ диткамъ роздилыла.
Вотъ и бабка йдётъ,
И сучку выдётъ
За потылычку
На могылочку.
Вотъ тоби, бабка,
Съ перцемъ юшка,
Солона галушка,
Кобась! кобась! кобась! (П-я.)

Съ послѣдними словами няня слегка бьетъ пальцемъ по ручкѣ ребенка. (Ср. Чубинскій, Т. IV, стр. 32 № 54).

11. Взявъ ребенка за ручки, тихонько хлопаютъ ими въ ладоши и припѣваютъ:

Ой ладочки, ладочко!..
А гдѣ были?—Въ бабочки.
А что ѣли?—Кашку.
А что пили?—Бражку.
Кашку поѣли,
Бражку попили.
Шугу, шугу!.. Полетѣли,
На головку сѣли.

При словахъ: шугу, шугу... машутъ ручками ребенка и затѣмъ при послѣднихъ — прикладываютъ ему ручки на головку. (К.)

А.

Ладушки, ладуси!
А де булы?—У бабуси.
А шо йилы?—Кашку.
А шо пылы?—Бражку.
Каша масленька,
Бражка пьяненька,
Бабуся старенька.
Гай! гай!.. полытилы,
На головку силы. (П—я.)

(Ср. Чубинскій, Т. IV, стр. 32, № 52).

12. Возьмутъ ручку дитяти, поплюютъ на ладонь и, тыкая пальчи-

*) Тирусь, кипю, не рушъ!
Я за цей кусокъ
Поколочу носокъ.
Сл. Нижняя-Дуванка).

Digitized by Google

комъ другой его ручки въ слюну, приговариваютъ:

Сорока, ворона
На припечку сидила,
Диткамъ кашку варыла.

Затѣмъ, перебирая пальчики ребенка, начиная съ мезинца, пригибаютъ ихъ къ ладони и говорятъ:

И цюму дамъ, и цюму дамъ,
И цюму дамъ, и цюму дамъ,

А дойдя до большаго говорятъ:

А цюму ны дамъ:
Бо це быцманъ,
Дровъ ны рубавъ,
Въ пичи ны топывъ,
Воды ны носывъ,
Дижи ны мисывъ,
Каши ны варывъ,
Дитокъ ны кормывъ.

При этомъ ручки ребенка поднимаютъ вверхъ, на головку и кончаютъ:

Гай! гай!.. полытилы въ гай,
На бабыну хату силы:
Молочко пыты,
Кашку йисты (П-я и К.)

(Ср. **Чубинскій**, Т. IV, стр. 33 № 55).

13. Сорока, ворона
На припичку сыдила,
Диткамъ кашку варыла;
Та зъ припичка впала,
Побигла до пана:
„Ой ты, пане губатый,
Позычъ грошей, щербатый!
А я симъ кипъ заплачу
И вентерки поплящу". (К.)

14. Пригнувъ средніе пальцы къ ладони и вытянувъ впередъ рожками указательный и мезинецъ, няня направляетъ ихъ то противъ шейки, то противъ животика дитяти, пугаетъ и щекочетъ его, говоря:

Кузю, кузю, рогатая,
На молочко богатая!

15. Тѣша ребенка, кладутъ его спинкою къ себѣ на ноги и, гладя руками вдоль животика и груди, приговариваютъ:

Ототушки-тутушки!..
На котыка потягушка,
А на (имя) ростушки.
Ой, тошки, тошки!
Шобъ пидросли трошки.

16. Нянька, взявъ ножку ребенка, стучитъ пальцемъ въ подошовку, приговаривая:

Куй, куй, коваленъ!
Пидкуй чобитокъ.
Подай мини молотокъ;
Ны подасышъ молотка,
Ны пидкую чобитка;
А якъ подасы молотокъ,
Такъ пидкую чобитокъ. (П-я).

17. Посадивъ ребенка къ себѣ на колѣни, няня начинаетъ покачивать руками головку его, отъ руки къ рукѣ, приговаривая:

Печу, печу хлибчикъ...
Бильшему—бильшенькій,
Меншему—меншенькій.
Шусть тихо въ пичъ!

Говоря эти послѣднія слова, беретъ и быстро кладетъ ребенка на спинку, а прибавивъ: „Тягну пашку зъ печи", слегка тянетъ его къ себѣ за ножки.

(Ср. **Чубинскій**, Т. IV, стр. 34. № 56).

18. Взявши ребенка за ушки, няня слегка поворачиваетъ вправо и влѣво головку его, а при послѣднихъ словахъ тянетъ за ушки вверхъ.

1. „Зайчику, зайчику,
Де ты бувавъ?
— У млыни, у млыни.
„Що ты выдавъ?"
— 5. Куль муки, куль муки.
„Чомъ ты не вкравъ"?
— Тамъ булы старчики,
Перебили пальчики,—
Насилу втикъ
10. Черезъ бабинъ тикъ.
И тикъ полупавъ,
И бабу злякавъ;
А баба за мною,
Та ще съ кочергою,
15. А я на колоду,
Тай упавъ у воду.
Буль, буль, буль! (К.)

А.

10. Черезъ конопельки.
Конопельки трищать,
Горобчики пыщать.
13. Скау, скау, скау! (К.)

Б.

— 3. У лиси, у лиси.
„Шо ты выдавъ?"
— 5. Симъ михивъ орихивъ.
„Чомъ ты ны вкравъ?"

Digitized by Google

— Тамъ сидилы кравчики,
Золотые пальчики—
Ледви я втикъ
10. Чырызъ попивъ тикъ—
Пальчики пошикъ.
Пивъ! пивъ! пивъ! (II-я.)

(Ср. Чубинскій, Т. IV, стр. 34, № 57).

Ребенокъ дѣлаетъ попытки приподняться, стать на ножки. Мать, или бабка, беретъ ножъ и поставивъ дитя на ножки „перерѣзываетъ ему *путо*", то-есть проводитъ у него между ножками ножемъ по воздуху, сзади наперед, и говоритъ: „ну, теперъ ходы: путо розризано"!

Водя ребенка по лавочкѣ, приговариваютъ:

19. Дыбки, дыбки!..
Ходитъ котыкъ по лавочкѣ,
Водитъ кошку за лапочки.
Дыбъ, дыбъ, дыбъ...

20. Поставивъ себѣ на ноги дитя и держа за ручки, няня качаетъ его на ногахъ и поетъ:

Їихавъ пипъ чырызъ мистъ,
Загрузла кобыла по самый хвистъ.
Тыги—тыги... Нымa дуги.
„А де дуга?"—У лиси.
„А де хомутъ?"—У стриси.
Заввышки—вышки!
Вставай, панъ, съ колыски!

При послѣднихъ словахъ няня быстро поднимаетъ ребенка себѣ на колѣни и оканчиваетъ свою пѣсенку словомъ: „гопъ"!

Посадивъ дитя къ себѣ на плечи, скачутъ съ нимъ по хатѣ и кричатъ: по горшки!' по горшки!.. Присутствующіе подбѣгаютъ, слегка бьютъ дитя по спинкѣ и въ свою очередь кричатъ: щербатый горщокъ! съ дыркой!.. Дитя смѣется: радо, что служитъ предметомъ общаго вниманія.

Вообще же, пѣстуя, тѣша и забавляя дѣтей, приплясываютъ и поютъ пѣсенки изъ числа плясовыхъ и шуточныхъ. Таковы:

21. Очеретъ, осока—
Чорни брови въ козака.
Матусенька родыла,
Шобъ дивчина любыла.

22. Очеретъ, осока
Низко стелется.
Козакъ дивку не любе—
Дивка сердится.
„Коли я тебе не люблю,
Скарай мене Боже.
Буду тебе цилуваты,
Поки сонъ сможе".

23. Черевикъ, черевикъ,
Та на боци дирка.
Тыжъ мене не пизнавъ,
Шо я твоя дивка.

24. Охъ, дидочку,
Хлиборибочку,
Поцилуй же мене
И въ боридочку!
Нацилувався,
Тай намилувався,
Якъ у садку соловейко
Тай нащебитався.

25. Ходывъ дидъ по грибы,
Баба по опеньки;
Дидъ свои погубывъ,—
Бабины циленьки.
„Вары, бабо, юшку,
Спасы твою душку...
Я свои погубывъ,
А твои циленьки".

26. Тринки, тринки...
Три полтинки.
Шогомъ-вагомъ четвертакъ,
Нюхалъ дѣдушка табакъ,
Не дошелъ до границы,
Пропилъ шапку й рукавицы.
(Н.-Н.)

А.

Сахарь-махарь четвертакъ.
Нюхай, дѣдушка, табакъ!
Ахъ ты, дѣдушка Тарасъ,
Не заѣхалъ ты до насъ!
Твоя дочечка у насъ!
Она лаптики плететъ,
У кошолочку кладетъ.
Кошолочка высока,
Задавила гусака.
Гусакъ пищитъ,
Сто рублей тащитъ.

27. А чу я, а чу я...
Горохъ молочу я
На чужомъ точку,
На прилипочку.
Покатилося зерно
Подъ Иваново село,

Digitized by Google

А Ивану весело.
Зеленыя окна,
Красныя кроква...
А собака на цѣпу урывается,
А Иванъ на печи умы ается,
У заслянку выдывляется,
И маслинкомъ примазуется,
И щепкою расчесуется.
(Ср. Шейнъ. Бѣл. н. пѣсни, стр. 25, № 50).

28. Найихалы козаки,
Широкія бороды,
Высокія шляпки,
Сидять на лошадки,
Требують горилки
Четыри бутылки,
Заставляють жида танцоваты...
Якъ ударють гопаки,
Восунки, борунчики...
Поскакалы задкомъ передкомъ
На буярынъ дворъ:
Буярыны пишуть,
На дивчатокъ дышуть,
А собачки на брюшку...
Видьмидь на ципи урывается,
Дидъ на печи убувается,
А кошечка на порози умывается.
(Н.-Е.)

29. 1. Тра-та-та, тра-та-та!
2. Сила баба на кота,
3. Пойихала до попа,
4. А поповы дочки
5. Шыють чобиточки,
6. Повисыли на килочки,
7. Самы пишлы у таночки.
(Н.-Е.)
4. Тра-та-та, тра-та-та!
5. Пойихала до попа.
6. Прійихала до попа,
7. До поповой дочки
8. Шиты чобиточки.
9. Тра-та-та, тра-та-та!
10. Шяты чобиточки.
А поповы дочки:
Одна боса, друга коса,
Третя безъ сорочки.
Тра-та-та, тра-та-та!
Третя безъ сорочки.
Ту придила, нарядила,
Ту на улицу пустила,
А ту й замижъ отдала. (К.)

30. Кукурику рабабанъ!
Сила баба на барана,
Пойихала передъ пана:
Стой. пане, не бижи!
Скажу тоби рымызы:
Твои сыны порослы
И на Динъ пишлы,
Цеберъ меду купылы,
Батька за чубъ водылы:
Сиды, тату, дома,
Точи веретена,
А мы будемъ прясты,
Въ коробочку класты.
Сёму-тому нытка,
А барыни свитка,
Тому-сёму шкуратокъ,
А барыни чобитокъ.
(Хуторъ Маліевка, Песчанской в.).
А.
Сила баба на барана,
Пойихала противъ пана:
Стій, пане, не бижи!
Скажу тоби рымызы:
Въ мене сыны порослы,
Пишлы, меду принеслы,
За чубъ батька водылы:
„Иды, тату, до дому,—
Пропье мате худобу.
Изъ попами изъ дьяками,
Съ хорошими козаками“.(Н.-Н.)
Б.
Шось у лиси гука:
Семенъ батька шука:
„Иды, тато, до дому,—
Пропье мате худобу,
И соху, и борону,
И кобылу ворону,
И качалку, рубель,
И повисмо конопель.
Изъ тымъ козакомъ,
Шо шабелька при боку,
Повенъ кисетъ табаку. (Н.-Н.

31. Сидай, тату, на лопату,
А я сяду на коня,
Та пойидемъ до бырезы,
Та купымо барана...
А въ барана крути рогы,
А въ дивчины чорни бровы,
Тутъ же и въ меня. (Н.-Е.)

32. Разъ, два, три, четыри...
Ходятъ свини по орини,
А за ними старый дидъ,—
Уже ёму сорокъ литъ.

33. Разъ, два, три, четыри...
А сороки на кватыри
Чай пьютъ, чашки бьютъ,
За нихъ денежки даютъ.
А вовкъ на копыцы
Плыте соби рукавицы;

Digitized by Google

А вовчыця была ёго
Шые соби чепчыкъ;
А дыркачъ—потыкачъ
Побигъ доганяты...
„Сюды, люды, туды, люды,
Бижить вовка быты!“

34. Разъ, два, три, четыри...
Якъ были мы на кватыри,
Чай пили, чашки били,
Много денежки платили.
Остается пятачокъ—
Купивъ Вани сертучокъ;
Остаются деньги—
Купивъ Кати серги.

35. Разъ, два, три, четыре, пять...
Вышелъ зайчикъ погулять
Вдругъ охотникъ подбѣгаетъ,
Прямо зайчика стрѣляетъ:
Пифъ! пафъ! ой, ой, ой!
Пропадаетъ зайчикъ мой.

36. Сидитъ, батько, дома,
Стружить веретена!
А я буду прясты,
Въ коробочку класты
А сорока оснуе,
А ворона вытче,—
Вотъ тоби, хозяюшка,
Рубашечка швыдче!
А.
Ты знавъ на що бравъ—
Я не вмію жаты:
Напны мини холодочекъ,—
Я буду лежаты.
А въ тимъ холодочку
Напряду сорочку.
А сороки оснуютъ,
А вороны вытчуть,
А билыи лебеди
Та побилять на води,
А сири утки
Покачаютъ въ трубки,
А мелкія пташки
Пошыють рубашки.
(Ср. Чубинскій, Т. IV, стр. 30, № 46).

37. А въ нашого батька
Козынова шапка,
Семьсотъ овечокъ
Ще й кинь ступачокъ,
Собачка рябенька
На Дону брехала.
Якъ пишовъ я до Галки,
А въ Галки смаленани лапки;
Якъ пишовъ я до Насти,
А въ Насти вареники въ масли;
А я сивъ—пикрипивъ,
Вареникивъ не схотивъ.
Цыги, цыги, скрыбочка!
Лытыть баба съ припечка,
А я ій за вушечка—
Куды лытышь, старушечка?
(К.)

38. Шутыця-пошутыця моя, .
Ны ходы на вулыци сама,—
Теперъ ны такія времена:
Курыця поросятко прывыла,
Поросятко яечко зныело,
А безрукій яечко вкравъ,
Голопузому за пазуху поклавъ,
А слипый та прыгляжувався,
А глухый та прислухувався,
А нимый калавуръ закричавъ,
А бизногій у погонь погнавъ,
Шолудивого за патлы попавъ.

39. Учинывъ воробей соби пыва,
Наробывъ воробей соби дыва;
Созвавъ воробей всихъ пташокъ-чубрашокъ:
И кулика и чайку,
А совы не звавъ—сама прышла,
Сама прышла, въ хату вышла.
Сила сова въ кинець стола.
Сидитъ Орелъ Назаровичъ,
Пугачъ Аврамовичъ,
Сидитъ Галя Васильевна,
Ворона Максимовна
И Сорока Свиридовна,
А сычъ сидитъ на порози,
Всимъ гостямъ на сторожи.
Якъ сивъ воробей на припичку,
Якъ заграе у скрыбочку,
А журавличекъ завивъ танци,
Тай наступывъ сови на пальци.
А совушка разгнивалась,
Тай до дому повіялась.
Прышла сова не клыкана,
Пишла сова осмыкана.
(Ср. Безсоновъ. Дѣтскія пѣсни, стр. 101, № 88).

40. Ой вы, гусы-лыбыди,
А хто старшый на води?
Гусы-буяры, лебеди-дворяны.
Стала гуска-попадья,
А гракъ-капитанъ,
А сорока цыганка,
А галка-панянка,—
Сина накосылы,
Стоги помыталы;
Пишлы сову свататы—

Digitized by Google

Стала сова плакаты:
„Мене батько одѣлявъ—
Соломяни волы давъ,
Пидъ припичкомъ годувавъ,
Съ помыйныци напувавъ.
А я въ пичи топыла,
Соломяни волы спалыла.
Будуть мини на знаки
Чоловичи кулаки:
Кулаками по бокахъ,
Долонями по щекахъ". (П-я).

41. Какъ у нашего сосѣда
Да веселая бесѣда—
Тили да тили (послѣ каждаго 2-стишія),—
Да веселая бесѣда—
Безъ соли, безъ хлѣба:
Кабана-хрюча женили,
Свинью замужъ выдавали, (2)
Да музыки нанимали:
Утки на дудки грали,
Гуси на гусли бренчали,
Куры-дуры припѣвали,
По крапивѣ походили, (2)
Себѣ ноги пожалили.
А индыки шалды-балды,
Сюды-туды, навыбалды.
(Н.-Е.)

42. Й учора въ кумы,
Й сёгодня въ кумы,
А у мены кума
Въ гостяхъ ны була.
Якъ найму я стрильця,
Тай встрѣлю горобця;
Тай съ того горобця
Трои саливъ насолю,
Ай зъ его потрошокъ
Тай складу у мишокъ,
Тай понысу потрошокъ
На базарь же на торжокъ;
Та продамъ я рыло,
Та куплю барыло;
Та продамъ я грудья,
Та куплю я блюдья;
Та продамъ я нижычки,
Та куплю я пляшычки;
Та продамъ я кишычки,
Та куплю я чарочки.
Та тоди-жъ я куму
Тай у гости позову.
Посадю я куму
За двѣнадцать столовъ,
За двѣнадцать блюдовъ.
Тоди-жъ я куми
Поставлю печеного горобця:
„Ой йижъ-жы, кума,
„Ны засаливайся,
„И пидъ столъ ны мытай,
„И въ рукавъ ны ховай,
„И до дому ны носы,
„И дитокъ ны кормы!" (П-я)

43. Два пивныка, два пивныка
Орохъ молотылы;
Дви курочки, дви курочки
До млина носылы;
Коза мыла, коза мыла,
Коза подсыпала,
А маненьке козынятко
У дудочку грало;
А вовчокъ зъ кулачокъ
Зъ лиса выглядае:
Якъ ухвате козынятко
Та дали тикае.
А крюкъ за дрюкъ,
Пишовъ доганяты,
А сорока крывонога
Пишла розганяты.

44. Мыша кнышъ проточила,
Муха борщъ пролила,
Пивинь коня задавывъ—
Ничимъ йихать до млына.
А бабины конопли
На пичи поприлы,
А дидовы постолы
На леду згорилы.
Ходе дидъ по току,
Баба по вгороду;
Носе дидъ кочергу,
Баба сковороду.
А дидъ бабу товче, товче,
Шо ны скоро млынци пыче.
Цыть, диду, ны бисысь!
Якъ напечу—найисысь.

45. Якъ вздумала одивонька,
Якъ на свити житы,
Тай наняла медвѣдика
За плугомъ ходыты,
А вовчика сиренького
Волы поганяты,
А зайчика-стыпанчика
Передни водыты,
А лысычку-курпосочку
Обидать носыты.
Оре, оре медвѣдычокъ—
На шляхъ поглядае:
Чужи жинки обидъ нысуть,
Моеи не мае....
Якъ росердывся медвѣдычокъ,
Плужокъ поломавъ,
А вовчичокъ сиресенькій

Digitized by Google

Волы розигнавъ,
А зайчикъ-стыпанчикъ
Снасти роскыдавъ,
А лысычка-курпосычка
Горшки тай побыла.
Пишлы воны до вдовушки
Тай за заплатою:
Медвѣдыку тулокъ меду,
А вовчику сиренькому
Крутого барана,
А зайчику-стыпанчику
Гнилого качана,
А лысыци-курпосотци
Жарене куря.

(Ср. Головацкій. Нар. пѣсни Галицкой и Угорской Руси, ч. II. стр 509, № 6).

46. Якъ захотила бабусенька забогатиты,
Пидсыпала курипочку, шобъ вывела диты.
Якъ вывела курипочка цилый табунъ—трое,
Якъ погнала бабусенька курипочку пасты,
Сама сила пидъ кустыкомъ куделыцю прясты.
Чорна хмарка наступае, дощикъ накрапае,
Бабусенька курипьятокъ у запилъ хватае:
Сюды, туды пошатнулась— двое задавыла.
Якъ прыгнала бабусенька курипку до дому,
Сама сила на порози куделыцю прясты.
Ходе, ходе курипочка по хати тай шепче:
„Ходы, ходы, курипонька, по хати й тыхо.
„Якъ прійиде дидъ изъ поля, буде баби лыхо".
Якъ прійихавъ дидъ изъ поля:
„Шо це, шо це, бабусенька, курипьятъ ны чуты?
Ой якъ ухвате старый дидъ изъ воза прытыку,
Побывъ баби, понивычивъ головоньку й пыку.
Шобъ тоби, старый диду, борода облизла,
Якъ ты бабу понивычивъ, шо на пичь ны злизла.

А.

Якъ погнала курочокъ
Бабусенька пасты,
Сама сила пидъ тыноқъ
Куделичку прясты.
Ось шульпика де взялась,
Ухватыла цинку;
Баба съ крикомъ поднялась,—
Заплуталась въ нитку.
Ой шумитъ, шумитъ садокъ,
Ставъ дощъ накрапаты,
Бижитъ баба циплятокъ
У хату сганяты.
Ище въ хату не загнала,
А вже двое затоптала,
А назадъ якъ обирнулась,
Такъ на трете спотыкнулась.

(Н.-Е.)

(Ср. Чубинскій, Т. V, стр. 1139, № 88).

47. Сила баба на барана,
Пойихала по горамъ;
Зустрилыся гости,
Понятныя кости:
„Де ты, бабушка, була?"
— А я коней стерегла.
„Дежъ тіи кони?"
— Мыкола узявъ.
„Дежъ той Мыкола?"
— Въ клитку пишовъ.
„Дежъ тая клитка?"
— Вода пидняла.
„Дежъ тая вода?"
— Быки выпыли.
„Дежъ тіи быки?"
— За гору пишлы
„Дежъ тіи горы?"
— Жуки выточили.
„Дежъ тіи жуки?"
— Гуси поклювали.
„Дежъ тіи гуси?"
— Въ очеретъ пишлы.
„Дежъ той очеретъ?"
— Дивки поломали.
„Дежъ тіи дивки?"
— Замижъ пишлы.
„Дежъ той замижъ?"
— Вымеръ, а гробы погныли.
Одна осталася дивка—нимка,
Якъ ударила въ доску,
Тай поплыла въ Москву,
Купыла коровку:
Коровка зъ ложку,
А молочка зъ чашку...
И пый-попывай,
По чашычкамъ розлывай.

(Н.—Е.)

(Ср. Безсоновъ. Дѣтскія пѣсни, стр. 136, № 100).

Digitized by Google

(Ср. **Аѳанасьевъ. Народныя русскія сказки, кн. III. стр. 544—545, с.**).

48. Спыкла баба кнышъ,
Вырвала мышь.
„Гдѣ та мышь?“
— Побигла въ камышъ.
„Гдѣ той камышъ?“
— Вода залила.
„Гдѣ та вода?“
— Быки попили.
„Гдѣ тѣ быки?“
— Довбни побили.
„Гдѣ тѣ довбни?“
— Черви поточили.
„Гдѣ тѣ черви?“
— Куры поклевали.
„Гдѣ тѣ куры?„
— Совы позадрали.
„Гдѣ тѣ совы?“
— На море повходили.
„Гдѣ то море?“
— Цацками заросло.
„Гдѣ тѣ цацки?“
— Дѣвки порвали.
„Гдѣ тѣ дѣвки?“
— Замужъ повыходили. (Н.—Н.)

(Ср. **Шейнъ. Бѣлорусскія н. пѣсни, стр. 27, № 55**).

б) *Приговорки.*

Нѣкоторыя изъ дѣтскихъ приговорокъ носятъ на себѣ слѣды древнихъ молитвенныхъ воззваній или же заклятій. Напримѣръ, при приближеніи дождевой тучи и при паденіи первыхъ капель дождя, дѣти, вертясь кругомъ или подпрыгивая на одномъ мѣстѣ, бьютъ въ ладоши и приговариваютъ:

1. Лый, лый, дощыку!
Зварю тоби борщыку
Въ зеленому (полывяномъ) горщыку.
Лый, лый, дощыку!
Цыбромъ, видромъ, дійныцею
Надъ всякою пашныцею!

2. Иды, иды, дощику!
Сварю тоби борщыку.
Тоби, каша, а мини борщъ—
На велыкый дощъ.

3. 1. Дощыку, дощыку, приступы!
2. Я пойду на страсты:
3. Богу молиться,
Христу поклониться.
А я въ Бога *) сирота—
Отворяйте ворота
Ключикомъ, замочкомъ,
Золотымъ платочкомъ.
—
2. Та на наши капусты,
3. А я пиду пидъ кусты
Богу молиться и т. д.

4. Дощыку, дощыку, перестань!
Я пойду на Іордань
Богу молиться,
Христу поклониться.
А я въ Бога *) сирота,
Запирайте ворота
Ключикомъ, замочкомъ,
Золотымъ платочкомъ.
—
Богъ слезовою водою умывается,
Золотымъ платочкомъ утирается.

5. При видѣ летящихъ журавлей говорятъ:
Журавель, журавель!
Колесомъ, колесомъ!
Завяжемъ тоби очи
Краснымъ поясомъ, поясомъ.
Журавель, журавель!
Кругомъ дороги!...
Якъ не скажешь: помогайби,—
Звяжемъ тоби ноги.

6. Журавлики-журавли,
Закрутылысь на рыли.
Ваша мать пидъ лисомъ
Привязана краснымъ поясомъ.
Путь вамъ, дорожка!
Вы летитъ видъ насъ,
Та не забувайте насъ!
Мы васъ будемъ дожидаты,
Въ выконычко выглядаты:
Не барытыся вы жъ тамъ,
А мерцій летитъ вы къ намъ.

7. Гуси, гуси!
Нате вамъ на гниздо,—
Подохнитъ на Риздво!

Говорятъ при видѣ летящихъ дикихъ гусей, причемъ подбрасываютъ вверхъ солому, которую потомъ собираютъ и подкладываютъ подъ ои-

*) Можетъ быть, вбога (=убога)? *Ред.*

Digitized by Google

дящихъ на яйцахъ домашнихъ гусей, или хранятъ ее до посадки ихъ на яйца.

8. Пугая и отгоняя отъ цыплятъ коршуна, дѣти кричатъ:

Гай, гай! на чужій край,
Тамъ по четверо хватай,
А у мене не займай!

9. При видѣ парящаго надъ нивою кобчика, высматривающаго въ хлѣбахъ или въ травѣ себѣ добычу, приговариваютъ:

Кобчику, кобчику!
Выплети мини рукавички,
А я тоби—батижокъ.

10. При видѣ индѣйскаго пѣтуха, распускающаго хвостъ колесомъ, дѣти начинаютъ дразнить его:

Индыкъ—быкъ,
Спусты кишку
На покрышку!

11. Мурашка, мурашка,
Садовая кашка,
Дай мини кваску,
А я тоби—медку.

Говорятъ, вдвигая послюненный прутикъ между бѣгающихъ по разрытой сверху кучѣ муравьевъ.

12. Пчелы гудутъ—въ поле идутъ;
Съ поля идутъ—медокъ несутъ.

Говорятъ, подходя къ ульямъ на пасѣкѣ.

13. Поймавъ сѣвшаго на руку жучка—сонычка (coccinella 7 punctata) и оставляя его сидѣть свободно на рукѣ, спѣшатъ обойти кругомъ хаты прежде, чѣмъ онъ слетитъ съ руки, при этомъ говорятъ:

Сонычко, сонычко!
Отсунь выконычко,
Подывись на сонычко!
Оббижимъ крутомъ хаты:
Будымъ на сонычки гуляты.

14. Если во время купанья въ рѣкѣ вода попадетъ въ уши, то, приложивъ къ ушамъ руки и покачивая голову со стороны на сторону, дѣти приговариваютъ:

Коту, коту!
Вылій воду на колоду:
Чи на гримъ, чи на дощъ,
Чи на молнію.

15. Заслышавъ крикъ лягушекъ, дѣти передразниваютъ:

Ква, ква, лягушечка!
Ква, ква, пампушечка!
Ква, ква, страбушечка!
Ква, ква, мягкинька,
Хороша кума!
— И ты такова!

IV.

Прикладки къ именамъ, дразнилки и клички.

Съ пробужденіемъ въ ребенкѣ сознанія, съ первымъ лепетомъ ребенка начинается и воспитаніе соціальныхъ чувствъ его. Одновременно со словами: мама, папа, баба, учатъ его произносить слова: цаца, кака, дура, и прилагать эти послѣднія, какъ опредѣленія, къ первымъ: мама—цаца, папа—кака, или наоборотъ, а равно и сопровождать слова свои дѣйствіями, выражающими любовь, презрѣніе, злобу и т. п. (поцѣлуй, плюнь, ударь). Въ такомъ направленіи идетъ и дальнѣйшее воспитаніе ребенка, какъ члена семейства и общества. Къ сожалѣнію, матеріальныя нужды крестьянской семьи нерѣдко заставляютъ ребенка уже съ первыхъ дней сознательной жизни его смотрѣть на другихъ дѣтей не какъ

Digitized by Google

на своихъ друзей, а какъ на своихъ соперниковъ, если не враговъ, которыхъ нужно такъ или иначе отстранить, побѣдить, чтобы не остаться обойденнымъ, обдѣленнымъ. Вотъ тутъ-то, при недостаткѣ необходимыхъ для борьбы физическихъ силъ, обращаются къ силѣ насмѣшки, представляютъ въ увеличенномъ, карикатурномъ видѣ физическіе, умственные, нравственные недостатки соперника. Благо языкъ составляетъ въ этомъ отношеніи неистощимый арсеналъ, еще со временъ первобытной культуры снабженный богатымъ запасомъ нужнаго оружія. Вотъ въ этой-то глубокой, доисторической старинѣ, когда всякая драка начиналась перебранкою и оканчивалась глумленіемъ надъ побѣжденнымъ, и коренится начало дразнилокъ, этихъ первичныхъ формъ борьбы, оружіемъ которой служитъ слово тяжелой, грубой брани-ли, легкой, острой насмѣшки ли, злобной іроніи, язвительнаго сарказма или ѣдкой сатиры. Соперникъ или врагъ долженъ быть поруганъ, осмѣянъ, обезславленъ, уничтоженъ; а какъ соперникомъ можетъ быть каждый другой человѣкъ, то и слѣдуетъ имѣть въ запасѣ противъ каждаго соотвѣтствующее оружіе. Владѣть подобнымъ оружіемъ и учатся дѣти отъ своихъ болѣе взрослыхъ товарищей. Что запасъ этого рода оружія и теперь довольно великъ, видно изъ нижеслѣдующаго.

1) *Мужскія имена*:

Андріанъ.

Адріянъ-кудіянъ.

Александръ.

Сашка-барашка,
Съ горы котывся,
Навозомъ вдавывся.

—

Сашка—голова якъ пляшка. (Ар.)

—

Сашка-букашка,
Покотывъ булку
Та убывъ курку.
Курка не дыше,—
Сашка колыше. (Кругл.)

Алексѣй.

Алексѣй, не бей гусей!

—

Алёша-хвоша,
Помазавъ колеса.

—

Алёша-два гроша,
Шейка-копѣйка,
Алтынъ голова,
По три денежки нога.

—

Алёха-куры полоха.

—

Алёшка-куры колошка.

(Срв. *Прокопій*).

Андрей.

Андрій, не рабій!
Будь добрій!

—

1. Андрій-задрій,
2. Найився (г)орошку.
3. Задравъ ножку,
4. Д—сь на дорожку. (К.)

—

Digitized by Google

4. С—сь на дорожку,
5. Сивъ тай йисть потрошку.
(Пп.)

—

Андрей-воробей,
Не клюй конопель.
Конопли трещатъ,
Воробьи пищатъ. (П-ъ)

Антонiй.

Антонъ-пѣга,
Швидко бѣга.

—

Антонъ-лепитонъ,
Побывъ бабу хомутомъ.

—

Антунъ-клыпотунъ,
Хватай сирка за ковтунъ!

—

Антонъ козу веде:
Бисова коза не йде;
Винъ іи вижками,
Вона его нижками.

—

1. Антоне, Антоне,
2. Гляды, сучка втоне!
3. Тяни іи за вушка:
4. Буде завтра юшка. (Пп.)

—

2. Собака втоне.
3. Тягны за вушка:
4. Буде добра юшка. (Кругл.)

—

Антошка-гола ножка.

—

Антошка посмотривъ въ окошко,
Увидавъ кошку:
Кошка била,
Трошки не зъйила.

—

А въ Антошкы
Спина зъ дошкы. (П-я.)

—

Антошка, Антошка—
Не допечена картошка!

—

1. Антонъ, Антонъ,
2. Не тужи о томъ! (П-ъ.)

—

3. Подавай фаетонъ! (Н.-Г.)

—

Антинъ, Антинъ,
Забигай видтиль!
Та кличь сирка,
Та вбьемъ вовка. (П-я.)

Архипъ.

Архипело-закапело!

Афанасій.

Ахванасъ-Панасъ,
Свиней пасъ:
На гору дрався,
Мукою в—ся. (Пп).

—

Папасъ, Папасъ,
Не замарай насъ!

—

Афонька-кафонька,
Собача монька;
Собаки бѣжали,
Афоньку лизали.

—

Фанько, Фанько,
Курячій дядько! (Кб.)

Борисъ.

Борисъ, за хлибъ берись!

—

Борисъ ходывъ на киргизъ,
Собака коня обгрызъ,—
Осталыся копыты
Для бильшои клопоты.
(Кругл.)

Василій.

Васыль пычерычкы косывъ
Та въ борщъ приносывъ.
Его мате Кулына
Пычерычкы варыла;
А сыстра Приська
Печерычкы триська.

—

Васыль-ковбаса,
Недопечена душа.

—

Васыль навозъ мисывъ:
Пидъ хатою-лопатою,
Пидъ синцами-колинцами,
Пидъ вербою-головою
Объ землю грюкъ!

—

Васька-ковбаська,
Объ тынъ бьетця,
Молокомъ льетця.

—

Вася-кобася,
Жирне мясо; (Пп.)
Кишки волокутся,
Собаки дерутся. (П-ъ.)

Владиміръ.

Володька-колодка.

Digitized by Google

Ладько-кладько. (П-я.)

Власій.

Власъ, ходы до насъ! (Н.-Н.)

—

Власъ свини пасъ:
Нема ны сала, ни ковбасъ. (Кругл.)

Гаврілъ.

Гаврилъ—раскосъ,
Два яичка снесъ. (П-ъ.)

—

Гаврыло—свиняче рыло,
Бигъ черезъ гору,
Розбывъ соби голову.

—

Гаврыло—барыло,
Набый мини видра,
Твоя мате-видьма. (Пп.)

—

Гаврыло—сорокове барыло. (Кб.)
Гаврюшка-кубушка.

Георгій.

Егоръ, Егоръ,
Выйди на бугоръ!

—

Егоръ, Егоръ,
Сзади бугоръ.

—

А въ Ягора
Спина гола. (Ар.)

Герасимъ.

Гарасымъ, Гарасымъ,
По кобыли голосывъ:
Его кобыла здохла,
А ему нога всохла.

—

Гарасымъ, Гарасымъ,
Дижечку прокусывъ
И ввесь сыръ розносывъ. (Ар.)

—

Гарасимъ—с-ъ сынъ,
Продавъ жинку за копійку,
А Явдошку за картошку,
А Лукырьку за сокирку,
А Горпынку за торбынку,
А Наталку за качалку.
(Срв. *Максимъ*) (Н.-Н.)

Гордій.

Гордій—п-дій,
Житна галушка,
Пшыкъ! (Пп.)

Григорій.

Грыцыкъ-буцыкъ,
Паньскій пуцыкъ.

—

Грыцыкъ-пуцыкъ,
Коваливъ цуцыкъ.

—

Грыцыня-буцыня,
Паньке цуцыня (щиня).

—

Грыця-пупа,
На капусти сидила
Всихъ жабъ пойила. (Ар.)

—

Гриша-шиша,
Сидитъ не пиша,
На музыку граетъ
Та всѣхъ забавляетъ.

—

Гришка, Гришка,
Укралъ топоришко,
Побѣгъ на ярышко;
Побѣгъ къ брату,
Укралъ хату; (П-ъ.)
Побѣгъ къ отцу,
Укралъ овцу.

—

Грыцько—хромъ,
Убьетъ тебя громъ. (П-ъ.)
(Срв. *Николай*).

Давидъ.

Давидъ, Давидъ,
Собакъ давывъ. (Пп.)

—

А въ Давыда
Мала гныда. (П-я.)

Даміанъ.

Демьянъ-бурьянъ,
Покотывся въ яръ;
Тамъ шкуру деруть,
Ему мясо дають. (Пп.)

—

Демьянъ, Демьянъ,
Не ходы въ бурьянъ,
Не лови курочокъ,
Не ходы до дивочокъ.
(Н.-Н.)

Дмитрій.

Мытрò—цыганске шатро.

Digitized by Google

Діонисій.

У Дыныса тыля лысе,
Пидъ хатою на килку высе.
(Срв. *Анафія*) (Кругл.)

Евграфъ.

Яврахъ-гаврахъ. (П-я.)

Евдокимъ.

Евдокымъ сивъ пидъ тынъ.

Евменій.

Евмешка-довбешка. (П-я.)

Евфимій.

Юхинъ-юшка,
Пичена галушка. (Н.-Н.)

—

Юхымъ-трюхымъ,
Ковбаскы начинявъ,
Додому прыбижавъ—
Ковбаскы не видавъ. (Кругл.)

Емельянъ.

Омыльянъ, Омыльянъ,
Повни штаны навалявъ;
Гарбузомъ закусывъ,
Та ще бильше натрусывъ.
(Пп.)

—

Омелько-ковелько. (П-ъ.)

—

Омелько-бусурменко.

—

Омеля за троихъ умеля.
(Н.-Н.)
А въ нашого Омелька
Маненька (не велика) симейка:
Тилько винъ та вона,
Та Ярема, та Ѳома,
Та Андрусь, та Петрусь,
Та дви пары Марусь,
Та дви дивки горбатыхъ
(кудлатыхъ),
Та два парубки жонатыхъ.
(П-я.)

—

А въ нашого Омелька
Симейка маленька:
Симъ пишло, симъ пойихало,
Симъ дома зосталось.

—

Захарій.

Захарка-шкуратокъ,
Панскій у тебя ротокъ. (П-ъ.)

—

Захаръ по бору ходилъ,
Захаръ ежака ловилъ.

Игнатій.

Игнатъ—не свой братъ:
Повне гумно ягнятъ. (Пп.)

—

Игнашка, Игнатъ,
Подавывъ ягнятъ.

—

Игнатъ невиноватъ,
А виновата хата,
Шо впустыла Игната.

—

Игнатъ, ходимъ собакъ драть!
Мини мясо, тоби кожа.
Я мяса наварю—
Тебе на кормлю,
А ты кожу продасы—
Мини деньги отдасы. (Кругл.)

Илья.

Илья-поламавъ гилья.

—

Илья-пророкъ
Наловилъ сорокъ,
Наклалъ въ кучку,
Убилъ сучку.

—

Илья-Илюха
Попавъ свиню за вуха:
Волочивъ, волочивъ
Та впьять въ грязь умочивъ.
(Н.-Н.)

—

Илюхо-свиняче ухо.

—

Илюшка-лягушка.
Илюха-требуха,
Зъйивъ корову и быка,
Семьсотъ поросятъ,
Одни ножки висятъ;
Сорокъ кадушекъ
Зеленыхъ лягушекъ,—
Щей ны найився...
Бодай ты розсився!

Исидоръ.

Сыдоръ-выдоръ, трибуха,
Зъйивъ кобылу и быка,
Семьсотъ поросятъ,
Девяносто лошатъ,
Коробочку маку,
Скажену собаку,—
Ще не найився...
Щобъ ты розсився!

Іаковъ.

Яшка—въ роти пляшка. (П-я.)

—

Digitized by Google

Солдатъ Яшка,
Въ кузни пляшка.

—

Якуша-чакуша. (П-ъ.)

Іоаннъ.

1. Иванъ-болванъ (бурванъ)
2. Кочырежкы кувавъ,
3. Чертямъ (жидамъ) продававъ;
4. Черти (жыды) не купыли,
5. Ивана облупыли

—

4. Чорты ны купылы,—
5. Ивана ухопылы. (П-ъ.)

—

4. Черти не беруть—
5. Ивана деруть. (Ар.)

—

3. Пидъ мистъ пускавъ. (П-я.)

—

2. На капусти сидивъ,
3. Уси черви, пойивъ
(Усихъ жабъ пойивъ).

—

Иванюха-требуха,
Зъйивъ корову и быка,
Симсотъ поросятъ,
Девяносто гусятъ
И четыре пташечки,
И горщечокъ кашечки,
И дижку борщу—
И ище йисты хочу,
Та ще й не найився,
Бодай ты розсився! (Кругл.)

Іосифъ.

Йосыпе, Йосыпе!
Шось у хати йе, сопѣ. (Пп.)

—

Йосыпъ-татарузъ,
Продавъ батька за гарбузъ,
Матырь за нагайку,
Купывъ балабайку. (Ар.)

—

Йосыпець-горобець,
Скочивъ на драбынку,
Бросывъ горошинку. (Кругл.)

Калинникъ.

Каленыкъ-варенякъ.

Карпъ.

Карпо-Карпычъ,
Перебравъ кырпычъ

—

Карпусь-дидусь,
Варенычкы кусь! (Кругл.)

Кирикъ.

Кирикъ—киричокъ,
Повинъ ротъ палычокъ.

Кириллъ.

Кырыло-свыняче (собаче) рыло.

—

Кирило-запачкане рыло. (Н.-Г.)

—

Кирило забывъ батька въ барыло. (Кругл.)

Кондратъ.

Кондратъ—мой братъ,
Пошелъ собакъ драть,
Да забылъ ножа взять. (Пп.)

—

Кондратъ, пойдемъ собакъ драть!
Мини—шкуру, тоби—мясо. (Н.-Н.)

Козьма.

Кузьма-розмазня.

—

Кузьма-остолопъ,
Осиновый лобъ.

—

Кузька—собача гузька,
По тыну скаче,
По-собачи плаче.

—

Кузя, Кузя-голопуза,
По двору ходя,
Чертей водя. (П-ъ.)

—

Кузя, вошa въ пузи. (Н.-Н).

Константинъ.

Костянъ-деревьянъ
Черезъ гору свини гнавъ. (Пп.)

Лаврентій.

Лаврушка-индюшка. (П-ъ.)

Леонтій.

Леонтій-Лёвка,
Дурацька головка. (П-я.)

Лука.

Лука зъйивъ вовка,
Корову и быка. (Пп.)

Digitized by Google

Лукашка-Лука,
Грычана мука. (П-я.)

Макарій.

Пишовъ Макаръ
Та тамъ и пропавъ.

—

Макаръ тебе насивъ (припадокъ). (Пп.)

—

Макаръ-душа,
Изъйивъ лоша,
Ще лоша Макарово.
На що зъйивъ?—Ударыло.

—

Макарка, на голови ворона карка. (Н.-Н.)

Максимъ.

Максимъ—с-ъ сынъ,
Продавъ жинку за копійку,
А дытыну за тернину,
А самъ пишовъ за куртыну.
(Кругл.)

—

Максымъ-Гарасымъ,
По кобыли голосывъ,—
А кобыла здохла,
Ему рука всохла. (Пп).

—

Максымъ печерыци косывъ.
(Ар.)

Мартинъ.

Розбывъ Мартынъ
Голову объ тынъ. (Ар.)

—

Побывъ Мартынъ
Горшки объ тынъ.

—

Мартынъ, Мартынъ,
Ударывся объ тынъ.
Хватай, Мартыне,
Мате ще подкыне. (Н.-Н.)

Матвей.

Засмійся, Матвійку,
Дамъ тоби копійку.

Миронъ.

Мирошка-Миронъ,
Повна с—ка воронъ.

—

Миронъ, Миронъ,
Лови воронъ! (П-я.)

Михаилъ.

Мыша, дрыша, шылыстунъ.
(Пп.)

—

Мышка—собача кышка.

—

Мышка-кубышка,
Коло уха шышка.

—

Мышка-мышонокъ,
Кривой поросенокъ,
Съ горы котывся.
Г—мъ подавывся. (Кругл.)

Моисей.

У Мосея мать зас—я.

—

Мося-кося. (П-ъ.)

Назарій.

А нашъ Назарь
Повивъ козу на базарь.

—

Назарька, Назарь,
Пишовъ на базарь,
Купывъ порося,
Воно вырвалося. (Пп.)

Наумъ.

Наумъ—Наумéць,
Повна пазуха лéць. (Пп.)

—

У Наума богата дума.

—

Наумъ-простота:
Съ чужого воза смыче,
А въ свій тыче. (Кругл.)

Несторъ.

А въ нашого Пыстирка
Дитей щыстирка:
Ты та я, та насъ два,
Та мы съ тобой,
Та ще ти чотыри,
Шо отамъ горохъ молотыли,
Та ти пьять,
Шо въ соломи сплять,
То оце й вси,
Та ще дванадцать въ вивси.
(П-я).

—

Нестѐръ г—но стеръ. (П-ъ.)

Никита.

Мыкыто, чи ты то?

—

А въ Мыкыты сира свита,

Digitized by Google

Пидъ виконцемъ согнувся,
Чи не выйде Маруся.

—

Микита-волокита,
Съ горки котився,
Галушкой подавився.

—

Микита-волокита,
Ходе-волочитця,
Робыты не хочитця. (Н.-Н.)

—

Никита-буркита,
Зъйивъ копу жита,
Та ще не найився.
Бодай ты вдавився!

—

Ныкыта-Мыкыта,
Зъйивъ копу жыта,
На гору дрався,—
Мукою в—ся,
Съ горы котився,
Галушкой вдавився. (Пп.)

—

Мыкыта-волокыта,
На-опашку свыта. (П-я.)

—

Никитка—пузата кобылка.

Никифоръ.

Никифоръ-тхоръ.

Николай.

Николай, собакъ лай!

—

Никола-дрыгола,
Ногами дрыгавъ,
Матиръ попавъ;
Мате плаче,
Никола скаче.

—

Мыколай—хромъ,
Убьетъ тебя громъ.

—

Мыкола-храмылака,
Загрызетъ тебя собака. (П-ъ.)

—

Мыкола-икона,
Бурлацькій богъ. (П-я).

Никонъ.

Никошка, посмотри въ окошко,
Побѣжала кошка.

Павелъ.

Павло загнавъ сирка въ кубло. (П-я.)

Павло-хамло,
Поросятъ навело. (Н.-Г.)

—

Павлушка-Павло,
Загнавъ батька въ хамло,
А матиръ въ бочку,
Самъ сивъ на килочку. (Пп.)

—

Павлушка—полушка. (П-ъ.)

—

Павлюкъ излизъ на дрюкъ,
Дрюкъ уломывсь,—
Павлюкъ убывсь. (Кругл.)

Пантелеймонъ.

Панько, Пенычъ, Пантюшка,
Стара индюшка. (Пп)

—

Пантюхо-собаче ухо. (П-ъ.)

Пахомій.

Пархомъ (*) сивъ на коныка верхомъ.

Петръ.

1. Петро-репетро (реметро),
2. Полывяне г—но,
3. На пичи загрузло;
4. Стала мате вытягаты
5. Коромисломъ потягаты.
6. Запрягалы кабанця—
7. Не вытяглы до конця.

—

5. Качалкою потягаты;
6. На лопату сажала—
7. Та зъ хаты выряжала. (Кругл.)

—

4. Спмъ бабъ тягло
5. Та не вытягло:
6. Запрягли кабанця
7. Тай вытягли до конця.

—

Петька-лепетька.

Платонъ.

Платошка-картошка.

Прокопій.

Прокошка собакъ колошка. (П-я.)

—

Прокошка зъйивъ кошку. (Пп.)

(*) Не Парѳенъ ли? *Ред.*

Digitized by Google

Романъ.

Романъ, заховай свій гаманъ!
А пивчи прибижалы
Въ его гаманъ отнималы.
(Кругл.)

—

Романюха-требуха,
Зъівъ корову и быка,
Семьсотъ поросятъ,
Девяносто гусятъ,
Щей кобылу и лоша,
И паршиве порося. (Кругл.)
(Срв. *Илья*, *Исаворъ*).

Савва.

Бевъ, бевъ, бевъ!
Савка вмеръ:
Пипъ прыйихавъ ховаты,—
Савка пойихавъ ораты. (Пп.)

—

Савка-булавка,
Черезъ тынъ гавка;
Тынъ похылився—
Савка убився.

—

Савка по-собачій гавка.

Серый.

Серёга, сядь была порога!

—

Сырёга зъівъ вола сырого.
(Пп.)

—

Сергѣй-качька,
Поймавъ рачька,
Покотывъ булку,
Та вбывъ курку,
Волочывъ, волочывъ
Тай въ борщъ умочывъ.
(Кругл.)

Сильвестръ.

Сильвестръ—симъ вестръ.
(П-я.)

Симеонъ.

Семенъ-боба, Семенъ-боба,
Выгѣзло кошпня изъ лоба.

—

Семене, Семене,
Прыйды до мене!
Дамъ тоби коко,—
Выпизе око (Пп.)
Дамъ тоби двое,—
Выпизуть обое. (Кругл.)

—

Семка-парасемка,
Съѣлъ поросенка,
Трохи погодя—
Съѣлъ медвѣдя. (П-ъ.)

—

Семка, Семка,
Съѣлъ поросенка,
Семнадцать гусятъ,
Только ножки висятъ.

Спиридонъ.

Свырыдона нема дома:
Пойихавъ въ лисъ по дрова,—
Сами диты дома. (Кругл.)

Степанъ.

Степанъ сороку щипалъ,
Сорока пищитъ—
Винъ дали тащить.

—

Стёпка-залёпка,
Залёпавъ сорочку,
Повисивъ на килочку;
Пришла маты,
Стала пытаты.

Терентій.

Терешку, замаравъ мережку.
(Н.-Н.)

—

Засмійсь, Терешку,
Дамъ денежку.

Тимовей.

Тимоха куры полоха.

—

Тимоха-самотоха,
На капусти сидивъ,
Уси червы пойивъ;
Червей не найився
Та тамъ и розсився. (Пп.)

—

Тимошка-балабошка,
Балабоша голова,
Кошеча нога. (Н.-Н.)

Тихонъ.

Тихонъ съ того свѣта спиханъ.
(П-ъ)

—

Тихонъ-Тишка,
Передрана кишка.

Трофимъ.

Трофимъ-куличокъ,
Повна торба яичокъ.
(Н.-Н.)

—

Digitized by Google

Трохымъ-кацяхымъ. (Пп.)

—

Трошка-кошка.

Филиппъ.

Пылыпъ до стины (лавки)
прылыпъ.

Харитонъ.

Харытонъ, Харытонъ,
Убывъ бабу (жинку) хомутомъ,
Соломкою прытрусывъ,
Шобъ комарыкъ (ныхто) ны
вкусывъ. (Ар.)

—

Харитонъ набравъ веретёнъ,
Понисъ на базарь,—
Никому не показавъ.
(Кругл.)

Ѳеодоръ.

Федиръ-медиръ, кукурузъ,
Продавъ батька за гарбузъ,
А матиръ за нагайку,—
Купывъ балабайку;
Балабайка граетъ,
А мате скакаетъ.

—

Ѳедька-рѣдька, ромозокъ,
Продавъ батька за возокъ,
А матиръ за дыню,—
Купывъ господыню.

—

Ѳедька-рѣдька,
Побывъ мухи
На пампухи.

—

Ѳедиръ-пендиръ,
Наварывъ юшки
Безъ петрушки,
Сивъ с--ты,
По—въ пяты. (Пп).

—

Ѳедя-редя,
Съѣлъ медвѣдя. (Н.-Г.)

—

Ѳедя-редя,
На курочкѣ ѣдя,
Хвостомъ погоняя. (П-ъ.)

—

Йила баба рѣдьку,
Та вы—ла Федьку.

Ѳеоктистъ.

Ѳытысъ на верби повысъ.
(П-я.)

Ѳока.

Хвокà зъйивъ вовкà,
А перегодя—видьмедя,
А на закуску
За—ну гуску.

Ѳома.

Хома та Ерема
Булы ридни братья:
Ерема задывився,
А Хома удавився. (Пп.)

2) Женскія имена.

Агафія.

Гапка—собача лапка,
На тынъ скаче,
Молока плаче.
А грихъ! Середа!
— Обрыта борода.

—

Свиты, Гапко!
Богъ давъ телятко.
—Дывысь, Денысе,
Чы воно не лысе? (Ар.)

—

Гапка—собача лапка,
Сучку убила,
Молока надоила,
Дѣтей накормила. (П-ъ.)

—

Гашка-пляшка,
Покотыла пляшку,—
Пляшка розбылась,
А Гашка убылась. (Кругл.)

Аграпина.

Горпына-торбына,
Найлася лободы,
Подрочилась до воды. (Пп).

—

Горпына-крывоспына,
Горбыка полюбыла,
А Горбыкъ-крывобикъ
Горпыну заволикъ. (Кругл).

Акилина.

Акулина-высокà,
Продавала гусака;
Гусакъ пищитъ,
А вона тащитъ.

—

Digitized by Google

Ой ты, Куля-Куляша!
Печи калачи на горячій печи.
А козакъ покравъ,
Черезъ тынъ утикавъ—
Каптанъ порвавъ.
Сила Куля на барана—
Съ жалобою до пана.
Нашъ панъ у пирьи..
Сучка рябенька,
Свыня молоденька.
Сій, Куля, на сыта,
Сій, переворочай
Та вныять учиняй.

—

Якилина-цибулина. (Н.-Н).

Александра.

Сашка—голова якъ пляшка.
(Срв. *Александръ*). (Ар.)

Анастасія.

Настя-пастя,
Вивци пасла,
Назбирала горщокъ масла.
(Пп.)

—

Настя-кобыляче щастя.
(Н.-Г.)

—

Настя-косая,
У рюмочку н—ла;
Изъ рюмочки льется,—
Косая сміется. (П-ъ.)

—

Настя-застя.

—

Наця-паця,
Кислый борщъ.

Анисья.

Оныся, поныже нагныся!
—Помалу, батюшко, садыся:
У мене на спыни чырякъ.
(Кругл.)

Анна.

Ганна-панна, кучерява,
Пидъ решетомъ ночувала*).

—

Ганна-панна,
Злизла на бочку,
У—ла сорочку.
„Дай, мамо, сорочку!“
—А ту де дила?
Сама зъйила. (Пп.)

—

Галя милостива,
Чимъ ты брови намастила?
—Маляриквъ нанимала,
Чорни брови малювала,—
Малювала кукурвасомъ,
Шобъ любили хлопци разомъ*).

—

Анюта въ дугу согнута.

—

Анюта зъ г—на звернута.
(Ар.)

—

Анюта ватой надута,
Гвоздемъ прибита,
Шобъ не була сердита.
(Срв. ниже *Жидъ*). (П.-Г).

—

Анютка—дурная, якъ малютка.
(Н.-Н.)

Варвара.

Варвара штаны порвала

—

Варька-кубарька,
Сила на бочку,
Вс—ла сорочку;
Якъ стало свитаты,
Стала мате праты.

Дарья.

Одарка Тимишу
Не давала кулишу;
Одарка и Тимишъ
Подралися за кулишъ.

—

Дашка—коза, деревяшка,
Злизла на бочку,
Порвала сорочку. (Н.-Н.)

Домна.

Домаха-костомаха.

Евдокія.

Явдока-солоха, (картоха),
На пичи здохла,
Пидъ прыпичкомъ ожыла,
Семоро поросятъ прывыла.
(Кошынятъ навыла).

—

Донька ряба,
Поѣхала по дрова,
Зацѣпилась за пенекъ,
Голосила весь денекъ, (П-ъ)

—

Явдошка перепалась якъ кошка. (Кругл.)

*) Срв. пѣсню въ „Збирныку“ Н. В. Лисенка: „Ой Ганзю мылостыва“, и пр. *Ред.*

Digitized by Google

Евфимія.

Хима, Хима-Химуза,
Наварыла гарбуза,
Сама йисть, сама пье,
А мини ны дае. (П-я.)

—

Хыма-бздыма. (Ар.)

—

Танцюриста Хымка
Выйшла за Юхымка;
А Юхымко плаче:
Чобитъ Хымци ны настаче.
(П-я.)

Евфросинія.

Апрося-Прося. (П-ъ.)

—

Приська г—но трыска. (Ар.)

Екатерина.

1. Катырына-батырына,
2. Борщу-каши наварыла,
3. Блинивъ напекла.
4. Сама утекла.

—

3. Выйшла и стоить:
4. Обидаты йдить.
5. А мы не йдемо—
6. Приказу ждемо. (Кругл.)

—

Катерина-котенокъ,
Жирный поросенокъ,
Съ горки катился,
Саломъ подавился.

—

Катерына-бычкы,
Ой стій, постривай—
Куплю черевычкы! *) (Ар.)

Елена.

Алёна-смалёна. (П-ъ.)

—

Олена-цыбуля (голова, жаба)
зелена.

Ирина.

Орына-собача шкурына. (Пп.)

—

Орышка-кишка, безъ кишокъ:
Остався самый кендюшокъ.
(Кругл.)

—

Оришка перервана кишка.

—

Орька-куряча головка.
(Н.-Н.)

—

Орыньзя-брыньзя. (П-я.)

Іулианія.

Уляна по ярмарку гуляла,
Повынъ чобитъ наваляла.
(Ар.)

—

Ульяна съ солдатами гуляла.
(Н.-Н.)

—

Уляшка-голяшка.

—

Ксенія.

Оксяна-вивсяна.

—

Любовь.

Любка—сивая голубка.

—

Любка-губка,
Три дни не курыла:
Хату завалыла. (Пп.)

—

Марина.

Марына пычырыци варыла,
Йийи маты Приська
Пычырыци трыска. (П-я.)

Марія.

Марья-замарья,
Поихала за ярокъ,
Вы—ла огирокъ
И зъйила сама. (Пп.)

—

Маша-каша.

—

Манька-ханька.

—

Манька-ковбанька,
Куряча головка,
Не боится вовка. (П-я.)

—

Манька-ковбанька,
Злизла на бочку,
Закаляла сорочку. (Кругл.)

---

*) Срв. общеизвѣстную пѣсенку:
Опанасъ быдло (волы) пасъ,
Панасиха—бычки;
Почекай, невтикай,
Куплю черевычки.
(Волын. губ.) *Ред.*

Digitized by Google

Марфа.

Марфычъ укравъ бычъ.

—

Марфычъ-бычъ,
По кобыли голосычъ. (Пп.)

Наталья.

Наталка-качалка,
Ни толста, ни тонка,
А все пыжжки кача.
(Кругл.)

Ольга.

Оля-коля. (П-ъ)

Параскева.

Параска—въ чнеи ервона запаска
Щей добра ласка.

—

Параска по щокамъ ляска:
И замижъ отдають,
И скрыню бырутъ. (Кругл.)
Параня-тараня. (П-ъ.)

Пелагія.

Палажка-салажка.

Софія.

Соня-хроня.

Стефанида.

Стыхваныда-вовчко гныда.

Татьяна.

Тытяна-смытана;
Кошечка бѣжала,
Смытану слизала.

—

Титяно, Титяну!
Нила зъ кушина сметану;
Въ кушинъ голову стромляла—
Гораздъ сметаны недостала.

—

Тытяна-шкуратяна, матузяна.

Февронія.

Хивря задавила пивня,—
Волочила, волочила
Тай въ борщъ умочила.

—

Хивря зарызала пивня,
За другымъ гонылась,
Черезъ пень убылась.
(Кругл.)

—

Хаврошка-кошка.

Харитина.

Харытына—вовча дытына.
(Пп.)

—

Харитина-кривонога,
Царица космонога. (П-ъ.)

Христина.

Христя—повна с—ка листя.
(Пп).

Текла.

Текла-свекла. (Пп).

3) *Физическія качества и недостатки.*

Безбородый. Бабка.
Беззубый. Щербатый орѣхъ. Беззубый грекъ. Беззуба баба.
Безносый. Крапата свыня. Гугнява шавка.
Болтунъ. Пырысынка, дрыдзыха.
Высокій (стройный). Аршинъ проглотывъ. Чугуевска верста. Дыда. Басуе, якъ чортъ его тасуе:
Горбатый. Горбуля, корчака, сучекъ, сутула. Горбата печь. Горбата сула. Горбата баба.

Горбатый капросъ
Ходитъ босъ.

Горбуль—горбатый,
На хлибъ богатый.

Губатый. Губата кулина.

Губошлепъ, губы розвисывъ,
На тынъ повисывъ.

Драчунъ. Драчка, задырака, кишка, одирвиголова, пробышака.
Косоглазый. Косой заяцъ нанесъ яецъ,
Вывелъ дѣтей—косыхъ чертей.
Коса, ны ходы простоволоса,
А продай мини проса.

А я проса ны купывъ —
Простоволосу отлупывъ

Digitized by Google

Косолапый, Клышоногый, клышевый, клышмай,
Кривоногій. Гачжеля, розколодя, дыбулевъ. Косолапый медвѣдь. Парова машина.

Куды ны йде-хиляется,
За тынъ ципляется.

Кривой. Одноглазый слипко. Слипый одудъ, кобилъ, ракъ. Слипа курица. Кривой ялдыкъ:

На одынъ глазъ скалытъ,
А изъ другого гній валытъ. (Пп).

Кривобокій. Кривобока—с—ка глыбока (Пп).
Криворотый. Криворотый Мартынъ.—

Головою объ тынъ. (Пп).

Кучерявый. Кучерява вивця.
Лысый. Лыса коваленька. Голомоза башка.

Якій ты паршивый,
Стриженый, илѣшивый!
По городу шлявся
Весь промотався.
Дѣдушка лысинькій
Продавъ муку й высивки.
За что тебя высѣкли?
— Сами яшни высивки,
Отъ Харькова до Лопень, до Лопень
Маршируе третій день, третій день
До зятя свого, до любезного.

Лѣнивый. Вайло, валько, валюка, полежака.
Малый ростомъ. Столѣтній бубырь.
Неряха. Нечепуруха, потороча помыяка, постега, нырубпылына, нымыйрука, задрипанка. Чучело горохове. Опудало на бакшу. Зачустрина хивря.
Нечоса. Космата чустря. Патласта видьма. Патлатый, кудлатый барбосъ. Волохатый пивень. Путря лохмата. Лахматый жидъ Патлатый цыганъ Орофе на копыця. Стогомъ голова.
Носатый. Носатый журавель, курлукѣ, шпакъ. Довгоноса цапля. Г—ноклювъ.

Цапля носата,
Нихто тебе не свата.

Остриженный Стрыжыный, кошыный,
На дорози брошыный,
А я йшовъ та найшовъ,
Та вы—ся та й пишовъ.

—

Стрыга-мокотыга,
Горохъ молотыла,
По печи качалась,
По боки замаралась.

—

Стрыга—мокотя,
Убрався нехотя;
Цоко, цоко коло лавы,
Нацокавъ повни холявы. (Пп).

—

1. Стрыга-мокотыри,
2. Горохъ молотыла,
3. Собаки дражныла;
4. Собаки за лытку,
5. А стрыга въ калытку.
4. Насыпала въ ложку
5. Та жменьку горошку:
6. Собаки за ложку.
7. Вона на дорожку,

Плакса. Мочына кыслыця.
Цыть—не плачъ!
Спыче маты калачъ:
Медомъ помаже,
Тоби покаже,
А сама зъйисть.

Рыжій. Жовтогорячій, вильховый, фонарь.

—

Рыжый красного спросывъ:
Чымъ ты голову красывъ?
—Я не краской, не замазкой,
Буряковымъ квасомъ
Та собачьимъ мясомъ.

—

Рыжый красного спросывъ:
Чымъ ты бороду красывъ?
—Я на солнышкѣ лежалъ,
Кверху бороду держалъ.

—

Рыжый командиръ
Красну шапочку надивъ;
Красна шапочка дерется,
Рыжый командиръ сміется.

Слѣпой. Слиподня, Слипый оводъ, чмель. Слипа сова. Слипый кверху голову дере: на солнце дивится

Digitized by Google

Слюнявый. Слюнявый бѣжитъ на двори,
А ротъ держитъ на раствори.
—
Слюнявый слины подбираетъ,
А дуракъ наигрываетъ.
Сопливый. Дрима, чухно.
Сопливый. Парубкы!
Висятъ зъ носа робакы.
—
Эй ты, землякъ,
Пидлыжы робакъ!
Хвастунъ. Шылыхвистъ, дрышпель.
Хромой. Гандылавка. Хромой скандынь. Абы на пичь! Абы на пичь! Крыва шканда, не дратуй собакъ! Собаки гарчатъ, костыли брящатъ.

4) *Сословія, національность занятія и т. под.*

Баринъ (*панъ*). Баринъ—голый.
Чего?—Лакей новый.
—
Паны?! На двохъ одни штаны.
—
Паны, на подолахъ галуны.
Барыня (*паня*) Спутана коза.
—
А ты, паня, ны паныся.
Та въ оглобли становыся!
Бондарь. Бондарь—бударь.
—
Бондарю благодарю,
А бондарьци —
Завтра вранци.
—
Бондарь робе, набывае.
А бизъ хлиба пропадае.
Воръ. Воръ, воръ!
Де твій дворъ?
— Пидъ г—мъ.
Чымъ накрытый?
— Лопухомъ.
Йихалы татары,
Г—но ростоптали.
—
Воръ-воришка,
Бидный плутишка:
Краде, краде, зачипае,
Самъ съ голоду пропадае.
Краде, краде да бере.
Самъ сорочку отдае.
Жидъ Жидъ—свиняче ухо.
Жидъ. пархатый,
До коляки припятый,
Гвоздиками прибитый,
Шобъ не бувъ сердитый.
—
Я—жидочекъ смирный,
Ни худый, ни жирный,
А моя душа,
Якъ червонецъ хороша!

Кровельщикъ. Крольщыкъ-выдёрщыкъ!
Почыны соби горщыкъ!
Конокрадъ. Злодій—коноводъ,
Выды коный до воротъ.
Ты будышъ красты,
А я буду пасты.
Кузнецъ, Коваль—свиней ковалъ!
Коваль куе, куе,
Поп—дуе.
Ковалиха на миху.
За—ся со смиху.
—
Коваль куе брычку,
Заглядае въ пичку:
Чы е борщъ, чы е каша,
Чы е въ борщи кусокъ мяса.
—
Кузнецъ стукъ, грякъ,—
Дай, бабо, пятакъ!
—
Кузнецъ—молодецъ:
Не умѣетъ лить свинецъ.
Купецъ. Купци—съ заду пупци.
Лакей. Костогрызъ, лизоблюда, панскій подлизунъ; хребъ.
—
Лакей, подай свѣчу!
Я на дворъ хочу. (Кругл).
—
Валетка-валетъ,
Тебѣ сто лѣтъ.
Маляръ. Мазунъ-повазунъ.
—
Маляра—мастера:
Одинъ сидитъ, другій растера.
Мастеръ. Мастерь! голою спиною ежакивъ быты.
Мельникъ. Мелю, мелю, засыпаю,
И въ мѣшочекъ набиваю,
На стороны поглядаю.
Москаль. Москаль-бочка,
Поймавъ рачка,
Положывъ на столи—

Digitized by Google

Дывытеся. москали!
Ракъ заворушывся.
Москаль изказывся.

—

Москаль навозъ плыскавъ,
Та соби въ ротъ таскавъ.
2 .Не выплыскавъ
3. Та й вытрискавъ. (Пп).

Московка. 1. Московка ряба,
2. Пойихала по дрова:
3. И кричить, и руба,
4. И сокыра туна.

—

3. Зацѣпилася за пень,—
4 Простояла цѣлый день.

Мужикъ. Мужыкъ—наклавъ на языкъ.

Нищій. Голодрабець, шарлота. Злыдарныкы, боса команда.

—

Въ хати хлиба ны куска—
Въ балабайку запуска.

—

Кравъ, кравъ, въ ручку,
Въ панову дучку.
Хто дасть, той князь;
Хто не дасть, той грязь.

Пастухъ. Пастухъ- безъ хлиба стухъ.
Волоки волочатся:
Работать не хочется.

—

Пастухъ—череда,
Сида въ тебе борода!

—

Пастухъ пасе,
Скотына рыве;
Тыцята бижать—
Пора додому гнать. (Кругл).

—

Пастухъ—чередныкъ,
Ростоптавъ черевыкъ.

—

Наплювавъ чередныкъ
Повинъ черевыкъ:

—

Овчарь—надъ овцами гарчавъ.

—

Пастушки—хлистушки!

Плотникъ Шлотникъ -стукаты охотныкъ.
Хоть нычого не зробывъ,
А денжонокъ заробывъ.

Пономарь. Поламарь—свички поламавъ,
Чужимъ дитямъ подававъ,
Свои диты плачутъ,
По тынахъ скачутъ.

Портной. Кравець крое,
Навозъ рое.

—

Кравець! повна спина овець!

—

Тряпушныкъ, лоскутныкъ.

—

Портной шые та поре,
Та ныткамъ горе.

—

Мастеръ портной
На чужой покрой,
А на свой хоть плюнь тай свисни.

—

Портной?! не умѣетъ показать покрой.

Пряха. Пряха пряде,
Де хорошій—иде,
А де поганый,
Туды й не погляне. (Кругл).

Пьяница. Запіяка, ярыжныкъ.

—

1. Пьяныця—бузыця,
2. Пидъ тыномъ валяетця.

—

2. Собакъ дратуе—
3. Пидъ тыномъ ночуе.

—

Пьяница подъ тыномъ валяется,
За копѣйку тянется.

—

Пьяница, дурачокъ,
Не ходи въ кабачокъ!
Тамъ кошки дерутся,—
Тебѣ лапки подаются.
Пьяница, какъ упьется,
Съ ними подерется.

—

Пьяница по дорогѣ шляется,
До дому не забивается. (Кругл).

Работникъ. Въ понедѣльникъ я—бездѣльникъ;
А во вторникъ я—подворникъ;
А въ середу—рачки;
А въ четвергъ—навкулачки;
А въ пятницу—за мятницу;
А въ субботу—на работу;
А въ воскресенье—на веселье.

—

Въ понидилокъ оравъ,
Въ вивторокъ плугъ поломавъ;
Въ середу воливъ погубывъ;
Въ четвергъ шукавъ;
Въ пятницу найшовъ,
Въ субботу додому пишовъ.

Работница. Въ понидилокъ я родылась;

Digitized by Google

А въ вивторокъ я крестилась;
А въ середу похрыстыны булы;
А въ четвергъ—злывки;
А въ пятницу не прядуть;
А въ субботу помый, та помажъ,
Та й спаты ляжъ,
А въ воскресенье—души спасенье

Сапожникъ. Сапожныкъ—безбожныкъ,
Шые за гроши,
А самъ ходе босый.

—

Швецъ—копылецъ,
Набравъ пидошовъ
Та за батькомъ пишовъ.

—

Шые, шые, пошывае,
Якъ изъ воску выплывае. (Пп).

—

Сапожникъ—удалецъ,
Хорошій молодецъ,
Не умѣетъ засукать дратвы конецъ.

Слипецъ (нищій). Слипець, дай млынець!
—Не бачу, батеньку.
Дай два!—Не бачу, батеньку.
Дай три!— Въ торбу три!

Солдатъ. Крысобоень, сирка, крупа.

—

Солдатъ Яшка,
Голова якъ пляшка.

—

Солдатъ брывый,
Хвостъ подбрывый;
На макушки
Три лягушки.

Столяръ. Сосногрызъ,
Стружкы грызъ,

—

Столяръ столяруе,
Батька загачуе (Пп).

—

Столяръ—маляръ,
На драномъ мосту стоялъ;
Мостъ провалился,
Столяръ удавился.

Ткачъ. Пишли ткачи по деркачи,
Зострила ихъ Настя:
Не йдитъ, ткачи, по деркачи —
Не буде вамъ счастя.

Ткачиха. Ткачиха ткала:
Въ ротъ клочкивъ напхала
(Кругл).

Трубочистъ. Трубы чисте,
А себе до вику не очисте.

Хахоль. Хахоль-вахоль,
Шймавъ москаля за выхоръ.

—

1. Хахоль—мазныця,
2. Давай дразниться.

—

2. Никому не годится.

—

Хахоль наклавъ соби на выхорт.

—

У хахла-махла широкіе чоботы.

—

Хохлики, хохлики,
Поднебесные орлики,
Вы насъ поите и кормите.
— А вже-жъ такъ!

Хозяинъ. Хозяинъ—не богатый:
Е у его скотъ рогатый,
А въ кошари козы, вивци,
А въ кармани шей червинци.
(Кругл).

Хлыборобъ. Осинни богачи,
А весинни лекачи.

Цыганъ. Били арапы.
Цыганъ-море, пакады!

—

Цыганъ-море,
Кошеня хворе,
Бубликомъ хвостикъ.

—

Цыганъ-вцвыганъ, конячій батько.

—

Цыганъ-быханъ,
Продавъ душу за лягушу.

—

Цыганъ, цыганъ, не басуй!
Йили хлопци ковбасу;
Хлопци свинячу,
А цыганъ собачу.

—

Шкеверде, батьку,
Проминяй сиру на билу!
Минявся домінявся,
Шо выминявъ шило на мыло.

—

Цыганъ—цыганчукъ,
Продавъ батька за кганчукъ,
А матиръ за швайку,
Та выминявъ нагайку.

—

Цыганъ коный поцвыгавъ.

П. Ивановъ.

Digitized by Google

ОЧЕРКИ СЕМЕЙСТВЕННАГО ОБЫЧНАГО ПРАВА КРЕСТЬЯНЪ МИНСКОЙ ГУБ.

Предлагаемые очерки основываются на матерьялѣ троякаго рода: главнымъ источникомъ служатъ рѣшенія волостныхъ судовъ, записанныя авторомъ въ Рѣчицкомъ, Бобруйскомъ и Пинскомъ уѣздахъ [1]), затѣмъ личныя наблюденія и, наконецъ, отвѣты нѣсколькихъ лицъ изъ Минскаго, Новогрудскаго и Мозырскаго уѣздовъ, постоянныхъ обывателей бѣлорусскихъ селъ, обязательно сообщившихъ свои наблюденія на предложенные имъ авторомъ вопросы. Тогда какъ въ личныхъ наблюденіяхъ и сообщеніяхъ всегда можно предполагать извѣстную долю субъективнаго отношенія къ предмету, рѣшеніе волостныхъ судовъ, какъ актъ, можетъ служить наиболѣе объективнымъ источникомъ для изученія правовой стороны народной жизни.

Поэтому, едва-ли справедливо то скептическое отношеніе къ выводамъ, основаннымъ на этомъ матерьялѣ, которое нерѣдко проявляется въ нашей юридической литературѣ и поддерживается даже такими первостепенными юристами, какъ покойный Оршанскій [2]) и М. М. Ковалевскій [3]), которые ссылаются на произволъ „пьянаго“ писаря. Съ такимъ взглядомъ на рѣшенія волостныхъ судовъ, какъ на источникъ обычнаго

---

[1]) Во время своихъ поѣздокъ я сдѣлалъ выписи рѣшеній волостныхъ судовъ Телеханской вол. Пинск. у., Горбацевичской вол. Бобруйскаго у. и Дерновичской вол. Рѣчицкаго у. (въ количествѣ болѣе 270 №№); сверхъ этого я занимался обзоромъ волостныхъ рѣшеній другихъ волостей—Доброславской, Погостъ-Загородской Пинскаго у., Игуменскаго у., Городокской Бобр. у и нѣк. др.

[2]) Оршанскій, Нар. судъ и нар. право, 390.

[3]) См. его статью, въ Nouvelle Revue historique du droit etc., 1890, май—іюнь: „Etudes sur le droit coutumier russe“, введеніе.

Digitized by Google

права, трудно согласиться, по крайней мѣрѣ въ сферѣ нашихъ наблюденій.

Прежде всего въ рѣшеніяхъ волостныхъ судовъ мы будемъ наблюдать одно и то же отношеніе ихъ въ однородныхъ случаяхъ, и въ различныхъ мѣстностяхъ, и въ различное время, что указываетъ на то, что то или другое рѣшеніе есть актъ обычнаго права, а не измышленія писаря. Съ другой стороны, принимая во вниманіе историческія данныя, мы можемъ убѣдиться, что современныя нормы обычнаго права бѣлоруссовъ соотвѣтствуютъ тѣмъ даннымъ, которыя мы можемъ извлечь изъ историческихъ источниковъ, по крайней мѣрѣ за триста лѣтъ до нашего времени [1]). Мало того, въ нашихъ рѣшеніяхъ мы не разъ встрѣчаемъ указаніе на то, что то или другое дѣло рѣшено по „мѣстному обычаю". А въ одномъ дѣлѣ мы даже встрѣчаемъ любопытную борьбу мѣстнаго обычая съ властью Присутствія по крестьянскимъ дѣламъ: оно четыре раза кассировало рѣшеніе и всякій разъ волостной судъ, опираясь на „мѣстный обычай", постановлялъ прежнее рѣшеніе.

Правда, въ области уголовныхъ рѣшеній можно встрѣтить, особенно за послѣднія 3—5 лѣтъ, болѣе частые случаи справокъ съ Уложеніемъ о наказаніяхъ. Это вполнѣ понятно: основы обычно-правовыхъ воззрѣній такъ или иначе подрываются, усложненіе жизни усложняетъ разнообразіе проступковъ, для сужденія о которыхъ еще не создался обычай, а между тѣмъ стройность и опредѣленность нашего уложенія о наказаніяхъ подкупаетъ судей. Но въ сферу семейной жизни, домашняго очага, еще не проникъ писанный законъ; традиціи семьи чрезвычайно дороги для крестьянина, наше же законодательство мало примѣнимо въ этомъ отношеніи къ крестьянскому быту, и здѣсь волостному судьѣ, болѣе чѣмъ гдѣ бы то ни было, приходится пользоваться завѣтами отцовъ и мирить ихъ, прилаживать къ новымъ жизненнымъ требованіямъ, отстаивая всякую мелочь народной традиціи.

Все это позволяетъ намъ видѣть въ рѣшеніяхъ волостного

---

[1]) См. интересную статью проф. Владимірскаго-Буданова въ „Чтеніяхъ" Истор. Общ. Лѣтоп. Нестора, Кіевъ, т. III.

Digitized by Google

суда наиболѣе достовѣрный источникъ народно-обычнаго права.

Положивъ, такимъ образомъ, въ основу настоящей статьи рѣшенія волостныхъ судовъ, мы однако приводимъ, по возможности, и то, что намъ извѣстно изъ личныхъ наблюденій или разспросовъ.

Что касается способа пользованія всѣми этими источниками, то была принята во вниманіе возможность различныхъ уклоненій въ сферѣ обычнаго права въ зависимости отъ мѣстныхъ условій. Чтобы не принимать частностей за общее правило, я отмѣчаю въ скобкахъ уѣздъ или волость, гдѣ замѣчается такое уклоненіе. Въ особенности я старательно выдѣлялъ всѣ обычно-правовыя особенности крестьянъ Пинскаго у.,—хотя ихъ оказалось весьма не много,—такъ какъ населеніе его не однородно съ населеніемъ другихъ уѣздовъ.

Въ заключеніе этихъ предварительныхъ замѣчаній, я не могу не замѣтить, что предложенный очеркъ далеко не исчерпываетъ всего содержанія собраннаго мною матеріяла, представляя лишь краткій обзоръ его, лишь главнѣйшіе факты и выводы, пополненіе которыхъ было-бы крайне желательно.

I.

Теперь перейдемъ къ предмету статьи. Прежде всего разсмотримъ вопросъ о томъ, какую форму семьи мы должны признать преобладающею у бѣлоруссовъ разсматриваемой мѣстности. Терминологія для опредѣленія родовъ семьи, какъ извѣстно, далеко не установлена. Существующія опредѣленія *большой, малой* семьи, *простой* и *сложной семейной общины* [1]) иногда употребляются не въ одномъ и томъ-же смыслѣ. А потому слѣдуетъ замѣтить, что мы будемъ, слѣдуя болѣе обычной терминологіи, называть малой семьей такую, которая состоитъ изъ родителей и неженатыхъ дѣтей, большой семьей -такую, въ которой живутъ родители съ женатыми и замужними дѣтьми, и наконецъ семейной общиной такую

---

1) Ср. Пахманъ, Обычное право, т. II, стр. 137.

Digitized by Google

форму семьи, когда живутъ нераздѣльно братья или дяди съ племянниками, сдольники и пр.

Итакъ, какую форму семьи изъ трехъ названныхъ можно признать здѣсь господствующею? На этотъ вопросъ нельзя отвѣтить абсолютно. Дѣло въ томъ, что раздѣлы дѣлаютъ свое дѣло, они проникаютъ не только въ семейную общину и разлагаютъ ее, но все чаще и чаще замѣчаются даже выдѣлы женатыхъ сыновей отъ отца. Поэтому здѣсь и отвѣтъ можетъ быть данъ только приблизительный. Я думаю, что едвали будетъ ошибочнымъ признать преобладающею формою семьи въ Минской губ.— семью большую. Выдѣлъ сыновей при жизни отца, какъ увидимъ, все еще считается явленіемъ необычнымъ, обусловливаемымъ спеціальнымъ положеніемъ той или другой семьи, а также не признаваемымъ за общее правило.

Стремленіе къ раздѣламъ при жизни родителей замѣчается лишь оазисами въ различныхъ мѣстностяхъ: въ однихъ ихъ совсѣмъ не знаютъ, въ другихъ, наоборотъ, именно эта послѣдняя форма прививается все больше и больше, съ каждымъ годомъ число такихъ семей увеличивается, и уже образуются правовыя нормы, опредѣляющія порядокъ раздѣла. Такъ, напр., въ Дерновичской волости (юго-восточный уголъ Рѣчицкаго у.) выдѣлъ сыновей при жизни отца почти неизвѣстенъ. Если онъ и бываетъ, то далеко не полный: отецъ строитъ сыновьямъ у себя на дворѣ отдѣльныя хаты, въ которыхъ помѣщается каждая новая семья, но земля, скотъ, орудія—все находится въ общемъ владѣніи, ѣдятъ вмѣстѣ, вмѣстѣ и работаютъ. Каждая семья имѣетъ лишь въ отдѣльномъ владѣніи платье и другія мелкія вещи, деньги лично ею заработанныя и пр., т. е. соблюдается тотъ же порядокъ, какъ и въ семьѣ, живущей въ одной избѣ. Обостренныхъ отношеній между отцомъ и сыновьями, подѣла землею и скотомъ почти не встрѣчается. Ни одного дѣла мѣстнаго суда (съ 60 годовъ до нашего времени) нѣтъ такого, гдѣ бы сынъ жаловался на отца или наоборотъ.

То же слѣдуетъ сказать и относительно многихъ другихъ мѣстностей Рѣчицкаго, Мозырскаго, Минскаго и Новогрудскаго уѣздовъ, гдѣ мнѣ приходилось бывать лично, или откуда у меня имѣются свѣдѣнія.

Digitized by Google

Но весьма оригинальное явленіе мы замѣчаемъ въ Пинскомъ уѣздѣ. Глухое Полѣсье, болотистость этой мѣстности, сравнительно первобытный строй всего міровоззрѣнія пинчука—сохранили много архаичныхъ особенностей быта, во многихъ отношеніяхъ. Но не смотря на это здѣсь именно разложеніе большой семьи и семейной общины идетъ наиболѣе быстрыми шагами. Раздѣлы здѣсь охватываютъ весь уѣздъ повально и именно въ самые послѣдніе годы. Еще поколѣніе средняго возраста не знало ихъ, смотритъ съ ужасомъ на то, что дѣлаютъ молодые, но покоряется необходимости. Нормы раздѣловъ не установились: дѣла волостныхъ правленій переполнены жалобами родителей и дѣтей другъ на друга, указывающими на самыя ожесточенныя отношенія тѣхъ и другихъ. Но еще болѣе замѣчательно то, что именно здѣсь-же мы находимъ наиболѣе типическіе остатки не только большой семьи въ строгомъ смыслѣ, но и семейной общины. Впослѣдствіи мы увидимъ, что экономическія причины заставляютъ здѣсь быстро разлагаться большія семьи и общины. Но гдѣ тяжесть экономическаго быта не довела семью до разложенія, тамъ въ томъ же Пинскомъ уѣздѣ мы встрѣчаемъ самые строгіе и чистые типы ея. Здѣсь мнѣ нерѣдко приходилось встрѣчать семейныя общины въ 15—25 человѣкъ, между тѣмъ какъ въ другихъ уѣздахъ такія общины уже большая рѣдкость. Я имѣю лишь краткія указанія на существовавшія въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Минскаго у. общины въ 25—30 человѣкъ и даже до 50, въ Бобруйскомъ у. встрѣчались семьи въ 17 челов. Такимъ образомъ очевидно, что тогда какъ въ бѣлорусскихъ уѣздахъ Минской губ. семейная община представляетъ собою отживающій типъ и нормальнымъ типомъ семейной организаціи мы должны признать большую семью, въ свою очередь стремящуюся перейти въ малую,—въ Пинскомъ у. мы, повидимому, присутствуемъ при непосредственномъ переходѣ семейной общины въ малую семью. При этомъ типъ большой семьи остается здѣсь, конечно, не безъизвѣстнымъ, но онъ не успѣлъ еще укорениться, проникнуть во все населеніе, какъ вдругъ новый порядокъ вещей, новыя отношенія сразу вызываютъ къ еще болѣе простой формѣ семьи,—именно къ

Digitized by Google

малой. Въ виду все болѣе усиливающихся раздѣловъ, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ даже признается болѣе удобнымъ раздѣлъ при жизни отца, чтобы предупредить раздоры послѣ смерти главы семьи. Такой порядокъ вырабатывается, напр., въ Горбацевичской и Городокской вол. Бобр. у.

Таково общее впечатлѣніе, которое выноситъ наблюдатель.

Но чтобы дать читателю болѣе осязательное представленіе о составѣ семейной общины, мы приведемъ нѣсколько указаній изъ имѣющихся у насъ рѣшеній волостныхъ судовъ о лицахъ, которыя входятъ въ составъ общины. Такая справка дастъ возможность ясно представить взаимное отношеніе членовъ, хотя, спѣшимъ замѣтить, она не можетъ дать выводовъ о количественномъ отношеніи общины къ семьѣ, какъ бы послѣднее ни было желательнымъ. Кромѣ того, тутъ же мы увидимъ и степень жизненности этого института въ средѣ крестьянъ: чѣмъ болѣе далекое родство отдѣляетъ сожительствующихъ членовъ, тѣмъ большую силу, кажется намъ, долженъ имѣть самъ институтъ.

Чаще всего мы встрѣчаемъ, что живутъ вмѣстѣ родные семейные братья. Такихъ общинъ повсемѣстно мнѣ приходилось встрѣчать очень много, и онѣ представляютъ обычный и простѣйшій видъ семейной общины. Иногда такая семья держится до самой смерти братьевъ, или до смерти одного изъ нихъ и разстраивается уже двоюродными братьями, хотя не рѣдко можно видѣть, что посѣдѣвшіе братья расходятся на отдѣльныя хозяйства, чаще всего вслѣдствіе несогласій среди младшихъ членовъ. Затѣмъ встрѣчаемъ указанія на сожительство дядей съ племянникомъ: изъ одного рѣшенія видно, что двое дядей жили съ племянникомъ, община разложилась, при чемъ племянникъ остался жить съ однимъ изъ дядей: сожительство такое иногда бываетъ настолько продолжительно, что племянникъ отдѣляется съ взрослыми уже сыновьями (Рѣч. и Бобр. уѣзды). Но эта община, основанная на чисто родственныхъ и при томъ близкихъ отношеніяхъ, представляетъ явленіе довольно понятное, какъ слабые пережитки родовой общины.

Для насъ особенный интересъ имѣютъ случаи сложенія искусственной общины, или по крайней мѣрѣ такой, въ

Digitized by Google

которой члены не связаны близкимъ родствомъ, а для совмѣстнаго сожительства должны были сойтись на извѣстныхъ условіяхъ.

Я приведу нѣсколько примѣровъ изъ рѣшеній волостныхъ судовъ. Такъ, односельцы Антонъ и Корней Борисевичи въ с. Озаричахъ Пинскаго у. (изъ другого дѣла видно, что они не считаютъ себя родственниками даже) согласились жить вмѣстѣ, при чемъ Корней принялъ на свое хозяйство Антона. Послѣдній „прожилъ семь лѣтъ, привелъ его (Корнеево) хозяйство въ хорошее состояніе, трудился какъ самъ, такъ равно и жена его и выкупилъ участокъ земли его, Корнея, который былъ въ арендѣ у еврея за тридцать рублей". Корней выгоняетъ изъ дому Антона, а потому послѣдній требуетъ за трудъ его 100 р. Корней признаетъ трудъ Антона и удовлетворилъ искъ послѣдняго. Антонъ считался въ семьѣ Корнея—семьяниномъ—обычный терминъ для подобнаго рода принятыхъ въ домъ; семьяниномъ называютъ иногда и дальнихъ родственниковъ, также сожительствующихъ вмѣстѣ.

Въ Бобруйскомъ у. принятые въ семью въ качествѣ семьянина носятъ названіе сдольниковъ, и эта форма семейной общины является здѣсь довольно распространенной, не смотря на одновременно усиливающееся разложеніе большой семьи. И здѣсь сдольничество вызывается чисто экономическими причинами: вдова остается съ малолѣтними дѣтьми, не можетъ сама управлять хозяйствомъ и принимаетъ къ себѣ сдольника; захудавшій по тѣмъ или другимъ причинамъ домохозяинъ точно также подыскиваетъ себѣ сдольника съ здоровыми руками, а иногда и съ хозяйственнымъ инвентаремъ. Для большей прочности договора, обѣ стороны очень часто заключаютъ формальный договоръ въ волостномъ правленіи. Въ договорѣ точно опредѣляется, въ какихъ отношеніяхъ стоятъ обѣ стороны, кто изъ нихъ будетъ завѣдывать хозяйствомъ, наконецъ самую существенную часть договора составляетъ условіе о землѣ [1]).

---

[1]) Приведемъ для примѣра два условія сдольника съ хозяиномъ: „1876 года февраля 19 дня, мы, крестьяне дер. Дѣдко, вдова Парасковія Росликъ и Иванъ Трухань заключили условіе въ слѣдующемъ: 1. Я, Парасковія Росликъ, будучи

Digitized by Google

Сдольника или семьянина народъ никоимъ образомъ не смѣшиваетъ съ пріемышемъ. Пріемышъ это тотъ, кто принятъ въ дѣтствѣ за сына·мѣсто, за сына, или за дочь. Мнѣ не разъ приходилось наблюдать, что крестьяне дѣлаютъ различіе даже между пріемышемъ въ собственномъ смыслѣ (за сына), отъ пріемыша, который, выросши, становится въ семьѣ уже въ качествѣ сдольника. Хозяинъ не будетъ называть такого пріемыша сыномъ, а пріемышъ хозяина—отцомъ. Въ Бобр. у. съ десяти лѣтъ полный пріемышъ считается въ семьѣ сдольникомъ.

Сдольникъ, являясь въ принимающую его семью, часто вноситъ съ собою и свою долю имущества, въ видѣ инвентаря, наличныхъ денегъ или даже земли. Такъ, въ одномъ

въ немолодомъ вѣкѣ и оставшись вдовою съ малолѣтнимъ сыномъ Петромъ, не въ силахъ сама удержать оставшагося послѣ мужа моего хозяйства и обрабатывать землю и уплачивать за оную платежи, за лучше признала для поддержанія себя и хозяйства принять въ домъ свой Ивана Трухана, который обязанъ управлять всѣмъ хозяйствомъ, смотрѣть за онымъ какъ за своимъ собственнымъ, меня уважать какъ старшую, а малолѣтняго сына моего до достиженія совершенныхъ лѣтъ воспитывать, какъ свое собственное дитя; за что по смерти моей Иванъ Труханъ вступитъ въ права наслѣдства наравнѣ съ сыномъ моимъ Петромъ, т. е. половину всего движимаго имущества и половинную часть земли; на случай же Иванъ Труханъ долго не захочетъ находиться у меня и не будетъ смотрѣть за хозяйствомъ, то я удерживать права имѣть не буду, но тогда къ половинѣ хозяйства и земли Иванъ Труханъ права имѣть не будетъ, а когда проживетъ со мною до совершеннолѣтія сына моего Петра, тогда будетъ имѣть право къ половинной части. Ни я, ни сынъ мой прекословить въ отдачѣ части не будемъ, причемъ вмѣняю въ обязанность Ивану и то, что уплата денегъ за разныя казенныя повинности лежать должны на обязанности его, Ивана, а зарабатывать деньги на эти надобности обязаны вмѣстѣ съ сыномъ Петромъ.—2. Я, Иванъ Труханъ, на все предложенное 1 пунктомъ вдовою Парасковіею Росликъ согласенъ и обязанъ исполнить въ точности. Подписи" (Горбац. вол., книга сдѣлокъ 1876 г., ст. 2).

„1874 года апрѣля 29 дня мы, нижеподписавшіеся крест. дер Богушовки, Иванъ Корбутъ и Константинъ Тарасевичъ, заключили условіе въ слѣдующемъ: Я, Иванъ Корбутъ, будучи бездѣтнымъ и не въ состояніи выплачивать за отведенный мнѣ участокъ земли подъ № 13 и обрабатывать оный, уступаю крестьянину одной со мною деревни Константину Тарасевичу, и считая занимаемой имъ на моемъ участкѣ усадебной земли,—половину всей пахотной, сѣнокосной и подъ лѣсомъ въ количествѣ 9 десятинъ. Постройка, произведенная Тарасевичемъ, должна оставаться за нимъ и не тронутой съ занимаемаго ею теперь мѣста, при чемъ ставлю въ условіе, что плату за половину участка дол-

Digitized by Google

случаѣ сдольникъ внесъ „40 руб., сало, муку и разную хозяйственную рухлядь“. (Бобр.) Въ другомъ случаѣ споръ шелъ за засѣянное рожью такого сдольника поле (Пин.); одинъ семьянинъ въ Дерновичской вол. внесъ $3^1/_2$ осмины ржи, 1 осмину овса, 10 гарнцевъ ячменя, 1 осм. ярицы, 10 гарнцевъ картофеля и т. д. Однимъ словомъ, сдольникъ, кромѣ своего труда, вноситъ еще и капиталъ.

Положеніе, которое занимаетъ семьянинъ въ семьѣ, зависитъ отъ тѣхъ условій, при которыхъ онъ принятъ. Если принимающій его самъ заправляетъ хозяйствомъ, то сдольникъ является младшимъ, подчиненнымъ членомъ въ семьѣ. Одно, напр., рѣшеніе суда такъ опредѣляетъ положеніе такого сдольника: онъ принятъ въ семью „какъ родственникъ“, „съ тѣмъ, что онъ обязанъ работать въ его, Якима, хозяйствѣ, какъ на своемъ собственномъ, нести должное повиновеніе и находиться съ Якимомъ до конца жизни“ (Бобр. у.). Но если въ семьѣ нѣтъ хозяина, или хозяинъ умираетъ, оставивъ младшихъ членовъ семьи, то и сдольникъ становится во главѣ хозяйства, и его прерогативы по отношенію къ остальнымъ членамъ ничѣмъ не отличаются отъ власти и значенія главы семьи, хозяина. Такъ, напр., мужъ и жена Наумчики и сынъ ихъ Ковалько (пасынокъ Наумчика) жаловались суду на притѣсненія со стороны семьянина-главаря и просили раздѣла. Судъ не только не удовлетворилъ ихъ просьбы, потому что не соглашался главарь семьи, но даже

женъ вноситъ Тарасевичъ; кромѣ того онъ долженъ отбывать всѣ общественныя и натуральныя повинности за полный участокъ, т. е. какъ за свою, такъ и за мою половину надѣла и уплачивать за меня мірской сборъ. За полъ-участка же, который я оставляю за собой, я долженъ выкупной платежъ вносить самъ, а также казенныя подати лежатъ на мнѣ. Обязательства, налагаемыя мною на Тарасевича, обязательны для него до смерти моей и жены моей или же до переуступки мною законно оставленнаго себѣ полъ-участка земли другому лицу, въ такомъ случаѣ Тарасевичъ всѣ причитающіеся платежи и повинности долженъ нести за полъ-участка. — Я, Константинъ Тарасевичъ, принимаю въ свое вѣчное и потомства моего пользованіе переуступленный мнѣ Иваномъ Корбутомъ полъ-участка земли, всѣ вышеположенные на меня обязательства долженъ исполнить. Условіе же, заключенное между нами на счетъ участка земли въ 1867 г. апрѣля 2 дня, настоящимъ условіемъ уничтожается и теряетъ силу. Подписи“. (Тамъ же, вн. 1874 г., ст. 2).

Digitized by Google

наказалъ Христину Наумчикову, которая была признана причиной ссоры въ семьѣ (Дерн. в.). Въ одномъ судебномъ рѣшеніи мы даже встрѣчаемъ своего рода наставленіе суда, что разъ семьянинъ „какъ старшій управляетъ хозяйствомъ по смерти отца“ (т. е. бывшаго хозяина), то ему должны остальные члены семьи повиноваться „какъ старшему“.

Цѣль, которая соединяетъ эти искусственныя семейныя общины,—это общій трудъ: одинъ изъ участниковъ имѣетъ землю, но почему либо неуспѣшно ее обрабатываетъ, за неимѣніемъ-ли скота, посѣвовъ и т. п. Входящій въ соглашеніе приноситъ не только свой трудъ, который онъ полагаетъ на обработку земли, но также и кое-какое имущество, и за то получаетъ, конечно, право на имущество, пріобрѣтаемое съ момента договора общими трудами. Поэтому имущественныя отношенія играютъ огромную роль въ такой семьѣ. Не только движимое имущество становится общимъ достояніемъ, но и земля. Срокъ договора, подразумѣваемый, или же прямо выраженный въ условіи,—смерть одного изъ контрагентовъ. Если этотъ срокъ выполненъ, то сдольникъ или его наслѣдники пріобрѣтаютъ такія же права на землю, какъ и члены семьи—родственники.

Права сдольника на землю въ народномъ представленіи имѣютъ большое значеніе, и волостной судъ, хотя иногда стороны и не были связаны формальнымъ условіемъ, хотя такая передача надѣльной земли и не находитъ себѣ одобренія въ средѣ членовъ крестьянскихъ присутствій, тѣмъ не менѣе прилагаетъ всѣ усилія для подтвержденія правъ сдольника, выдѣляя ему части земли наравнѣ съ прямыми наслѣдниками [1]). Если наслѣдниковъ нѣтъ, то земля вся должна

[1]) Приводимъ одно изъ такихъ рѣшеній (Горбац. вол.): „Крест. дер. Сычкова Осипъ Рудакъ жаловался на односельца своего Антона Рудака, который захватилъ противозаконно въ свою пользу двѣ трети изъ участка земли, который получилъ въ надѣлъ при дѣйствіяхъ Люстраціонной коммиссіи его нынѣ покойный отецъ Корнѣй, а ему оставилъ въ пользованіе лишь одну третью часть. Такъ какъ Антонъ Рудакъ былъ только сдольникомъ его отца, то онъ, считая себя прямымъ наслѣдникомъ на оставшуюся послѣ смерти отца землю, проситъ судъ предоставить ему право пользоваться еще одною третью частію, т. е. двумя третями земли.—Спрошенный Антонъ Рудакъ показалъ, что онъ не желаетъ дать Осипу земли для пользованія потому, что у него большая семья и кромѣ,

Digitized by Google

перейти къ сдольнику. Иногда подобныя сдѣлки разстраиваются до срока; въ такомъ случаѣ удовлетвореніе обѣихъ сторонъ судомъ зависитъ отъ условій договора и отъ причинъ, почему семья разстроилась. Такъ, какъ видно изъ одного рѣшенія, дядя принялъ племянника „въ помощь къ себѣ“ (значитъ, въ качествѣ сдольника), но послѣдній ушелъ, причемъ все таки получилъ отъ дяди шесть десятинъ земли. Въ другомъ случаѣ было заключено условіе, срокъ котораго истекалъ со смертью принимавшаго; земля должна была перейти въ личное владѣніе сдольника, но стороны, вслѣдствіе ссоры, разошлись, и сдольникъ получилъ обратно только внесенныя имъ деньги. Иногда, впрочемъ, сдольникъ, разъ условіе нарушено при такихъ обстоятельствахъ, что раздѣлъ земли невозможенъ, требуетъ отъ принявшаго его хозяина плату за проработанное время,—и судъ въ такихъ случаяхъ никогда не отказываетъ.

Въ этомъ отношеніи, очевидно, принимается въ разсчетъ трудъ, положенный семьяниномъ на обработку земли,—принципъ, котораго держатся бѣлоруссы и въ другихъ случаяхъ, какъ ниже увидимъ.

Всякая семья или семейная община, естественная или искусственная, имѣетъ своего представителя. Онъ не носитъ опредѣленнаго названія, какъ большакъ въ великорусской, или домачинъ въ сербской общинѣ; названіе, которымъ опредѣляютъ такого представителя семьи,—это хозяинъ, бацька для сыновей, дзядзька для живущихъ въ семьѣ младшихъ

что землею онъ пользуется уже довольно долгое время.—Справка: по ревизской сказкѣ по дер. Сычковѣ подъ № 2 имѣется слѣдующая запись: Корней Яковлевъ Рудакъ—умеръ; его сыновья: 1. Иванъ—умеръ, 2. Осипъ 12 лѣтъ.—Антонъ Петровъ 27 л., его сыновья: 1. Иванъ 2 л., и 2. Викторъ 1 года.—По выкупному акту по дер. Сычкова подъ № 1 на имя Кирила Яковлева Рудака записанъ участокъ земли въ 22, 18 десят.—Антонъ Рудакъ добавилъ, что этою землею онъ пользуется уже 17 лѣтъ.—Волост. судъ, по выслушаніи сторонъ и наведенной справкѣ изъ ревизскихъ сказокъ и выкупныхъ документовъ, руков. 107 ст. О Полож. предлагалъ дѣло кончить миромъ; но за непослѣдованіемъ таковаго, разрѣшая настоящее дѣло, судъ нашелъ, что Осипъ Рудакъ до настоящаго времени не простиралъ претензіи къ Антону Рудаку за землю и что Антонъ Рудакъ по его показанію пользуется этой землею уже около 17 лѣтъ, а потому судъ рѣшилъ: въ жалобѣ Осипу Рудаку отказать. Подписи судей“.

Digitized by Google

родственниковъ и пріемныхъ членовъ. Значеніе такого хозяина опредѣляется прежде всего тѣмъ, что онъ завѣдуетъ всѣми мужскими въ домѣ работами. Отъ него зависитъ, какъ распредѣлить работу, кому какое назначить дѣло, что именно дѣлать въ тотъ или другой день и т. д. Распредѣленіе работъ дѣлается съ вечера, за ужиномъ. Старшіе въ семьѣ, взрослые сыновья, братья или семьянины въ общинѣ, принимаютъ участіе въ домашнихъ совѣтахъ по поводу работъ, но только въ болѣе важныхъ случаяхъ. Передъ началомъ запашки, жатвы, сѣнокоса, передъ продажею хлѣба, покупкой скота, постройками и т. п., хотя домашніе и обмѣниваются мыслями не разъ и уже успѣютъ согласиться даже на этотъ счетъ, но все таки хозяину надлежитъ официально начать объ этомъ рѣчь за ужиномъ, если за дѣло предстоитъ приняться въ слѣдующій же день, или въ воскресенье за обѣдомъ. Передъ жатвой, сѣнокосомъ и пр. хозяинъ еще разъ отправляется осмотрѣть поле, лугъ, приноситъ съ собою нѣсколько колосьевъ, травы; передъ закупкою чего нибудь, или передъ продажею онъ еще разъ справляется, хотя бы раньше и то и другое и третье ему было извѣстно,— и тогда уже начинаетъ рѣчь, сообщивши результаты предварительныхъ развѣдокъ. Отвѣчаютъ прежде всего старшіе члены семьи, наконецъ высказываетъ свое мнѣніе хозяйка, а хозяинъ дѣлаетъ уже распоряженіе; распредѣленіе обычныхъ работъ на слѣдующій день дѣлается безъ совѣта, самимъ хозяиномъ. Но никакой работы не могутъ предпринять даже старшіе члены семьи безъ порученія хозяина. Если кто либо изъ семьи находитъ нужнымъ то или другое сдѣлать, считаетъ, что уже пора начать ту или другую работу, то онъ только сообщаетъ объ этомъ хозяину, предлагаетъ ему сдѣлать соотвѣтствующее распоряженіе. Хозяинъ почти всегда бываетъ и казначеемъ семьи; у него хранятся общія деньги, онъ получаетъ выручки отъ продажи, производитъ и платежи и т. п. Впрочемъ, иногда этимъ завѣдуетъ хозяйка. Наконецъ, ему-же принадлежитъ наблюденіе за поведеніемъ молодыхъ членовъ семьи; онъ слѣдитъ за дочерьми, своими и своихъ сообщинниковъ, слѣдитъ за ихъ нравственностью, за поведеніемъ парней, заставляетъ лѣнивыхъ ра-

Digitized by Google

ботать, наказываетъ провинившихся; отпускаетъ на заработки свободныхъ отъ общихъ работъ, отдаетъ внаймы младшихъ членовъ, если это оказывается нужнымъ и т. п. Одинъ изъ моихъ корреспондентовъ сообщаетъ, что онъ въ Пинскомъ и Мозырскомъ уѣздахъ встрѣчалъ семьи въ 40 душъ, а въ др. уѣздахъ душъ по 25, и вездѣ въ такихъ семьяхъ, „воля отца, матери или старшаго дяди, вообще, самаго старшаго въ семействѣ члена, священна для всего семейства; безъ его воли ничто важное не бываетъ въ семействѣ, при спорахъ члены прибѣгаютъ къ его посредству".

Хозяинъ окруженъ знаками уваженія и почета. Онъ садится за столомъ на самомъ почетномъ мѣстѣ—„на куту"—въ углу подъ образами, такъ что сидѣть на кутѣ—синонимъ хозяина дома; прочіе члены по старшинству, рядомъ съ нимъ, женщины на противоположной сторонѣ стола; хозяйка всегда съ краю. Онъ представитель и хранитель домашняго благочестія; онъ творитъ общую молитву передъ пищей и начинаетъ самъ ѣсть, а за нимъ остальные члены по старшинству. Онъ же наблюдаетъ за соблюденіемъ праздниковъ и всѣхъ необходимыхъ обрядовъ; среди послѣднихъ особенно важная роль хозяина тамъ, гдѣ выражается почитаніе душъ умершихъ предковъ; онъ во время „дзядоу" (поминальная вечера) послѣ молитвы призываетъ души умершихъ „дзядоу, бабокъ" „на вечеру", отливаетъ имъ часть пищи на столъ, ставитъ ее за окно на ночь и пр. Подобные же обряды совершаются имъ и послѣ смерти кого-нибудь изъ членовъ семьи [1]).

Несомнѣнно, что въ этихъ чертахъ бѣлорусскаго хозяина легко узнать великорусскаго большака, сербскаго домачина, вообще на немъ лежатъ черты древняго домовладыки. Однако власть хозяина въ семьѣ не бываетъ деспотической, потому что всякая несправедливость съ его стороны, всякое угнетеніе кого либо изъ членовъ, неумѣлое распоряженіе имуществомъ, неопытность его въ работахъ,

---

1) Ср. Довнаръ-Запольскій, замѣтки по бѣлорусской этнографіи, Живая Старина.

Digitized by Google

лѣнь, пьянство и т. п. неминуемо ведутъ за собою общій протестъ членовъ, который кончается раздѣломъ или, въ рѣдкихъ случаяхъ, тѣмъ, что дѣла въ свои руки беретъ старѣйшій изъ членовъ, напр. второй братъ или-же старшій сынъ при отцѣ. Хозяинъ можетъ и долженъ дѣлать лишь то, что требуется общимъ интересомъ семьи, и только въ этомъ отношеніи и съ этою цѣлью остальные члены ему повинуются. Хозяинъ въ то же время долженъ быть умѣлымъ и хорошимъ работникомъ, чтобы имѣть право наставлять и понуждать другихъ. При косьбѣ, напр., хозяинъ всегда становится первымъ, съ правой стороны отъ него остальные: отъ скорости работы перваго косаря зависитъ работа остальныхъ, такъ какъ эти равняются съ первымъ и т. п. Хозяинъ является представителемъ и пріобрѣтателемъ общаго семейнаго имущества, но онъ не можетъ имъ распоряжаться во вредъ семьи.

Для подтвержденія сказаннаго о власти главы семьи — независимо отъ его родственныхъ отношеній, — мы приведемъ характерную выдержку изъ одного судебнаго рѣшенія. По поводу жалобъ младшихъ членовъ семьи на главаря-сдольника, „судъ постановилъ: такъ какъ въ хозяйственномъ быту необходимо, чтобы одинъ изъ членовъ семейства былъ главою и наблюдалъ за хозяйственнымъ порядкомъ, а прочіе члены должны подчиняться его власти и исполнять безпрекословно всѣ его законныя распоряженія, безъ чего не можетъ быть должнаго порядка въ хозяйствѣ, а потому Осипу (жаловавшемуся на главаря), какъ много младшему противъ Антона, внушить повиновеніе къ Антону, какъ старшему члену и извѣстному своимъ хорошимъ поведеніемъ; а за ругательство наказать Осипа 10 ударами розогъ; а Антона жену, какъ дозволявшую присваивать себѣ болѣе власти, чѣмъ указываетъ законный порядокъ, посадить на одни сутки въ карцеръ; Антона же за данное послабленіе своей женѣ оштрафовать въ 75 коп. въ мірскую сумму“ (Бобр.). Таковъ сложный приговоръ суда. И эта мотивировка не случайна — она только подробнѣе другихъ. Въ нашихъ рѣшеніяхъ мы можемъ указать цѣлый рядъ аналогичныхъ поученій и словесныхъ и тѣлесныхъ строптивымъ младшимъ членамъ семьи.

Digitized by Google

Судъ обязываетъ младшаго брата „во всемъ повиноваться и слушаться старшаго брата", слушаться отца, старшаго родственника и пр. — повторяется въ очень многихъ рѣшеніяхъ.

Въ отношеніи имущества отецъ или вообще главарь не можетъ распоряжаться землею произвольно, не можетъ ни продать ее, ни передать. (Дерн. в.), и даже если онъ продастъ при малолѣтствѣ дѣтей, то судъ признаетъ такую продажу недѣйствительной и возвращаетъ землю законному наслѣднику (Пин. и Рѣч.). Впрочемъ, за дурное поведеніе сына, сопротивленіе отцовской власти, родители могутъ лишить его по крайней мѣрѣ части всего имущества, передавъ остальное чужому лицу,—такіе случаи намъ извѣстны изъ рѣшеній нѣкоторыхъ судовъ; хотя бывали ли случаи полнаго лишенія наслѣдственнаго имущества, неизвѣстно. Юридическое значеніе отца прекращается надъ сыновьями съ момента раздѣла его съ ними: если онъ продолжаетъ заниматься хозяйствомъ, то оставляетъ себѣ равную часть съ сыновьями. По одному дѣлу сынъ жаловался на своего брата и отца: при раздѣлѣ отецъ не далъ ему равной части гумна и хлѣба и препятствовалъ ему владѣть третьей частью сѣнокоса. Судъ удовлетворилъ просьбу сына, признавъ права сына на $^1/_3$ всего имущества (Пин.); то-же подтверждается и другими случаями. Разъ отецъ раздѣлилъ сыновей при своей еще жизни, то для него остается лишь сфера нравственнаго вліянія. Онъ можетъ, поселившись при одномъ изъ сыновей, помогать ему въ работѣ, совѣтами и пр.

Разумѣется, если семья не распалась со смертью отца, то она продолжаетъ существовать въ видѣ общины. Хозяиномъ въ такомъ случаѣ становится кто-либо изъ старшихъ членовъ—братъ умершаго, старшій сынъ, семьянинъ или примакъ, если нѣтъ братьевъ или взрослыхъ сыновей покойнаго. Въ болѣе рѣдкихъ случаяхъ распорядительницей хозяйства дѣлается мать семейства, жена умершаго; это не считается правиломъ и болѣе или менѣе высокое положеніе хозяйки по смерти мужа зависитъ отъ ея личныхъ качествъ. Въ такомъ случаѣ старшій изъ мужскихъ членовъ все-таки распоряжается мужскою работою, но общія деньги,

Digitized by Google

и общій ходъ дѣлъ переходятъ въ руки хозяйки. Случаевъ избранія главаря мнѣ не приходилось встрѣчать, и его, кажется, не бываетъ. Дѣло, повидимому, устраивается само собой, а не устроится—слѣдуетъ раздѣлъ. Такъ, напр., въ рѣшеніяхъ судовъ встрѣчаемъ указанія, что старшимъ въ семьѣ былъ примакъ, племянникъ умершаго сдольника и пр. Во всякомъ случаѣ, вновь признанный хозяинъ, хотя и не отецъ всей семьѣ, пользуется всѣми правами хозяина, и власть и значеніе его тѣмъ больше, чѣмъ въ болѣе близкомъ родственномъ отношеніи онъ находится ко всей семьѣ, напр., если онъ старшій изъ братьевъ. Вліяніе такихъ представителей семьи, какъ отчимъ, примакъ, семьянинъ, всецѣло зиждется на ихъ умѣніи управлять. Во всякомъ случаѣ, народный обычай признаетъ за такимъ хозяиномъ полныя права; судъ наказываетъ пасынка за непочтеніе къ отчиму, не разрѣшаетъ раздѣла, требуемаго младшими членами, при нежеланіи дяди-главаря (напр. Пин.) или старшаго брата и т. п.

Въ семьѣ поддерживается самое строгое распредѣленіе труда на мужскія и женскія работы. Мужскими работами считаются: запашка, посѣвъ, бороненіе, косьба, возка сѣна и сноповъ съ луга и поля, молотьба, досмотръ скота зимою, возка и рубка дровъ, наконецъ изъ приготовленія одежды—заготовленіе лаптей. Женщины обязаны приготовлять пищу для всей семьи, носить воду, засѣвать огородъ, дѣлать на немъ гряды, полоть его, полоть ленъ, картофель, копать картофель, и выдергивать ленъ на полѣ, убирать коноплю, жать хлѣбъ; ткать сукно и полотно, и шить бѣлье всей семьѣ, смотрѣть за молочными продуктами. Въ завѣдываніи женщинъ находится носильное бѣлье и вообще платье. Кромѣ того въ большихъ же семьяхъ существуетъ еще болѣе мелкое распредѣленіе труда, сообразно возрасту и умѣнію членовъ. И это раздѣленіе наблюдается точно, особенно въ большихъ семьяхъ и общинахъ. Но въ малыхъ семьяхъ работы мужа, жены и дочерей часто перепутываются, и не рѣдко встрѣтить дѣвушку, которая прекрасно коситъ, молотитъ, пашетъ и т. п. Во всякомъ случаѣ это вызывается лишь настоятельною потребностью и безъ нужды никто не вмѣшается

Digitized by Google

въ работу другого. Дѣлать для мужчины женскую работу считается даже „зазорнымъ“. Мужчина самъ ни за что не станетъ доставать изъ печки пищи: для этого должна придти хозяйка или невѣстка, которой поручено приготовленіе пищи (это занятіе принадлежитъ старшей женщинѣ въ семьѣ и только вслѣдствіе старости самой хозяйки передается старшей невѣсткѣ или братовой). Мужчина не можетъ достать изъ сундука бѣлья, хлѣба или сала предъ отправленіемъ въ дорогу—все это дѣло хозяйки [1]).

Какъ хозяинъ является главнымъ распорядителемъ мужскихъ работъ, такъ хозяйка, мать для родныхъ дѣтей, „цѣтка“ для старшихъ членовъ общины, и „баба“, „хаджйка“ для равныхъ,—является распорядительницею всей женской половины общины. Она обыкновенно бываетъ самая старшая въ домѣ женщина, чаще всего жена хозяина. Она, какъ уже было сказано, иногда является представительницей общины. Народный судъ въ такихъ случаяхъ поддерживаетъ ее. Такъ, однажды мать заявила суду, что старшій сынъ ея и его жена желаютъ раздѣла, а она и младшій сынъ и его жена не желаютъ; старшій сынъ съ женою служитъ причиною ссоръ въ семьѣ. Тогда судъ не только приказалъ имъ жить нераздѣльно, но опредѣлилъ старшаго сына наказать 16 ударами розогъ, а его жену четырехдневнымъ арестомъ.

Положеніе женщины въ бѣлорусской семьѣ далеко не можетъ быть названо угнетеннымъ. Она является полной хозяйкой въ своей сферѣ, помощницей и совѣтницей мужа.

---

1) Чтобы представить себѣ эту строгость въ распредѣленіи занятій, я приведу одинъ случай. Случилось мнѣ быть въ гостяхъ у одного старика, старшины волости. Отъ него мы вмѣстѣ возвратились въ волостное правленіе и на слѣдующій день условились проѣхать вдвоемъ въ сосѣднее село. Вдругъ старикъ заявляетъ, что ему еще нужно „сбѣгать“ домой (верстъ за 10). „Зачѣмъ?“—„А якже, объяснилъ онъ,—заутра надзѣля, а я поѣду па своей воласци у гразнай сарочцѣ и штанях?“ „Якежъ я начальство буду“, - добавилъ онъ смѣясь. —„Такъ отчегоже вы не надѣли дома: вѣдь мы только что были у васъ“.—„Э, да яя було хаджайки (старшей невѣстки). Яна мне и шіе, яна дае, а я хиба што знаю?“—объяснялъ онъ. Я воспользовался случаемъ поразспросить его, почему существуетъ то или другое распредѣленіе обязанностей въ семьѣ. Сущность его объясненій сводится на то, что „што хто зрабіу ля хозяйства, нехай той и выдае усимъ“.

Digitized by Google

По отношенію къ дѣтямъ народный взглядъ требуетъ также полнаго почтенія со стороны послѣднихъ къ матери. Дѣти вообще находятся на ея попеченіи; только парни, лѣтъ съ 14, когда они уже подростаютъ на столько, что годятся для болѣе легкихъ работъ при обработкѣ земли, напр. боронятъ, возятъ снопы, сѣно и пр. переходятъ въ непосредственное распоряженіе домохозяина. До этого же времени они, а дѣвушки до самаго выхода замужъ, находятся исключительно въ вѣдѣніи матери; въ то-же отношеніе становятся и невѣстки, хотя положеніе послѣднихъ нѣсколько тяжелѣе. Мать также обязана приготовить для дочери приданое. Юридическое положеніе женщины сводится къ тому, что она можетъ, при неимѣніи прямыхъ наслѣдниковъ, наслѣдовать отцовское имущество и землю, если останется на родительскомъ хозяйствѣ, о чемъ мы будемъ говорить подробнѣе ниже. Она же признается опекуншей своихъ дѣтей до ихъ совершеннолѣтія, считается въ это время полной хозяйкой въ распоряженіи землей и др. имуществомъ. Распоряженія, сдѣланныя матерью во время малолѣтства дѣтей, признаются законными и не подлежатъ отмѣнѣ. Такъ, по одному дѣлу вдова вошла въ соглашеніе съ деверями относительно раздѣла земли; черезъ пять лѣтъ сыновья заявили недовольство раздѣломъ, но судъ въ ихъ искѣ отказалъ (Пин.).

Какъ участникъ въ общемъ трудѣ, женщина получаетъ права на имущество, пріобрѣтенное общими ея съ мужемъ трудами. Но она лично не имѣетъ никакого права на имущество, которое взято мужемъ изъ его семьи, составляло его семейную собственность. Такъ, одно рѣшеніе волостного суда дало такой результатъ: Семенъ Мяликъ жаловался на второго мужа своей братовой, жены умершаго его брата Антона, въ томъ, что та завладѣла строеніями, столярными инструментами, коровою и пр. имуществомъ его покойнаго брата. На судѣ обвиненіе подтвердилось, но выяснилось и то, что имущество пріобрѣтено мужемъ и женою вмѣстѣ, кромѣ коровы и столярныхъ инструментовъ. И судъ предоставилъ вдовѣ, хотя у нея и не было дѣтей, владѣть благопріобрѣтеннымъ имуществомъ, а корову и инструменты, „какъ взятые покойнымъ нынѣ Антономъ Мяликомъ отъ своихъ

Digitized by Google

родителей, за неоставленіемъ послѣ себя дѣтей покойнымъ, возвратить въ домъ родителей покойнаго" (Пин.).

Другое дѣло указываетъ, что жена по мужу наслѣдуетъ часть имущества, пріобрѣтеннаго совмѣстно на землѣ т. е. хлѣба и пр. (ib.).

Впослѣдствіи еще разъ мы коснемся правъ наслѣдованія женщины; но для настоящей нашей цѣли приведенныхъ примѣровъ достаточно, чтобы видѣть равноправное положеніе мужа и жены въ имущественномъ отношеніи, равнымъ образомъ и сравнительно высокое ея нравственное положеніе относительно дѣтей и мужа.

Чтобы покончить съ характеристикою положенія старшихъ членовъ семьи, здѣсь умѣстно будетъ сказать нѣсколько словъ о престарѣлыхъ и вдовыхъ ея членахъ. Разъ семья не раздѣлилась, то престарѣлые члены ея живутъ, разумѣется, въ ней. Если отецъ дѣлается старъ, завѣдывать хозяйствомъ не хочетъ, онъ передаетъ его старшему сыну. Съ этого момента отецъ не властенъ распоряжаться имуществомъ и землею. Все его значеніе въ домѣ сводится на то нравственное вліяніе, которое онъ можетъ оказать. Если сыновья затѣваютъ раздѣлъ, то онъ не можетъ воспрепятствовать ему, разъ всѣ согласны; онъ вправѣ требовать себѣ лишь извѣстную часть имущества на прокормленіе. Родители обыкновенно напередъ, передавая хозяйство сыну, выговариваютъ себѣ извѣстную часть имущества, которую они передадутъ тому изъ сыновей, у котораго будутъ жить. Если же этого они не сдѣлаютъ почему либо, то судъ самъ, въ случаѣ споровъ, дѣлаетъ такой выдѣлъ. Такъ, по одному дѣлу, судъ удержалъ изъ общаго имущества въ пользу старика отца амбаръ, который старикъ долженъ былъ отдать своей замужней дочери съ тѣмъ, чтобы она его до смерти одѣвала, а невѣстка (сынъ умеръ) получила шубу съ тѣмъ, что она должна кормить старика (Пин.). Но эта семья была безземельная. Въ другихъ случаяхъ отцу выдѣляется еще участокъ земли. Такъ, по одному рѣшенію изъ Рѣчицкаго у., видимъ, что отецъ, состарѣвшись, оставилъ себѣ участокъ земли и поселился у младшаго сына. По смерти отца судъ присудилъ младшему сыну $^2/_3$ отцовскаго участка, а $^1/_3$ стар-

Digitized by Google

шему; мотивъ тотъ, что отецъ былъ болѣзненный (значитъ, не могъ помогать въ работѣ), и содержалъ его младшій сынъ безъ помощи старшаго.

Тотъ же принципъ приводится и въ другихъ рѣшеніяхъ. Такъ, по одному рѣшенію изъ Пинскаго у. отцу была оставлена на прокормленіе $^1/_7$ часть земли, которая и досталась кормившему его сыну (Пин.). За старухою—матерью въ этомъ случаѣ, кажется, не признается права оставлять за собой часть земли (если произошелъ раздѣлъ, хотя бы по распоряженію ея покойнаго мужа), но за то судъ обязываетъ сыновей кормить и одѣвать ее до смерти. Имѣющееся у насъ по этому поводу рѣшеніе говоритъ, впрочемъ, глухо: оно не разрѣшило сыновьямъ раздѣлиться вообще, но обязало содержать мать при себѣ (Пин.). Матери чаще всего выдѣляется часть изъ строеній, скота и хлѣба, передаваемыхъ ею тому сыну, у котораго она поселяется. Сынъ, у котораго селятся старики, всегда бываетъ младшій, ему же достается отцовская селитьба. Разсчетъ, заставляющій придерживаться крестьянъ этого обычая, заключается въ томъ, что младшій сынъ всегда моложе, семья у него меньше, и какъ бы ни стары были родители, все-таки ихъ трудъ можетъ пригодиться въ малой семьѣ.

Что касается вдовыхъ членовъ семьи, то вопросъ о вдовцѣ не имѣетъ особеннаго интереса. Если вдовецъ имѣетъ малолѣтнихъ дѣтей, онъ, независимо отъ своего возраста, женится нѣсколько мѣсяцевъ спустя послѣ смерти своей жены. Правда, вдовецъ очень рѣдко женится на дѣвушкѣ; развѣ очень бѣдной, опороченной или съ какимъ нибудь физическимъ недостаткомъ. Вдовецъ и вдова—обычная пара. Если же вдовецъ имѣетъ взрослыхъ дѣтей, то его юридическое положеніе въ семьѣ не измѣняется со смертью жены.

Положеніе вдовы—совсѣмъ другое. Въ немъ надо различать нѣсколько сторонъ: надо различать положеніе старой женщины, остающейся вдовой послѣ раздѣла дѣтей, или когда раздѣлъ произойдетъ уже при ней, и положеніе вдовы, остающейся главою семьи, до ея раздѣла, или опекуншей при подростающихъ дѣтяхъ. Объ обоихъ случаяхъ мы уже

Digitized by Google

говорили, а объ опекѣ рѣчь будетъ впереди. Если же женщина остается вдовою при малолѣтнихъ дѣтяхъ послѣ раздѣла семьи ея мужа, то она вступаетъ въ управленіе хозяйствомъ и можетъ принять къ себѣ въ домъ примака или сдольника. Она является хозяйкою въ домѣ, распоряжается семейнымъ имуществомъ, и даже отецъ покойнаго мужа не можетъ отнять этого имущества [1]).

Иное дѣло, если вдова выходитъ замужъ на другой надѣлъ; въ такомъ случаѣ земля остается за наслѣдниками, а права вдовы на распоряженія семейнымъ имуществомъ прекращаются.

Во всѣхъ этихъ случаяхъ вдова бываетъ хозяйкой въ домѣ мужа. Но если женщина остается вдовою до раздѣла, положеніе ея совсѣмъ иное. Связь, скрѣплявшая ее съ семьею мужа, порвалась. Ей предстоитъ дилемма: или оставаться въ семьѣ мужа въ качествѣ работницы, или же удалиться въ

---

1) Сошлемся на слѣд. примѣръ изъ рѣшеній Телехавской вол. Пин. у.: „Борисъ Курятникъ жаловался словесно волостному суду на жену сына своего, нынѣ умершаго Куприана, Людмилу о неотдачѣ ему, Борису, амбара и одрины и избы, которыя строенія имъ были построены при жизни сына.—Вслѣдствіе жалобы Бориса Курятника была спрошена крестьянка Людмила Ятковска, которая показала: что она не въ состояніи дать ему требуемаго строенія, такъ-какъ имѣетъ четверыхъ дѣтей, безъ земли, а содержать его при себѣ она не отказывается. По выслушаніи жалобы Бориса Курятника, и показанія Людмилы Ятковской, волостной судъ, состоящій изъ трехъ судей, предложилъ обѣимъ сторонамъ примириться, но обѣ стороны не примирились. Рѣшилъ: Людмила Ятковска обязана отдать Борису Курятнику амбаръ съ тѣмъ, чтобы онъ, Курятникъ, таковой передалъ дочери своей Евдокіи, которая обязана будетъ одѣвать его до смерти; жить же Курятникъ долженъ у Людмилы Ятковской, которая обязана его кормить и уплачивать всѣ повинности за него до смерти и послѣ оной, если будетъ требоваться".

Въ данномъ случаѣ дѣло усложняется попеченіемъ о престарѣломъ отцѣ. Дѣло обстояло такъ: отецъ выдѣлилъ сына и дочь, слѣдовательно, распоряжаться имуществомъ уже не можетъ. По смерти сына, онъ хочетъ отнять имущество отъ семьи покойнаго, чему судъ воспрепятствовалъ однако. По отношенію къ престарѣлому отцу на вдовѣ его сына лежатъ обязанности поддерживать старика, которыя судъ въ данномъ случаѣ раздѣлилъ между невѣсткою и дочерью, оставивъ однако основную долю имущества въ семьѣ покойнаго сына, равно какъ и главнѣйшія обязанности по отношенію къ отцу. Однимъ словомъ, судъ смотритъ на вдову точно также, какъ смотритъ на отношенія сына—хозяина къ отцу.

Digitized by Google

родную семью. Наблюденія надъ практикою народной жизни показываютъ, что послѣдній исходъ является наиболѣе обычнымъ. Въ имущественномъ отношеніи, вдова не имѣетъ правъ на общинное имущество ея мужа; но свое приданое и все, что было пріобрѣтено ею лично въ семьѣ мужа, вдова получаетъ обратно; точно также она имѣетъ право на движимое имущество, пріобрѣтенное ею совмѣстнымъ съ мужемъ трудомъ, о чемъ мы уже говорили; наконецъ, иногда вдовѣ предоставляется право требовать отъ семьи покойнаго мужа плату за проработанное время.

Но нѣтъ никакихъ данныхъ на то, чтобъ вдова, удаляющаяся изъ семьи мужа, могла разсчитывать на полученіе части изъ семейнаго имущества, въ видѣ временнаго или постояннаго пособія, на прокормленіе себя лично. Весь вопросъ въ дѣтяхъ: вдова можетъ ихъ взять съ собою, можетъ и оставить въ семьѣ мужа Семья покойнаго обязана дать на прокормленіе дѣтей, „на воспитаніе“, какъ выражаются судебныя рѣшенія. Пособіе это бываетъ единовременное или, рѣже впрочемъ, постоянное. Такъ, изъ одного рѣшенія видно, что вдовѣ на „воспитаніе“ ребенка судъ присудилъ корову, цѣною въ 5 р., и полъ-копны ржи въ $2^1/_2$ р.; въ другомъ—по осминѣ овса и гречихи, по чашкѣ ржи, ячменя, пшеницы, двѣ бочки картофеля и телушку.

Перейдемъ къ положенію дѣтей въ семьѣ.

Дѣти съ раннихъ лѣтъ исполняютъ тѣ или другія хозяйственныя обязанности, и чѣмъ семья меньше, тѣмъ раньше крестьянскій подростокъ знакомится съ суровымъ трудомъ. Съ пяти лѣтъ ребенокъ няньчитъ своихъ крохотныхъ братьевъ и сестеръ, съ 7—8—онъ уже пастухъ, идетъ за возомъ и пр.; съ 12 лѣтъ для мальчика начинаются первыя упражненія въ земледѣліи: онъ сгребаетъ сѣно, боронитъ, съ пятнадцати лѣтъ берется за цѣпъ, косу, а еще года черезъ два и за соху, такъ что къ 20 годамъ онъ уже хлѣборобъ, прошедшій всѣ академическіе курсы крестьянскаго хозяйства. Дѣвушка къ 16—17 гг. знаетъ женскія работы. Разумѣется, интенсивность труда подростковъ всецѣло зависитъ отъ состава и экономическаго благосостоянія семьи.

Юридическія права дѣти получаютъ, по народному взгляду, только съ момента вступленія въ бракъ. До этого времени они

Digitized by Google

не вмѣшиваются въ общую семейную жизнь, съ нихъ меньше и требуется [1]). Но тѣмъ не менѣе за ними признается право частной собственности, если они успѣютъ ее пріобрѣсть отдѣльною работою; особенно много удобствъ для такихъ пріобрѣтеній предоставляется дѣвушкѣ: она должна копить приданое; почти всегда въ этомъ ей помогаетъ сама мать. Такими источниками служатъ издѣлія женскаго труда. Женщины обращаютъ въ свою исключительную пользу излишекъ отъ продажи произведеній, которыя ими обрабатываются. Онѣ обрабатываютъ и продаютъ ленъ, коноплю, выдѣлываютъ изъ нихъ полотно и нитки, отдѣляя лишь въ пользу семьи столько, сколько нужно для одежды, а изъ конопли—столько, сколько мужчинамъ нужно на веревки, шнурки. Особенно распространено воздѣлываніе конопли. Имъ же идетъ часть огородныхъ овощей, которыя онѣ продаютъ, а также молочные продукты и шерсть, получаемые со скота, который привела мать въ приданое отъ своихъ родителей. Наконецъ, собираніе грибовъ, ягодъ и орѣховъ доставляетъ также женской половинѣ не малый доходъ. Всѣми этими путями накопляется имущество, находящееся въ исключительномъ владѣніи женщинъ семьи, изъ котораго выдѣляется дочерямъ приданое. Въ подгородныхъ селахъ малоземельные родители отдаютъ своихъ сыновей и дочерей въ наемъ, при чемъ, смотря по обстоятельствамъ, деньги то поступаютъ въ общую казну, то составляютъ частную собственность дѣтей, то, наконецъ, семья только беретъ часть изъ нихъ. Это зависитъ отъ того, съ какою цѣлью хозяинъ отпускаетъ члена семьи на заработки, на какихъ условіяхъ. Тѣмъ не менѣе дѣти, до вступленія въ бракъ, фактически не владѣютъ своими пріобрѣтеніями; они сдаютъ ихъ матери и получаютъ только при женитьбѣ; деньги, нужныя на украшенія, выдаетъ мать. Такъ какъ за дѣтьми не признается юридическихъ правъ, то они не могутъ лично вступать въ какія-бы то ни было обязательства. Сынъ, дочь отдаются въ наемъ отцомъ или матерью, и за исправное отбываніе ими службы отвѣчаетъ отецъ, и онъ же получаетъ слѣдуемыя за наемъ деньги,

[1]) Они „отгуливаюць свае", какъ говорятъ бѣлоруссы.

Digitized by Google

независимо отъ того, въ чью пользу онѣ пойдутъ. Такъ, крестьянинъ Телеханской волости с. Богдановки жаловался волостному суду на другого крестьянина, „который отдалъ сына своего Даніила въ работники ему, Богдановичу, съ условіемъ въ годъ жалованья 11 р. и шанокъ картофеля". Но сынъ черезъ три недѣли ушелъ со службы, а отецъ отдалъ его другому хозяину. Отецъ и сынъ оправдывались тѣмъ, что сынъ ушелъ „по своей охотѣ". Но судъ, „за дозволеніе сыну самовольно оставлять службу", взыскалъ съ отца убытковъ въ пользу истца 3 р., и штрафъ въ пользу волости въ 1 р. По другому рѣшенію видно, что отецъ отдалъ въ наемъ сына за 24 р. въ годъ и взялъ впередъ плату хлѣбомъ и скотомъ; сынъ ушелъ со службы, и судъ приговорилъ взыскать деньги съ отца. Равными правами повсемѣстно пользуются и въ равныхъ условіяхъ считается по отношенію къ дѣтямъ и мать, отъ которой также зависитъ отдача въ наемъ дѣтей[1]). Точно также отецъ или мать отдаютъ дѣтей въ обученіе [2]) ремесленнику.

---

[1]) Для примѣра приводимъ образецъ такого условія изъ Горбацев. вол. Бобр. у. 1877 года Января 18 дня. Мы, нижеподписавшіеся, съ одной стороны Иванъ Вериго и помѣщикъ Доменикъ Вириша заключили условіе въ слѣдующемъ: 1, Я, Иванъ Вериго, имѣя сына по имени Антона, *отдалъ въ услуженіе помѣщику Виришѣ на два года*, срокъ службы долженъ считаться съ 1 Апрѣля 1877 г., при чемъ ставлю въ обязанность моему сыну Антону, что онъ долженъ повиноваться во всемъ Виришѣ и его женѣ; въ случаѣ неповиновенія я принимаю обязанность на себя, какъ отецъ, заставить сына своего быть вѣжливымъ человѣкомъ, по службѣ исполнять все, что будутъ отъ него они требовать гг. Виришы; во время службы сына черезъ два года бѣлье, какъ то: рубахи и подштанники обязуюсь давать самъ, а верхнюю одежду—свиту, кожухъ и штаны должны быть помѣщика, харчъ для сына должны быть помѣщика, хорошаго качества. За службу сына Вириша долженъ мнѣ ежегодно уплатить по тридцать рублей и деньги всѣ сполна за два года долженъ уплатить впередъ. Прогульныхъ дней быть не должно, въ случаѣ таковые по какимъ либо причинамъ окажутся, то сынъ мой тѣ дни долженъ отслужить послѣ окончанія срока службы.—На случай если мой сынъ сдѣлаетъ какое либо преступленіе или воровство, то я, какъ отецъ, отвѣтственность принимаю на себя, а если сынъ броситъ службу у помѣщика Виришы, въ такомъ случаѣ я подвергаю себя штрафу 25 рублей.—2, Я, Вириша, принимаю къ себѣ въ услуженіе сына Ивана Вериго, Антона, и на все сказанное въ 1 пунктѣ условія согласенъ.—Подписи.

[2]) Приведемъ для примѣра одно изъ такихъ условій изъ той же волости (сдѣлка 1876 г.): Мы, нижеподписавшіеся крест. дер. Богушовки Федора Пере-

Digitized by Google

Заканчивая характеристику положенія кровныхъ членовъ семьи, намъ сѣдовало бы коснуться взаимныхъ личныхъ отношеній мужа къ женѣ и родителей къ дѣтямъ. Но эта сторона семейныхъ отношеній конечно слабо формулирована въ обычномъ правѣ. Это такая среда народныхъ обычаевъ, о которой въ настоящее время можно сказать весьма мало точнаго. Семейныя чувства вообще мало считаются съ закономъ, тѣмъ болѣе въ настоящее время, когда крестьянская семья реорганизуется, когда вѣковой обычай все болѣе и болѣе уступаетъ новымъ вѣяніямъ, въ которыхъ личныя отношенія играютъ большую роль. Мы можемъ лишь подѣлиться своими личными впечатлѣніями. [1]).

Въ бѣлорусской семьѣ жестокое обращеніе мужа съ женой—явленіе очень рѣдкое, даже болѣе того—исключительное. Только пьянство мужа нарушаетъ мирный ходъ семей-

---

гудова и житель дер. Богушовки еврей Берка Іоселевъ заключили условіе въ слѣдующемъ: 1, Я, Перегудова, будучи вдовою и имѣя дѣтей, коихъ съ трудомъ могу пропитать и не имѣя малѣйшаго хозяйства и собственной земли, за лучшее обдумалась: Старшаго сына отдать въ обученіе какого нибудь ремесла, а какъ въ дер. Богушовкѣ постоянно проживаетъ кузнецъ Еселевъ, то для обученія кузнечнаго мастерства старшаго сына моего Гаврінла отдаю въ терминацію на 5 лѣтъ, т. е. по 15 іюля 1881 года, сказанному Еселеву съ обязательствомъ за науку сейчасъ уплатить ему 20 р. и кромѣ сего 6 мѣсяцевъ своего сына кормить и одинъ годъ одѣвать, а послѣдніе 4 года Еселевъ обязанъ его принять на свой столъ и давать верхнюю одежду и обувь, споднюю же одежду я обязуюсь черезъ всѣ пять лѣтъ давать своему сыну свою; на случай же придется выѣхать кузнецу изъ дер. Богушовки прежде окончанія срока терминаціи моему сыну, то срывать его не въ правѣ, и онъ обязанъ тамъ быть, гдѣ и его хозяинъ, съ тѣмъ только, что тогда Еселевъ обязанъ его одѣвать какъ верхнею, такъ исподнею одеждою. Когда мой сынъ будетъ до исполненія срока внесенъ въ ревизскія сказки, то всѣ повинности подушные и мірскіе сборы уплачиваетъ кузнецъ; исходатайствованіе билета, если случится, на отлучку лежитъ на обязанности Еселева; при чемъ вмѣняется въ обязанность моему сыну Гаврінлу хозяина своего слушать и ему повиноваться до окончанія 5 лѣтняго срока—2, Я, Еселевъ, принимаю къ себѣ сына вдовы Перегудовой, Гаврінла, обязуюсь его смотрѣть и учить кузнечной работѣ, на сколько самъ понимаю, обходиться съ нимъ обязуюсь честно и благопристойно, на предложенный пунктъ 1 условія во всемъ согласенъ.—Подписи.

[1]) Въ статьяхъ монхъ, помѣщенныхъ въ „Вил. Вѣстн." за 1890—1 гг. (№№ 202—262; 9—28), не вышедшихъ, къ сожалѣнію, отдѣльной книгой, мнѣ пришлось подробнѣе изложить наблюденія надъ личными отношеніями въ семьѣ.

Digitized by Google

ной жизни, но въ такой семьѣ жизнь вообще бываетъ ненормальной. Впрочемъ, обычай предоставляетъ право женѣ уйти отъ мужа (что равносильно разводу), если мужъ жестоко обращается съ ней. Но если жена уходитъ безъ причины, и дѣло доходитъ до волостного суда, послѣдній—на сторонѣ мужа. Такъ, въ одномъ случаѣ мужъ жаловался на тещу и брата своей жены, что вслѣдствіе ихъ наговоровъ жена покинула его. Въ свое оправданіе жена приводила то, что мужъ ея—человѣкъ болѣзненный, а семья мужа ее недолюбливаетъ. Интересенъ приговоръ суда: жена за оставленіе мужа и неуваженіе къ нему была приговорена къ общественнымъ работамъ на недѣлю; брата жены наказали пятнадцатью ударами, тещу—штрафомъ въ одинъ рубль, брата истца „за неведеніе хорошаго порядка въ домѣ"—оштрафовали въ одинъ рубль; всѣмъ вмѣстѣ судъ вмѣнилъ въ обязанность „жить въ домѣ хорошо и чтобы споровъ не было".

Обычай вмѣняетъ женѣ повиноваться мужу, но это повиновеніе не слѣпое, это повиновеніе младшаго члена семьи къ старшимъ. Отдѣльность личнаго имущества, раздѣленіе труда, узаконенное обычаемъ участіе въ общихъ дѣлахъ, — все это придаетъ женщинѣ извѣстную самостоятельность и устраняетъ частые поводы къ семейнымъ раздорамъ. Вообще, хорошее отношеніе мужа къ женѣ—явленіе вполнѣ обычное [1]).

Столь же мягко отношеніе бѣлорусса къ своимъ дѣтямъ. Отецъ и мать любятъ своихъ дѣтей, и въ большой семьѣ работа дѣтей по возможности облегчается. Если вы спросите

---

1) Тамъ, гдѣ личныя впечатлѣнія не подтверждаются объективными данными, весьма важно наблюденіе многихъ лицъ, съ разныхъ сторонъ соприкасающихся съ народною жизнью. Вотъ что говоритъ объ отношеніяхъ мужа къ женѣ нар. уч. П.П. Демидовичъ, отвѣчая мнѣ на соотвѣтственный запросъ: „Мужъ считается главою семьи, а жена должна находиться въ полномъ его подчиненіи. Но подчиненіе жены мужу не во всякой семьѣ одинаково. Хотя въ рѣдкихъ случаяхъ, но бываетъ, что это подчиненіе смѣняется совершенно обратнымъ явленіемъ, а именно подчиненіемъ мужа женѣ, а еще чаще равенствомъ мужа и жены. Какъ бы то ни было, жена всегда считаетъ себя вправѣ заявить свой протестъ, если ея мужъ сдѣлаетъ что-нибудь не по хозяйству не по ея нраву".— Относительно дракъ онъ говоритъ, что онѣ бываютъ очень рѣдко и вообще можно сказать, что драки между крестьянами-супругами не составляютъ обыкновеннаго явленія.

Крестьянинъ Яриковичъ намъ писалъ по этому поводу: „у насъ мужъ съ женою живутъ мирно; бываютъ ссоры только тогда, когда мужъ пьяница" и т. д.

Digitized by Google

крестьянина, какъ дѣти должны относиться къ родителямъ и къ старшимъ вообще, онъ вамъ объяснитъ, что дѣти должны повиноваться родителямъ, дѣтей не должно „распускать“ и пр., но всѣ эти правила обиходной морали не проявляются по отношенію къ дѣтямъ въ суровой формѣ. Споры родителей съ малолѣтними дѣтьми не доходятъ до суда. Другое дѣло споры взрослыхъ сыновей, отдѣлившихся отъ отца, или желающихъ отдѣлиться. Такія дѣла въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ (напримѣръ въ Пинскомъ у., въ подгородныхъ волостяхъ Бобр. у.) очень и очень нерѣдки; въ судебныхъ рѣшеніяхъ по этому поводу и сказывается народный взглядъ на отношенія родителей и дѣтей. Отчасти мы уже съ этимъ взглядомъ знакомы, потому что намъ приходилось говорить объ отношеніи младшихъ членовъ семьи къ хозяину. Отецъ, по отношенію къ взрослымъ дѣтямъ, занимаетъ положеніе хозяина.

Взглядъ суда на отношенія взрослыхъ дѣтей къ родителямъ весьма интересенъ. Судъ смотритъ такъ, что дѣти должны повиноваться родителямъ, но если они не повинуются, то родители сами виноваты въ этомъ. Въ одномъ случаѣ, напр., мать жаловалась суду на своихъ двухъ сыновей за непослушаніе. Свидѣтели показали что братья живутъ „не спокойно между собою“, а мать „даетъ имъ сама потачку“. Судъ помирилъ тяжущихся такъ: старшаго присудили къ 15 ударамъ, младшаго къ 10, причемъ старшему вмѣнено въ обязанность повиноваться матери, младшему—повиноваться матери и старшему брату; самое мать судъ приговорилъ отправить на богомолье въ приходскую церковь на покаяніе за то, что она неумѣетъ мирить дѣтей. Вообще, судъ очень строго преслѣдуетъ неповиновеніе дѣтей къ родителямъ, семейныя ссоры и пр., когда они ведутъ къ требованію дѣтьми раздѣла, вообще къ разрушенію семьи. Въ случаяхъ рѣзкаго непочтенія дѣтей къ родителямъ или младшихъ къ старшимъ, судъ присуждаетъ виновныхъ мужчинъ къ тѣлесному наказанію, а женщинъ къ штрафамъ, общественнымъ работамъ, къ заключенію при арестантской волостного правленія; въ другихъ случаяхъ судъ лишь вмѣняетъ въ обязанность „младшимъ повиноваться старшимъ“. Но судъ не щадитъ и роди-

Digitized by Google

телей и старшихъ, если они сами служатъ причиною раздоровъ. Мы не знаемъ фактовъ, когда бы судъ наказывалъ такъ или иначе отца или вообще хозяина, но среди рѣшеній суда есть случаи наказанія работою матери за ссоры въ семьѣ (Бобр. у.)

Судъ неоднократно говоритъ, что дѣти, вообще младшіе члены семьи, должны исполнять „законныя въ хозяйственномъ быту распоряженія" домохозяина, слѣдовательно незаконное, т. е. неосновавное на обычномъ правѣ отношеніе родителей къ дѣтямъ, судъ неодобряетъ и самъ присуждаетъ раздѣлъ въ такой семьѣ. Въ одномъ, напр., случаѣ отецъ несправедливо относился къ сыну и не желалъ въ то же время выдѣлить ему часть имущества. Судъ заставилъ отца выдѣлить часть имущества сыну съ слѣд. мотивировкой: „хотя распоряженіе дѣтьми по праву и принадлежитъ родителямъ, но опросомъ свидѣтелей доказано жестокое обращеніе Авраама Ф. съ своимъ старшимъ сыномъ и его семействомъ" (Бобр. у.).

Такимъ образомъ, судъ не поощряетъ непочтительнаго отношенія дѣтей къ отцу, ссоръ въ семьѣ и пр., но въ то-же время и ненормальное отношеніе отца къ дѣтямъ порицается общественнымъ мнѣніемъ. И это послѣднее обстоятельство еще разъ указываетъ на то, что по народнымъ понятіямъ обоюдныя отношенія родителей и дѣтей не должны отличаться рѣзкостью, грубостью.

Мы разсмотрѣли положеніе представителей семьи, хозяина и хозяйки, и родителей къ дѣтямъ. Теперь намъ нужно перейти къ разсмотрѣнію положенія такихъ членовъ, которые принимаются въ семью и не связаны, до вступленія въ нее, кровнымъ родствомъ, именно положенія невѣстки въ домѣ свекра, примака въ домѣ тестя и пріемныхъ сыновей и семьяниновъ. Тогда какъ положеніе невѣстки опредѣляется значеніемъ въ народномъ міровоззрѣніи брачной сдѣлки, положеніе примака, пріемыша и семьянина опредѣляется тѣмъ, въ какое отношеніе они поставлены къ землѣ тестя, или пріемнаго отца. А потому мы перейдемъ къ разсмотрѣнію этихъ сторонъ обычнаго права.

Digitized by Google

II.

Какъ и вездѣ въ Россіи, бѣлорусская молодежь обоего пола имѣетъ немало случаевъ, чтобы познакомиться и сойтись задолго до того времени, когда наступитъ время вступленія въ бракъ. Средствами такого общенія служатъ собранія молодежи, которыя бываютъ въ разное время года и по разнымъ случаямъ. Это — „кирмаши“ (ярмарки), „хвесты“ (храмовые праздники), «прощи» — мѣста въ честь какого нибудь святого или праздника, подъ покровительствомъ котораго считается священный колодезь, источникъ, крестъ, часовня, обыкновенно стоящіе гдѣ нибудь въ уединеніи—въ лѣсу, болотѣ; туда и собираются въ извѣстные дни года жители окрестныхъ деревень. На эти собранія стекается все окрестное крестьянство; старики,—чтобы повидаться съ родственниками изъ сосѣднихъ деревень, купить что-нибудь у пріѣзжихъ продавцовъ, помолиться, а молодежь охотно собирается, чтобъ пѣть, танцовать; переборчивый парень,—чтобъ высмотрѣть себѣ невѣсту покрасивѣе и побогаче, а дѣвушка, особенно дочь богатыхъ родителей, чтобы показать себя „богатырамъ“ (богачамъ) сосѣдней деревни (для бѣдныхъ, говорятъ бѣлоруссы, и въ своемъ „кутку“ хватитъ мужей). Все это собирается въ разноцвѣтныхъ пестрыхъ костюмахъ. На дѣвушкахъ ярко горятъ красные „андараки“, волосы ихъ украшены яркими „китайками“, посеребреныя, а не то мѣдныя кольца и серьги, бусы, яркіе платки, сверху накинутая бѣлая свитка—весь праздничный нарядъ бѣлорусской красавицы. Парни не отстаютъ отъ дѣвушекъ, въ длинныхъ «чабоцяхъ», въ камзолѣ чернаго или синяго цвѣта съ яркими стеклянными или металлическими пуговицами, въ поясахъ, охватывающихъ шесть—семь разъ станъ, въ свиткахъ и высокихъ бѣлыхъ валенныхъ шапкахъ, теперь обычно замѣняющихся фуражками съ козыркомъ,—присутствуютъ тутъ-же.

Въ своей деревнѣ парни и дѣвушки имѣютъ также не мало случаевъ къ сближенію. Лѣтомъ они собираются по праздникамъ для игръ; устраиваютъ такъ называемыя «игрища» — нѣчто вродѣ деревенскихъ баловъ и пр. Но болѣе интимнымъ характеромъ отличаются малолюдныя зимнія со-

Digitized by Google

бранія молодежи—„вечорки", посидѣлки. Дѣвушки извѣстнаго „кутка" деревни собираются по вечерамъ у кого нибудь изъ сосѣдей, прядутъ и поютъ пѣсни, старуха разсказываетъ имъ сказки. Сюда же собираются и парни [1]).

Извѣстно этнологическое значеніе этихъ посидѣлокъ [2]). На сколько вліяетъ сближеніе молодыхъ людей обоего пола на заключеніе между ними браковъ,—въ этомъ случаѣ взгляды стараго и молодого поколѣнія совершенно противоположны. Тогда какъ молодое поколѣніе стремится добиться все большей и большей свободы выбора себѣ пары, старое и среднее даже поколѣніе этого совершенно не знало [3]). И теперь еще старое поколѣніе оказываетъ сильное сопротивленіе абсолютной свободѣ выбора. Особенно это относится къ большимъ семьямъ и къ общинамъ. Ни время отдачи замужъ или женитьбы, ни личныя симпатіи здѣсь не могутъ имѣть значенія, разъ семьей предлагаемая связь признается неподходящей вполнѣ, или несвоевременной. Уступка, которая дѣлается семьей, состоитъ въ томъ, что она стремится согласить свои интересы съ интересами молодежи. Родители разузнаютъ, съ кѣмъ «любится» ихъ сынъ или дочь, и, если это не идетъ совершенно въ разрѣзъ съ интересами семьи, стараются избѣжать споровъ и раздора и сдѣлать по желанію парня или дѣвушки. Разумѣется, въ малыхъ семьяхъ дѣтямъ предоставляется больше свободы выбора: личныя чувства родителей, вліяніе, которое имѣютъ сынъ или дочь, какъ единственные работники, большая очевидность пользы, приносимой ими въ хозяйствѣ,—все это скорѣе склоняетъ родителей къ уступкамъ личнымъ симпатіямъ дѣтей.

Во всякомъ случаѣ, соображенія экономическаго характера играютъ очень видную роль при заключеніи брака, а

---

[1]) Подробности о собраніяхъ бѣлорусской молодежи см. въ нашей статьѣ, „Живая Старина", 1893. II.

[2]) Ср. напр., Ковалевскій, Первобытное право, в. II, 5—6.

[3]) „Якъ мы были маладые,—можно слышать нерѣдко разсказъ,—дыкъ на було таго, кабъ ясьци за того хлопца, въ кимъ на вячоркахъ любилась; але такъ, якъ скажуць бацька зъ маткой ясьци за каго, за таго й идуць. Паплачамъ трохи, а потымъ усѣ тые маладощи и забудутца".

Digitized by Google

родители стремятся поставить ихъ на первомъ планѣ. Съ свадьбой старшаго сына всегда спѣшатъ, такъ какъ семья нуждается въ работницѣ. Напротивъ, старшую дочь стараются попридержать годъ—другой лишній въ домѣ, чтобы воспользоваться ея работой. Кромѣ того, и въ томъ и другомъ случаѣ нужны расходы, которые иногда тяжело ложатся на бюджетъ семьи, а дочери при томъ нужно скопить еще «выправу», т.-е. приданое изъ одежды, бѣлья и пр.

И эти соображенія настолько важны, что часто на два-три и больше года оттягиваютъ свадьбу бѣдныхъ. Въ одномъ актѣ мы имѣемъ соображеніе и другого еще характера, при чемъ мы встрѣчаемъ и указаніе на существованіе обычая уславливаться о женитьбѣ дѣтей до ихъ совершеннолѣтія. Одинъ крестьянинъ, напр., передалъ другому свой полунадѣлъ земли по письменному договору съ тѣмъ, однако, устнымъ условіемъ, чтобы получающій надѣлъ женилъ своего сына на его дочери. Когда черезъ одиннадцать лѣтъ взявшій надѣлъ не исполнилъ условія о женитьбѣ сына, то отецъ дочери отнялъ надѣлъ, и судъ оставилъ землю за нимъ (Рѣч. у.). Такимъ образомъ, судъ не призналъ незаконность такого договора, а счелъ его разстроившимся потому, что не было соблюдено и другое условіе. Очевидно, отецъ дочери, не имѣя возможности обработывать самъ землю и платить за нее подати, не желалъ передать ее въ чужія руки или въ руки общества, но передавалъ въ пользованіе и для обогащенія семьи своего будущаго зятя. Это же дѣло еще разъ подтверждаетъ сказанное нами о значеніи родителей въ женитьбѣ своихъ дѣтей вообще.

Институтъ приданаго въ видѣ денегъ мало извѣстенъ бѣлоруссамъ. Я имѣю свѣдѣнія о томъ, что оно начинаетъ распространяться въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Минскаго у. и доходитъ иногда до 100 и больше рублей, но все же считается явленіемъ новымъ, которое практикуется лишь у богатыхъ крестьянъ; иногда такимъ образомъ успѣваютъ выдавать состоятельные родители свою дочь, завѣдомо опороченную, за бѣднаго парня. Такимъ образомъ, оно не можетъ играть существенной роли въ крестьянскомъ быту. Но съ другой стороны и „выправа“, „пасагъ“, которая дается не-

Digitized by Google

вѣстѣ, хотя затрудняютъ семью, выдающую дочь, но не могутъ имѣть большого значенія для той семьи, въ которую вносится, во первыхъ потому, что она принадлежитъ не ей, а невѣсткѣ, а вовторыхъ потому, что она состоитъ изъ такихъ вещей, которыя въ хозяйствѣ не имѣютъ значенія. Поэтому, все значеніе вновь вступающаго члена въ семью сводится исключительно на цѣнность его, какъ рабочей силы, и выборъ невѣсты съ этой стороны очень строгъ. Красота, часто даже богатство, не имѣютъ значенія въ глазахъ бѣлорусса; ему прежде всего нужна хорошая работница, и только эти качества высоко стоятъ въ глазахъ хозяина. Единственное условіе, которое требуется отъ невѣсты, это ея непорочность; она имѣетъ еще и теперь повсемѣстно весьма важное значеніе. Опороченная дѣвушка съ трудомъ находитъ себѣ жениха, чаще всего вдовца или бѣднаго сироту. Дѣвушка, рѣшившаяся выйти замужъ и обманувшая семью и мужа на счетъ своей нравственности, не только сама и вся ея семья, родственники и сваты подвергаются поруганію, но часто такая свадьба совсѣмъ разстраивается, или же молодые расходятся и не живутъ по нѣскольку лѣтъ, пока какъ нибудь обѣ стороны не помирятся. Непорочность часто узнается до церковнаго вѣнчанія. Одна часть свадебнаго ритуала—*посадъ*, когда невѣсту садятъ на почетномъ мѣстѣ, совершается во многихъ мѣстахъ не послѣ вѣнчанія, а наканунѣ. Рѣдкая дѣвушка рѣшится сѣсть на посадъ, потерявши цѣломудріе, а если она не сядетъ, то это служитъ ея сознаніемъ. Тогда весь свадебный поѣздъ жениха, послѣ доброй перебранки, часто драки, упрековъ, требованій назадъ расходовъ, удаляется обратно, и свадьба разстраивается. Только заступничество жениха, принимающаго грѣхъ на себя, можетъ спасти дѣвушку, но и тогда она не избѣгнетъ укоровъ своей и жениховой родни. Замѣчательно, что во многихъ мѣстахъ гдѣ сохранились болѣе древнія черты свадебнаго ритуала, непорочность требуется и отъ жениха, и отказъ его сѣсть на посадъ влечетъ за собою точно такія-же послѣдствія [1]).

[1]) Довнаръ-Запольскій, Бѣлор. свадьба въ культ.—религіозн. пережиткахъ, «Этн. Обозр»., кн. XIX, стр. 26 и слѣд.

Digitized by Google

Но при этомъ нравственною обязанностью считается для парня, опорочившаго дѣвушку, на ней жениться. На этомъ настаиваетъ не только вся семья дѣвушки, но вся ея родня, также и родственники жениха, такъ что парень рѣдко можетъ уклониться отъ женитьбы. Сожительство безъ церковнаго вѣнчанія „на сумленье“ (на совѣсть), хотя и встрѣчается, но рѣдко, обыкновенно, среди дальнихъ родственниковъ, которые однако по церковнымъ правиламъ не могутъ вѣнчаться.

Выше было упомянуто о свадебныхъ расходахъ и о выправѣ невѣсты [1]).

Не безъинтересно разсмотрѣть этотъ вопросъ подробнѣе, такъ какъ онъ играетъ важную роль въ крестьянскомъ быту. По одному моему источнику свадебные расходы исчисляются minimum рублей въ 30 со стороны жениха и рублей въ 20—25 со стороны невѣсты, а наибольшіе доходятъ у жениха до 75 р. и у невѣсты до 50 р. Главную роль въ расходахъ играетъ съ той и другой стороны водка, которая у жениха занимаетъ половину расходовъ, у невѣсты третью часть [2]).

---

[1]) Свадебнаго обряда я не привожу здѣсь, хотя онъ и касается нѣкоторыми своими сторонами обычнаго права. Свадебный обрядъ описанъ и разсмотрѣнъ мною въ слѣд. работахъ: „Бѣлорусская свадьба и свадебныя пѣсни,“ Кіевъ 1888 г.; „Бѣлорусская свадьба въ культ.-религіозныхъ пережиткахъ“, Этногр. Обозр., кн. XVI, XVII, XIX; „Мотивы свад. пѣсенъ Пинчуковъ“, Гродно 1893 г.

[2]) Привожу примѣрную смѣту свадебныхъ расходовъ средней семьи (Минск. у).

Расходы у „молодого“.

3—5 р. на водку во время запоинъ (3—5 гарнцевъ).
1 р. музыканту во время свадьбы.
5—10 р. водка на свадьбѣ.
3—10 р. священнику.
Мелкіе расходы:
Дружкамъ за выкупъ невѣсты 5—10 коп.
Брату невѣсты „ „ 5—15 коп.
За выкупъ сундука (куфаръ)—брату 5—30 коп.
За проводы сундука музыканту 3—5 коп.
Непредвидѣнные расходы 50 к.—1 р. и болѣе.
По пріему родителей 3—4 р.

Расходы у невѣсты меньше:

На запоинахъ отъ 80 коп. до 1 р. 20 к.
Водка на свадьбѣ—3—8 р.
Коровай 1—2 р.

Digitized by Google

Выправа или посагъ, который обязательно должна внести невѣста, какъ бы она ни была бѣдна,—это одежда на годъ, а по прежнимъ порядкамъ непремѣнно на 7 лѣтъ, постель (подушки, пуховикъ, „пярина“ и „ковдра“—одѣяло изъ домашней шерсти) и что нибудь изъ скота—овцу, свинью, корову. Но о приданомъ болѣе состоятельной невѣсты мы можемъ судить по нѣкоторымъ рѣшеніямъ волостныхъ судовъ. Одно рѣшеніе исчисляетъ такъ приданое: бочка въ 3 р., 2 кубла (кадки для склада бѣлья, одежды)—4 р., веревка—1 р. 50 к., 2 топора на 2 р. 50 к., свитка—2 р., сани—1 р., бочка картофеля—3 р., 2 тюфяка—2 р., бычокъ—3 р., 47 возовъ навозу 9 р. 40 к, амбаръ—10 р., всего на 41 р. 40 к. (По другому акту невѣста имѣла корову, двое телятъ, овцу, свинью, и др. (Пин).

Что касается юридическаго значенія брачной сдѣлки, то прежде всего отмѣтимъ, что нарушена она можетъ быть послѣ сватовства и послѣ сговора, т. наз. вторыхъ и третьихъ „запоинъ“. Какъ для жениха, такъ и для невѣсты считается безславіемъ отказъ противной стороны, но послѣ сватовства онъ бываетъ чаще и считается болѣе возможнымъ, чѣмъ послѣ запоинъ. Нужны слишкомъ серьезныя причины, чтобы какая нибудь сторона отказалась послѣ сговора, и важнѣйшею, едва-ли не единственною признается нецѣломудріе невѣсты, если она сама признается въ этомъ, или достовѣрно узнается стороною. Во всякомъ случаѣ потерпѣвшая сторона требуетъ удовлетворенія и возвращенія понесенныхъ ею расходовъ. Такъ, напр., по одному рѣшенію такіе расходы исчислены въ 10 р. (Рѣч). Другое дѣло высчитываетъ

Мелкіе расходы: цвѣты, пояса и пр.—1 — 3 р.

Хотя смѣта наша составлена на основаніи фактическихъ данныхъ, но это свадьба небогатая, и потому всѣ расходы увеличиваются въ богатыхъ семьяхъ. Сами же *статьи* расхода вездѣ остаются неизмѣнными.

Къ свадебнымъ расходамъ отчасти относится и свадебная одежда невѣсты и „куфаръ“ (сундукъ для приданаго): подвѣнечный ситцевый уборъ—около 1 р. 50 к., куфаръ—2—3 р., свитки—7—10 р.

Digitized by Google

расходы въ той же суммѣ но передаетъ при этомъ рядъ любопытнѣйшихъ продробностей [1]).

Свадьба, т. е. вся пропедура ритуала, имѣетъ въ глазахъ крестьянъ значеніе акта, скрѣпляющаго брачную связь. Церковное вѣнчаніе не играетъ существенной роли, и его исполняютъ только потому, что оно требуется священникомъ. Вѣнчаніе является лишь одной изъ частей ритуала, непосредственно послѣ или передъ которой, смотря по мѣстности, совершается важнѣйшая часть его—сажаніе молодыхъ на посадъ. Гдѣ она совершается передъ вѣнчаніемъ, тамъ въ указанныхъ нами случаяхъ, возможенъ разрывъ, но женихъ уже

---

1) Крест. дер. Осова Афанасій Щерба заявилъ волостному суду о томъ, что въ маѣ мѣсяцѣ прошлаго года пришелъ къ нему сватать его дочь Анну крест. дер. Барановичи Григорій Сулимъ за сына своего Андрея, на что онъ былъ согласенъ, а какъ происходило наканунѣ Петрова Поста, и Григорій Сулимъ хотѣлъ совершить и вѣнецъ до поста чрезъ два дня послѣ сговора, но онъ Афанасій, какъ не имѣлъ еще ничего въ готовности, то предложилъ отложить вѣнецъ послѣ Петрова поста, чѣмъ Григорій Сулимъ остался недоволенъ, а жена его пришла къ нему, Афанасію въ домъ и стала грубо высказывать, что она совсѣмъ не хотѣла брать за сына его дочь Анну, но уже мужъ сдѣлалъ запоины, то такъ и быть; и затѣмъ стала стучать по столу кулакомъ и высказывать разныя угрозы, что увидала его дочь Анна, испугалась и приняла во вниманіе, что если мать жениха, еще не взявши ее, уже угрожаетъ, то что же будетъ, когда она поступитъ въ ихъ домъ? Тогда навѣрное ей не будетъ хорошаго житья, а потому совсѣмъ отказалась идти замужъ за Андрея. Не желая силою неволить дочь свою Анну пойти замужъ помимо ея согласія, я объявилъ объ этомъ и Григорію Сулиму. Но тотъ сталъ упорствовать и требовалъ возврата его убытковъ, какъ бы затраченныхъ имъ при запоинахъ, 40 руб. А какъ ему хорошо извѣстно, что со стороны Григорія болѣе не вышло расходовъ, какъ на 10 рублей, каковые деньги онъ ему возвращаетъ, и дочь его носила къ нему два раза, но Григорій не соглашается взять денегъ и вмѣстѣ съ тѣмъ предупредилъ приходскаго священника, чтобы онъ если найдется его дочери Аннѣ другой женихъ, то не вѣнчать ее какъ давшую обѣщаніе его сыну Андрею, что священникъ принялъ къ свѣдѣнію и объявилъ его дочери Аннѣ, что пока она не удовлетворитъ Григорія Сулима, онъ не дастъ ей вѣнца. А какъ она вопервыхъ и не въ состояніи уплатить Григорію Сулиму 40 руб., а вовторыхъ и вполнѣ знаетъ, что некуда было ему израсходовать такую сумму денегъ на запоины; на 40 руб. можно отгулять и всю свадьбу, а на запоины вышло съ его стороны водки не болѣе какъ на 5 руб., а закуска вся была его, какъ это было у него въ домѣ, и онъ ему предлагаетъ 10 руб., но тотъ не беретъ. Такъ какъ его дочери находится другой женихъ и онъ готовъ бы выдать дочь, но какъ Григорій Сулимъ ему препятствуетъ въ этомъ, то онъ про-

Digitized by Google

съ этого момента считается „человѣкомъ“,— опредѣленіе, даваемое только женатымъ мужчинамъ, а невѣста, „жонкой“,— женщиной. Слѣдовательно, народъ смотритъ на разошедшихся, какъ на разведенныхъ.

Вступающая въ семью или въ семейную общину женщина пользуется всѣмъ необходимымъ для своего прокормленія, а также и одеждою по истеченіи года со времени свадьбы, изъ того, что добывается общимъ съ нею трудомъ семьи. Но она не пріобрѣтаетъ правъ на общее семейное имущество, получая лишь часть изъ имущества, пріобрѣтеннаго ею совмѣстно съ мужемъ. Все же, что пріобрѣтется общиною сообща, принадлежитъ не ей, а общинѣ, членами которой считаются и ея дѣти. Объ этомъ была уже рѣчь. Но за то она безконтрольно распоряжается своимъ личнымъ имуществомъ, внесеннымъ ею въ видѣ приданаго. Она владѣетъ не только этимъ имуществомъ, но также и всею тою прибылью, которая съ него получается. Если она имѣетъ возможность заработать что либо на сторонѣ, то это также составляетъ ея личную собственность. Она можетъ ею распоряжаться по своему усмотрѣнію и, въ случаѣ смерти мужа, все ея имущество вмѣстѣ съ прибылью,

---

сить дѣло это разобрать по совѣсти, какъ удовлетворить Григорія Сулима и дать его дочери свободу выдти замужъ по ея желанію.—На предложеніе Григорію Сулиму, не согласенъ ли онъ примириться съ Афанасіемъ Щербою, имѣя въ виду, что силою заставить дочь Афанасія Анну выдти за его сына Андрея замужъ во-первыхъ нѣтъ возможности, а во-вторыхъ и нельзя изъ этого брака ожидать хорошей жизни, и что Григорій Сулимъ показалъ, что онъ согласенъ разойтись съ Афанасіемъ Щербою, тогда только, когда тотъ вернетъ ему убытки 40 р., каковые онъ израсходовалъ на запонны и на вынутіе невѣстиной метрики о ея рожденіи изъ Голынской церкви и на перенесеніе таковой въ Горбацевичскую, гдѣ тоже уплатилъ и на заповѣди. Судъ разобравъ сію жалобу пришелъ къ тому заключенію, что такъ какъ суду хорошо извѣстно, какіе именно бываютъ расходы при запоннахъ, а равно извѣстно и сколько бываетъ расходовъ при вынутіи метрики и на заповѣди, и призналъ, что Григорій Сулимъ болѣе не израсходовалъ какъ 10 р., но не желаетъ таковыхъ принять отъ Афанасія Щербы, будучи затронутъ за самолюбіе отказомъ невѣсты, а потому дабы одержать верхъ надъ Щербою и его дочерью Анною, онъ требуетъ отъ нихъ возврата небывалыхъ расходовъ на 40 р., а потому Судъ по своему убѣжденію и по совѣсти постановилъ: чтобы Афанасій Щерба уплатилъ Григорію Сулиму 12 руб.; оно будетъ безобидно какъ для одного, такъ и для другаго, и они болѣе одинъ къ другому не должны распространять никакой претензіи.—Подпись судей.

Digitized by Google

если таковая получилась, безпрекословно ей выдается семьею покойнаго. Если супруги расходятся, то приданое возвращается женѣ [1]).

Взглядъ на невѣстку прежде всего какъ на работницу отражается и на томъ, что если она почему либо не работаетъ для семьи мужа, то послѣдняя отказывается кормить ее. Новыя условія крестьянской жизни служатъ иногда причиной продолжительнаго отсутствія мужа, напр. въ военной службѣ и. т. п. Часто невѣстка не уживается съ семьей и уходитъ въ домъ родителей до возвращенія мужа. Тогда семья послѣдняго отказывается выдавать ей на содержаніе,

---

[1]) Приводимъ одно такое дѣло (Телеханской вол)., не лишенное любопытныхъ подробностей:

Крестьянка Вульковскаго сельскаго общества деревни Вульки Аксенія Иванова Мяликова проситъ о взысканіи съ ея мужа Марка Станиславова Мялика слѣдующаго имущества ея, а именно: бочки стоющей 3 рубля, двухъ кубловъ 4 руб., веревки (ужище)—1 рубль 50 копѣекъ, двухъ топоровъ—2 руб. 50 к., свитки 2 рубля, саней—1 рубль, кортофеля одну бочку—3 рубля, двухъ холстовыхъ тюфяковъ—2 рубля, за проданнаго бычка 3 рубля и за 47 возовъ навоза за вывезенные на его поле 9 рублей 40 копеекъ, а всего на сумму 31 руб. 40 копеекъ, и кромѣ сего проситъ предоставить ей право взять свой амбаръ, перенесенный мужемъ на свой плацъ, стоющій 10 рублей сереб., а всего на сумму 41 рубль 40 копеекъ серебромъ. Отвѣтчикъ Марко Станиславовъ Мяликъ противъ иска жены своей Аксенія Ивановой Мяликовой пояснилъ, что онъ прописаннаго имущества возвратить женѣ не желаетъ, потому что она его оставила. Имущество прописанное она дѣйствительно внесла къ нему. Навоза же 47 возовъ не взято а только 4 воза. Свидѣтель Ѳеодоръ Осиповъ Мяликъ показалъ, что дѣйствительно сказанное имущество внесла Аксенія къ мужу своему Марку при выходѣ въ замужество, навоза же было не болѣе 12 возовъ. Волостной Судъ по соображенію обстоятельствъ сего дѣла, нашелъ искъ Аксенія Ивановой Мяликовой съ мужа ея Марка Станиславова Мялика доказаннымъ только въ суммѣ 34 рублей 40 коп., такъ какъ изъ показанія свидѣтеля выяснилось, что навоза вывезено всего 12 возовъ, а не 47 возовъ, какъ истица заявила. Стороны примириться не пожелали, а потому п о с т а н о в и л ъ: на основаніи 107 ст. общ. полож. обязать Марка Станиславова Мяликова выдать задержанное имущество и амбаръ женѣ своей Аксенія Ивановой Мяликовой и уплатить за проданнаго бычка 3 рубля и за 12 возовъ навоза 2 рубля 40 коп., въ случаѣ же не окажется прописаннаго имущества, взыскать съ Марка Мялика въ пользу Аксенія Мяликовой по стоимости онаго 29 руб., а всего 34 рублей 40 копеекъ; въ искѣ же еще 7 рублей за навозъ Аксенія Мяликовой отказать, какъ недоказанномъ. Настоящее рѣшеніе недовольной сторонѣ предоставляется право обжаловать въ Пинское Уѣздное по крестьянскимъ дѣламъ Присутствіе въ тридцатидневный срокъ.

Digitized by Google

а судъ не обязываетъ ее къ этому (Пин). По одному рѣшенію видно, что сынъ, уходя на службу, сдѣлалъ распоряженіе, чтобы его женѣ данъ былъ изъ общаго имущества скотъ и хлѣбъ для пропитанія дѣтей, но не для нея самой (Пин).

Указанный взглядъ достаточно рельефно обрисовывается еще въ томъ, что иногда вдова или ея родители требуютъ платы за проработанное ею время въ семьѣ мужа. Это бываетъ особенно тогда, когда мужъ умеръ молодымъ. Такъ, напр., въ одномъ случаѣ отецъ вдовы потребовалъ съ семьи мужа плату за проработанное ею время въ видѣ 12 п. ржи, по 2 п. гречихи, овса, ячменя, проса и яровой пшеницы и 1 воза сѣна; на судѣ помирились: братъ покойнаго призналъ искъ и согласился выдать половину требуемаго (Рѣч.). По другому рѣшенію, хотя судъ и отказалъ выдать требуемое вознагражденіе, но только потому, что отецъ покойнаго предложилъ невѣсткѣ поселиться у него и на судѣ было доказано, что и раньше они жили мирно и со стороны семьи не было повода къ ея уходу [1]).

---

[1]) Приведемъ для примѣра слѣд. рѣшеніе вол. суда Телеханской вол.: Крестьянинъ Святовольской волости деревни Колонска Николай Осиповъ Ильчукъ жалуется на крестьянина села Озаричъ Семена Ѳеодорова Борисевича, что дочь его была въ замужествѣ за сыномъ его, и когда ея мужъ умеръ, то они выправили ее безъ времени, со скотомъ, который былъ данъ ей въ приданное, не давъ ни хлѣба ни сѣна, отъ свиньи забрали поросятъ каковые цѣнитъ 6 руб.; проситъ присудить для дочери, какъ работавшей въ ихъ хозяйствѣ 3 года, дать хлѣба, шапокъ ржи, сала 10 фунтовъ, сѣна для скота 40 пудовъ и 6 руб., за поросята. Семенъ Борисевичъ противу жалобы бывшаго своего свата, пояснилъ, что невѣстки онъ не проговаривалъ, могла она жить у нихъ или до весны вмѣстѣ со скотомъ своимъ, а она безъ причины съ ихъ стороны, забравъ свой скотъ, овцу и свинью, уѣхала, то онъ не считая обязанностью давать ей ни хлѣба, ни сѣна ни сала, поросятъ же онъ дѣйствительно побилъ всѣхъ изъ сожалѣнія, что когда они забрали свинью и поросятъ сосуновъ отъ 4 дней оставили, одного поросенка—жареваго—предъявили на судѣ; невѣстка же, какъ они жили хорошо, можетъ возвратиться къ нимъ и жить сколько пожелаетъ, хоть до выхода замужъ, да при томъ невѣстка привела съ собою корову и двое телятъ, а забрала три штуки скота и теленка. На основаніи 107 ст. полож. кр. волостной судъ склонялъ стороны къ примиренію, чего непослѣдовало, а посему п о с т а н о в и л ъ: какъ со стороны Семена Борисевича не было дано никакого повода къ оставленію ихъ невѣсткой, какъ онъ и нынѣ заявилъ, что она можетъ и теперь возвратиться къ нему со скотомъ своимъ и жить у него, сколько пожелаетъ, въ домогательствѣ Николая Иль-

Digitized by Google

Къ вопросу о бракѣ примыкаетъ и вопросъ о разводѣ. О формальномъ разводѣ среди крестьянъ мало кто знаетъ. Но практикуется разводъ безъ посредства церкви: неполадившіе супруги просто расходятся. Изъ имѣющихся у насъ рѣшеній видно, что если разводъ бываетъ добровольный съ обѣихъ сторонъ, то жена получаетъ внесенное ею имущество. Если же одна изъ сторонъ оставляетъ другую, то послѣдняя считаетъ себя въ правѣ удержать имущество первой. Обѣ стороны въ спорахъ настаиваютъ на томъ, кто кого „прогналъ“ (Пин. и Боб.)[1]).

Другое лицо, которое посредствомъ брака является въ чужую семью,—это примакъ, т. е. зять, перешедшій жить въ семью жены. Причины, по которымъ семья дѣвушки ищетъ примака, обыкновенно состоятъ въ томъ, что въ семьѣ нѣтъ или не хватаетъ работника. Если крестьянинъ имѣетъ только дочерей, или если вдова остается на хозяйствѣ съ малолѣтними дѣтьми, наконецъ дѣвушки сироты, остающіяся на отцовской землѣ, — во всѣхъ такихъ случаяхъ ищутъ примака. Но въ примаки идутъ далеко неохотно и только по нуждѣ, когда семья отца многочисленна и малоземельна, или совсѣмъ безземельна,—вдовцы, сироты, отставные солдаты. Относительно положенія примака въ домѣ тестя или жены бѣлорусская пословица энергично выражается — „примачій хлѣбъ—собачій“, свидѣтельствуя тѣмъ о зависимомъ и тяжеломъ положеніи примака.

Съ юридической стороны примакъ, по народнымъ воззрѣніямъ, становится въ тѣ же условія къ семьѣ тестя или къ женѣ, которая его приняла, какъ и невѣстка къ семьѣ мужа. Въ Бобруйскомъ у. о примакѣ говорятъ „вышелъ за жену“, его имущество называютъ „приданымъ“.

Примакъ также вноситъ свое имущество. Размѣры его бываютъ различны и зависятъ отъ условій и состоятельности обѣихъ сторонъ. Такъ, какъ указываетъ одно дѣло,

---

чука о выдачѣ ему для дочери, хлѣба, сѣна, а также о взысканіи 6 руб. за поросятъ отказать, тѣмъ болѣе, что Ильчукъ, забравъ свинью, долженъ былъ брать вмѣстѣ и поросятъ, а когда не давали, то долженъ заявить старостѣ, и до рѣшенія дѣла оставить свинью. О чемъ объявить сторонамъ.

1) Ср. примѣч. на стр. 118.

Digitized by Google

примакъ внесъ 2 лошадей, 6 штукъ скота, двухъ телокъ, свинью, двухъ овецъ, кубелъ съ одеждою, чашу льняного сѣмени и пр.— всего на 142 р. (Пин.). Въ другомъ случаѣ примакъ внесъ 8 штукъ скота и 2 лошадей, или же вноситъ постройки и скотъ и пр.

Внесенное примакомъ имущество, приданое, принадлежитъ лично ему, хотя онъ и обязанъ употреблять его для хозяйственныхъ потребностей семьи (лошадей напр.). Въ случаѣ выдѣла, развода и т. п. онъ получаетъ все свое обратно.

Но примакъ рѣдко вступаетъ въ семью жены безъ условій, полагаясь только „на сумленне", развѣ ужъ очень бѣдный. Обыкновенно-же примакъ или его родители очень точно обозначаютъ съ родителями невѣсты условія, на которыхъ онъ вступаетъ въ семью.

Условія эти главнымъ образомъ касаются земли. Они бываютъ устныя и письменныя [1]). Обѣ стороны обязаны соблюдать условіе. Если послѣднее нарушено тестемъ, то судъ выдѣляетъ изъ имущества и земли то, что слѣдовало бы получить примаку, какъ наслѣднику; если же условіе нарушено прима-

---

[1]) Ср. „Этнограф. Обозрѣніе", 1891 г., № 1, стр. 111. „О семейныхъ дѣлежахъ бѣлоруссовъ". Н. В Тесленко.

Приведемъ нижеслѣд. условіе (Горбац. вол.): Я, нижеподписавшійся крест. дер. Ново-Старцовъ, даю настоящее обязательство крест. Ѳедору Андрееву Тимко въ томъ, что, женивъ его на своей дочери Анастасіи и принимая въ свою семью, я долженъ считать его, какъ родного сына, и сообразно этому обходиться съ нимъ, т. е. у насъ должно быть все общее, какъ въ хозяйствѣ, такъ и имуществѣ. Но имѣя также родныхъ сыновей, хотя еще и малолѣтнихъ, желая обезпечить Федора Тимко на случай моей смерти, симъ обязуюсь и дѣтей моихъ (обязую) жить постоянно въ одной семьѣ. Въ случаѣ же если мои дѣти, достигнувъ возраста, почему либо неполадятъ съ Федоромъ, то онъ на случай раздѣла имѣетъ право взять себѣ третью часть моей земли и третью часть движимаго имущества въ настоящемъ его составѣ. Если же Федоръ, еще при жизни моей, не имѣя отъ меня ни въ чемъ обиды, или же по моей смерти при малолѣтствѣ моихъ дѣтей по какому либо капризу захочетъ бросить мое семейство, то онъ теряетъ право на прописанное выше мое обязательство, исключая обыкновеннаго приданаго, которое я долженъ дать за моею дочерью Анастасіею. Настоящее обязательство должно храниться или на рукахъ у самого Федора Тимко или же у лица, которому онъ довѣряетъ. Крест. Никифоръ Гавриловичъ, а за него неграмотнаго росписался Яковъ Тимушевъ.

Digitized by Google

комъ, то судъ или заставляетъ его жить вмѣстѣ въ семьѣ тестя, или лишаетъ его правъ на имущество [1]).

Отношенія примака къ землѣ и имуществу семьи бѣлоруссы часто опредѣляютъ выраженіемъ, что такой-то пришелъ въ пріймы „за хозяина", „за сына"; послѣднее опредѣленіе дается и пріемнымъ сыновьямъ. Этими выраженіями указывается на то, что примакъ явился въ семью жены, выговоривъ себѣ извѣстную сумму правъ на имущество и землю. Если примакъ этого не сдѣлалъ, то онъ и не можетъ требовать ни того, ни другого. Такъ, въ одномъ случаѣ шелъ споръ о томъ, самъ ли прибылъ примакъ или же его взяла" жена. Примакъ доказывалъ послѣднее, но братъ жены его доказывалъ, что онъ „самъ прибылъ и былъ у его сестры въ родѣ работника". На этомъ основаніи судъ отказалъ въ выдѣлѣ земли примаку. Въ другомъ случаѣ причина отказа въ выдѣлѣ земли та же: отвѣтчикъ утверждалъ, что примакъ жилъ въ семьѣ его отца только „временно" (14 лѣтъ), хотя судъ и мотивировалъ свой отказъ тѣмъ, что по спискамъ земля не числится за примакомъ (Пин.). Но такая мотивировка не имѣетъ основанія въ обычномъ правѣ, какъ сейчасъ увидимъ. Однимъ изъ доказательствъ на судѣ правъ примака на землю служитъ также и то, что тесть принимаетъ его „какъ неимѣющій сыновей на полное хозяйство" (Пин.), или, какъ говоритъ одно рѣшеніе, „былъ принятъ за семьянина, а не за работника" (Бобр.). Если примакъ не сдѣлаетъ соотвѣтственнаго условія устно или пись-

---

[1]) Приведемъ по этому поводу одно въ высшей степени любопытное рѣшеніе Горбацевичевскаго вол. суда (за 1895 г.): Крест. села Дѣдно Никифоръ Треуховъ занесъ жалобу волостному суду, что родной сынъ его Иванъ, будучи *отданъ въ примы* къ крестьянину того же села Ивану Рослику, не хочетъ жить у него, Никифора, безъ жены, жены же Иванъ Росликъ не отпускаетъ на томъ основаніи, что дочь его вышла замужъ за Ивана потому, что онъ взятъ имъ въ примы, для того собственно, чтобы имѣть въ домѣ работника.—Возраженія отвѣтчика не записано.—Свидѣтелей выставляемо не было.—Волостной Судъ, выслушавъ жалобу и показаніе отвѣтчика рѣшилъ: оставить Ивана примакомъ въ домѣ Ивана Рослика, вмѣстѣ съ его женою Настей на томъ основаніи, что *по мѣстнымъ обычаямъ примакъ считается неотъемлемымъ членомъ семейства, которое его приняло.*—Слѣдуютъ подписи судей.

Digitized by Google

менно передъ вступленіемъ въ чужую семью, или же если послѣдняя упорно отказывается признать за нимъ какое либо право на имущество и доказать своего права примакъ не можетъ, то онъ оказывается въ положеніи простого работника и какъ таковой имѣетъ право на вознагражденіе отъ семьи за проработанное время. И народное мнѣніе во всякомъ случаѣ признаетъ за нимъ это право, хотя судъ часто отказываетъ по неподсудности, такъ какъ цѣна иска превышаетъ его компетенцію. Такъ, въ одномъ случаѣ примакъ требовалъ отъ своей жены и падчерицы, принявшихъ его, за 16 лѣтній трудъ по 20 р. годовой платы и вознагражденіе за растраченное его имущество. Вопросъ о землѣ не былъ поднятъ, потому что онъ не былъ обусловленъ при заключеніи брака, но отвѣтчицы не отрицали иска по существу, и жена предлагаетъ ему возвратиться въ домъ. Судъ отказалъ по неподсудности (Пин.). Въ другомъ случаѣ общественное мнѣніе высказалось по этому вопросу болѣе опредѣленно. Примакъ 12 лѣтъ проработалъ на хозяйствѣ жены. Братъ жены, подросши, началъ прогонять примака. Тогда по жалобѣ его „крестьяне всей деревни признали, чтобы Артемъ Левошукъ (шуринъ примака) далъ ему половину хлѣба и сѣна урожая сего года и на будущее время пользоваться третьею частью". Это было дано ему обществомъ за его трудъ. Примакъ просилъ волостной судъ или утвердить рѣшеніе общества или присудить ему за 12 лѣтъ по 50 р. въ годъ. Судъ отказалъ по неподсудности (Пин.), но принципъ обычнаго права ясенъ: примакъ, хотя и не обусловилъ при своемъ вступленіи въ хозяйство жены своихъ правъ на имущество, но крестьянское общество считаетъ его вправѣ требовать вознагражденія за рабочій трудъ и выдѣляетъ ему часть имущества. Въ другихъ случаяхъ, если примакъ не связываетъ вопроса о вознагражденіи себя съ вопросомъ о цѣнѣ иска, требуя лишь части земли и имущества, то и судъ не отказываетъ ему въ его требованіяхъ. Такъ, по одному рѣшенію судъ предоставилъ примаку половину всего имущества, наслѣдницей котораго была его падчерица (Пин.).

Во всякомъ случаѣ всегда примакъ напираетъ единственно на то, что онъ трудился, „трудился самъ на всемъ хозяй-

Digitized by Google

ствѣ“ (болѣе трудная работа), и „работалъ сколько могъ“ и т. п., и судъ также старается при помощи свидѣтелей констатировать этотъ фактъ [1]). Но нигдѣ мы не встрѣчаемъ даже намека на какое нибудь право на имущество по родству; очевидно, принципъ труда имѣетъ исключительное значеніе въ глазахъ крестьянъ.

Если примакъ успѣлъ оговорить свой будущій трудъ въ чужой семьѣ и можетъ сослаться на судѣ на существованіе договора его съ женою или тестемъ, то право его признается безспорнымъ. Часто примаки, для большей безспорности своихъ правъ обусловливаютъ еще и такъ, чтобы тесть умирая „отказалъ“, т. е. завѣщалъ ему ту часть, которую отдалъ при жизни. Въ одномъ рѣшеніи по этому поводу былъ установленъ фактъ завѣщанія тестя въ пользу примака, хотя жена послѣдняго умерла на 7 лѣтъ раньше отца, примакъ женился на другой и продолжалъ жить вмѣ-

---

1) Приведемъ такой примѣръ: 1881 года февраля, 25 дня. Мы крестьяне Киселевичскаго сельскаго общества сего числа на сельскомъ сходѣ вприсутствіи сельскаго старосты, слушали жалобу крестьянина дер. Киселевичъ Ивана Рослика о томъ, что онъ былъ принятъ въ примы Григоріемъ Гавриличикомъ къ дочери его Агафіи и что тесть его Григорій, будучи уже въ пожилыхъ лѣтахъ, остался вдовымъ въ 1866 г. и у него остался тогда еще малолѣтній сынъ Михаилъ, то онъ съ своею женою, а его дочерью, приняли хозяйство на себя, обрабатывали землю, уплачивали за оную всѣ денежныя повинности и отбывали натуральныя, а также одѣвали и содержали на своемъ иждивеніи какъ отца такъ и сына его Михаила. Отецъ ихъ Григорій большею частью ходилъ по службамъ и болѣе или менѣе иногда помогалъ намъ въ хозяйственномъ отношеніи, а сынъ его какъ бывшій въ народномъ училищѣ, такъ и вышедши изъ онаго, требовалъ за нимъ ухода. Теперь же какъ уже поднялся на ноги, также не хочетъ заниматься ремесломъ, а ходитъ по заработкамъ, но считая себя наслѣдникомъ послѣ отца, предлагаетъ ему выбраться изъ дому и съ земли и не дозволяетъ ему даже поставить себѣ на усадебной землѣ жилую хату, наговариваетъ отца, чтобы совсѣмъ ихъ выдалить, имѣя въ виду арендовать землю. А какъ онъ прожилъ болѣе 18 лѣтъ въ отцовскомъ домѣ, и былъ принятъ за *семьянина*, *а не за работника* и никогда не ожидалъ, чтобы могъ быть удаленъ, старался удержать землю, обрабатывать таковую и отбывать всѣ какъ денежныя, такъ и натуральныя повинности, а потому всѣ средства затрачивалъ, также гдѣ и пріобрѣталъ, и въ настоящее время если будетъ выдаленъ съ земли, то долженъ остаться нищимъ, а потому проситъ общество обсудить его семейное положеніе и дать ему возможность къ существованію.—Обсудивъ сію жалобу Ивана Рослика, мы признали справедливою, и какъ намъ яполнѣ извѣстно, что хотя по именному списку и записана земля на Гри-

Digitized by Google

стѣ, и по смерти тестя судъ призналъ его права (Пин.). Разъ тесть совершилъ передачу примаку, „принялъ его въ домъ и передалъ какъ зятю все хозяйство", какъ выражается одно рѣшеніе, то онъ уже не вправѣ отказать ему въ имуществѣ. Въ одномъ случаѣ судъ самъ выдѣлилъ третью часть имущества (Рѣч.). Иногда примаки спѣшатъ укрѣпить за собою выговоренное имущество и требуютъ выдѣла при жизни тестя или тещи, не расчитывая на прочность своихъ правъ въ случаѣ ихъ смерти (Рѣч.). Это обстоятельство тогда оговаривается передъ бракомъ: долженъ ли примакъ жить до смерти хозяина или хозяйки опредѣленное время, или же можетъ уйти во всякое время. Иногда съ этимъ соединяется и большая или меньшая сумма правъ на имущество. Но судъ поддерживаетъ права примака. Въ одномъ случаѣ примакъ и его жена жаловались на брата жены, что послѣдній гонитъ ихъ изъ дому. Судъ однако призналъ надѣлъ общею собственностью и приказалъ имъ пользоваться совмѣстно. (Пин.).

Права примака признаются и въ случаѣ смерти его жены, связывавшей его съ своею семьею. Такъ въ одномъ случаѣ примакъ получилъ часть земли, хотя жена и умерла (Пин.). Изъ другого рѣшенія видно, что примакъ, по смерти своей жены, женился на другой и продолжалъ жить въ семьѣ первой жены, а при раздѣлѣ онъ получаетъ часть имущества,

горія, но онъ ею совершенно мало занимался, а сынъ его Михаилъ и совсѣмъ не занимался, а управляетъ какъ землею такъ и хозяйствомъ уже болѣе 15 лѣтъ зять его Иванъ Росликъ,—а потому выдаленіе его съ земли (судъ) призналъ неправильнымъ, и допустить это находитъ невозможнымъ потому, что самъ Григорій уже въ преклонныхъ лѣтахъ, землею заниматься не можетъ; а сынъ его имѣя 20 лѣтъ отъ роду, будучи разбалованъ, то такъ же какъ землею не занимался и заниматься не будетъ, а только имѣетъ въ виду то, что если онъ будетъ арендовать землю и сѣнокосъ, то будетъ на прогулъ имѣть деньги, а если же зайдетъ недоимка за землю, то уплата таковыхъ, конечно, падетъ на общество,— а потому единогласно приговорили; чтобы Иванъ Росликъ какъ жилъ до сихъ поръ, такъ долженъ жить и впередъ и какъ занимался землею, такъ и долженъ заниматься, а если сынъ Григорія Михаилъ захочетъ жениться и заняться хозяйствомъ и землею, то долженъ жить вмѣстѣ и обрабатывать землю вмѣстѣ, а если не захочетъ жить въ одной хатѣ, то пусть Иванъ поставитъ себѣ хату другую, а ему уступитъ хату отцовскую.—Подписи.

Digitized by Google

въ томъ числѣ и 3 надѣла (Рѣч.). Въ другомъ дѣлѣ примакъ тоже по смерти жены своей женился на другой и при раздѣлѣ получилъ половину земли; онъ пришелъ въ пріймы до надѣленія крестьянъ землей и надѣлъ записанъ былъ на его имя, хотя у него и былъ пасынокъ, сынъ владѣльца земли. Надѣлъ перешелъ къ его второй женѣ, принявшей въ свою очередь примака. Судъ призналъ завѣщаніе примака, передававшее свою часть земли роднымъ сыновьямъ, и отказалъ въ искѣ пасынку, подтвердивъ лишь его право на половину надѣла. (Пин.) [1]). Такимъ образомъ, примакъ, явившійся въ семью жены въ качествѣ семьянина, получаетъ права на землю въ той или другой мѣрѣ. Менѣе опредѣленнымъ вопросъ представляется тогда, когда примакъ не заключилъ предварительнаго условія: въ послѣднемъ случаѣ народный обычай сталкивается съ писаннымъ закономъ, которымъ иногда не прочь воспользоваться противная сторона. Но и сельское общество и волостной судъ стоятъ на сторонѣ примака. Колебанія можно встрѣтить лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда, при отсутствіи письменныхъ условій, примакъ требуетъ землю лично для себя, а не для семьи. Судъ иногда колеблется и отказываетъ [2]), но рѣдкіе случаи отказа не могутъ поколебать общаго принципа: примакъ, заключая усло-

---

[1]) Замѣтимъ, что ссылка на выкупной актъ, по которому земля числилась за отчимомъ, на что и опиралась вдова его, не могла имѣть рѣшающаго значенія. Въ народномъ правѣ первенствующее значеніе имѣетъ батьковщина и оно, на сколько возможно, всегда отстаиваетъ ее, не смотря на выкупные акты; притомъ, если бы примакъ считалъ землю своею въ силу выкупного акта, онъ не выдѣлилъ бы своему пасынку половины надѣла, имѣя самъ двоихъ сыновей. Очевидно, онъ бралъ лишь то, что выговорилъ по условію за свой трудъ, остальное, какъ батьковщину, отдавалъ законному ея владѣльцу.

[2]) Намъ извѣстенъ одинъ такой случай отказа изъ Бобр. у.: примакъ требуетъ половины земли у сына своего покойнаго тестя. Но жена примака умерла уже 16 лѣтъ назадъ, сыновья отъ общаго ихъ брака не живутъ при отцѣ, наконецъ, примакъ женатъ на другой. Судъ отказалъ въ искѣ примака, п. ч. онъ былъ принятъ „на имущество жены и что послѣ ея смерти имѣетъ право простирать претензію на имущество лишь оставшіяся послѣ нея дѣти". Какъ ни категорично это утвержденіе, но оно противорѣчитъ цѣлому ряду фактовъ, утверждающихъ какъ разъ противное; мы не знаемъ, какови были условія примака съ тестемъ, наконецъ, если примакъ плохой работникъ и хозяинъ (его родные сыновья ушли на работы), то симпатіи суда будутъ не на его сторонѣ.

Digitized by Google

віе съ тестемъ, получаетъ права на землю лично, независимо отъ будущаго потомства; то же подтверждаютъ и приговоры суда.

Въ дѣлахъ, касающихся примака, весьма любопытно отмѣтить еще слѣд. обстоятельство: примакъ, заключивъ устное условіе, а иногда даже и имѣя письменное, обращается за утвержденіемъ своихъ правъ не прямо въ волостной судъ, но къ сельскому сходу; противники его начинаютъ дѣло въ судѣ, иногда даже въ мировомъ судѣ, или обращются въ крестьянское присутствіе. Нѣтъ случая, чтобы сельскій сходъ отказалъ примаку, при чемъ приговоръ общества всегда настаиваетъ на двухъ вещахъ—на томъ, что примакъ былъ принятъ въ семью въ качествѣ семьянина, и на томъ, что примакъ „трудился на землѣ", „платилъ подати" и пр. Весьма понятно, почему примаки обращаются къ сельскому обществу: послѣднее гораздо консервативнѣе волостного суда, на который производитъ извѣстное воздѣйствіе кассація его рѣшеній начальствомъ и пр. [1]).

Необходимо также оговорить и то обстоятельство, что въ этихъ случаяхъ ни въ одномъ дѣлѣ при спорахъ нѣтъ и помину о какихъ бы то ни было правахъ примака на имущество черезъ жену его. О послѣдней вовсе не упоминается, жива ли она или нѣтъ: примакъ самъ по себѣ требуетъ правосудія, и народный судъ удовлетворяетъ его лично, сообразно съ характеромъ выяснившагося на судѣ договора его съ тестемъ. Это вполнѣ понятно, потому что наслѣдованіе

---

1) Приводимъ, изъ массы аналогическихъ примѣровъ, одинъ приговоръ сельскаго общества Бобр. у.:

Мы, крестьяне Побоковичскаго сельскаго общества сего числа на сельскомъ сходѣ слушали просьбу крестьянъ Сидора Булацкаго и его шваграа Григорія Бошака въ слѣдующемъ: послѣ смерти перваго просителя отца Григорія Булацкаго крест. Григорій Бошакъ поступилъ пріемышемъ въ семью покойнаго Григорія Булацкаго, женился на дочери его Агафіи и въ настоящее время проживаютъ вмѣстѣ съ Сидоромъ Булацкимъ; просятъ оставшуюся послѣ смерти Григорія Булацкаго землю въ количествѣ $17^1/_2$ десятинъ предоставить пополамъ въ пользованіе Сидору Булацкому и Григорію Бошаку. По выслушаніи чего, между собою единогласно приговорили: оставшуюся послѣ смерти Григорія Булацкаго $17^1/_2$ дес. земли предоставить въ пользованіе пополамъ Сидору Булацкому и Григорію Бошаку. Подписи.

Digitized by Google

женщины на землю признается только въ особыхъ случаяхъ.

Что касается до отношенія сына, поступившаго въ пріймы, къ своей семьѣ, то и тутъ дѣло обставляется договоромъ его съ братьями или съ отцомъ.

На этотъ счетъ у насъ имѣется нѣсколько рѣшеній суда, и подразумѣваемость договора въ спорахъ примака съ наслѣдниками его отцовскаго надѣла не подлежитъ сомнѣнію.

Такъ, по одному изъ нихъ ушедшій въ пріймы просилъ судъ возстановить его права на владѣніе землею отца, въ размѣрѣ четвертой части, по числу братьевъ. Но послѣдніе ссылались на то, что братъ ихъ ушелъ уже 22 года тому назадъ и имѣетъ въ семьѣ жены землю. Судъ призналъ справедливость ихъ доводовъ и, ссылаясь на семейный списокъ, по которому примакъ числится не въ семьѣ своего отца, а въ семьѣ жены, отказалъ ему въ искѣ (Пин.). Въ другомъ случаѣ сынъ, ушедшій въ пріймы, жаловался суду на своего отца и брата, что они, владѣя его участкомъ, не платятъ за него повинностей. О землѣ онъ претензій не заявлялъ. Судъ обязалъ отца платить повинности за сына (Пин.). Во второмъ дѣлѣ судъ высказался неопредѣленно, но другіе факты не оставляютъ сомнѣнія въ томъ, что отходящій членъ семьи лишается правъ на землю въ извѣстныхъ случаяхъ. Въ одномъ случаѣ два брата раздѣлились. Черезъ 60 лѣтъ сыновья ихъ заспорили: одинъ изъ нихъ, ушедшій съ матерью къ отчиму въ 54 г., женившійся и жившій все время тамъ, требовалъ отъ своего двоюроднаго брата, „хотя четвертую часть участка“. По семейному списку онъ былъ записанъ въ семьѣ отчима. Опираясь на это, судъ отказалъ ему, хотя эта ссылка лишь формальная: истецъ, прося $^1/_4$ части вмѣсто половины, самъ признавалъ себя не вполнѣ правымъ (Пин.). Тоже находимъ и въ другихъ рѣшеніяхъ (Бобр.), и вездѣ проглядываетъ одинъ и тотъ же принципъ. Семья рѣшается отпустить сына въ пріймы только въ рѣдкихъ случаяхъ, собственно тогда, когда сынъ въ своей семьѣ, какъ работникъ, является излишнимъ, напр., по малоземельности, большому числу братьевъ и пр.; ясно, что семья, отказываясь отъ труда одного изъ своихъ членовъ, тѣмъ самымъ желаетъ ограничить его права на поземельную соб-

Digitized by Google

ственность. Вотъ почему у бѣлоруссовъ практикуется двоякаго рода уходъ въ пріймы, по отношенію къ семьѣ, изъ которой уходятъ. Уходящій въ пріймы или совершенно отказывается отъ своихъ правъ на отцовскій надѣлъ и получаетъ за это отъ своей семьи большую или меньшую часть движимаго имущества, смотря по ея средствамъ, или оставляетъ за собою часть правъ, т. е. по условію онъ получаетъ сейчасъ-же или по смерти отца, или въ случаѣ несогласій его съ тестемъ, часть земли, по размѣрамъ меньшую, чѣмъ онъ могъ бы получить, оставаясь въ семьѣ отца. Въ такомъ случаѣ онъ уже или ничего, или очень мало получитъ изъ движимаго имущества. Меньше всего даютъ примаку тогда, когда онъ хочетъ удержать часть надѣла тотчасъ же послѣ своего ухода, и больше всего, когда онъ выговариваетъ себѣ право на землю въ случаѣ несогласій съ тестемъ. Въ послѣднемъ случаѣ семья идетъ на рискъ. Въ этихъ условіяхъ принимаютъ участіе и родители невѣсты, для которыхъ желательнѣе принять зятя съ землею или съ большимъ имуществомъ.

Такимъ образомъ, семья, изъ которой уходитъ членъ въ пріймы, лишаясь его труда, старается тѣмъ самымъ ограничить его право на землю, надъ которой не перестаютъ трудиться остальные члены; но въ свою очередь, семья, пользующаяся трудомъ новаго своего члена, обязана вознаградить его трудъ; если онъ не поставилъ условіемъ, чтобы такое вознагражденіе состояло въ извѣстной суммѣ правъ его на общее имущество новой его семьи, то послѣдняя во всякомъ случаѣ обязана вознаградить его трудъ платою, какъ рабочему.

Съ положеніемъ примака въ семьѣ наиболѣе сходно положеніе пріемыша и семьянина вообще.

Сущность положенія пріемыша,—все равно, принятаго въ семью взрослымъ, или же выросшаго въ ней,—и семьянина-сдольника, т. е. лица, принятаго для совмѣстнаго труда въ хозяйствѣ, въ ихъ отношеніяхъ къ семьѣ, среди которой они живутъ, одинаково, опредѣляется ихъ правомъ на землю. Едва-ли извѣстны также способы законнаго усыновленія.

Предлагающій усыновить, принять къ себѣ въ домъ, ус-

Digitized by Google

лавливается или съ отцомъ своего будущаго пріемнаго сына, или съ этимъ послѣднимъ, если онъ уже взрослый, или наконецъ, что чаще всего бываетъ въ послѣднемъ случаѣ, и съ тѣмъ и другимъ вмѣстѣ; сущность договора состоитъ въ томъ, принимаетъ ли хозяинъ къ себѣ пріемыша „за сына", или просто береть безъ обязательныхъ для себя условій. На послѣднемъ основаніи принимаются лишь круглыя сироты и др. бездомные, сдаваясь на волю принимателя, такъ какъ въ другихъ случаяхъ и семья не отпускаетъ своего члена, т. е. не откажется отъ его труда, да и онъ самъ не уйдетъ, не надѣясь окончательно утвердиться въ новой семьѣ.

Выраженіе *за сына* имѣетъ въ глазахъ крестьянъ юридическое значеніе. Пріемъ бываетъ обставленъ разными формальностями. Послѣ предварительныхъ переговоровъ съ родителями, опроса самого пріемыша и др., собираются при свидѣтеляхъ, родственникахъ, иногда зовутъ и старосту, и здѣсь еще разъ повторяютъ и точно разрабатываютъ условія пріема. Хозяинъ оффиціально заявляетъ, что онъ беретъ такого-то „за сына", дастъ ему по смерти своей, или при раздѣлѣ съ собственными дѣтьми, если таковые есть, такую-то часть хозяйства, а принимаемый долженъ исполнять такія-то обязанности. Послѣднія состоятъ особенно въ почтеніи къ пріемному отцу, послушаніи, нелицемѣрной работѣ, и „кабъ очи закрыў, якъ помру я, або мая баба" (жена) и пр.

Иногда пріемъ, особенно сироть, дѣлается передъ громадой, или съ разрѣшенія ея, что однако не мѣшаетъ заключенію еще и письменнаго условія съ принимаемымъ [1]).

---

1) Приводимъ для иллюстраціи слѣд. примѣръ (Горбац. воз.): 1878 года мая 30 дня. Мы, крестьяне дер. Вороновичи Захарій Анисьевъ и дер. Писчахъ Тимофей Болбасъ заключили условіе въ слѣдующемъ: 1, Я, Захарій Анисьевъ, будучи въ преклонныхъ лѣтахъ и не имѣя сыновей, а имѣю надѣльную землю при дер. Вороновичахъ въ количествѣ 16 десят., самъ таковую обрабатывать не могу и даже для себя и жены не въ силахъ заработать куска хлѣба, за лучшее обдумалъ свою землю отдать въ вѣчное владѣніе Тимофею Болбасу, на что общество изъявило согласіе, съ тѣмъ, что Болбасъ обязанъ меня и жену мою взять къ себѣ и продержать до смерти, уважать насъ обоихъ какъ своихъ ро-

Digitized by Google

Принимаютъ бѣлоруссы пріемышей очень охотно, особенно подростковъ, даже многосемейные. Съ одной стороны надѣются на его рабочій трудъ, съ другой—пріемъ сиротъ составляетъ нравственную обязанность зажиточнаго крестьянина, особенно родственника сироты. Принудить взять можетъ даже общество или родственники.

Предпочитаютъ принимать родственниковъ, особенно тѣ, которые разсчитываютъ передать пріемышу землю, хозяйство. Бѣлоруссъ стремится къ тому, чтобы „очи закрыў" человѣкъ изъ своего рода, (т. е. семьи: родъ понимаютъ въ этихъ случаяхъ въ тѣсномъ смыслѣ), именно тотъ, который послѣ него будетъ жить въ его же хатѣ, пахать ту же землю,

---

дителей, уплачивать за меня всѣ повинности, а также и за землю, такъ чтобы ко мнѣ никто не имѣлъ претензій; при чемъ возлагаю обязанность на Болбаса таковую: такъ какъ у меня нынѣ есть малолѣтняя дочь, которая дойдетъ до совершенныхъ лѣтъ и придется ей выдти въ замужество,—обязанъ онъ сдѣлать своимъ капиталомъ свадьбу и дать приданое по обычаю крестьянскому, а впредь до выхода ея въ замужество должна находиться при Болбасу, и онъ ее не долженъ обижать, а уважать какъ свою родную; послѣ смерти нашей никто не вправѣ отъ Болбаса отнять землю. 2, Я, Болбасъ, на предложеніе мнѣ Анисьевымъ согласенъ, обязуюсь какъ самъ такъ и семейство мое уважать Захарія и жену его, какъ своихъ родныхъ. Подписи.

Въ данномъ случаѣ пріемышъ принятъ вслѣдствіе отсутствія въ семьѣ сыновей, обязанность которыхъ онъ долженъ исполнять.

Особеннымъ интересомъ отличается еще слѣд. дѣло по принятію пріемыша. Сельское Осовское общество (Бобр. у.) въ 1876 г. составило приговоръ по поводу просьбы односельчанина своего Ерм. Кухарчика; послѣдній просилъ общество „въ томъ, что онъ, будучи въ преклонныхъ лѣтахъ, не имѣетъ дѣтей и родства, а имѣетъ хорошее хозяйство и земельный надѣлъ 10½ десят., желаетъ какъ движимое, такъ недвижимое свое хозяйство отдать въ вѣчное владѣніе крест. дер. Осова Дорофею Щербѣ, котораго онъ, Кухарчикъ, принялъ къ себѣ какъ родного сына. Приговорили: принявъ въ уваженіе просьбу Ермолая Кухарчика, признаемъ, что дѣйствительно онъ есть въ преклонныхъ лѣтахъ, самъ управлять хозяйствомъ не можетъ, дѣтей и родныхъ не имѣетъ, то на основаніи Полож. о выкупѣ ст. 164 изъявляетъ согласіе на передачу Дорофею Щербѣ надѣленнаго земельнаго надѣла съ тѣмъ, что Дорофей, вступивши въ права хозяина, обязанъ уплачивать какъ выкупной платежъ, такъ равно и другія повинности полностію".

Вслѣдствіе этого приговора Кухарчикомъ и Щербою тогда же было заключено условіе, по которому первый передалъ Щербѣ надѣльную и купленную землю, „на вѣчное владѣніе сказанному пріемышу съ тѣмъ, что онъ обязанъ меня и жену мою Феклу уважать, какъ собственныхъ своихъ родителей, повиноваться

Digitized by Google

что и онъ пахалъ (закрыть глаза мертвому, особенно хозяину непремѣнно долженъ старшій изъ мущинъ, остающихся въ домѣ); а умереть, не оставивъ лица, которое обязано было бы „похаваць, очи закрыць," (т. е. безъ преемника) бѣлоруссъ считаетъ величайшимъ несчастьемъ.

По отношенію къ пріемышу, усыновитель заступаетъ мѣсто отца. Пріемышъ зоветъ его отцомъ, даже и тогда, когда послѣдній ему приходится дядей. Для равныхъ себѣ въ семьѣ пріемышъ—семьянинъ, для младшихъ, при личныхъ обращеніяхъ,—дядька, въ другихъ случаяхъ—тоже семьянинъ.

Вступивъ въ домъ, пріемышъ пользуется всѣми обусловленными имъ или его родственниками правами. Самъ усыновитель не можетъ измѣнить договора, если нѣтъ причинъ со стороны усыновленнаго. Судъ строго поддерживаетъ права послѣднихъ.

Такъ, въ одномъ дѣлѣ мы находимъ любопытныя данныя по этому вопросу. Дядя прогналъ отъ себя пріемыша—племянника; но дядя доказывалъ, что племянникъ самъ ушелъ къ своему отцу, притомъ племянникъ имѣетъ свою землю изъ трехъ десятинъ личнаго надѣла, которымъ пользуется его отецъ, отставной солдатъ. Племянникъ доказывалъ, что дядя самъ его прогналъ, а „права свои на движимое и не-

---

во всемъ, за хозяйствомъ смотрѣть, какъ за своимъ собственнымъ. Повинности какъ за землю, такъ и другіе платежи обязанъ уплачивать аккуратно; при чемъ предоставляю полное право Дорофею,—какъ я хорошо знаю, что у него есть родная мать и живетъ особо, но въ бѣдности, когда пожелаетъ отъ сына вспомоществованіе,—давать ей, ему прекословить и упрекать не долженъ. Послѣ нашей смерти Дорофей имѣетъ полное право съ хозяйствомъ нашимъ и землею поступать по его собственному усмотрѣнію; на случай Дорофей умретъ прежде, чѣмъ я и жена моя,—если Дорофей женится и у него будутъ дѣти, то мы обязаны ихъ смотрѣть какъ своихъ собственныхъ и хозяйство съ землею остается въ пользованіе дѣтей Дорофея.—Если Дорофей будетъ неуважителенъ и неисполнитъ всего предложеннаго въ точности, въ такомъ случаѣ я и жена моя имѣемъ право устранить отъ всего и претензій Дорофей имѣть не долженъ"

Видимо, оба контрагента не безъ основанія старались обставить сдѣлку цѣлымъ рядомъ условій. Въ 1892 г. семейство Кухарчика, тогда уже покойнаго, предъявляетъ искъ къ Щербѣ на землю брата, утверждая, что послѣдній поступилъ къ ея брату „на службу" и завладѣлъ послѣ смерти землей. Судъ отказалъ истицѣ, удостовѣрившись въ правахъ отвѣтчика.

Digitized by Google

движимое имущество дяди онъ простиралъ на томъ основаніи, что какъ до освобожденія крестьянъ изъ крѣпостной зависимости, такъ и послѣ освобожденія онъ *жилъ съ дядею вмѣстѣ* до сего года (1887) и пользовался всѣми правами *семьянина* и на этомъ основаніи домогается отъ дяди третьей части всего имущества". На судѣ выяснилось изъ показаній свидѣтелей „что П. Домась (пріемышъ) равноправный въ владѣніи имуществомъ, состоявшимъ до весны сего года въ ихъ общемъ пользованіи" (Пин.). Племянникъ могъ бы сослаться просто на то, что онъ былъ принятъ за сына, какъ это мы видимъ въ другихъ случаяхъ. Но здѣсь онъ ссылается на свой трудъ съ дѣтства и на свои права семьянина. Въ томъ же духѣ и показанія свидѣтелей. Поэтому можно думать, что подтвержденіе правъ племянника на имущество усыновившаго его дяди было двойное; племянникъ былъ сначала въ дѣтствѣ принятъ за сына, или просто взятъ безъ условій, какъ сынъ ушедшаго въ солдаты и безземельнаго (отецъ пользовался землею сына, значитъ, какъ солдатъ, взятый до освобожденія, надѣла не получилъ). Уже позже, когда пріемышъ возмужалъ, права его были подтверждены тѣмъ, что онъ былъ объявленъ дядею семьяниномъ на равныхъ правахъ. На это послѣднее онъ особенно и напираетъ.

Такіе договоры съ выросшимъ уже пріемышемъ извѣстны и въ другихъ случаяхъ. Одно дѣло, напр., разсказываетъ, что племянникъ съ колыбели жилъ съ матерью при дядѣ (по матери). Но по смерти первой жены дяди, вторая жена прогнала пріемыша (значитъ онъ, какъ сирота, былъ принятъ безъ условій въ домъ дяди, „на сумленье", какъ говорятъ бѣлоруссы). Но по смерти второй жены дядя снова пригласилъ его жить у себя и засваталъ за него невѣсту, родители которой рѣшились выдать свою дочь съ тѣмъ условіемъ, что дядя подтвердитъ права племянника на половину надѣла. Дядя подтвердилъ при свидѣтеляхъ. Но когда третья жена снова выгнала племянника, то на судѣ дядя заявилъ, что онъ самъ отходитъ отъ племянника (т. е. самъ нарушаетъ условіе съ нимъ), даетъ ему сейчасъ $^1/_3$ земли, а по смерти половину. Судъ подтвердилъ условіе (Рѣч.). И въ

Digitized by Google

этомъ случаѣ очевидно желаніе пріемыша удвоить свои права правомъ семьянина.

До сихъ поръ мы говорили о пріемышахъ муж. пола. Рѣже, но бѣлоруссы принимаютъ „на правахъ дочери“ и лицъ женскаго пола, причемъ онѣ пользуются всѣми правами и положеніями дочерей въ семьѣ [1]).

Такимъ образомъ положеніе пріемыша сливается съ положеніемъ семьянина-сдольника и примака и взаимно дополняются одно другимъ, и это наблюдается не только въ правовомъ отношеніи, но и въ личныхъ отношеніяхъ членовъ, вступившихъ между собою въ соглашеніе, какъ это было уже отмѣчено. Въ самомъ дѣлѣ, въ положеніи семьянина мы наблюдаемъ совершенно аналогичныя черты. Разница состоитъ въ томъ, что пріемышъ не привноситъ своего имущества, а семьянинъ и примакъ часто являются въ чужую семью съ своимъ имуществомъ, скотомъ, орудіями и пр. Послѣдніе также переходятъ въ принимающую его семью на основаніи договора, существенной стороной котораго является, разумѣется, земля. Приведемъ еще одно любопытное указаніе на такое условіе. Такъ, одна крестьянка, покойный мужъ которой принялъ къ себѣ семьянина, поспоривши съ послѣднимъ, хотѣла продать движимое имущество и требовала пожизненнаго пропитанія отъ него. Семьянинъ заявилъ, что „отецъ (его) не соглашался (на переходъ въ семью покойнаго), пока онъ не передалъ ему письменно всего имущества“. Судъ оставилъ за

---

1) Приведемъ слѣд. примѣръ (Бобр. у.):

Крестьянка дер. Старинокъ дѣвица Дарья Евсейчикъ жаловалась на крестьянина дер. Бобръ Романа Курильчика въ слѣдующемъ: Романъ взялъ ее къ себѣ *на правахъ дочери*, когда ей было 7 л. Съ того времени она пробыла у него до 20 л., т. е. до весны сего года, но когда ее стали притѣснять, она была принуждена уйти отъ Курильчика, взявъ съ собою только нѣсколько штукъ полотна. Такъ какъ за все время пребыванія у Курильчика она ничего не получила, проситъ судъ присудить съ Романа въ ея пользу, считая за каждый годъ по 6 руб., за 13 лѣтъ 78 рублей. Курильчикъ показалъ: что взялъ ее къ себѣ на правахъ дочери, когда ей было всего 7 лѣтъ и, конечно, обязался и воспитать и выдать замужъ съ приличнымъ приданымъ, но она ушла къ брату..., что онъ не согласенъ ей уплатить деньгами, такъ какъ на то не было уговору. — Судъ рѣшилъ: взыскать съ Романа Курильчика въ пользу Дарьи Евсейчикъ деньгами 25 руб., оставивъ въ ея же пользу забранную ею одежду.

Digitized by Google

семьянином надѣлъ, всѣ постройки и часть скота, а жалобницѣ предоставилъ другую часть скота, пользованіе старой избой, 1/4 посѣва ржи за этотъ годъ и на будущее время по 3 пуда ежегодно (Рѣч.), т. е. тоже самое, что предоставляетъ матери—вдовѣ при ея несогласіяхъ съ сыновьями.

Подтвержденіе той же обязанности правъ принимаемыхъ членовъ семьи мы находимъ и въ другихъ случаяхъ: и сдольникъ, и примакъ и пріемышъ дѣлаются хозяевами въ семьѣ, по смерти принявшаго ихъ, заботятся о престарѣлыхъ членахъ, являются опекунами малолѣтнихъ членовъ семьи, ихъ принявшей, и пр. Однимъ словомъ, они дѣлаются полноправными членами семьи. Дѣйствіе договора съ примакомъ, пріемышемъ и сдольникомъ предполагается пожизненнымъ, т. е. до смерти одной изъ сторонъ, рѣдко ограничиваются какимъ-либо срокомъ. Поэтому, если расходятся раньше, то работавшій на хозяйствѣ другого требуетъ по крайней мѣрѣ вознагражденія за свой трудъ, какъ работника, и возврата внесеннаго имъ имущества.

Мы разсмотрѣли право лицъ, входящихъ въ составъ семьи и дѣлающихся ея членами—примака, пріемыша и семьянина. Мы не могли не замѣтить изъ многихъ приведенныхъ примѣровъ, что всѣ интересы, какъ цѣлой семейной группы, такъ и отдѣльнаго ея члена, всѣ стороны крестьянской жизни сосредоточиваются на двухъ главныхъ факторахъ ея—на отношеніяхъ къ землѣ и на трудѣ, который къ ней прилагается. Только съ цѣлью устроить себя болѣе или менѣе сносно по отношенію къ землѣ соединяются въ одну семейную общину двѣ семьи, изъ которыхъ у одной есть свободная рабочая сила, а у другой земля, къ которой можно приложить ее; только ради земли примакъ уходитъ изъ родительской семьи въ домъ тестя, чтобы, перенеся нѣсколько лѣтъ тяжелаго труда работника, сдѣлаться потомъ самостоятельнымъ хозяиномъ-собственникомъ клочка земли; съ тою же цѣлью поступаетъ пріемышъ въ семью усыновителя. Семья и примака и пріемыша лишается труда одного изъ своихъ работниковъ, надѣясь

Digitized by Google

заполучить его землю и такимъ образомъ вознаградить себя за трудъ ушедшаго, который бы былъ обращенъ на пріобрѣтеніе семейнаго имущества. Родители подыскиваютъ въ невѣсткѣ хорошую рабочую, чтобы воспользоваться ея трудомъ. Всѣ сдѣлки относятся къ землѣ; ссоры и раздоры, заставляющіе нарушать ихъ, разлагающіе большую семью и общину, происходятъ отъ неумѣнья раздѣлить трудъ, прилагаемый къ землѣ, отъ того, что одинъ работаетъ больше, другой меньше, отъ того, что одинъ укоряетъ другого въ плохомъ приложеніи своего труда. Примѣры подобнаго рода мы еще увидимъ, когда будемъ говорить о раздѣлахъ. Но и изъ этого уже видно, что земля и трудъ составляютъ сущность народныхъ интересовъ, а потому обратимся къ ближайшему изученію принципіальныхъ взглядовъ народа въ отношеніяхъ къ тому и другому.

Земля самый дорогой предметъ для бѣлорусса. Во всѣхъ его многочисленныхъ обрядахъ, пѣсняхъ, сказкахъ, отличающихся древностью воззрѣній, проглядываетъ глубокое чувство почтенія къ землѣ. Это вполнѣ понятно, потому что земля много вѣковъ питала его и питаетъ теперь. Съ представленіемъ о землѣ тѣсно связывается представленіе о родѣ, въ смыслѣ прямого продолженія потомства. Мы видѣли, какъ дорожитъ бѣлоруссъ тѣмъ, чтобы имѣть наслѣдника, который-бы сѣлъ на его мѣсто, обработывалъ-бы и почиталъ ту самую землю, на которой проливали потъ его дѣды: если онъ не имѣетъ сына, онъ старается заранѣе принять пріемыша, зятя, примака, чтобы этотъ продолжилъ его родъ. Правда, отношенія къ землѣ начинаютъ колебаться въ молодомъ поколѣніи: незначительность, дробность надѣла, скудость почвы, сознаніе, что его родъ, потомство, должно будетъ разбрестись, потому что внукамъ ѣсть будетъ нечего,—все это сильно колеблетъ отношенія крестьянина къ землѣ, заставляетъ его обращать больше вниманія на посторонніе заработки, отправлять лишнія рабочія руки искать счастья въ городахъ и пр.

Но все таки старыя основы народнаго міровоззрѣнія еще крѣпки. Вслѣдствіе указаннаго отношенія къ землѣ, мы замѣчаемъ прежде всего постоянное стремленіе къ тому, чтобы

Digitized by Google

она не выходила изъ рода понимаемаго то въ болѣе узкомъ, то въ болѣе обширномъ смыслѣ, въ значеніи всей родни вообще. Такъ, мы встрѣчаемся съ такимъ, напр., рѣшеніемъ: одинъ крестьянинъ, бездѣтный, передалъ другому свой надѣлъ; но по смерти послѣдняго жена его передала надѣлъ во временное владѣніе другому. Тогда вдова перваго потребовала землю обратно; судъ возвратилъ ей землю на томъ основаніи, что мужъ ея былъ родственникъ покойнаго владѣльца земли (Рѣч.). Это стремленіе удержать надѣлъ среди родственниковъ указываетъ на то, что сама земля въ воззрѣніяхъ бѣлорусса принадлежитъ не лично ея владѣльцу, а ему лишь по стольку, по скольку онъ представитель прежде всего рода, и хозяинъ – главарь, является лишь ея распорядителемъ. Всякая сдѣлка послѣдняго на землю, при законныхъ наслѣдникахъ, поэтому, считается не дѣйствительной. Мы имѣемъ многочисленныя подтвержденія сказаннаго. Въ одномъ случаѣ крестьянинъ передалъ свой надѣлъ другому при свидѣтеляхъ, „на вѣчныя времена". Но черезъ десять лѣтъ, когда подросли его наслѣдники, они рѣшили отнять землю. Несмотря на показанія свидѣтелей о томъ, что сдѣлка была совершена на вѣчныя времена, судъ, находя, что „такъ какъ у Мацака (зак. владѣлецъ земли) есть законные наслѣдники, то онъ не имѣлъ права продавать свой надѣлъ на вѣчныя времена", — и возвратилъ ему землю (Рѣч.).

Тоже мы встрѣчаемъ и въ другихъ рѣшеніяхъ, причемъ даже письменныя обязательства не имѣютъ въ глазахъ суда значенія (Рѣч , Пин., Бобр. и др. уу.). Вездѣ проводится одинъ и тотъ же принципъ: земля не должна выходить изъ круга родственниковъ, если нѣтъ прямыхъ наслѣдниковъ, или если эти постороннія лица заранѣе не были сдѣланы членами семьи владѣльца, сдольниками. Не письменный актъ имѣетъ значеніе въ глазахъ суда, а родство, права сдольника, трудившагося рядомъ съ владѣльцемъ на землѣ. Трудъ, положенный на обработку земли, крестьянинъ цѣнитъ высоко.

Въ самомъ дѣлѣ, мы находимъ многочисленныя подтвержденія того, что права на землю освящаются и поддерживаются трудомъ на ней. Не достаточно имѣть права на землю по рожденію, — необходимо, чтобы это право поддерживалось

Digitized by Google

трудомъ. Мы видимъ, что и примакъ и пріемышъ, ушедшіе изъ своей семьи, лишаются въ ней правъ на свою долю, но за то они пріобрѣтаютъ права въ своей новой семьѣ и эти права опять таки обусловлены извѣстнымъ количествомъ труда.

Въ каждомъ рѣшеніи по этимъ вопросамъ, мы видимъ упорное стремленіе выяснить, дѣйствительно ли примакъ или семьянинъ трудился въ новой семьѣ. Если онъ не трудился до смерти хозяина (а это обычный обусловливаемый имъ подразумѣваемый срокъ), то судъ лишь признаетъ его права на вознагражденіе. Этимъ принципіальнымъ взглядомъ на отношенія труда къ землѣ объясняется и то, что членъ семьи, почему-либо вообще долго не жившій въ семьѣ, или совсѣмъ не жившій въ ней, несмотря на свои права по рожденію, лишается всѣхъ, или части своихъ правъ на землю. Это особенно относится къ взгляду крестьянъ на права отставныхъ солдатъ на общій надѣлъ.

Въ литературѣ часто раздаются голоса, что замѣчаемое среди крестьянъ желаніе устранить солдатъ отъ пользованія землей происходитъ не изъ совсѣмъ хорошихъ побужденій ихъ отцовъ и братьевъ. Но такіе нападки на крестьянъ не совсѣмъ вѣрны. Указанныя отношенія крестьянъ къ солдатамъ объясняются ихъ основнымъ взглядомъ на трудъ. Въ послѣднее время солдаты, уходящіе лишь на 3—5 лѣтъ изъ семьи и потомъ въ нее возвращающіеся, не теряютъ своихъ правъ на надѣлъ, такъ какъ время ихъ отлучки незначительно; имъ не даютъ только того движимаго имущества, которое пріобрѣтено было въ ихъ отсутствіе. Но когда солдаты служили по 15—20 лѣтъ и возвращались въ семью уже отвыкшими и мало способными къ сельскимъ работамъ, то обычное право отказывало имъ въ ихъ правахъ на землю. Въ нашихъ источникахъ мы находимъ этотъ взглядъ вездѣ строго проведеннымъ и вездѣ указывается на то, что солдатъ не жилъ вмѣстѣ, не работалъ вмѣстѣ.

Но если солдатъ возвращался домой и успѣвалъ снова начать трудиться сообща, то права его на землю остаются, по крайней мѣрѣ на меньшій, чѣмъ бы слѣдовало надѣлъ.

Въ этомъ отношеніи мы имѣемъ любопытный документъ, Солдатъ былъ призванъ въ 55 г. и уволенъ въ 57 г., потомъ

Digitized by Google

снова призванъ въ 63 г. и уволенъ въ 65 г. Онъ успѣлъ прожить въ семьѣ брата послѣ этого 6 лѣтъ, но былъ устраненъ послѣднимъ и жилъ на сторонѣ. Въ 1860 г. онъ началъ тяжбу съ братомъ о землѣ, которая продолжалась до 1889 г. Судъ присудилъ ему пользоваться третьей частью земли, но крестьянское присутствіе четыре раза отмѣняло рѣшеніе суда, разъяснивъ, что солдатамъ, отданнымъ до 10 ревизіи, земли не полагается. Судъ, еще разъ разсмотрѣвъ дѣло, нашелъ, что солдатъ до поступленія на службу, въ промежуткахъ между нею и послѣ нея 6 лѣтъ сряду работалъ въ семьѣ и ушелъ недобровольно, и снова присудилъ ему $^1/_3$ надѣла, „на основаніи мѣстныхъ обычаевъ, принятыхъ въ крестьянскомъ быту“ (Пин.). Совершенно аналогичны и другія рѣшенія. Тотъ же принципъ проводится, напр. въ слѣд. дѣлѣ, хотя рѣчь идетъ уже не о солдатѣ: одинъ братъ ушелъ отъ другого вслѣдствіе притѣсненій со стороны послѣдняго, но такъ какъ они работали вмѣстѣ до 1863 г., то судъ призналъ ихъ равноправными владѣльцами.

Такимъ образомъ, членъ семьи, по своей винѣ прервавшій семейную трудовую традицію по отношенію къ землѣ, лишается ея. Но съ другой стороны трудъ освящаетъ, въ понятіяхъ обычнаго права, права на землю. Недостаточно быть формально принятымъ въ семью—нужно еще на нее потрудиться. Обычное право относится съ глубокимъ уваженіемъ къ долголѣтнему труду, полагаемому на нее: признаетъ часто права на владѣніе землею и постороннихъ лицъ, долго трудившихся на ней и пріобрѣвшихъ такимъ образомъ право на самое землю. Такъ, въ одномъ случаѣ вдова передала безъ всякихъ формальностей надѣлъ ея мужа. Черезъ 19 лѣтъ сынъ вдовы выросъ и отнялъ землю у временнаго владѣльца. Но судъ, принимая во вниманіе трудъ этого послѣдняго и то, что онъ все время платилъ подати, позволилъ ему совмѣстно съ законнымъ наслѣдникомъ пользоваться землей, въ половинномъ размѣрѣ (Рѣч.). Но другой примѣръ въ томъ же духѣ еще болѣе интересенъ: судъ рѣшилъ, что такъ какъ временный владѣлецъ (завладѣлъ землею самъ, такъ какъ хозяинъ ея не обрабатывалъ) владѣлъ надѣломъ со дня перехода крестьянина на выкупъ и такъ какъ онъ, „будучи много-

Digitized by Google

семейнымъ и слѣпымъ притомъ, аккуратно выплачивалъ всѣ платежи" (т.-е. былъ хорошимъ хозяиномъ),—то ему и отдана была половина земли (ib).

Ссылки на давность владѣнія въ обоихъ случаяхъ подразумѣвать нельзя, такъ какъ понятіе о давности по отношенію къ землѣ, при существованіи законнаго наслѣдника, да еще прямого, не имѣетъ приложенія въ народномъ правѣ. Здѣсь принципъ одинъ—принципъ труда.

Указывая на значеніе труда въ организаціи бѣлорусской семьи, нельзя не сдѣлать нѣкоторой оговорки въ виду сильныхъ возраженій, выставленныхъ противъ такого пониманія народной жизни. Принципъ трудового начала былъ удачно подмѣченъ г-жей Ефименко и разработанъ ею въ рядѣ талантливо и съ большимъ чувствомъ написанныхъ статей [1]).

Ея статьи нашли въ свое время сильное сочувствіе и въ журналистикѣ [2]) и въ наукѣ: теорію эту поддерживалъ Оршанскій [3]), и въ практическомъ примѣненіи къ изслѣдованію народной жизни прилагалъ и г. Матвѣевъ [4]) и др. Но теорія эта нашла не менѣе сильныхъ противниковъ, въ лицѣ профессора Пахмана [5]), профессора М. Ковалевскаго [6]), гг. Кулишера [7]), Мухина [8]) и мн. другихъ.

Теорія г-жи Ефименко не была проведена въ одномъ цѣльномъ изслѣдованіи, и въ ней найдено далеко немало недостатковъ. Проф. Пахманъ очень убѣдительно доказывалъ, что семья—не артель (на чемъ, впрочемъ, сама г-жа Ефименко не настаиваетъ; выраженія въ этой крайней формѣ можно найти у Оршанскаго), причемъ онъ несомнѣнно имѣлъ въ

---

1) Статьи ея собраны въ „Изслѣдованіяхъ народной жизни", М. 1884 г.

2) См. напр. ст. въ „Русскомъ Богатствѣ", 1884 г., т. III, стр. 260—72.

3) Нар. судъ и нар. право, стр. 380, 381 и др.

4) Напр. его „Оч. юридич. бита Самар. губ". „Зап." Геогр. Общ. по отд. Этн., т. VIII, стр. 22. Ср. Иванюкова „Общинное землевлад." стр. 5. (отт. изъ „Р. Мысли").

5) Обычное право, т. II, стр. 8 и слѣд., ср. стр. 26 и слѣд.

6) Первобытное право, вып. 1, стр, 32 и слѣд.

7) Очерки сравнительной этнографіи и культуры, СПБ. 1887 г., стр. 13 слѣд.

8) Наслѣдованіе крестьянъ по обычному праву.

Digitized by Google

виду основной типъ римской семьи [1]). Проф. Ковалевскій и г. Кулишеръ расматривали ту-же теорію съ этнологической точки зрѣнія, хотя непонятно, почему эта послѣдняя точка зрѣнія не можетъ мириться съ современнымъ строемъ крестьянской семьи, и почему наша семья должна оставаться окаменѣлымъ остаткомъ древняго родового устройства [2]), или почему понятіе о трудѣ въ современной организаціи семьи должно поддерживаться суевѣрнымъ представленіемъ первобытнаго человѣка о борьбѣ съ природой, какъ этого хочетъ г. Кулишеръ. Въ народной жизни, правѣ, обрядахъ и повѣрьяхъ, мы, правда, встрѣчаемъ самыя разнообразныя переживанія первобытнаго общественнаго строя, но эти пережитки являются безсознательными остатками первобытныхъ формъ, символомъ нѣкогда имѣвшимъ жизненное значеніе, но послѣдующее теченіе народной жизни выдвигаетъ новые принципы, регулирующіе народную жизнь въ данное время.

Здѣсь не мѣсто, разумѣется, вдаваться ни въ разборъ самой теоріи, ни возраженій, выставленныхъ противъ нея. Обращая еще разъ вниманіе на приведенные факты, мы думаемъ, что они говорятъ сами за себя, по крайней мѣрѣ въ сферѣ нашихъ источниковъ, подкрѣпляемыхъ лишь личнымъ убѣжденіемъ, которое выноситъ непосредственный наблюдатель. Конечно, трудъ, какъ регуляторъ, имѣетъ наибольшее приложеніе въ семейной общинѣ, въ большой семьѣ, но онъ менѣе дѣйствителенъ въ семьѣ малой, строй которой переходитъ на личныя отношенія, привязанности, чувства родителей къ дѣтямъ. Особенно искусственно сложившаяся семейная община держится только общностью цѣлей труда ея членовъ, и, въ случаѣ неумѣнья приложить этотъ трудъ къ общей выгодѣ, такая община неминуемо распадается. Вслѣдствіе тѣхъ же причинъ распадается не только община, но и большая семья и даже малая: сынъ думаетъ, что отецъ

---

[1]) Что вѣрно подмѣчено г-жею Ефименко, см. ея предисловіе въ указ. собр. ея статей.

[2]) Какою хочетъ представить великорусскую семью проф. Ковалевскій въ назв. ст. въ „N. Revue historique du droit": „Etudes sur le droit coutumier russe".

Digitized by Google

плохой работникъ, что онъ не умѣетъ хорошо распорядиться, а самъ не властенъ дѣлать, а между тѣмъ ему и его семьѣ приходится терпѣть недостатки,—и сынъ рѣшается требовать раздѣла. Поговорите вы хорошенько съ крестьяниномъ, и вы убѣдитесь, что эти побужденія вызываютъ три четверти раздѣловъ. Основная причина раздѣловъ лежитъ, разумѣется, глубже, въ упадкѣ общаго экономическаго строя, въ малоземельности и пр., но крестьянинъ нападаетъ на то, что къ нему поближе, что ему виднѣе.

М. Довнаръ-Запольскій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Digitized by Google

СМѢСЬ.

Къ вопросу о борьбѣ Московскаго Правительства съ народными языческими обрядами и суевѣріями въ половинѣ XVII в.

При просмотрѣ столбцовъ Новгородскаго Стола Разряда въ Московскомъ Архивѣ Министерства Юстиціи я встрѣтилъ нѣсколько документовъ, касающихся правительственныхъ мѣръ, принятыхъ въ началѣ царствованія Алексѣя Михаиловича и направленныхъ къ искорененію народныхъ суевѣрій и празднествъ [1]). Эти документы принадлежатъ къ числу довольно многочисленной серіи аналогичныхъ свидѣтельствъ о мѣрахъ борьбы свѣтской и духовной власти съ остатками язычества въ Россіи, равно и съ празднествами, сопровождавшимися буйнымъ веселіемъ, при участіи скомороховъ, медвѣжатниковъ и пр.

Извѣстно, что свѣтское и духовное правительство съ давняго времени смотрѣло на народныя празднества, какъ на дѣло грѣховное, богопротивное и старалось путемъ увѣщеваній или принудительныхъ мѣръ искоренить ихъ [2]). Извѣстно также, что эти мѣропріятія не увѣнчивались желаннымъ успѣхомъ, что и дало возможность сохраниться народнымъ празднествамъ до новѣйшаго времени. Любопытнымъ воспоминаніемъ о правительственной борьбѣ съ народными суевѣріями служатъ между прочимъ и нѣкоторыя статьи, вошедшія въ Сводъ Законовъ. Въ Уставѣ о предупрежденіи и пресѣченіи преступленій [3]) сохранились напр. двѣ статьи, повторяющія мѣропріятія правительства отдаленнаго времени: изъ указа 1684 г.

---

1) Столб. Новгородскаго Стола Разряда, № 96, (лл. 1—15, 251—254). Часть этихъ документовъ (лл. 1—15) была раньше просмотрѣна и списана А. Н. Зерцаловымъ, но до настоящаго времени не опубликована. Въ виду этого я обратился къ А. Н. Зерцалову съ вопросомъ, не имѣетъ ли онъ чего-либо противъ пользованія и печатанія мною этихъ документовъ и получилъ отъ него полное разрѣшеніе.

2) Ср. напр. Правила митр. Кирилла (XIII в.), Посланіе игумена Памфила въ Псковъ 1505 г., Постановленія Стоглава и пр.; ср. Н. С. Тихонравовъ: Слова и поученія, въ Лѣт. Русск. Литер. и Древности, 1862, IV.

3) Св. зак. т. XIV, изд. 1890 г. ст. 28 и 29.

Digitized by Google

заимствуется постановленіе, согласно которому „запрещается въ навечеріи Рождества Христова и въ продолженіе святокъ заводить, по нѣкоторымъ стариннымъ идолопоклонническимъ преданіямъ, игрища, и, наряжаясь въ кумирскія одѣянія, производить по улицамъ пляски и пѣть соблазнительныя пѣсни“ (ст. 28), а на основаніи Синодскаго Указа 1721 г. „запрещается въ теченіе пасхальной недѣли, по старинному суевѣрному и вредному обычаю, купать или обливать водою небывающихъ у заутрени“ (ст. 29) [1]).

Что касается найденныхъ мною документовъ, то они представляютъ частью результатъ общихъ церковныхъ мѣропріятій, принятыхъ при патріархѣ Іосифѣ для устроительства церкви и поддержанія православія, частью они являются мѣстными распоряженіями, естественно вытекающими изъ общихъ постановленій, и могутъ быть, такимъ образомъ, раздѣлены на двѣ группы. Къ первой относится нижепомѣщаемая царская грамота Дмитровскому воеводѣ и отписки воеводъ объ исполненіи указа въ городахъ Дмитровѣ, Бѣжецкомъ Верхѣ и Костромѣ. Эта группа документовъ касается спеціально уничтоженія суевѣрій, народныхъ празднествъ и т. п. Вторая группа касается принятія мѣръ къ уничтоженію въ г. Кашинѣ народнаго празднества, имѣвшаго мѣсто въ понедѣльникъ 1-й недѣли великаго поста.

Не смотря на то, что сила вліянія патріаршей власти при патр. Іоасафѣ и Іосифѣ значительно пала сравнительно со временемъ патріаршества Филарета,—количество мѣръ, предпринятыхъ для устроенія церковнаго благочинія и укрѣпленія православія, было весьма значительно [2]). Для того, чтобы уяснить значеніе излагаемыхъ ниже документовъ, ихъ слѣдуетъ разсматривать именно въ связи съ общимъ движеніемъ законодательства за періодъ патріаршества Іосифа, ко времени котораго они относятся. Мы напомнимъ въ общихъ чертахъ о нѣкоторыхъ изъ этихъ постановленій, стоящихъ въ наибольшей связи съ нашими документами. Такъ въ окружномъ патріаршемъ наказѣ отъ 16-го февраля 1646 г. патріархомъ дается рядъ мѣръ, касающихся церковнаго благочинія: чтобы въ церквахъ люди стояли „со страхомъ и трепетомъ и съ любовію, въ молчаніи, безъ всякихъ шептовъ и ничто-жъ земнаго не помышляя“; запрещается далѣе

---

[1]) См. Пол. собр. зак. т. II, № 1101: Патріаршій указъ, объявлен. Стрѣлецкому приказу 24-го декабря 1684 г., ibid. т. VI, № 3771: Синодскій указъ 17 апрѣля 1721 г.

[2]) Состояніе церкви въ указанный періодъ см. у преосв. Макарія: Исторія русской церкви, т. XI.

Digitized by Google

пропускать нищихъ внутрь церквей во время церковной службы съ цѣлью собирать милостыню „понеже отъ ихъ крику и писку православнымъ христіанамъ божественнаго пѣнія и чтенія не слышать", далѣе запрещается духовенству предаваться пьянству и пр. [1]). Въ царской грамотѣ 1647 г. въ Соловецкій монастырь запрещается старцамъ держать по кельямъ хмѣльное питье и дается приказаніе „у пріѣзжихъ богомольцевъ вино печатать" и пр. Аналогичныя грамоты съ запрещеніемъ пьянства въ монастыряхъ и съ наказами о наблюденіи за церковнымъ благочиніемъ посылаются въ 1649 г. вологодскому архіепископу Маркеллу и въ 1652 г. въ Кириллo-Бѣлозерскій монастырь. Наконецъ, въ февралѣ 1651 г. издается извѣстный указъ объ единогласномъ пѣніи и чтеніи при отправленіи церковной службы [2]).

На 1647 г. падаетъ кромѣ того извѣстное распоряженіе о соблюденіи праздничныхъ дней: въ опубликованной по этому вопросу грамотѣ митрополита Ростовскаго и Ярославскаго игумену Кирилло - Бѣлозерскаго монастыря говорится: „въ нынѣшнемъ въ 155 г., марта въ 17 день (1647 г.) указалъ В. Г. Ц. и В. К. Алексѣй Михаиловичъ в. Р. и В. Господинъ отецъ нашъ святѣйшій Іосифъ П. М. и в. Р. съ митрополиты и съ архіепископы и съ игумены и съ протопопы и со всѣмъ освященнымъ соборомъ уложили": въ воскресные дни не работать „господину и госпожѣ, ни рабомъ ни свободнымъ, но упражнятися и приходить къ церквѣ Божіи на молитву", а въ субботу приказывается прекращать работу „какъ начнутъ благовѣстить въ соборной церквѣ къ вечерни за три часа до ночи и торговати покинуть, и ряды затворити и торговыя бани, и въ домахъ то тоже время отставить и всякаго чину людемъ въ бани не ходити"; затѣмъ слѣдуютъ постановленія о торговлѣ по воскресеньямъ и пр. [3]).

Въ 1648 г. издаются постановленія о прекращеніи народныхъ празднествъ и искорененіи суевѣрій. Толчкомъ, послужившимъ къ появленію этихъ запрещеній, повидимому, были сохранившіеся и практиковавшіеся въ Москвѣ обычаи, имѣвшіе отпечатокъ язычества и сопровождавшіеся разгуломъ; противъ нихъ вооружался, какъ извѣстно, еще патріархъ Филаретъ [4]). Изданная Сахаровымъ грамота шуйскому воеводѣ (1648 г.), содержащая въ себѣ память въ Галицкую четь дьяку Сем. Сафонову изъ Стрѣлецкаго приказа, подтверждаетъ это предположеніе. Въ ней указывается, что „вѣдомо... учинилось"

[1]) Акты археогр. экси. VI, № 321.
[2]) ibid. №№ 321, 322, 325, 328, 327.
[3]) ibid. IV, № 19, ср. ibid. № 324.
[4]) См. А. И. т. III. № 92.

Digitized by Google

Digitized by Google

«Отъ царя и великаго князя Алексѣя Михайловича всея Русіи въ Дмитровъ воеводѣ нашему Ивану Окинфеевичу Шишкову. Вѣдомо намъ учинилось, что въ Дмитровѣ и въ иныхъ городѣхъ и въ уѣздехъ мирскіе всякихъ чиновъ люди и жены ихъ и дѣти въ воскресные и Господьскіе дни и великихъ Святыхъ во время святого пѣнія къ церквамъ Божимъ не ходятъ, и умножилось въ людехъ во всякихъ пьянство и всякое метежное бесовское дѣйство, глумленіе и скоморошество, со всякими бесовскими играми, и отъ тѣхъ сотониныхъ учениковъ въ православныхъ крестьянехъ учинилось многое неистовство; и многіе люди, забывъ Бога и православную христіанскую вѣру, тѣмъ прелестникомъ скоморохомъ послѣдствуютъ: на безчинное ихъ прелщеніе сходятца по вечеромъ и во всеношныхъ позорищахъ на улицахъ и на поляхъ, и богомерскихъ ихъ и скверныхъ пѣсней и всякихъ бесовскихъ игръ слушаютъ мужесково и женсково полу и до сущихъ младенцовъ; и на кулашныхъ бояхъ межъ собою драку дѣлаютъ, и на качеляхъ колышутца вкругъ, и на веревкахъ, а иные прелестники мужесково и женсково полу въ городѣхъ и въ уѣздехъ бываютъ со многимъ чародѣйствомъ и волхвованіемъ и многихъ людей тѣмъ своимъ чародѣйствомъ прельщаютъ; а иные люди тѣхъ чародѣевъ и волхвовъ и богомерскихъ бабъ въ домъ себѣ призываютъ и къ малымъ дѣтямъ, и тѣ волхвы надъ больными и надъ младенцы чинятъ всякое бесовское волхвованіе и отъ правовѣрія православныхъ крестьянъ отлучаютъ.

Да въ городѣхъ и въ уѣздехъ отъ прелестниковъ и отъ малоумныхъ людей дѣлаетца бесовское сонмище: сходятца многіе люди мужсково и женсково полу по зорямъ и въ ночи, чародѣйствуютъ съ солнечного всхода и первого дни луны смотрятъ (и грома слушаютъ и въ тѣ поры) и на рекахъ и въ озерахъ куплютца — чаятъ себѣ оттого здравія, и съ серебра умываютца, и медвѣди водятъ и съ собачками пляшутъ, зернью и карты и шахматы и лодыгами играютъ, и безчинное скаканіе и плесканіе, и поютъ бесовскія пѣсни; и на Святой недѣли жонки и дѣвки на доскахъ скачутъ; а о Рождествѣ Христовѣ и до Богоявленьева дни сходятца мужсково и женсково полу многіе люди въ бесовское сонмище по дьявольское прелести многое бесовское дѣйство, играютъ во всякія бесовскія игры, а въ навечери Рождества Христова и Васильева дни и Богоявленія Господня клички бесовскія кличутъ: коледу и таусенъ и плугу, и многіе человецы неразумiемъ вѣруютъ въ сонъ и встрѣчу и въ полазъ и въ птичей грай, и загадки загадываютъ, и сказки сказываютъ не былные, и празнословіе смѣхотвореніемъ и кощунаніемъ, и души свои губятъ такими помраченными и беззаконными дѣлами; и накладываютъ на себя личины и платье скоморожское, и межъ себя, нарядя, бесовскую кобылку водятъ; и въ такихъ въ позорищахъ своихъ многіе люди въ блудъ впадаютъ и незапною смертью умираютъ, и въ той прелести христіане погибаютъ и съ качелей многіе убиваютца до

Digitized by Google

смерти. Да въ городцкихъ же и въ уѣздныхъ людехъ у многихъ бываютъ на свадбахъ всякіе безчинники и сквернословцы и скоморохи со всякими бесовскими игры, и уклоняютца православные христіане къ бесовскимъ прелестемъ и ко пьянству, а отцовъ духовныхъ и по приходомъ поповъ и учительныхъ людей наказанья не слушаютъ, и за казаніе отцомъ своимъ духовнымъ и приходнымъ пономъ и учительнымъ людемъ наруганіе и укоризны и безчестія и налоги дѣлаютъ.

И мы, великій Государь, жалѣя о православныхъ хрестьянехъ, велѣли о техъ богомерскихъ дѣлехъ заказъ учинить, чтобъ православные хрестьяне отъ такова отъ бесовскаго дѣйства отстали; и какъ къ тебѣ ся наша грамота придетъ и ты бъ въ воскресной не въ одинъ день велѣлъ быть въ соборной церкви игуменомъ и чернымъ и мирскимъ попомъ и головамъ стрелецкимъ и сотникомъ и детемъ боярскимъ и ихъ приказнымъ всякимъ служилымъ и жилецкимъ и уѣздным людемъ и которые съѣдутца къ торговому промыслу для своихъ дѣлъ, и сю нашу грамоту велѣлъ имъ прочитати не одиножды, всѣмъ вслухъ, и приказалъ имъ, чтобъ въ городѣ и въ слободахъ и въ уѣздѣ мирскіе всякихъ чиновъ люди и жены ихъ и дѣти въ воскресные и въ Господьскіе дни и великихъ Святыхъ къ церквамъ Божимъ къ пѣнію приходили, и у церкви Божіи стояли смирно, межъ себя въ церкви Божіи въ пѣніе никакихъ рѣчей не говорили, и слушали бъ церковного пѣнія со страхомъ и со всякимъ благочиніемъ внимательно, и отцовъ своихъ духовныхъ и учительныхъ людей наказанія и ученія (слушали), и отъ безмѣрного пьяного питія уклонилися, и были въ томъ посту; и скомороховъ съ домрами и съ гусльми и съ волынками и со всякими играми и ворожей мужиковъ и бабъ къ больнымъ и ко младенцамъ въ домъ къ себѣ не призывали (и по зорямъ солнычного входу смотря не вѣровали) и въ первой день луны и въ громъ на водѣ (по рекамъ) не купалися, и съ серебра по домамъ не умывалися, и олова и воску не лили, и зернью и карты и шахматы и лодыгами не играли, и медведей не водили, и съ сучками не плясали, и никакихъ бесовскихъ дивъ не творили, и на бракахъ пѣсней бесовскихъ не пѣли, и никакихъ срамныхъ словъ не говорили, и по ночамъ на улицахъ и на поляхъ богомерскихъ и скверныхъ пѣсней не пѣли, и сами не плясали, и въ ладони не били, и всякихъ бесовскихъ игръ не слушали, и кулачныхъ боевъ межъ себя не дѣлали, и на кочеляхъ ни на какихъ не качались, и на доскахъ мужескаго и женскаго полу не скакали, и личинъ на себя не накладывали, и кобылокъ бесовскихъ, и на свадьбахъ безчинства и сквернословія не дѣлали. А гдѣ объявятца домры и сурны и гудки и гусли и хари и всякіе гудебные бесовскіе сосуды, и ты бъ тѣ бъ велѣлъ вынимать и, изломавъ, тѣ бесовскіе игры велѣлъ жечь.

А которые люди оттого ото всего богомерскаго дѣла не отстанутъ и учнутъ впредь такова богомерскаго дѣла держатца, и по нашему указу темъ людемъ велѣно дѣлати наказанья, гдѣ такое безчиніе объявитца

Digitized by Google

или кто на кого такое безчиніе скажутъ: и тѣхъ велѣть бить батоги; а которые люди отъ такова безчинія и не отстанутъ, а вымутъ такія богомерскія игры вдругіе, и ты бъ тѣхъ ослушниковъ велѣлъ бить батоги; а которые люди оттого не отстанутъ а объявятца въ такомъ дѣлѣ въ праздничные дни и тѣхъ по нашему указу велѣлъ ссылать... въ украйные городы за опалу, однолично-бъ еси ту сю нашу грамоту всякихъ чиновъ людямъ велѣть прочесть по многіе дни, чтобъ о боголяхъ (?) и чародѣйскихъ играхъ всѣхъ чиновъ людемъ градскимъ и въ уѣздѣ было вѣдомо; и съ сее нашие грамоты списки слово въ слово розослалъ въ станы и въ волости и велѣлъ тѣ списки по торжкомъ прочитать многижды, чтобъ сей нашъ крепкой заказъ вѣдомъ былъ всемъ людемъ; а какъ въ Дмитровѣ по сему нашему указу всякихъ чиновъ людемъ въ богомерскихъ делехъ заказъ учинишь, и что тебѣ противъ того духовнаго чину мирскіе люди скажутъ, и ты бъ о томъ къ намъ отписалъ; а только ты по сему нашему указу дѣла не учинишь, и тебѣ быть отъ насъ въ великой опалѣ. Писанъ на Москвѣ лѣта 7157-го декабря въ 20 день».

Подобныя грамоты были очевидно разосланы по всѣмъ городамъ. Кромѣ уже извѣстныхъ грамотъ въ Шую, Бѣлгородъ, Тобольскъ и Дмитровъ въ нашихъ документахъ сохранилось нѣсколько отписокъ воеводъ, въ томъ числѣ и Дмитровскаго, о полученіи ими этихъ грамотъ и объ исполненіи царскаго указа.

Дмитровскій воевода въ отпискѣ, полученной въ Москвѣ 20-го февраля 1649 г., сообщаетъ, что онъ посылалъ разсыльщиковъ со списками съ грамоты въ „станы и волости» и что духовенство „игумены и попы и всякихъ чиновъ люди твой Г—въ указъ выслушавъ, мнѣ холопу твоему сказали, впредь де такихъ богомерзкихъ и чародѣйныхъ игръ чинить не велѣли и впредь о такихъ богомерзкихъ и о чародѣйныхъ играхъ укажемъ накрѣпко".

О полученіи и объ оповѣщеніи жителей Бѣжецкаго Верха о томъ же сообщаетъ воевода въ отпискѣ, полученной 12-го февраля того же года. Онъ пишетъ, что согласно царской грамотѣ, онъ велѣлъ прочитать послѣднюю въ соборной церкви, послалъ по торжкамъ въ уѣздъ, велѣлъ ее прочитать „многижды", „а которые люди, заключаетъ воевода, въ городѣ и на посадѣ и въ уѣздѣ держали бѣсовскихъ игръ, и у тѣхъ людей игры, домбры, и гудки, и волынки, и сурны и всякіе гудебные сосуды взяты и, изломавъ, сожжены".

20-го апрѣля приходитъ въ Москву отписка Костромскаго воеводы, въ которой повторяется содержаніе царской грамоты, причемъ воевода, въ виду приказанія увѣдомить, что скажутъ, по выслушаніи грамоты, разныхъ чиновъ люди, сообщаетъ, что „игумены и попы черные и мирскіе всякихъ чиновъ люди"

Digitized by Google

сказали, „что Г—рь они по правилу святыхъ отецъ и твоему Г—ву указу творить, и какъ въ... указѣ написано учнутъ, и за такими богомерзкими дьявольскими всякими дѣйствы ходить не учнутъ, а учнутъ творить противъ правила святыхъ отецъ и твоего Г—ва указу".

Въ связи съ указанными постановленіями стоитъ и дѣло по челобитной Варлаама, архимандрита Дмитріевскаго монастыря въ Кашинѣ. Въ челобитной, полученной въ Москвѣ 18 января 1649 г., архимандритъ „извѣщаетъ", что „въ богоспасаемомъ градѣ Кашинѣ въ понедѣльникъ первые недѣли великаго поста чинится великое безчиніе и беззаконіе: изъ уѣзду пріѣждяютъ крестьяне съ женами и съ дѣтьми на тотъ великій день, пьютъ, бражничаютъ и безчинствуютъ: крикъ и вопь и бой межъ собою до кровопролитія во весь день и до полнощи на вторникъ, а на то великое безчиніе и пьянство многихъ всякихъ чиновъ людей того-жъ города Кашина приходятъ посадскіе и слободскіе люди. А которые, г—рь, люди, продолжаетъ архимандритъ, Бога боятся и видячи такое великое безчиніе и беззаконіе и пьянство—и отъ нихъ плачъ и рыданіе веліе. А отъ того безчинія и пьянства и бою отстать безчинникомъ имъ не умѣть безъ твоего г—ва указу и безъ наказанія, потому что торговымъ людемъ—торгъ, а безчинникомъ и беззаконникомъ - пьянство и бой и бѣсовская игра. Веселые съ медвѣди и съ бубны и съ сурнами и со всякими бѣсовскими играми съ иныхъ городовъ торговые люди и веселые пріѣждяютъ на тотъ великій день, а отъ безчинія великаго и пьянства многія крестьянскія души отъ пьянства и отъ убойства умираютъ. А то безчиніе и пьянство и съѣздъ чинится за многая лѣта". Архимандритъ проситъ прислать указъ о запрещеніи пріѣзжать въ указанный день уѣзднымъ людямъ: „Милосердый г—рь, ц—рь и В. К. Алексѣй Михаиловичъ, заключаетъ архимандритъ свою челобитную, помилуй свою царскую вотчину Кашинъ-городъ, сиротъ своихъ и уѣздныхъ людей всякихъ".

Въ приведенной челобитной рѣчь очевидно идетъ не объ уничтоженіи языческаго обряда, а о прекращеніи торга въ Кашинѣ, сопровождавшагося буйнымъ весельемъ и возмущавшаго христіанское чувство архимандрита, такъ какъ торгъ совпадалъ съ первымъ днемъ великаго поста.

Результатомъ челобитной была грамота въ Кашинъ отъ 30-го января того же года, запрещающая устраивать съѣздъ въ означенный день. Главнымъ мотивомъ запрещенія является въ грамотѣ охрана общественнаго благочинія и благоустройства: пріѣзжающіе, говорится въ грамотѣ, „дѣлаютъ безчинство, пьютъ и, напився, безчинные слова межъ себя гово-

Digitized by Google

рятъ, и зернью играютъ, и въ ихъ пьянствѣ убойство живетъ большое, и веселые ходятъ съ медвѣди и съ плясовы собачки". Администраціи города вмѣняется въ обязанность смотрѣть за тѣмъ, чтобы съ перваго понедѣльника великаго поста люди постились по правиламъ святыхъ апостоловъ и отцевъ.

Въ настоящее время почти не представляется возможности судить, какое дѣйствіе имѣли подобныя правительственныя распоряженія и какъ относилось къ нимъ населеніе. За періодомъ энергичнаго воздѣйствія власти, приведеніемъ въ исполненіе угрозъ, указовъ, согласно которымъ сжигались «бѣсовскія игры» и пр., слѣдовалъ періодъ болѣе спокойный, когда снова населеніе возвращалось къ языческимъ праздненствамъ, пріуроченнымъ къ христіанскому календарю. Если по полученіи запретительныхъ указовъ населеніе и спѣшило обѣщать жить по правиламъ церкви, то это намѣреніе прекращалось немедленно по минованіи опасности быть подвергнутымъ тяжелому взысканію за нарушеніе постановленій. Вслѣдствіе этого даже въ самой Москвѣ пережитки бывшихъ нѣкогда языческихъ празднествъ сохранялись до послѣдняго времени, а обильныя свѣдѣнія о народныхъ суевѣріяхъ и пр., получавшіяся и получаемыя до настоящаго времени собирателями изъ разныхъ мѣстъ Россіи, служатъ лучшимъ доказательствомъ устойчивости народной традиціи, въ особенности въ области вѣрованій, которыя могутъ быть видоизмѣнены только путемъ общаго просвѣщенія.

Н. Харузинъ.

Digitized by Google

Этнографическія коллекціи на Всероссійской Выставкѣ 1896 г. въ Нижнемъ-Новгородѣ.

На выставкѣ, носящей названіе художественно-промышленной, нельзя ждать, чтобы предметы, представляющіе спеціальный интересъ для этнографа, были выдѣлены въ особый отдѣлъ или даже получили бы строго-систематическое (съ этнографической точки зрѣнія) расположеніе. Но самый фактъ существованія на Нижегородской Выставкѣ отдѣловъ Средней Азіи, Крайняго Сѣвера, Сибири, на ряду съ такими отдѣлами, какъ мануфактурный, сельско-хозяйственный, горнозаводскій и т. п., т. е. это нарушеніе принципа дѣленія художественно-промышленной выставки на отдѣлы,—указываетъ, что произведенія промышленности изъ названныхъ выше частей Россіи разнятся отъ аналогичныхъ произведеній остальныхъ мѣстностей въ силу своеобразныхъ мѣстныхъ бытовыхъ условій, представляемыхъ именно этими окраинами нашего отечества, и въ зависимости отъ характера ихъ населенія. Поэтому въ этихъ то отдѣлахъ художественно-промышленной выставки и потребовалась возможно-полная иллюстрація быта мѣстнаго населенія, тѣмъ болѣе, что и племенной составъ этого населенія могъ быть не вполнѣ знакомъ большой публикѣ. Это обстоятельство дало доступъ на художественно-промышленную выставку и спеціально-этнографическимъ коллекціямъ. Отсюда понятно, что на Нижегородской Выставкѣ фигурировала этнографія преимущественно инородческаго населенія Сибири, Средней Азіи и Крайняго Сѣвера (отдѣлы XIII, XIV, XX). Вслѣдствіе того, что этнографическіе предметы экспонировались преимущественно для иллюстраціи производительныхъ силъ края, населеннаго между прочимъ тѣми или другими инородцами, вслѣдствіе этого, былъ представленъ бытъ только нѣкоторыхъ народностей, не съ одинаковой полнотою.

Въ настоящей замѣткѣ я укажу, какія народности и чѣмъ были представлены на Выставкѣ 1896 г.

Digitized by Google

Начнемъ съ Восточной Сибири. Прежде, чѣмъ перейти къ коллекціямъ собственно этнографическимъ, замѣчу, что доисторическую жизнь аборигеновъ страны должна была рисовать коллекція древностей Минусинскаго музея, находившаяся въ Восточно-Сибирскомъ подотдѣлѣ. Въ томъ же подотдѣлѣ (XIII-го отдѣла) имѣлись предметы быта между прочимъ чукчей, ламутовъ, якутовъ, тунгусовъ; это—по большей части — принадлежности костюма названныхъ инородцевъ и охотничье оружіе. Изъ другихъ предметовъ отмѣчу „хамысъ" — якутскій и тунгусскій музыкальный инструментъ, рѣзную изъ мамонтовой кости группу чукотскихъ боговъ—покровителей оленьихъ стадъ; якутскіе недѣльные и годовые календари (дни обозначаются ежедневнымъ переставленіемъ колышковъ въ соотвѣтственныя отверстія). Надо замѣтить, что, чѣмъ дальше на востокъ, тѣмъ предметы собирались и доставлялись на выставку туже; изъ названныхъ же выше народностей полнѣе представленъ бытъ якутовъ. Тутъ мы видимъ модели ихъ жилищъ, коллекціи предметовъ, иллюстрирующихъ средства передвиженія якутовъ (ѣзда на оленяхъ, собакахъ, лошадяхъ, волахъ), домашнюю обстановку и утварь, затѣмъ орудія охоты, рыболовства, издѣлія якутскихъ кузнецовъ, являющихся также и ювелирами (особенно распространены украшенія изъ серебра), якутскія игрушки и игры. Предметы собраны Якутскимъ мѣстнымъ вспомогательнымъ по участію Якутской области въ Выставкѣ комитетомъ, за исключеніемъ манекеновъ, какъ относящихся къ этимъ народностямъ, такъ и другихъ, доставленныхъ изъ Московскаго Румянцовскаго Музея.

Изъ другихъ народностей Восточной Сибири на выставкѣ посчастливилось бурятамъ. По относящимся сюда экспонатамъ можно было представить себѣ довольно наглядно картину быта бурятъ, и эта картина могла бы быть еще болѣе законченной, еслибъ предметы эти были болѣе систематично сгруппированы, еслибъ посѣтителю не приходилось въ разныхъ мѣстахъ наталкиваться на предметы, относящіеся къ одной и той же народности, и по частямъ составлять себѣ картину ея быта. Такое расположеніе коллекцій (не только бурятскихъ, но и другихъ) нельзя, конечно, ставить въ вину устроителямъ Сибирскаго отдѣла, такъ какъ при ихъ расположеніи преслѣдовалась цѣль не этнографическая.

Образцы продуктовъ и модели орудій, собранные съ достаточной полнотой, могли дать понятіе о положеніи земледѣлія, огородничества, скотоводства, охоты, нерполовства и различныхъ промысловъ у бурятъ. По отдѣльнымъ частямъ одежды, выставленнымъ въ качествѣ образцовъ бурятскихъ

Digitized by Google

издѣлій, можно было познакомиться съ костюмами бурятъ, а съ ихъ жилищами—по фотографическимъ снимкамъ и модели усадьбы, рѣзной работы бурята-кустаря. Типы бурятъ представлены были двумя бюстами, вырѣзанными изъ дерева тѣмъ же кустаремъ—бурятомъ [1]), и двумя манекенами Румянцовскаго Музея. Интереснѣе другихъ были коллекціи, иллюстрирующія религіозныя вѣрованія бурятъ. Изъ принадлежностей культа бурятъ-шаманистовъ назову: костюмъ шамана, принадлежности священнодѣйствія, затѣмъ ихъ бурханы и онгоны. Съ религіознымъ культомъ бурятъ-ламаитовъ знакомили собранія предметовъ буддійскаго (ламаитскаго) культа, собранныхъ у забайкальскихъ бурятъ В.-Сибирскимъ Отдѣломъ И. Р. Географическаго О-ва, и такая же коллекція, собранная проф. Позднѣевымъ во время путешествія въ Монголію въ 1892 г. Эти коллекціи помѣщались въ особой палаткѣ, устроенной въ стилѣ буддійскихъ дацановъ. Наибольшій интересъ представляли статуэтки божествъ изъ коллекціи проф. Позднѣева. Сюда входятъ ламаитскія изображенія Сакьямуни первоначальнаго типа (будда—нищій съ чашкой въ рукѣ, на цвѣткѣ лотуса, будда въ моментъ смерти, символическія его изображенія); позднѣйшія изображенія другихъ буддъ и ламаитскихъ божествъ, появлявшіяся съ распространеніемъ буддизма. Здѣсь отмѣчу одинъ кумиръ покровительницы буддизма богини Цаганъ-дара, воплощеніями которой на востокѣ считаются „русскіе бѣлые цари“; названный кумиръ, по преданію, сдѣланъ по повелѣнію богдыхана Цянъ-луна съ полученнаго имъ портрета императрицы Екатерины II; кумиръ отличается отъ другихъ того же типа отсутствіемъ нѣкоторыхъ чертъ, характерныхъ для буддійской этнографіи (лотусовъ и глазъ на лбу и рукахъ, напр.), и, пожалуй, сходствомъ нѣкоторыхъ чертъ императрицы. Кромѣ священныхъ изображеній, находились здѣсь же и принадлежности ламаитскаго жертвоприношенія: сосудъ для освященной воды, лампады, раковина, въ которую трубятъ при жертвоприношеніи, кадильницы, кинжалъ, употреблявшійся для закланія жертвенныхъ животныхъ, священный сосудъ изъ человѣческаго черепа (габала), колокольчики, мѣдные тазы и тарелки (каранга и цанъ) и другіе музыкальные инструменты, употребляемые при богослуженіи. Фотографіи храмовъ и различныхъ моментовъ богослуженія, костюмы и маски ламъ, дополняли эти интересныя коллекціи.

Переходя далѣе къ болѣе западнымъ инородцамъ, мы

---

[1]) Теперь пожертвованными представителемъ В.-Сиб. отдѣла И. А. Молодыхъ Румянцовскому Музею.

Digitized by Google

встрѣтимъ предметы быта и издѣлія качинскихъ татаръ, остяковъ самоѣдовъ, сойотовъ. Остяки и самоѣды фигурировали въ нѣсколькихъ мѣстахъ В.-Сибирскаго подотдѣла, въ Западно-Сибирскомъ подотдѣлѣ и, наконецъ, въ отдѣлѣ Крайняго Сѣвера. Сюда относятся коллекціи Боткина (остяки и самоѣды), Тобольскаго Музея, Дунина-Горковича (сургутскіе и березовскіе остяки), Мотошина (обскіе остяки), Добровольскаго (остяки), заключающія по большей части костюмы и различныя орудія. Отмѣчу идоловъ деревяннаго и суконнаго (съ зашитымъ внутри камнемъ), фотографіи, изображающія священную лиственницу, идолы и могилы инородцевъ, т. е. ящики съ трупами поверхъ земли съ лежащими около различными предметами домашняго обихода. Въ числѣ декоративныхъ картинъ, украшавшихъ стѣны З.-Сибирскаго отдѣла, находилось изображеніе капища самоѣдовъ, а въ павильонѣ Крайняго Сѣвера — картины-панно, изображавшія различные промыслы сѣвернаго населенія. Въ томъ же павильонѣ находились и живые представители сѣвернаго населенія: самоѣдъ и самоѣдка съ Новой Земли.

Кромѣ предметовъ инородческаго быта, въ Западно-Сибирскомъ подотдѣлѣ находились также экспонаты, знакомящіе съ переселенческимъ дѣломъ въ Тобольской губ. На выставленной картѣ обозначены водные и сухіе пути передвиженія переселенцевъ до открытія движенія по западному участку Сибирской ж. д. Интересны модели переселенческихъ жилищъ. Здѣсь представлены различные типы какъ временныхъ, такъ и постоянныхъ жилищъ. Къ первому разряду относятся сѣнной шалашъ для теплаго, и землянки съ крышей для холоднаго времени; ко второму — постройки изъ земли и глины и постройки деревянныя; послѣднія преимущественно возводятся переселенцами изъ сѣверныхъ и среднихъ губерній, хотя бы деревянныя избушки не представляли никакихъ преимуществъ ни по удобству, ни по цѣнѣ сравнительно съ землебитными и глинобитными, съ которыми, напротивъ, легко мирятся малороссы. Главнѣйшіе типы построекъ въ переселенческихъ поселкахъ Тобольской губерніи, представленные моделями, слѣдующіе: изба-землянка со стѣнами изъ плетня, промазаннаго глиной; изба изъ дерновыхъ пластовъ, наполовину врытая въ землю; такая же дерновая, но выложенная поверхъ земли; плетневая изба, со стѣнами изъ двухъ плетней, заполненныхъ землей; изба изъ соломенныхъ жгутовъ съ глиной; изба изъ дровъ на глинѣ; глинобитная изба, строительная масса которой приготовляется изъ глины, перемѣшанной съ соломой или навозомъ; изба изъ сашаннаго кирпича и, наконецъ, обыкновенная деревянная изба.

Digitized by Google

Покончивъ съ Восточной и Западной Сибирью, перейду къ народностямъ Степного края и Средней Азіи. Здѣсь наиболѣе полно представленъ бытъ киргизовъ Акмолинской, Семипалатинской, Семирѣченской и Тургайской областей. Въ отдѣлѣ археологіи и исторіи края помѣщены образцы стариннаго киргизскаго вооруженія; луки, колчаны, стрѣлы, фитильныя ружья, кольчуги, шлемы, различные роды сабель, ножи. Были выставлены также и старинные документы, напр. прошеніе калмыковъ 1757 г. о подданствѣ, извѣщеніе Михельсона о поимкѣ Пугачева, письма султана Кенисары и Кочеке. Между предметами древности, выставленными Семипалатинскимъ музеемъ, находились между прочимъ кресты съ несторіанскими надписями. Что касается предметовъ быта, то среди экспонатовъ Тургайской области и Степного края видное мѣсто занимали образцы киргизской одежды, вышивокъ, головныхъ уборовъ, сѣделъ, предметы домашняго обихода, музыкальные инструменты (кобызъ, домбра). Довольно полно представлено было киргизское кустарное производство образцами ихъ издѣлій (кошмы, сукна, кожи, дерева). Въ отдѣлѣ было уставлено нѣсколько киргизскихъ кибитокъ и модель зимовки киргизовъ. Фотографическіе снимки представляли различныя сцены изъ жизни киргизовъ и ихъ типы; знакомство съ послѣдними публика могла получить также и по манекенамъ, доставленнымъ изъ московскихъ музеевъ.

Изъ предметовъ, касающихся другихъ народностей и мѣстностей Средней Азіи, отмѣчу обстановку свадебнаго поѣзда туркменской невѣсты и ея богатый костюмъ, модель жилища хивинскаго земледѣльца, бухарскую аптеку съ мѣстными лѣкарствами, сартскую комнату. Кромѣ экспонатовъ, въ павильонѣ Средней Азіи находилось много и живыхъ представителей азіатскихъ народностей: киргизы, занимавшіеся приготовленіемъ различныхъ чеканныхъ украшеній, а также время отъ времени исполнявшіе національные танцы подъ свою оригинальную музыку; сарты, туркмены, хладнокровно занятые ткачествомъ на своихъ примитивныхъ станкахъ, или торгующіе различными предметами въ палаткахъ, устроенныхъ на террасѣ Азіатскаго павильона и представлявшихъ собою азіатскій базаръ.

Оканчивая настоящую замѣтку, упомяну, что на выставку были доставлены весьма интересныя этнографическія коллекціи: Хабаровскаго музея И. Р. Г. О-ва, заключающая одежду, утварь и идоловъ нижнеамурскихъ гиляковъ; Монковскаго—предметы гольдовъ; П. П. Шимкевича, заключающая одежду и предметы домашняго обихода и рыбныхъ про-

Digitized by Google

мысловъ ороченъ, гиляковъ, якутовъ, тунгусовъ, корейцевъ, принадлежности шаманскаго идолослуженія, костюмы шамановъ, фотографіи типовъ названныхъ народностей. Изъ этихъ коллекцій были помѣщены на выставкѣ лишь нѣкоторые предметы; такъ, напр., коллекція г. Шимкевича, пожертвованная имъ Румянцовскому музею, почти всецѣло отсутствовала на выставкѣ.

Въ заключеніе долженъ сказать, что однѣ надписи, сдѣланныя на экспонатахъ, не всегда могли удовлетворить любознательности посѣтителя, тѣмъ болѣе, что часто эти надписи обозначали тотъ или другой предметъ, какъ инородческій, безъ указанія, къ какой именно народности онъ относится; кромѣ того, отсутствіе каталоговъ и путеводителей въ однихъ отдѣлахъ или группахъ въ теченіе всего выставочнаго времени, въ другихъ—въ теченіе болѣе, чѣмъ половины его, а также отсутствіе правильно организованныхъ объясненій выставленныхъ коллекцій (за исключеніемъ Приамурскаго подотдѣла въ Сибирскомъ отдѣлѣ, гдѣ ежедневно давались прекрасныя объясненія агрономомъ Н. А. Крюковымъ) сильно затрудняло для публики ознакомленіе съ экспонатами интересовавшихъ насъ отдѣловъ.

Д. У.

Digitized by Google

Сборникъ польскихъ пословицъ XVIII ст.

Предлагаемыя ниже 160 пословицъ извлечены изъ западно-русскаго рукописнаго сборника прошлаго вѣка.

Сборникъ былъ написанъ Петромъ Чарнышемъ, что доказывается встрѣчающеюся въ нѣсколькихъ мѣстахъ, въ началѣ различныхъ отдѣловъ, подписью — Peter Czarnysz; въ одномъ мѣстѣ съ прибавкой: sub reverendo Patre Pilkiewicz.

Сборникъ носитъ характеръ записной учебной тетради. Въ началѣ идутъ occupationes et exercitia varia, далѣе болѣе сложныя упражненія въ реторикѣ, поэтикѣ, записи лекцій и пр. Характеръ упражненій и лекцій—чисто схоластическій, изъ чего можно заключить, что сборникъ относится къ началу XVIII в., такъ какъ въ сборникахъ середины и конца прошлаго вѣка сказывалось уже вліяніе ложно-классицизма и знакомство съ тогдашними представителями русской литературы.

Съ внѣшней стороны сборникъ отличается довольно изящными и разнообразными виньетками, наполовину написанъ красивымъ полууставомъ, который, какъ извѣстно, возродился въ половинѣ XVII в.

О составителѣ сборника, Петрѣ Чарнышѣ, и объ отцѣ Пилькевичѣ, бывшемъ, быть можетъ, его наставникомъ, у насъ свѣдѣній нѣтъ. Извѣстно только, что Чарныши принадлежали къ видной малорусской шляхетской фамиліи и представители этой семьи отличались образованностью и любовію къ литературѣ. (Переписка Полетики въ «Кіевской Стар.», за 1893 г.).

Написанъ сборникъ, по всей вѣроятности, въ Кіевѣ. Составитель вращался въ польскомъ или полонизованномъ обществѣ, что доказывается общимъ направленіемъ сборника. Этимъ объясняется и то, что въ его сборникъ попали польскія пословицы; только немногія изъ нихъ извѣстны малороссамъ и полякамъ (вродѣ: баба съ воза,—возу легче), остальныя—чисто польскія.

Статья съ пословицами не имѣетъ особаго заглавія. Расположены онѣ въ алфавитномъ порядкѣ, который мною и удержанъ. Каждая пословица снабжена латинскимъ переводомъ или перифразомъ, иногда въ 2—3 варьянта. Нѣкоторые изъ этихъ перифразъ я привожу, когда они способствуютъ пониманію пословицы, теперь уже неупотребительной, или же интересны въ томъ отношеніи, что показываютъ, какъ понимались пословицы въ то время.

М. Довнаръ-Запольскій.

Digitized by Google

1) A biało—biało; a czarno—czarno (Ait quis—ajo, negat quis—nego. Vel: Omnia omnibus annuit).
2) Albo day, albo ć wydrze (Dabis coactus, sponte quod dare recusas).
3) Abo szach, abo met, Vel: Lub strata, lub zysk.
4) Abo czyń, abo day pokój (Vel agas, vel neges. Vel: Aut sta rectus, aut semel fuge).
5) Aby ogonek położyć liszka (abo wilczek) prosi (Serpens, ubi caput imponit, totus intrat).
6) Ani mnie tam, ani mnie sam (siam). Vel: Tam zle, a tam ieszcze gorzy. (Nullam animi mentem habeo. Vel: Aqua mihi haeret).
7) Ani rak ani dworak. Vel: Ani do rady, ani do zwady.
8) A prorokowi co? (Malo nuntio mala praemia).
9) Apteka gnoykowi śmierdzi. Vel: Niewi co dobrego.
10) A tobie skoma (Inrumperis invidia).

11) Baba z woza, kołam lży.
12) Baby to pod szpitalem siedzą.
13) Bać się trzeba tczcinie, gdy wiatr wywinie (Vapulante cane pertimescat leo).
14) Bąk się przebyie — na muchę wina (Ignoscit corvus, vexat censura columbus).
15) Bąki stzzela (Volatilia persequitur).
16) Baranie, nie mąć wody!
17) Barziey te rzeczy smakuią, których zakazuią.
18) Barziey boli od swego.
19) Będziesz wnet w saku.
20) Będzie y przed naszemi wrotmi kiedyś słąko.
21) Bez pracy nie będzie kołacze.
22) Bez pracy on ma kołacze.
23) Bicz z piasku nie będzie.
24) Bity płacze.
25) Boga wzyway, a ręki przykładay.
26) Bogu się przeciwić trudno.
27) Bogu nic nie trudno.
28) Boiaźń hamuie od złego.
29) Brzuch tłusty łeb ma pusty.
30) Buczno, a w pięty zimno.

31) Cały baran a wilk syt—razem bydź nie może.
32) Chcesz mieć sługo skarbów wiele, rozday między przyiacieli.
33) Chłopa w korcu nie mierzyć.
34) Chromy daliey zaydzie, słabszy duższego przemoże.
35) Chwała pobudko(ą) do dobrego.

Digitized by Google

36) Chudoba cnoty nie traci. (Cuncta licet pereant, probitas sola usque maneto).
37) Cicha woda brzegi łamie.
38) Cnota, pokora niema mieysca u dwora.
39) Co sie prętko wznieci, nie długo się swieci. (Quod fortuito obvenit, instabile est).
40) Co mnie dziś, tobie iutro (Casibus insultas, quos potes ipse pati).
41) Co się urodzi—umrzeć musi.
42) Trzsci*) góry, mosty, chcieszli mieć grzbiet prosty.

43) Dał ci Bóg dary, zażyway miary.
44) Darowanemu koniowi nie patrzą w zęby.
45) Dębowa wić uczy robic (Duro flagello mens docetur rectius).
46) Długo się dobre pamięta, złe się dłużey.
47) Do Boga, gdy trwoga.
48) Do czasu dzban**) nosi.
49) Drwa do lasa wozyć.
50) Dziurawego woru nie napełnisz.

51) Fałsz prawdy nie lubi.
52) Figę komu pokazać.

53) Gdy konia kuią, żaba nogę stanowi.
54) Gdy pieska byią, lewek się boi.
55) Gdzie ogon rządzi. tam głowa błądzi.
56) Gdzie ich wielie rządzi, tam sie często zbłądzi.
57) Gębę sobie pomazał łaciną.
58) Głodny nie przebiera.
59) Głupy mądrego uczy.
60) Gniew bez siły nic nie może.
61) Gniew doda oręża.
62) Gniewliwego hamować, nie pobudzać trzeba.

63) Hetmanem woysko stoi.

64) Iadł by kot ryby, ale nie chce ogona zamoczyć.
65) Iak na niemieckim kazaniu było (był?).
66) Iak pióra opaliło (Dicto citius).
67) Iak w błoto rzucił kost.
68) Iednego płotu kół (Ejusdem fortunae est homo).
69) Iedna owca parszywa wszystkie stado zarazi.

---

*) Вмѣсто: czcij—чти, уважай. *Ред.*
**) Пропущено: wodę. *Ред.*

Digitized by Google

70) Ieszcze się nie urodziło, a iuż pokr(z)ciło.
71) Im daley w las, tym więcey drew.
72) Im kota daley głaszczysz, tym barziey ogon wznosi.
73) I ia mam ręce.

74) Lyka drzeć, kiedy sie drą.
75) Lwa z pazurów znać.

76) Ma, a nie zażye.
77) Ma chleb rogi (Luxuria omnibus rebus plerumque secundis).
78) Mała iskierka wielkie pożogi wznieca.
79) Mam ciebie w saku.
80) Mam się iak groch przy drodzie.
81) Między głupemi mądry naybarziey milczy.
82) Mnie obiecano, a drugiemu dano.

83) Na czyim worku siedzisz tego... (неоконч).
84) Naygorsze boty u szewca.
85) Nałog trudno odmienić (Consuetudo altera natura).
86) Na pochyłe drzewo rady kozy skaczą.
87) Na złodzieiu czapka gory.
88) Na zęby mnie wszyscy wzięli.
89) Nie darmo go tak nazwano.
90) Niedźwiedź srogo na gałądź ryka, gdy gałądź zpadnie—milczkiem umyka (Parvi dolores murmurant, magni autem silent).
91) Nie gray myszko z kotkiem.
92) Nie mów hup, aż przeskoczysz.
93) Nie przelewki (Res non contenda. Res magni momenti).
94) Nie płaci bogaty, ale... (не оконч.) (Non divitis, sed debitoris solvere est).
95) Nie razem Krakow zbudowano.
96) Nie tak srogi lew, jako go maluią.
97) Nie urodzi sowa sokoła.
98) Nie wszystke rozumy poiadł.
99) Nie wszystko złoto, co się swieci.
100) Ni pachnie, ni smierdzi.
101) Nie zatai się szydło w worze.

102) Obadwa pewni: iedny za ośmnascie, drugi za dwadziescie bez dwuch.
103) Obcięto mu skrzydła.
104) Od (do?) Boga, gdy trwoga.
105) Od słów do mieczow.
106) Ogląday się na ostatne koła.
107) Orzech, osioł, młodzian iedynym prawem żyią: nic dobrego nie czynią, kiedy go nie byią.

Digitized by Google

108) O wilku gadka, a wilk tuż.
109) Oyca dobrego syn dobry.
110) Oycowska łagodność syna psuie.

111) Pan, który się sługi boi, za niewolnika stoi,
112) Pańska prośba za rozkazanie stoi.
113) Patrzyć a nie zaczyc. (вм. zażyć, *Ped.*).
114) Podczas dowcip wyborny w koncie leży.
115) Pokora mocnieyszego pokona.
116) Po obiedzie łyżka. (въ подд. liźka, *Ped.*).
117) Poprawił sie z pieca na łeb (Deterriora secutus).
118) Po szkodzie polak mądry.
119) Prawda oczy kole.
120) Przeciw wody płynąć trudno.
121) Półgębkiem mówić.

122) Rada by dusza do raiu, ale grzechy nie puszczaią.
123) Raki piecze.
124) Rzemieśnika nie trzeba uczyć.
125) Rogi na mnie widzą.
126) Rys z repsa nie będzie.

127) Słuwko wyleci wròblem, a urodziło się wołem.
128) Smierć nie brakuie.
129) Smierć pospolita wszystkim.
130) Serca dodał (Stimulum irae dedit).
131) Swierbi go grzbiet iescze.
132) Spilkę niemasz gdzie tknąć.
133) S(z)tuka na s(z)tukę.

134) Tak ci dudki łowią.
135) Trafiło się, iak slepey kurce ziarno znaleść.
136) Trafi się y naymędrzeyszemu spodknąć.
137) Trafiła kosa na kamień.
138) Trafił z dezczu pod rynew.
139) Tu senk (Hoc opus, hic labor est).

140) Ubogo, ale chandogo.
141) Uczyć się od kogokolwiek godzi.
142) Uderz w stòł, ozwą się nożycy.
143) Ustawiczność wiele może (Gutta cavat lapidem).

144) Według stawu grobla (ркп. grobta). (Fructus sumptum superare non debet).
145) Wiele o sobie rozumie.
146) Wiele to na ciebie.

Digitized by Google

147) Wiele złego—dwa na iednego.
148) Wybiwszy płakać nie daią.
149) Wydał się na iatki (Ludibrio hominum temere se exposuit).
150) Wyżey gęby nos nosi.

151) Zabiegay w czas złemu.
152) Zabiegł mu od spasi (Pontem interrumpit).
153) Za nos kogo wodzić.
154) Zewsząd zle.
155) Znaią się na migach.
156) Złego nie ruszay.
157) Znaią go iak zły pieniądz (Cunctis datus Ullysses).
158) Zawiesi nos. (Demissit supercilia).
159) Zwiódł by niewiedzieć kogo łagodnemi słowami.
160) Żywot ludski—bieg ku śmierci.

Digitized by Google

КРИТИКА и БИБЛІОГРАФІЯ.

1. КНИГИ, УЧЕНЫЯ И СПРАВОЧНЫЯ ИЗДАНІЯ.

Е. Будде.—Къ исторіи великорусскихъ говоровъ. *Опытъ историко-сравнительнаго изслѣдованія народнаго говора въ Касимовскомъ уѣздѣ, Рязанской губерніи. Казань 1896 г.*

Авторъ названнаго труда уже нѣсколько лѣтъ занимается изслѣдованіемъ говоровъ Рязанской губерніи. Въ своей книгѣ «Къ діалектологіи великорусскихъ нарѣчій», вышедшей въ 1892 г., онъ изслѣдовалъ по преимуществу южную часть губерніи въ діалектологическомъ отношеніи, но матеріалы для характеристики говоровъ сѣверной ея части были настолько недостаточны, что авторъ въ 1894 году предпринялъ съ цѣлью ихъ пополненія спеціальную поѣздку въ уѣзды Спасскій и Касимовскій, причемъ дѣлалъ лично записи въ 8 деревняхъ перваго и въ 70 деревняхъ второго уѣзда.

Результатомъ поѣздки является обширное изслѣдованіе, основанное на внимательной обработкѣ весьма значительнаго матеріала. Во «введеніи» авторъ характеризуетъ современное состояніе русской діалектологіи, указываетъ на мотивъ побудившій его предпринять изслѣдованіе сѣверно-рязанскихъ говоровъ и дѣлаетъ краткій обзоръ наиболѣе типичныхъ чертъ вокализма и консонантизма касимовскихъ говоровъ. Далѣе въ 1-й части онъ даетъ въ 12 главахъ подробное описаніе изслѣдуемыхъ говоровъ (стр. 31—199). Во 2-й уясняетъ въ 7 главахъ отношеніе говоровъ Касимовскаго уѣзда къ другимъ древнимъ и современнымъ русскимъ говорамъ по звукамъ (стр. 200—325). Третья часть резюмируетъ (на нѣсколькихъ страницахъ) главные выводы, къ которымъ пришелъ авторъ относительно звуковъ общерусскаго языка и фонетическихъ законовъ, обусловившихъ видоизмѣненіе этого языка въ обще-великорусскій и затѣмъ въ отдѣльные говоры (стр. 325—330). Въ приложеніи въ видѣ оправдательныхъ документовъ авторъ помѣстилъ образцы разговоровъ, пѣсенъ и причитаній, записанныхъ имъ въ разныхъ мѣстностяхъ изслѣдованнаго имъ района (стр. 333—370).

Наибольшую цѣну, на нашъ взглядъ, представляетъ описательная (или 1-я) часть книги г. Будде. Авторъ производитъ впечатлѣніе опыт-

Digitized by Google

наго и точнаго наблюдателя діалектическихъ особенностей. Обширный и хорошо записанный имъ матеріалъ представляетъ цѣнный вкладъ въ русскую діалектологію и существенно восполняетъ одинъ изъ многихъ пробѣловъ въ нашихъ свѣдѣніяхъ о южно-великорусскихъ говорахъ. Несомнѣнно и говоры Касимовскаго уѣзда внесутъ свою лепту въ историческую діалектологію русскаго языка, которая, по справедливому замѣчанію автора, — «наука будущаго: до сихъ поръ мы имѣемъ лишь матеріалы для построенія этой науки, но самыя отношенія говоровъ другъ къ другу, ихъ исторія и образованіе далеко еще не представляются ясными» (стр. 22). Однако, признавая «историческую діалектологію русскаго языка» наукой будущаго, авторъ дѣлаетъ уже во второй части посильную попытку это будущее сдѣлать настоящимъ.

Изученныя имъ особенности Касимовскаго говора (проблематическая долгота гласныхъ, дифтонги, шепелеватые согласные средніе между с и ш, з и ж, ц и ч, дз и дж и др.) ведутъ его къ пересмотру самыхъ основныхъ вопросовъ исторіи русскаго языка, къ попыткѣ новой классификаціи говоровъ, къ уясненію звукового состава не только общевеликорусскаго, но даже общерусскаго и общеславянскаго праязыка и въ заключеніе къ построенію гипотезы о колонизаціонномъ движеніи древне-русскихъ племенъ. Просматривая эти тонкія соображенія о звукахъ праязыковъ и о неизвѣстныхъ исторіи движеніяхъ племенъ, постоянно чувствуешь, какъ все это шатко и какъ мало еще сдѣлано въ области исторіи языка, если нѣсколько новыхъ данныхъ изъ говора нѣсколькихъ селъ одного уѣзда, данныхъ, сопоставленныхъ съ нѣсколькими сомнительными написаніями въ древне-русскихъ рукописяхъ и со скудными свѣдѣніями о говорахъ другихъ губерній, могутъ открывать новыя перспективы въ прарусскій языкъ и его отдаленнѣйшее прошлое.

Невольно является предположеніе: не преувеличилъ-ли авторъ значеніе касимовскаго говора для исторіи русскаго языка и не придется-ли ему снова передѣлывать свои построенія, если онъ переѣдетъ за границу Касимовскаго уѣзда, напримѣръ, въ Меленковскій уѣздъ Владимірской губерніи? Вѣдь Россія не миніатюрная Швейцарія, въ которой точно изучены и нанесены на діалектическую карту особенности говоровъ всѣхъ кантоновъ. О говорѣ многихъ нашихъ уѣздовъ, въ которыхъ умѣстилось бы нѣсколько Швейцарій, мы ничего не знаемъ. Не преждевременно-ли по поводу изученія говора одного уѣзда пересматривать вновь основные вопросы исторіи языка?

Отдавъ должную дань 1-й части т. е. тщательному описанію особенностей касимовскаго говора, мы находимъ во 2-й части очень и очень много сомнительнаго. Остановимся только на главномъ—на такъ наз. *среднихъ* согласныхъ и *цоканьѣ* и *чоканьѣ*. Въ Касимовскомъ уѣздѣ, какъ спорадически и въ другихъ уѣздахъ Россіи, наблюдается шепелеватое произношеніе—звуки средніе между С и Ш, З и Ж. Не приводя никакихъ доказательствъ, что такая шепелеватость не мо-

Digitized by Google

жетъ появляться въ исторіи какого нибудь языка въ разные періоды, въ разныхъ частяхъ территоріи, населенной племенемъ говорящимъ на этомъ языкѣ, г. Будде придаетъ этимъ шепелеватымъ звукамъ особую архаичность и считаетъ ихъ перешедшими изъ общеславянскаго языка въ діалекты прарусскаго языка (стр. 264). Сопоставляя слав. десять съ литов. dèžimtis, онъ рѣшительно заявляетъ (на стр. 131), что признавать *позднее* явленіе въ произношеніи (касимов.) деçить *) нѣтъ никакого основанія". Но есть-ли какое либо основаніе утверждать, что всѣ теперешніе шепелеватые (а ихъ встрѣчается не мало) представляютъ изъ себя потомковъ длиннаго ряда шепелеватыхъ предковъ, или что шепелеватая т. е. менѣе отчетливая артикуляція предшествовала болѣе отчетливой? Г. Будде, впрочемъ, даже указываетъ вѣроятную причину, почему средній между С и Ш звукъ, которому онъ приписываетъ такую архаичность, уже началъ стираться въ Касимовскомъ произношеніи: „вѣроятно потому, что вообще онъ довольно картавый, шепелявый и не особенно пріятенъ на слухъ" (стр. 130). Но едва-ли кто нибудь изъ лингвистовъ признаетъ, что языкъ руководится такими эстетическими соображеніями.

Такое-же недоумѣніе является по поводу соображеній автора о цоканьѣ и чоканьѣ. Усматривая въ трудахъ по діалектологіи пробѣлъ въ томъ, что это явленіе (цоканье—чоканье) не доведено до праязыка (стр. 262), авторъ восполняетъ этотъ пробѣлъ утвержденіемъ, что *средніе* звуки (между Ц и Ч), встрѣчающіеся въ тѣхъ говорахъ, которые имѣютъ мягкое Ц и чоканье, суть самые архаическіе и восходятъ къ діалектамъ русскаго праязыка. Здѣсь опять возникаетъ вопросъ, почему шепелявое произношеніе архаичнѣе нешепеляваго. Находя спорадическіе случаи колебанія между Ц и Ч почти во всѣхъ говорахъ, авторъ утверждаетъ, что „это обстоятельство говоритъ несомнѣнно въ пользу того, что звуки средніе (между Ц и Ч) принадлежали громадному большинству говоровъ прарусскаго языка, если не всему ему" (стр. 270). Но несомнѣнно лишь то, что и въ очень отдаленное время, какъ и теперь, существовали люди съ шепелеватымъ произношеніемъ и что согласные Ц и Ч (какъ и другіе) въ исторіи языка способны были къ разнымъ ступенямъ палатализаціи. Вмѣсто *археологическаго* стремленія искать предковъ наличныхъ діалектическихъ звуковъ въ праязыкѣ, было бы полезнѣе нашимъ діалектологамъ точнѣе наблюдать артикуляцію звуковъ, пользуясь тѣми аппаратами, которые извѣстны на западѣ и которые у насъ, сильно отставшихъ въ дѣлѣ научнаго изученія фонетики, къ сожалѣнію, неизвѣстны. Только изученіе живыхъ языковъ можетъ содѣйствовать открытію фонетическихъ законовъ, а не конструированіе, нерѣдко чисто теоретическое, разныхъ звуковъ-предковъ, которыми изслѣдователи обогащаютъ праязыкъ. Такъ, напримѣръ, не изучивъ тѣ ус-

*) ç выражаетъ звукъ средній между С и Ш.

Digitized by Google

ловія, которыя вызвали появленіе въ нѣкоторыхъ живыхъ языкахъ звука Ö, (во франц., нѣмецкомъ), наши лингвисты вводятъ этотъ звукъ, не только короткій, но и долгій, (стр. 208) въ вокализмъ русскаго праязыка, хотя Ö не встрѣчается въ настоящее время ни въ одномъ славянскомъ нарѣчіи. Едва-ли такое обогащеніе фиктивныхъ праязыковъ послужитъ къ дѣйствительному обогащенію нашихъ свѣдѣній по исторіи звуковъ. Такъ и въ вопросѣ о палятализаціи для насъ важнѣе было-бы изучить условія, при которыхъ является разная степень смягчаемости согласныхъ Ц, Ч, чѣмъ выводить мягкіе Ц и Ч изъ среднихъ, а послѣдніе возводить къ діалектамъ русскаго или даже славянскаго праязыка. Если мы не умѣемъ объяснить фонетическій процессъ, поведшій къ *діалектическому* смягченію К (чайкю, толкя) или отвердѣнію р, не знаемъ въ достаточной степени районы, въ которыхъ распространился этотъ процессъ, едва-ли бы мы достигли прочныхъ результатовъ, предполагая разные средніе звуки между *К* и *К'*, *Р'* и *Р* и возводя послѣдніе къ праязыку. Насколько сильно у г. Будде стремленіе къ конструированію фиктивныхъ звуковъ, видно на слѣдующемъ примѣрѣ. Въ Касимовскомъ уѣздѣ авторъ отмѣтилъ три-четыре случая чередованія Х съ К, въ родѣ: *скаронютца* (схоронятся), скадить (сходить), каравотъ (хороводъ). Конечно, можно было бы поискать объясненія этого чередованія и предположить для первыхъ двухъ случаевъ, что Х смѣнилось на *К*, быть можетъ, подъ вліяніемъ аналогіи: въ Словарѣ Даля только два слова (схапать и схамнуться) начинаются группой *сха*, между тѣмъ какъ словъ, начинающихся со *ска* приведено 9 столбцевъ, такъ что послѣднія могли повліять на переходъ схоронить въ скаранить. Но авторъ не ищетъ такого близкаго объясненія: онъ посвящаетъ вопросу о чередованіи К и Х нѣсколько страницъ (188—192), припоминаетъ въ древней письменности написанія *схима* и *скима*, канъ и ханъ, козаре и хазаре (въ двухъ послѣднихъ словахъ могутъ быть варіанты тюркскаго произношенія), затрогиваетъ случаи соотвѣтствія литовскаго *К* славянскому Х, забывая, что въ литовскомъ консонантизмѣ совсѣмъ нѣтъ звука Х и что приводимыя имъ слова лит.—klẽpas=хлѣбъ, латыш. klévs=хлѣвъ, литов. krẽnas=хрѣнъ, лит. kudas=худъ, klapas=хлопъ и т. п.—прямо заимствованныя литовцами, и на основаніи такого матеріала выводитъ слав. *Х*, соотвѣтствующій литовскому К, изъ предполагаемаго литовско-славянскаго КХ, общаго предка обоихъ звуковъ, изъ котораго въ литовской вѣтви развился звукъ К, а въ славянской частью Х, частью К (191). И всѣ эти соображенія о звукѣ славяно-литовскаго праязыка отправились отъ трехъ-четырехъ словъ Касимовскаго уѣзда. Не вызвано-ли это стремленіе къ отысканію предковъ убѣжденіемъ, что всякій современный звукъ въ языкѣ имѣетъ свою законную и длинную генеалогію, и не можетъ появиться поздно подъ вліяніемъ какихъ-нибудь случайныхъ причинъ?

Digitized by Google

Въ вокализмѣ касимовскихъ говоровъ авторъ сосредоточиваетъ вниманіе преимущественно на долгихъ гласныхъ и дифтонгахъ (стр. 31—44 и 200—211). Несомнѣнно тѣ и другіе представляютъ значительный интересъ, но едва-ли имѣютъ такое значеніе, которое придаетъ имъ изслѣдователь. Прежде, чѣмъ возводить касимовскіе долгіе гласные и дифтонги къ русскому праязыку и гипотетически возстановлять ихъ исторію, слѣдовало бы точнѣе изучить самый характеръ этихъ звуковъ. Касимовскіе долгіе гласные уже тѣмъ отличаются отъ долгихъ въ другихъ языкахъ (напр. нѣмецкомъ), что долгота не *обязательна*; затѣмъ долгій *а*, на которомъ всего болѣе останавливается авторъ, является только въ *конечныхъ* неударяемыхъ слогахъ (напр. милâй, будитъ сливâкъ, пять цалковâхъ и т. п.) Очевидно здѣсь какая то долгота sui generis, для уясненія которой необходимы болѣе детальныя наблюденія. Быть можетъ, она объясняется спорадически существующей привычкой протягивать голосъ на послѣднемъ слогѣ, что отмѣчено наблюдателями въ говорахъ нѣкоторыхъ другихъ губерній (Вятской, Олонецкой, Архангельской) и въ такомъ случаѣ нѣтъ необходимости объяснять ее какъ productio suppletoria и отыскивать ея генеалогію въ праязыкѣ. Недостаточно разъяснено и происхожденіе касимовскихъ дифтонговъ, которые авторъ приводитъ въ связь съ долготой. Если для дифтонга *уо* въ словѣ хтаруой (=второй) еще можно было бы предположить происхожденіе изъ *долгаго* о, то откуда-бы могло получиться долгое *о* въ словахъ адноу́ (=одно), суоракъ (=сорокъ)? Вообще и по прочтеніи всѣхъ соображеній г. Будде объ этихъ звукахъ, мы должны согласиться съ его же словами, что долгота гласныхъ и дифтонги великорусскихъ говоровъ еще ждутъ своихъ изслѣдователей (стр. 203).

Неубѣдительными представляются намъ и во всякомъ случаѣ преждевременными гипотезы г. Будде о древнихъ передвиженіяхъ русскихъ племенъ. „Типичныя особенности въ фонетикѣ, общія какъ нынѣшнимъ говорамъ Касимовскаго уѣзда, такъ и говорамъ нынѣшней Вятской губерніи; даютъ намъ право, говоритъ г. Будде въ 17-мъ *положеніи* своей диссертаціи, усматривать въ говорахъ Касимовскаго уѣзда остатки древняго говора *вятичей*, переселившихся частью въ нынѣшнюю Вятскую губернію". Въ основательности этой гипотезы развиваемой авторомъ на страницахъ 122, 153, 252, 288, 299 книги, г. Будде еще болѣе убѣдился, совершивъ въ 1896 году поѣздку въ Вятскую губернію. Но историческихъ данныхъ въ пользу предположенія, что колонизація Вятской земли шла изъ области вятичей авторъ не могъ привесть никакихъ, такъ какъ ихъ вовсе нѣтъ.

Что-же касается сходства въ говорахъ — вятскомъ и касимовскомъ,—то оно вовсе не таково, чтобы нуждалось въ объясненіи посредствомъ гипотезы о поселеніи вятичей на р. Вяткѣ. Діалектическія черты общія обоимъ говорамъ—долгіе гласные, дифтонгъ *уо*, цоканье и чоканье, мѣна С и Ш, членъ—вовсе не таковы, чтобы необходимо

Digitized by Google

вызывать предположеніе о генетическомъ родствѣ. Рядомъ со сходными чертами встрѣчаются и несходныя, какъ, напримѣръ, вятское *оканье*, особаго рода э, мягкіе шипящіе, открытое л передъ н (колоколна) и друг. Если мы изъ *общихъ* чертъ устранимъ употребленіе *члена*, почти повсемѣстное въ великорусскихъ говорахъ, цоканье и чоканье, раздѣляемое вятскимъ говоромъ съ цѣлымъ рядомъ другихъ окающихъ, долгіе гласные, извѣстные въ Олонецкой и Архангельской губерніи, дифтóнгъ *уо* существующій въ Тотемскомъ и Кадниковскомъ уѣздахъ сосѣдней Вологодской губерніи, то гипотеза о ближайшей фонетической связи вятскаго говора съ Касимовскимъ лишится всякой опоры. Что-же касается историческихъ данныхъ, то достаточно прочесть составленный А. Спицынымъ „Сводъ лѣтописныхъ извѣстій о вятскомъ краѣ“ (Вятка 1883), чтобъ убѣдиться, что въ нихъ гипотеза г. Будде и подавно не можетъ найти опоры. Русская колонизація Вятки шла изъ Новгородскихъ областей, изъ Устюга и отъ Двины. Соблазнившее же г. Будде сходство именъ Вятичи и Вятчане объясняется случайностью. Названіе рѣки и области происходитъ отъ названія вотскаго племени Ватка, которое по преданію Вотяковъ жило нѣкогда на томъ мѣстѣ, гдѣ впослѣдствіи русскими былъ построенъ Хлыновъ, переименованный въ XVIII в. въ г. Вятку.

Изученіе касимовскихъ говоровъ въ связи съ другими привело автора къ пересмотру вопроса о дѣленіи великорусскихъ говоровъ вообще. „Обычное раздѣленіе, говоритъ онъ въ положеніи 19, великорусскихъ говоровъ на *окающіе* и *акающіе* слѣдуетъ признать нелогичнымъ и ненаучнымъ, такъ какъ оно не соотвѣтствуетъ ни требованіямъ логическаго дѣленія, ни звуковой исторіи этихъ говоровъ“. Мы не станемъ отстаивать общепринятое дѣленіе, хотя не усматриваемъ его нелогичности. Думаемъ, что впослѣдствіи, когда будутъ болѣе детально изучены всѣ говоры пространной Россіи и изготовлены діалектическія карты, наши представленія о классификаціи говоровъ значительно измѣнятся. Но я не вижу въ дѣленіи, предложенномъ авторомъ, большей научности чѣмъ въ общепринятомъ. „Мы полагаемъ, говоритъ онъ, что правильнѣе съ точки зрѣнія исторіи языка народа дѣлить говоры на *шепелеватые* (т. е. говоры со *средними* звуками—самые древніе), на *полушепелеватые* (имѣвшіе лишь звуки средніе Ц$_ч$ и Ч$_ч$ т. е. цокающіе и чокающіе) и говоры не *шепелеватые*, пошедшіе отъ діалектической группы, *различавшей* звуки *Ч* и *Ц*, *С'* и *Ш*, *З'* и *Ж* и проч. или въ самомъ прарусскомъ языкѣ *утратившей* средніе звуки“. Итакъ, устраняя какъ основу дѣленія одинъ признакъ (оканье, аканье), какъ не *существенный*, г. Будде замѣняетъ его другимъ—бóльшей или меньшей смягчаемостью (палятализаціей) нѣкоторыхъ передне-небныхъ согласныхъ, считая этотъ признакъ болѣе существеннымъ, Но убѣдительныхъ данныхъ въ пользу большей существенности этого звукового явленія въ его книгѣ мы, по крайней мѣрѣ, не нашли.

Digitized by Google

Менѣе замѣчаній вызываетъ 1-я часть изслѣдованія, въ которой авторъ подробно описываетъ касимовскіе говоры. Отмѣтимъ только нѣкоторые случаи, гдѣ предложенное г. Будде объясненіе насъ не удовлетворяетъ.

Такъ, объясняя тѣ случаи, въ которыхъ касимовскій говоръ имѣетъ е вмѣсто ё, г. Будде (на стр. 91 и 92) находитъ касимов. произношеніе слова надёжа (вм. надёжа) архаичнымъ и правильнымъ, такъ какъ звукъ *е* здѣсь восходитъ къ *ѣ*. Здѣсь у автора очевидный недосмотръ, такъ какъ въ словѣ надежда, восходящемъ не къ корню *дѣ*, а къ древней удвоенной основѣ *дежд*, никогда звука *ѣ* не было. На стр. 100 г. Будде объясняетъ о въ *трожды* предположеніемъ, что это слово приспособилось къ слову *двожды*. Намъ кажется, что приспособленіе могло быть обратное, такъ какъ въ старинномъ трожды гласн. о можетъ объясняться изъ стяженія дифтонга *ой* (ое.): *трожды* изъ *тройжды*, какъ *не бось* изъ *не бойсь*. На стр. 108 авторъ выводитъ *ы* въ нарѣчіяхъ *туды*, *суды* изъ *ѣ*: ту дѣ, су дѣ чрезъ *туди*, *суди*. Намъ кажется, что рѣшить вопросъ о происхожденіи *ы* въ этихъ нарѣчіяхъ нельзя безъ сопоставленія ихъ съ такими же формами другихъ славянскихъ языковъ; срав. чешск. kudy, tudy, tady, польск. tędy, kędy, нижне-лужиц. tudy. На стр. 115 намъ кажется неправдоподобнымъ и ненужнымъ предположеніе, что на произношеніе имени *Костянтинъ* (безъ н) могло повліять уменьшительное *Костя*. На стр. 129, упоминая, что въ касимов. говорѣ спорадически Ч отвердѣлъ и въ произношеніи его „вышли наружу оба элемента“ т. е. т+ш, г. Будде приводитъ слово *Матшка* радимая. Но почему же слышанное г. Будде Матшка предполагаетъ *Мачка*, а не мат(у)шка съ исчезновеніемъ у въ быстромъ и неотчетливомъ произношеніи?

На стр. 145 г. Будде говоритъ о *переходѣ* (sic) *д* въ *н* въ словѣ *кажнай*. Но чѣмъ объяснить такой необычный переходъ передъ гласнымъ? Намъ думается что *кажнай* вышло изъ *каждной*, съ выпаденіемъ *д* изъ группы *ждн*. Срав. у Даля слово *кажóдный* и извѣстную въ южно-великорусскомъ форму *кажинной* или *кажѝнной*. На стр. 157, приводя слышанное имъ произношеніе «Х к'абѣдьни» (т. е. къ обѣднѣ), г. Будде справедливо замѣчаетъ, что оно могло появиться вслѣдствіе ложно понятого произношенія *к абъдьнъ*, какъ будто бы отъ именит. падежа «*кабъдьня*». Но далѣе прибавляетъ: «впрочемъ, возможно и фонетическое происхожденіе такого произношенія». Этого фонетическаго происхожденія авторъ не разъясняетъ и мы сомнѣваемся, чтобы оно вообще было возможно. На стр. 160, авторъ говоритъ, что «звукъ *в* переходитъ въ б въ словѣ *абдавѣла* (вм. овдовѣла), можетъ быть, вслѣдствіе какой нибудь ложной аналогіи съ префиксомъ предлогомъ *об*: обдать, обдарить, обдѣлать и т. п». Мы не видимъ здѣсь перехода *в* въ *б*, но обычное выпаденіе *в* послѣ *б*: абдавѣла изъ аб-вдавѣла (об-вдовѣла), какъ *ободъ*, *облако* изъ *обводъ*, *обылако*. На стр. 161 г. Будде перечисляетъ извѣстные

Digitized by Google

ему случаи отпаденія звука в: си (изъ вси) сё (изъ все), сякъ (изъ всякъ), зашли (вм. взошли), спомни (вспомни) *зоры* (взоры), *римянная* (временная). Точнѣе можно бы сказать, что в (ф) отпадаетъ предъ С, З и Р.

Въ произношеніи *озимъ* (вм. возимъ) имѣемъ отпаденіе неслогового у. Далѣе едва-ли можно говорить о *приставкѣ* звука *в* (стр. 163) въ такихъ оборотахъ, какъ: у *Вакима* (у *Акима*), у *ватца* (у отца), такъ какъ едва-ли слухомъ можно различить, слышится-ли здѣсь дѣйствительно *у Вакима*, *у ватца*, а не *ув Акима*, *ув отца*. Существуютъ-ли формы *Вакимъ*, *ватецъ*, если имъ не предшествуетъ предлогъ у?

На стр. 72 и 198 авторъ приводитъ многочисленные примѣры употребленія *члена*. Если можно говорить о *членѣ* въ такихъ реченіяхъ, какъ: *вароты-ти*, *парьни-ти*, *горад-ат*, то странно называть членомъ частицу *то* въ ея разныхъ видахъ при глаголахъ: *хотца-та* (хочется-то), *жыла-та* (жила-то), *прожыть-та* (прожить то), мѣстоименіяхъ (*тебя-та*), или нарѣчіяхъ (суды-ты).

Ограничиваясь, по недостатку мѣста, этими замѣчаніями, вызванными интересной книгой г. Будде, позволяемъ себѣ выразить надежду, что авторъ съ такимъ же успѣхомъ будетъ продолжать свои изслѣдованія въ обширной области русской діалектологіи, крайне нуждающейся въ хорошо подготовленныхъ и предпріимчивыхъ изслѣдователяхъ.

Всев. Миллеръ.

А. А. Кауфманъ: Крестьянская община въ Сибири. По мѣстнымъ изслѣдованіямъ 1886—1892 гг. (Спб. 1897; 8° стр. XI+277).

Г. Кауфманъ хорошо извѣстенъ въ русской литературѣ, какъ изслѣдователь и знатокъ земельныхъ отношеній русскаго населенія Сибири. Въ своемъ трудѣ „Крестьянское землепользованіе и хозяйство въ Тобольской и Томской губ.“ авторъ представилъ ясную и отчетливую картину сибирской крестьянской общины и тѣхъ своеобразныхъ формъ, которыя отличаютъ ее отъ крестьянской общины въ Европейской Россіи (см. «Этногр. Обозр.» XX, 1894, № 1). Въ настоящемъ своемъ трудѣ онъ привлекаетъ къ изученію и матеріалы, собранные по губерніямъ восточной Сибири—Енисейской и Иркутской. Расширяя въ этомъ отношеніи свою задачу, авторъ съ другой стороны и суживаетъ ее: „Крестьянское землепользованіе“ имѣло цѣлью освѣтить вообще экономическій бытъ населенія Тобольской и Томской губ., „Крестьянская община“—стремится уяснить различныя формы, которыя принимаетъ общинное землевладѣніе въ разныхъ пунктахъ Сибири.

Условія жизни сибирскаго крестьянина далеко не одинаковы въ разныхъ мѣстностяхъ; не только при сравненіи условій западной Сибири съ восточной, но даже отдѣльныхъ географическихъ районовъ одной и той-же губерніи, изслѣдователь встрѣчается съ чрезвычайнымъ

Digitized by Google

разнообразіемъ: въ однихъ мѣстностяхъ количество земли слишкомъ велико сравнительно съ населеніемъ, въ другихъ—чувствуется нѣкоторое „утѣсненіе", въ третьихъ, наконецъ, это «утѣсненіе» сказывается уже съ значительной силой. Въ то время какъ въ нѣкоторыхъ частяхъ лѣсъ продолжаетъ быть еще врагомъ пахаря, причемъ послѣдній ведетъ съ нимъ непрестанную борьбу при расширеніи площади запашки,—въ другихъ мѣстностяхъ обезлѣсеніе страны даетъ себя уже чувствовать. Различіе условій приводитъ и къ различнымъ способамъ землепользованія и порождаетъ разнообразіе въ формахъ, которыя принимаетъ община и въ которыхъ проявляются взаимныя отношенія членовъ этой послѣдней. Въ Сибири одновременно можно встрѣтить и сохранившееся еще мѣстами вольное пользованіе землей, когда каждый крестьянинъ можетъ запахивать, косить, рубить любой участокъ, гдѣ ему это покажется удобнымъ; и душевой надѣлъ, съ опредѣленными передѣлами земли въ установленные сроки. Одновременно съ совершенно вольнымъ пользованіемъ лѣсомъ, разрѣшеніемъ его рубить не только на личныя нужды, но и на продажу, мы видимъ строгія лѣсоохранительныя правила, заповѣдные лѣса, отдачу лѣсныхъ участковъ въ личную собственность тѣмъ или инымъ однодеревенцамъ и пр.

Естественно, что между двумя крайними формами: вольнымъ пользованіемъ съ одной стороны и правильными передѣлами земли съ опредѣленіемъ душеваго надѣла— съ другой, существуетъ цѣлый рядъ типовъ промежуточныхъ. Весьма важной научной заслугой г. Кауфмана является изученіе какъ главныхъ, такъ и промежуточныхъ формъ землевладѣнія въ Сибири, талантливое объясненіе происхожденія одного типа изъ другого и установленіе такимъ образомъ причинной связи между различными формами: читатель получаетъ возможность прослѣдить исторію развитія общиннаго землевладѣнія отъ примитивныхъ типовъ до формъ, которыя мы встрѣчаемъ господствующими въ Европейской Россіи. Авторъ чрезвычайно детально останавливается на причинахъ, приводящихъ къ измѣненію старыхъ порядковъ, прослѣживаетъ ихъ подробно по мѣстностямъ и описываетъ совокупность способовъ, къ которымъ прибѣгаетъ населеніе для достиженія возможнаго равенства въ надѣлахъ отдѣльныхъ членовъ общины.

Работа г. Кауфмана по обилію сообщаемыхъ данныхъ, и научному освѣщенію этихъ послѣднихъ можетъ быть справедливо признанной выдающеюся по вопросу о крестьянской общинѣ въ Сибири: личныя наблюденія, равно и изслѣдованія о землепользованіи у сибирскихъ крестьянъ, предпринятыя за послѣдніе годы Министерствомъ Госуд. Имуществъ, дали автору богатый и цѣнный матеріалъ, который онъ сумѣлъ представить въ научномъ освѣщеніи. Значеніе труда г. Кауфмана однако не исчерпывается этимъ. Послѣдовательность формъ развитія общиннаго землевладѣнія, которую г. Кауфманъ намѣчаетъ для Сибири, освѣщаетъ многія стороны и сельской общины Европейской Россіи: то, что въ послѣдней получило уже окончательную, опредѣленную форму, что мы мѣстами встрѣчаемъ уже

Digitized by Google

въ состояніи упадка,—находится въ Сибири еще въ періодѣ сложенія. Исторію земельной общины наиболѣе плодотворно можно изучать въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ отошедшіе въ большинствѣ случаевъ въ прошлое виды землевладѣнія сохраняютъ еще жизненность, гдѣ еще происходитъ борьба съ новыми, вызываемыми различными факторами, условіями, гдѣ можно детально прослѣдить ихъ постепенное развитіе и видоизмѣненіе и отмѣтить причины, почему развитіе общинныхъ порядковъ, поскольку это касается землепользованія, приняло тотъ или иной характеръ. Въ этомъ отношеніи Сибирь представляетъ обширное поле для изслѣдованія, и данныя, добытыя въ этомъ направленіи, призваны въ значительной степени пролить свѣтъ на исторію земельной общины вообще. Далѣе, такъ какъ взгляды на права на землю стоятъ въ тѣснѣйшей связи съ представленіями о правѣ на недвижимую собственность вообще, то работа г. Кауфмана, рисуя различные виды землепользованія, освѣщаетъ нѣсколько интересныхъ сторонъ вопроса о возникновеніи и развитіи права собственности на недвижимость. Какъ таковая, «Крестьянская община“ получаетъ серьезное значеніе для исторіи нѣкоторыхъ нормъ первобытнаго права: не утрачивая интереса, который трудъ г. Кауфмана представляетъ въ качествѣ изслѣдованія *мѣстнаго*, она пріобрѣтаетъ и болѣе широкое научное значеніе, позволяетъ уяснить многіе темные вопросы исторіи земельныхъ отношеній и прослѣдить эволюцію общиннаго землевладѣнія въ его постепенномъ, т. ск. нормальномъ развитіи. Авторъ за свой капитальный трудъ вправѣ расчитывать на благодарное къ нему отношеніе не только со стороны лицъ, занимающихся изученіемъ быта крестьянскаго населенія Россіи, но и тѣхъ, которые ставятъ себѣ задачей освѣтить законы развитія нѣкоторыхъ нормъ первобытнаго права. Трудъ г. Кауфмана одновременно служитъ и лишнимъ доказательствомъ богатства нашей обширной родины этнографическимъ матеріаломъ и свидѣтельствуетъ о плодотворности научныхъ результатовъ, которые можетъ добыть изслѣдователь, приступающій къ нему съ серьезной подготовкой и съ научнымъ отношеніемъ къ своимъ задачамъ.

Н. Х.

И. И. Янжулъ: Отпускная торговля и нѣкоторыя мѣры для ея развитія. Торговые музеи, экспортные союзы и склады товарныхъ образцовъ. *(М. 1897, 8°, стр. XIII+367).* Мы весьма далеки отъ мысли подвергать разбору солидный трудъ И. И. Янжула: его работа, затрогивая и освѣщая цѣлую серію вопросовъ существенно важныхъ и глубоко интересныхъ для русской торговли, выходитъ за предѣлы сочиненій, которыя по своему содержанію могутъ быть разбираемы на страницахъ „Этнографическаго Обозрѣнія“. Между тѣмъ въ указанномъ трудѣ находится не мало свѣдѣній, которыя могутъ представить интересъ и этнографу: намъ кажется поэтому не лишнимъ познакомить читателей „Обозрѣнія“ съ нѣкоторыми изъ этихъ свѣдѣній, тѣмъ бо-

Digitized by Google

лѣе, что они, разсѣянныя въ книгѣ, трактующей о практическихъ вопросахъ торговли, могутъ легко остаться мало замѣченными этнографами.

Этнографія, какъ и всякая наука, преслѣдуетъ прежде всего теоретическіе интересы: вполнѣ однако естественно, что какъ матеріалы такъ и выводы науки могутъ, иногда даже вынуждены, служить общественнымъ задачамъ. Достаточно вспомнить значеніе изслѣдованія юридическихъ воззрѣній какъ русскаго, такъ и инородческаго населенія Россіи, чтобы вполнѣ оцѣнить важность практическихъ результатовъ, добываемыхъ изъ изученія, имѣющаго ближайшей цѣлью освѣщеніе лишь теоретическихъ вопросовъ. И. И. Янжулъ неоднократно останавливается на значеніи этнографіи для практическихъ, торговыхъ цѣлей и сообщаетъ цѣлый рядъ данныхъ о практическомъ примѣненіи этнографическихъ свѣдѣній въ зап. Европѣ: эти данныя, равно и взгляды автора на этотъ вопросъ, не могутъ быть безразличными для этнографа, въ особенности въ странѣ, которая, какъ Россія, представляетъ рѣдкую по богатству этнографическаго матеріала, обширную и разнообразную область.

Развитіе колоній, необходимость обезпечить рынки для сбыта товаровъ привело, при возрастающемъ ростѣ обрабатывающей промышленности, къ устройству въ разныхъ городахъ зап. Европы торговыхъ и промышленныхъ музеевъ, экспортныхъ обществъ, складовъ товарныхъ образцовъ и т. п.

Всѣ эти учрежденія преслѣдуютъ цѣли *поученія для практическихъ цѣлей:* ихъ задача распространить свѣдѣнія между заинтересованными лицами, „какъ наилучше и легче продать данные товары и какимъ для того условіямъ они должны удовлетворять, т. е. какъ извѣстный товаръ долженъ быть сдѣланъ, упакованъ, отправленъ, какъ наилучшимъ образомъ должна быть организована сама торговая сдѣлка и вообще какъ долженъ совершиться весь торговый оборотъ". Само устройство упомянутыхъ учрежденій представляетъ значительное разнообразіе, и акад. Янжулъ весьма подробно рисуетъ не только различные типы ихъ, результаты, достигнутые ими для развитія торговли, но дѣлаетъ и критическую оцѣнку разныхъ типовъ этихъ учрежденій. Отсылая желающихъ познакомиться съ характеромъ этихъ послѣднихъ къ цѣнному труду И. И. Янжула, мы ограничимся замѣчаніемъ, что при развитіи торговли, въ особенности съ некультурными странами, основаніемъ успѣха служитъ точное знакомство съ вкусомъ народа. „Вообще въ экспортной торговлѣ, пишетъ авторъ, ни одно обстоятельство относительно товара, если оно не совпадаетъ съ мѣстными вкусами и условіями, не можетъ считаться мелкимъ и ничтожнымъ и. наоборотъ, пустая мелочь часто ведетъ за собой остановку сбыта или предпочтеніе конкурента". Примѣры, подтверждающіе это положеніе, будутъ изложены нами ниже. Очевидно, что для ознакомленія со вкусомъ народа, съ его потребностями, необхо-

Digitized by Google

димо быть хорошо знакомымъ съ его матеріальной культурой. Вотъ почему во многихъ промышленныхъ музеяхъ Запада, въ складахъ товарныхъ образцовъ отводится видное мѣсто и этнографическимъ коллекціямъ. Съ другой стороны ознакомленіе туземныхъ производителей съ иностранными, художественными образцами, имѣетъ результатомъ поднятіе и общаго развитія художественнаго творчества страны, приводитъ къ разнообразію и богатству мотивовъ: практическія цѣли т. обр. идутъ рука объ руку съ культурными.

Таково значеніе напр. Вѣнскаго торговаго музея (K. K. Oester. Handelsmuseum), развившагося изъ Восточнаго Музея, который получилъ въ свою очередь начало благодаря восточному отдѣлу на вѣнской всемірной выставкѣ 1873 г. Г. Швегель, устроитель этого послѣдняго, замѣчаетъ, что выставка „проложила дорогу убѣжденію, что въ богатыхъ сокровищахъ, собранныхъ со всего Востока и присланныхъ въ Вѣну, заключается неисчерпаемый родникъ знанія и изученія, исходный пунктъ, чтобы завязать торговыя отношенія во всѣхъ направленіяхъ". Съ 1886 г. „Восточный музей", переименованный въ „Торговый музей", въ значительной степени расширилъ свою дѣятельность. Этнографія представлена въ немъ прежде всего коллекціями бывшаго „Восточнаго музея", именно предметовъ восточныхъ товаровъ художественно-промышленнаго значенія, далѣе коллекціями, составленными соотвѣтственно съ расширеніемъ задачъ музея, и представляющими м. пр. художественно-промышленные предметы Востока и Азіи. Библіотека, собраніе географическихъ картъ, чтенія и наконецъ выставки, устраиваемыя въ разныхъ городахъ, содѣйствуютъ одновременно развитію торговыхъ сношеній и знакомству съ этнографическими особенностями того или другого племени. Путемъ устройства выставокъ музей распространяетъ или совершенствуетъ нѣкоторыя производства: такъ напр. въ Карлсбадѣ и Теплицѣ, гдѣ процвѣтаетъ фарфоровое производство, музеемъ были устроены выставки современной французской и англійской посуды, китайскаго и японскаго фарфора вмѣстѣ съ богатой коллекціей японскихъ рисунковъ и орнаментовъ, что, по словамъ акад. Янжула, оказалось не безъ практическаго вліянія на мѣстное производство. Такимъ образомъ вѣнскій торговый музей коллекціями старинныхъ персидскихъ ковровъ или лакированныхъ издѣлій китайцевъ удовлетворяетъ первому успѣху всякой торговли— именно ознакомленію съ вкусомъ покупателя, даетъ свѣдѣнія, какъ нужно дѣлать предназначенныя для разныхъ народностей издѣлія, какихъ рисунковъ и сочетаній цвѣтовъ надо держаться и пр.; съ другой стороны музей устройствомъ выставокъ вліяетъ на характеръ мѣстнаго производства: Въ Будвейсѣ напр. автору „пришлось видѣть выставку рисунковъ мѣстныхъ техническихъ или ремесленныхъ школъ и м. пр. раскрашенное подражаніе матеріямъ въ восточномъ вкусѣ подъ очевиднымъ вліяніемъ указанныхъ выставокъ и коллекцій Вѣнскаго музея". Необходимость слѣдить за измѣняющимся вкусомъ и модой заставляетъ

Digitized by Google

дополнять и расширять коллекціи: такимъ образомъ знакомство съ этнографіей приводитъ къ развитію промышленности, а эта послѣдняя требуетъ накопленія новаго этнографическаго матеріала, могущаго служить не только практическимъ, но и чисто научнымъ цѣлямъ. Вѣнскій музей тратитъ не мало средствъ на изданіе трудовъ, значеніе которыхъ важно и въ чисто научномъ отношеніи. Такъ напр. изданіе «Orientalische Teppiche»—альбомъ восточныхъ ковровъ, съ описательнымъ текстомъ, далѣе болѣе доступное по цѣнѣ изданіе того-же труда „Teppich-Erzeugung im Orient», наконецъ „Türkische, arabische persische, centralasiatische und indische Metallobjecte“ и пр., представляя выдающійся интересъ для практика, являются одновременно и неоцѣненными для этнографа, какъ матеріалъ для изученія орнамента, народнаго вкуса и производства указанныхъ народностей.

Какъ-бы ни были устроены торгово-промышленные музеи въ другихъ городахъ зап. Европы, отдѣлъ этнографическихъ коллекцій играетъ во многихъ изъ нихъ бо́льшую или меньшую роль, такъ какъ необходимость завоевывать рынки среди некультурныхъ странъ привела къ сознанію, что лишь точное изученіе страны можетъ регулировать мѣстную промышленность и обезпечивать сбытъ произведеніямъ этой послѣдней. Этимъ-же цѣлямъ служатъ и склады товарныхъ образцовъ: нѣкоторые изъ нихъ развиваются въ грандіозныя учрежденія, въ которыхъ этнографъ найдетъ не мало цѣнныхъ этнографическихъ коллекцій. „При осмотрѣ одного склада образцовъ такихъ издѣлій въ Гамбургѣ я видѣлъ, напримѣръ, пишетъ И. И. Янжулъ, десятки сортовъ не только карманныхъ ножей, различающихся по своей формѣ и виду для разныхъ полудикихъ племенъ и народовъ, но разныхъ видовъ шпоръ и стремянъ и различнѣйшіе косари, напр. для рубки сахарнаго тростника: для одной страны (гдѣ тростникъ отличается особой крѣпостью)—косарь острый какъ ножъ, для другой страны — косарь съ широкимъ лезвіемъ, для третьей — съ узкимъ и длиннымъ; однимъ словомъ, для выдѣлки даже такихъ, повидимому, простыхъ предметовъ, заключаетъ авторъ, требуются различныя этнографическія и географическія познанія разныхъ племенъ и народовъ съ ихъ произведеніями и природой“.

Для практическихъ цѣлей играетъ роль знаніе не только матеріальной культуры, но и т. н. духовной культуры народности. Авторъ приводитъ нѣсколько интересныхъ примѣровъ, когда сбытъ товара останавливался, благодаря недостаточному знанію нѣкоторыхъ суевѣрій, предразсудковъ, мелочей быта. Черный и зеленый цвѣтъ, напр., означаетъ, по воззрѣніямъ китайцевъ, несчастіе, и большая партія англійскихъ иголокъ однажды совершенно осталась нераспроданной, потому что завернута была въ черную бумагу; то-же самое, продолжаетъ И. И. Янжулъ, случилось съ однимъ календаремъ на китайскомъ языкѣ вмѣстѣ съ анонсами, напечатанномъ одной предпріимчивой фирмой для Китая на зеленой бумагѣ. Партія лошадиныхъ подковъ съ клеймомъ

Digitized by Google

европейской фирмы, изображающимъ подкованнаго дракона, была, по словамъ автора, возвращена изъ Китая назадъ, такъ какъ драконъ стоитъ на національномъ гербѣ китайцевъ, и они не могли допустить мысли, чтобы лошади топтали національный гербъ.

Размѣры замѣтки не позволяютъ намъ останавливаться дольше на другихъ интересныхъ данныхъ, сообщаемыхъ въ трудѣ акад. Янжула, по занимающему насъ вопросу. Изъ свѣдѣній, приводимыхъ авторомъ, съ наглядностью вытекаютъ слѣдующія положенія: 1) что знаніе этнографическихъ особенностей некультурныхъ племенъ имѣетъ весьма существенное значеніе для развитія торговли страны и 2) что на Западѣ сумѣли широко примѣнить къ практическимъ нуждамъ этнографическія свѣдѣнія и, пользуясь этимъ могучимъ орудіемъ, завоевать новые рынки для своего производства. „Безъ знанія этнографіи, пишетъ почтенный изслѣдователь, нельзя быть освѣдомленнымъ относительно костюмовъ, утвари, обычаевъ, предразсудковъ и пр. полукультурныхъ народовъ, а безъ этого условія... нельзя и успѣшно съ ними торговать". Въ числѣ мѣръ, которыя призваны были-бы обезпечить сбытъ русскимъ товарамъ и дать имъ возможность съ успѣхомъ конкурировать съ иностранными, авторъ указываетъ и на необходимость устройства въ Россіи Восточнаго торговаго музея; въ видахъ основанія послѣдняго, замѣчаетъ И. И. Янжулъ, является у насъ чрезвычайно важнымъ поощреніе къ изученію этнографіи (особенно Востока) въ нашемъ отечествѣ, такъ какъ „знакомство съ этнографіей имѣетъ несомнѣнно большой практическій интересъ и значеніе для развитія экспортной торговли".

Если практическое примѣненіе этнографическихъ свѣдѣній имѣетъ важное значеніе для развитія торговли страны, а этимъ и на экономическій бытъ послѣдней, то и наоборотъ устройство для практическихъ цѣлей складовъ образцовъ, музеевъ и пр. имѣетъ немаловажное значеніе и для науки этнографіи: собираемыя для спеціальныхъ цѣлей коллекціи, назначенныя представить всесторонне бытъ населенія извѣстной мѣстности, должны послужить и чисто научнымъ интересамъ. Съ тѣхъ поръ какъ этнографическіе музеи перестали играть роль собраній т. н. казовыхъ предметовъ, кабинетовъ рѣдкостей и оригинальныхъ на взглядъ европейца издѣлій, значеніе ихъ для науки выясняется все съ большей наглядностью. Достаточно вспомнить серьезныя работы, вызванныя изученіемъ этнографическихъ коллекцій Лондонскаго, Берлинскаго и др. музеевъ. О научныхъ изданіяхъ Вѣнскаго торговаго музея мы упоминали выше. Такимъ образомъ собраніе научныхъ матеріаловъ идетъ рука объ руку съ собраніемъ коллекцій, имѣющихъ практическія цѣли, и задачи науки и практики осуществляются въ этомъ отношеніи однимъ и тѣмъ-же путемъ.

Вслѣдствіе вышесказаннаго нельзя не присоединиться къ пожеланію объ устройствѣ въ Россіи музея, который могъ-бы удовлетворять одновременно и практическимъ и научнымъ цѣлямъ.

Digitized by Google

По какой-бы системѣ ни былъ устроенъ подобный торговый музей (или музеи) онъ въ виду практическихъ соображеній будетъ посвященъ преимущественно Востоку: «Азія, по замѣчанію акад. Янжула, нашъ легчайшій для завладѣнія рынокъ, на которомъ наши произведенія давно извѣстны и пользуются даже почетомъ и иногда предпочтеніемъ передъ другими европейскими фабрикатами». Не слѣдуетъ однако забывать, что Россія имѣетъ и обширный внутренній рынокъ, въ лицѣ многочисленныхъ инородческихъ племенъ, для поднятія торговли съ которыми не менѣе важно знать мелочи ихъ быта. Правда, что на внутреннемъ рынкѣ Россіи не предстоитъ выдерживать въ той мѣрѣ конкуренціи съ иностранными товарами, какъ это имѣетъ мѣсто при экспортной торговлѣ: но такъ какъ цѣлью торговыхъ музеевъ и др. учрежденій, о которыхъ мы говорили, является не только борьба съ иностранными конкурентами, но и развитіе промышленности и торговли вообще, то нельзя не желать введенія отдѣла инородческаго быта среди этнографической коллекціи такого музея.

Н. Х.

Русскія народныя пѣсни, собранныя Н. А. Львовымъ. *Напѣвы записалъ и гармонизовалъ* **Иванъ Прачъ.** Изданіе А. С. Суворина. Спб. (1896).

Читатель можетъ подумать, что передъ нами новый сборникъ народныхъ пѣсенъ съ напѣвами: до сихъ поръ никто не слыхалъ о собирателѣ пѣсенъ Н. А. Львовѣ. Но этому сборнику исполнилось уже столѣтіе, и онъ давно пользуется большою и заслуженною извѣстностью—подъ именемъ пѣсенника *Прача*. Г. Пальчиковъ, приготовившій его къ новому изданію, преувеличилъ роль Львова и уменьшилъ роль Прача. Правда, первое изданіе, 1790 года, появилось въ свѣтъ съ такимъ названіемъ: «Собраніе русскихъ народныхъ пѣсенъ съ ихъ голосами. На музыку положилъ Иванъ Прачъ», но изъ этого еще не слѣдуетъ, что сборникъ былъ составленъ Львовымъ и Прачу принадлежитъ лишь музыка. Порядочная часть текстовъ перваго изданія или тожественны, или болѣе или менѣе близки съ текстами общедоступнаго въ то время чулковско-новиковскаго пѣсѣнника (данныя см. въ I—III томахъ нашихъ «Великорусскихъ народныхъ пѣсенъ»); изъ остальной части нѣкоторыя несомнѣнно взяты изъ ходившихъ въ XVIII вѣкѣ въ большомъ числѣ рукописныхъ сборниковъ (онѣ находятся въ вышедшемъ почти одновременно съ пѣсенникомъ Прача пѣсенникѣ Трутовскаго, 1791 года). Львовъ могъ занимать лишь очень немного №№. Далѣе: первое изданіе пѣсенника Прача, 1790 года, единственное вышедшее въ свѣтъ при жизни Львова, состоитъ изъ 100 №№; второе же, 1806 года, принадлежащее вполнѣ Прачу, состоитъ уже изъ 150. Если Прачъ могъ составитъ дополненіе въ 50 №№, очевидно, онъ могъ потрудиться въ той или другой степени и надъ составленіемъ основной части пѣсен-

Digitized by Google

ника. По нашему мнѣнію, изъ свидѣтельствъ митрополита Евгенія и Державина, на которыя ссылается г. Пальчиковъ, можно вывести лишь то заключеніе, что Львовъ принималъ значительное участіе въ приготовленіи къ печати сборника, написалъ къ нему предисловіе и былъ издателемъ перваго его изданія.

Несогласіе наше съ г. Пальчиковымъ относительно роли Львова не мѣшаетъ намъ признать новую книгу цѣнною. Прекрасная великорусская пѣсня, съ ея поэтическимъ содержаніемъ и великолѣпною музыкою, совершенно забыта нашимъ образованнымъ обществомъ, и ея мѣсто занято романсами и отрывками изъ оперетокъ сомнительнаго достоинства. Пора заступиться за родную пѣсню и позаботиться о возстановленіи ея правъ, хотя бы въ той степени, въ какой она ими пользовалась въ концѣ XVIII вѣка и въ первой четверти текущаго столѣтія. Правда, гармонизація пѣсенъ у Прача неудачна, но все таки на основаніи ея всякій музыкантъ, знакомый съ нашей народной музыкой, можетъ составить себѣ достаточное понятіе объ ихъ напѣвахъ.

Было бы желательно, чтобъ г. Пальчиковъ переиздалъ также другую рѣдкость—пѣсенникъ Трутовскаго 1791 года [1]).

А. Соболевскій.

Баронъ А. А. Дельвигъ. *Его жизнь и литературная дѣятельность.* Матеріалы для исторіи Пушкинскаго періода. **В. С. Рыбинскаго.** (Изъ Филологическихъ Записокъ за 1896 г., вып. I и III).

«Въ Харьковѣ, на вечерѣ у С. А. С—го», писалъ Максимовичъ Гаевскому: «Дельвигъ подошелъ ко мнѣ, *какъ къ издателю малороссійскихъ пѣсенъ*, и мы съ часъ пробесѣдовали о народныхъ русскихъ пѣсняхъ; *которыхъ онъ въ ту пору былъ, безъ сомнѣнія, однимъ изъ первыхъ знатоковъ*». — Отзывъ, положимъ, страдаетъ преувеличеніемъ, но характеренъ, какъ цѣнное свидѣтельство несомнѣннаго интереса Дельвига къ русской народной пѣснѣ, и съ этой послѣдней точки зрѣнія произведенія Дельвига имѣютъ извѣстное мѣсто въ исторіи русской этнографіи.

Касаясь въ своемъ очеркѣ литературной дѣятельности Дельвига, отношенія этого поэта къ народному языку и поэзіи, г. Рыбинскій замѣчаетъ: «собиралъ ли Дельвигъ самъ народныя пѣсни, врядъ ли можно сказать утвердительно, зная его лѣность. По словамъ Сахарова, Пушкинъ передалъ свое собраніе псковскихъ пѣсенъ Дельвигу. Кромѣ того, Дельвигъ могъ изучать пѣсни по многочисленнымъ сбор-

---

[1]) Но при этомъ желательно было бы также, чтобы издатели исправляли грубо испорченныя и легко поддающіяся исправленію мѣста, указывая, пожалуй, въ выноскахъ чтеніе подлинника, и не перепечатывали бы явной безсмыслицы, какую мы во многихъ пѣсняхъ видимъ, напр., въ малорусскихъ текстахъ переизданнаго сборника Прача. *Ред.*

Digitized by Google

никамъ, вышедшимъ до него и выходившимъ при его жизни. На одинъ, изъ подобныхъ сборниковъ помѣщена рецензія въ Литературной Газетѣ». Указанными здѣсь печатными сборниками г. Рыбинскій, къ сожалѣнію, не могъ воспользоваться, въ виду ихъ нынѣшней библіографической рѣдкости, а между тѣмъ къ нимъ то, судя по недостатку въ пѣсняхъ Дельвига непосредственной свѣжести народнаго колорита и по самому характеру дѣятельности нашего поэта, должно въ весьма значительной степени восходить знакомство его съ русской народной поэзіей. Если же мы припомнимъ, что въ Пѣсенникахъ XVIII вѣка, особенно у Чулкова и Новикова, пѣсни далеко ужъ не такъ искажались, какъ утверждалъ Сахаровъ, и что многія изъ нихъ совпадаютъ съ записанными позднѣе, то книжное происхожденіе народно-поэтическихъ элементовъ въ пѣсняхъ Дельвига не будетъ еще исключать народность этихъ элементовъ. Впрочемъ, возможно, что «нѣкоторыя пѣсни Дельвига написаны подъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ народныхъ» (Рыбинскій). И г. Рыбинскій дѣлаетъ нѣсколько сближеній между пѣснями Дельвига и народными, преимущественно псковскими, какъ наиболѣе знакомыми Дельвигу, причемъ заключаетъ, «что Дельвигъ стремился воспроизвести формальную сторону народныхъ пѣсенъ, и это ему удалось»,— однако, только до извѣстной степени, какъ то ограничиваетъ далѣе самъ авторъ. Въ этомъ отношеніи интересно было бы сопоставить Дельвига и Цыганова, пѣсни котораго по формѣ даже болѣе народны, чѣмъ Кольцовскія; замѣчательную особенность пѣсенъ Цыганова составляютъ параллелизмы, въ родѣ:

Не *кукушечка* во *сыромъ* бору
Жалобнехонько
Вскуковала:
А молодушка въ *свѣтломъ* терему
Тяжелехонько
Простонала;
Не *ясенъ соколъ по поднебесью*
За лебедками
Залетался... и т. д. (по изд. Суворина № III).

При этомъ сравненія у Цыганова, какъ и въ народныхъ пѣсняхъ, въ большинствѣ случаевъ отрицательны. У Дельвига они и рѣже и искусственнѣе; болѣе выгодно выдѣляется пѣсня:

Пѣла, пѣла пташечка—
И затихла;
Знало сердце радости—
И забыло... (№ LXXXIII по изд. подъ р. В. В. Майкова). Ср. №№ CIII, LV, LIII.

Сдѣлаемъ еще сравненіе:

Ахъ, ты, ночь же, ночка,—	Ахъ, ты, ночка, моя, ноченька,	Ахъ, ты ночь ли, Ноченька!
Ночка темная, Осенняя долгая...(*Нар. пѣсня*, см. Рыбинскаго. III, 71).	Ночка темная, осенняя... (*Цыганов* XXXIII)	Ахъ, ты ночь ли Бурная!.. (*Дельвигъ*, LV).

Digitized by Google

Въ основу одного изъ запѣвовъ Дельвигъ положилъ извѣстный образъ прилетающихъ птицъ-вѣщуній, но и здѣсь не обошлось безъ сахарной водицы:

Какъ у насъ ли на кровелькѣ,
Какъ у насъ ли на крашеной
Собиралися пташечки,
Мелки пташечки ласточки;
Щебетали, чиликали...
(*Дельвигъ*, № CXX).

Удачнѣе у Дельвига запѣвы—обращенія:

Голова-ль моя головушка,
Голова-ли молодецкая... (LXX).
Ср.—Государь ты мой, батюшка,
Государыня матушка! (CXX).

Изъ области народной символики, кромѣ общеизвѣстныхъ кольца и вѣночка, укажемъ въ №. XCI потускнѣвшій жемчугъ—символъ печали, въ № CII—нѣкоторое соотвѣтствіе распространеннымъ въ народной поэзіи превращеніямъ:

Во всей красѣ на берегѣ
Растетъ-цвѣтетъ шиповничекъ:
Въ шиповничкѣ—душа мол:
Тоска—шипы, любовь—цвѣты,
Изъ слезъ моихъ—роса на нихъ.

Въ области отдѣльныхъ выраженій у Дельвига мы не найдемъ столькихъ чисто народныхъ выраженій, какъ у Цыганова: безъ поры, безъ времени; по уму, по разуму; тоска-кручина; родъ-племя; косящето окошечко; рѣзвы ноженьки; чисто поле и др...; но все же и у него можно указать: думу думаешь; мелки пташечки; сине море; безродный молодецъ; русы кудри и др...

«Что касается внутренней стороны пѣсенъ Дельвига, ихъ содержанія, то она почти совершенно расходится съ народными пѣснями. Дельвигу не удалось воспроизвести народное міросозерцаніе. Какъ въ идилліяхъ, такъ и въ пѣсняхъ замѣчается большая доза сентиментальности и романтической меланхоліи». Эти слова г. Рыбинскаго прекрасно иллюстрируются сдѣланнымъ авторомъ сопоставленіемъ «Ноченьки» Дельвига съ народною пѣснею, записанною въ Псковской губерніи Семевскимъ.

А. Лобода.

Труды Московскаго Предварительнаго Комитета X Археологическаго Съѣзда въ г. Ригѣ. II (*Подъ ред. гр. Уваровой*. М. 1896. 4°, стр. 283). Состоявшійся въ августѣ 1896 г. Археологическій Съѣздъ въ Ригѣ имѣлъ одной изъ своихъ задачъ выяснить археологическіе и историческіе матеріалы, хранящіеся въ районѣ Балтійскихъ губ. *) Недавно вышедшій II вып. Трудовъ Предварительнаго Комитета заключаетъ главнымъ образомъ работы, имѣющія цѣлью отмѣтить, что можетъ надѣяться встрѣтить изслѣдователь по вопросамъ археологіи и исторіи

*) 1-й вып. Трудовъ Предвар. Комитета заключалъ слѣдующія статьи: 1) *А. и Н. Харузиныхъ*: Матеріалы для изученія древностей Эстляндской губ., 2) *И. Василева*: Современное положеніе архива упраздненнаго Рижскаго ген.-губернаторства. 3) *Я. Лудмера*: Герцогскій архивъ въ Митавѣ.

Digitized by Google

въ мѣстностяхъ архива статьи *Гансена*: Свѣдѣнія о Ревельскомъ городскомъ архивѣ, *бар. Жирарь фонъ-Сукантока*: Свѣдѣнія объ архивѣ Ревельской Большой Гильдіи и *Флореля*: Свѣдѣнія объ архивѣ Черноголовыхъ въ Ревелѣ сообщаютъ общія данныя о документахъ хранящихся въ указанныхъ архивахъ. Болѣе подробную въ этомъ направленіи работу представляетъ переводъ съ нѣмец. текста Шимана: Систематическая роспись актамъ и документамъ Курляндскаго Герцогскаго архива въ Митавѣ, *г. Военскаго*, которому принадлежитъ и статья «Курляндія и ея прошлое». Отчетамъ объ Археологическихъ раскопкахъ посвящены статьи: *В. И. Сизова*, *бар. Р. Штакельберга и С. К. Богоявленскаго*, *Ѳ. В. Покровскаго и г. Ховена*. Наибольшій по объему матеріалъ представляютъ «Выборки изъ свѣдѣній, доставленныхъ православнымъ духовенствомъ» (стр. 39—210). Кромѣ историческихъ и археологическихъ свѣдѣній, собранныхъ по приходамъ, сообщаются попутно не лишенныя интереса данныя о разселеніи русскихъ въ разное время въ краѣ, мѣстныя преданія и легенды, суевѣрія и слѣды язычества у латышей и эстовъ (празднованіе Иванова дня, остатки языч. жертвоприношеній, погребальные обряды и пр.).

N.

Ежегодникъ Тобольскаго Губ. Музея. V. *(Тобольскъ, 1895—1896)*. Намъ приходилось неоднократно упоминать объ интересныхъ этнографическихъ работахъ, помѣщаемыхъ въ «Ежегодникахъ Тобольскаго Музея»: для изученія этнографіи края кружокъ лицъ, интересующихся бытомъ населенія Тобольской губ., объединяемый Музеемъ, сдѣлалъ уже не мало, вслѣдствіе чего прежде чѣмъ перейти къ разсмотрѣнію матеріаловъ, находящихся въ 5-мъ выпускѣ, нельзя лишній разъ не пожелать полнаго успѣха дѣятельности кружка. Въ указанномъ выпускѣ «Ежегодника» привлекаютъ прежде всего вниманіе слѣдующія статьи: *И. П. Рослякова*: Похоронные обряды остяковъ и *В. В. Бартенева*: Понятія обдорскихъ остяковъ о грѣхѣ.

Г. Росляковъ начинаетъ свою работу съ очерка вѣрованій остяковъ въ загробную жизнь. Какъ ни туманны на этотъ счетъ представленія остяковъ, въ ихъ вѣрованіяхъ по этому предмету можно намѣтить нѣсколько интересныхъ чертъ. Душа, переселившись въ загробный міръ, начинаетъ снова свою земную жизнь: сначала маленькая, она постепенно растетъ, становится хозяиномъ имущества по мѣрѣ умиранія принадлежавшихъ человѣку при жизни домашнихъ животныхъ, слугъ и пр.; наконецъ душа умираетъ; послѣ второй смерти душа, по мнѣнію однихъ, уничтожается окончательно, по мнѣнію другихъ—она снова возрождается въ этой жизни, и наконецъ третьи заставляютъ ее переселиться въ жужелицу (водное насѣкомое изъ т. н. водолюбовъ), вслѣдствіе чего убивать жужелицъ считается у остяковъ грѣхомъ. Переходя затѣмъ къ похоронныхъ обрядамъ

Digitized by Google

авторъ описываетъ устройство гроба (изъ лодки), жертвоприношенія покойнику и само погребеніе; интересно, что при положеніи разныхъ предметовъ покойнику въ гробъ или у могилы, предметы должны быть искусственно испорчены. Авторъ не даетъ объясненія этому обычаю; его, на нашъ взглядъ, слѣдуетъ объяснить искусственнымъ, если такъ можно выразиться, умерщвленіемъ неодушевленнаго предмета: олени, собаки подвергаются удушенію на могилѣ, такъ какъ они только по смерти могутъ перейти вслѣдъ за хозяиномъ въ загробный міръ; неодушевленные предметы для этой же цѣли должны быть испорчены: у звѣриныхъ шкуръ отрѣзывается кусокъ, у монетъ дѣлается отверстіе, у одежды вырѣзаютъ небольшой лоскутъ, у нарты выламывается нѣсколько копыльевъ и пр. Очевидно, что здѣсь мы имѣемъ дѣло со слѣдами первобытнаго анимизма, съ вѣрованіемъ, что и неодушевленный предметъ имѣетъ свою жизнь, которую можно уничтожить порчей его. Интересенъ обрядъ вопрошанія покойника о причинахъ смерти, которая, по мнѣнію остяковъ, происходитъ главнымъ образомъ отъ слѣдующихъ причинъ: 1) человѣкъ умираетъ по собственному желанію, если онъ недоволенъ кѣмъ нибудь изъ окружающихъ (женой, дѣтьми) или своей жизнью вообще, 2) смерть происходитъ отъ дѣйствій шамановъ, которые могутъ насылать смерть на людей, 3) смерть – наказаніе высшихъ существъ за грѣхи человѣка и 4) человѣкъ умираетъ вслѣдствіе инфекціонныхъ болѣзней, насылаемыхъ на людей за ихъ грѣхи. Остяки продолжаютъ приготовлять куклу,—изображеніе умершаго, которая, маленькая вначалѣ, постепенно увеличивается въ размѣрахъ по мѣрѣ предполагаемаго роста души въ загробномъ мірѣ. Въ небольшой замѣткѣ авторъ, какъ видно изъ краткаго изложенія, сумѣлъ дать богатый и цѣнный матеріалъ по вопросу о вѣрованіяхъ остяковъ. Г. *Бартеневъ* отмѣчаетъ различія въ представленіяхъ остяковъ сравнительно съ общепринятымъ представленіемъ о грѣхѣ: этотъ послѣдній, по ихъ взгляду, заключается почти исключительно въ обидахъ, наносимыхъ богамъ; обиды же людямъ (убійство, кражи и пр.) за грѣхъ не считаются. Проф. Казанскаго университета *Н. Ѳ. Катановъ* помѣстилъ переводъ, снабженный примѣчаніями, интересныхъ «Преданій Тобольскихъ татаръ о Кучумѣ и Ермакѣ» изъ извѣстнаго сборника В. Радлова. Въ приложеніяхъ къ «Ежегоднику» помѣщены м. пр. отчеты о трудахъ Тобольскаго Комитета по устройству сельско-хозяйственной выставки въ Курганѣ въ 1895 г. и по устройству Нижегородской выставки 1896, равно и опись предметовъ представленныхъ изъ Тобольской губ. на Всероссійскую сельско-хозяйственную выставку въ Москвѣ и на Нижегородскую выставку. Кромѣ того, въ «Ежегодникѣ» помѣщены оффиціальные отчеты о дѣятельности Музея и нѣкоторыя статьи, не имѣющія отношенія къ этнографіи.

Изслѣдователи, живущіе въ Тобольской губ., поставлены въ томъ отношеніи въ благопріятныя условія, что они т. ск. окружены жи-

Digitized by Google

вымъ и разнообразнымъ этнографическимъ матеріаломъ; передъ ними такимъ образомъ выростаетъ обязанность прежде другихъ позаботиться о собраніи этого матеріала и о сохраненіи его для науки, и это тѣмъ болѣе, что самобытныя черты жизни какъ русскаго, такъ и инородческаго населенія, постепенно уничтожаются. «Ежегодники» доказываютъ, что среди разнообразныхъ цѣлей Музея, этнографія не играетъ послѣдней роли; намъ остается только пожелать, чтобы количество работниковъ на полѣ изслѣдованія чертъ мѣстнаго быта возрастало и чтобы возрастало соотвѣтственно съ этимъ и число этнографическихъ работъ о разнохарактерномъ и стоящемъ на столь различныхъ ступеняхъ культуры населеніи Тобольской губерніи.

Н. Х.

Е. Балобанова. — Легенды о старинныхъ замкахъ Бретани СПБ. 1896.

Во время своихъ странствій по Бретани г-жа Балобанова записала нѣсколько легендъ о замкахъ и предлагаетъ теперь ихъ, въ нѣсколько измѣненномъ видѣ, вниманію любителей народной поэзіи. Она сама оговаривается, что не можетъ ручаться въ научномъ отношеніи за достовѣрность собраннаго ею матеріала и не желаетъ придавать своей работѣ никакого научнаго значенія.

Такимъ образомъ единственная цѣль г. Балобановой—познакомить своихъ читателей съ своеобразнымъ духомъ бретанской легенды; tacito consensu предполагается, что вездѣ этотъ духъ схваченъ и переданъ вѣрно...

До сихъ поръ предполагаютъ, что «безусловная, ни въ чемъ не сомнѣвающаяся вѣра и глубокое примиреніе съ неизбѣжнымъ — вотъ суть бретонской души, которая умѣла слиться и сжиться съ природою, ожививъ ее смертью». (Слова г. Ольденбурга). Признавая это отчасти, г. Балобанова выдвигаетъ другую идею : «не смерть въ нихъ царитъ, а кипитъ жизнь, все побѣждающая новая жизнь»; «новая жизнь разовьется въ этомъ царствѣ смерти, хотя намъ и не суждено уже ее видѣть».

Оставимъ эту оговорку на отвѣтственности г. Балобановой, разъ она сама открещивается отъ научнаго значенія своего труда. Его можно рекомендовать, какъ прекрасную книгу для чтенія—и взрослымъ, и юнымъ читателямъ. Отъ большинства легендъ вѣетъ свѣжестью, непосредственностью, задушевностью, неуловимымъ, тонкимъ ароматомъ народнаго сказанія. Мы не знаемъ оригиналовъ г. Балобановой, однако убѣждены, что духъ большинства легендъ схваченъ и переданъ вѣрно: кому пришлось прочесть хоть нѣсколько сборниковъ народно-поэтическихъ произведеній, тому легко будетъ уловить всякій фальшивый звукъ... Ихъ въ книгѣ такъ мало, что можно о нихъ и забыть.

В. Каллашъ.

Digitized by Google

A. Balladoro. Folk-lore Veronese. Proverbi. (Verona, 1896, pp. 176).

Сборникъ Балладоро — очень не великъ по объему: онъ заключаетъ всего около 1500 изреченій. По количеству онъ много уступаетъ извѣстному собранію Питрѣ (Proverbi Siciliani raccolti e conprontati con quelli degli altri dialetti d'Italia da Giuseppe Pitrè. 4 voll. Palermo. 1880—около 13000 пословицъ), а также спеціально венеціанскому сборнику Пасквалиго (Raccolta di proverbi Veneti fatta da Cristoforo Pasqualigo. 3 voll. Venezia. 1857—около 4000 пословицъ. Третье изданіе — Treviso, 1882).

Избытка, конечно, нельзя и ожидать отъ сборника, ограниченнаго предѣлами одной области, какъ въ данномъ случаѣ. Ближайшее ознакомленіе съ содержаніемъ сборника еще болѣе урѣжетъ общее количество собственно веронскихъ пословицъ. Дѣло въ томъ, что иная пословица не можетъ быть отнесена на счетъ какой-либо одной мѣстности, такъ какъ она употребляется безразлично и во многихъ другихъ областяхъ, не говоря уже о т. н. международной пословицѣ. Повидимому, собиратель веронскаго фольклора ясно сознавалъ это послѣднее обстоятельство. Такъ, онъ пытается по возможности точно обозначать мѣстность, откуда заимствована пословица, опредѣляя въ нѣкоторыхъ случаяхъ точнѣе части провинціи; [1]) впрочемъ указанія этого рода имѣются развѣ только для меньшей половины изреченій сборника. Объясняется это именно тѣмъ, что въ числѣ веронскихъ обращается значительная часть общераспространенныхъ пословицъ, съ разъ навсегда отлившейся формой (p. 13). Не мало встрѣчаемъ и международныхъ. Напр.: La volpe perde 'l pel, ma 'l vizio mai (p. 21), — ср. среднегреческую: ὁ λυκος το μαλλὶν ἀλλάσσει, γνώμην οὐκ ἀλλάσσει.

Въ тосканской пословицѣ, какъ въ греч. и лат., фигурируетъ *волкъ*, въ венец., фріульской и др.—*лиса* [2]).

Что касается до *характера* собранныхъ изреченій, то далеко не все, разсѣянное въ сборникѣ, заслуживаетъ названія пословицы въ строгомъ смыслѣ слова: здѣсь не мало разсѣяно поговорокъ, обычныхъ изреченій, поговорочныхъ уподобленій и т. п. [3]).

---

[1]) S—югъ, O—западъ, NE—сѣверо востокъ, C—центръ.

[2]) Еще нѣсколько примѣровъ междунар. пословицъ:

Lontan dai occhi—lontan dal cor (p. 23) — Aus den Augen aus dem Sinn и т. п. Или: Ogni simile ama l so simile (p. 35)=среднегреч. πᾶν ζῶον τὸ ὅμοιον αὐτοῦ ἀγαπήσει. Сюда же относятся: Voçe de popolo — voçe de Dio (p. 47).— собиратель послѣдовательно употребляетъ вышедшій изъ употребленія знакъ ç вмѣсто общепринятаго S. L'apetito vien magnando (p. 62); ci ben semena, ben srega = что посѣешь, то и пожнешь (p. 100); ogni fruto a la so stajon (p. 98) = всякому овощу свое время; quando no se pol ciapare el pesse, se ciapa le rane (NE. p. 125) = на безрыбьи и ракъ (здѣсь лягушка) рыба и т. д.

[3]) Напр. O tuto, o gnente (p. 35); Vedi Napoli, e po' mori; Vedi Roma, e po' discori (p. 91); San Piero d'i cavaioni C = св. Петръ сноповникъ; празднуется 29 іюня (p. 105); Volere e potere — (p. 133) и т. п.

Digitized by Google

Обращаясь къ *содержанію* пословицъ, придется признать, что здѣсь мы имѣемъ дѣло преимущественно съ пословицей новой, позднѣйшей формаціи.

Въ современной веронской пословицѣ затерялись слѣды старобытной жизни, отзвуки историческихъ припоминаній и т. п.; современная пословица будто застыла на отвлеченной высотѣ дидактическаго назиданія. Весь смыслъ ея исчерпывается конечной цѣлью поучительнаго примѣненія къ свойствамъ человѣческаго духа, къ нравамъ и обычаямъ, къ извѣстнымъ обстоятельствамъ будничнаго обихода и т. д. Онѣ не возбуждаютъ нашего сочувствія, какъ художественное выраженіе всенародной мудрости, здраваго смысла и нравственныхъ интересовъ.

Новѣйшая пословица какъ бы расщепилась по отдѣльнымъ сословіямъ, отражая на себѣ узко-эгоистическія стремленія отдѣльныхъ слоевъ общества, внѣ сознанія массоваго, роевого единства; подчасъ въ ней чувствуется вліяніе поверхностной грамотности [1]), а зачастую она отражаетъ глубоко затаенные сословные предразсудки съ грубой откровенностью площадного цинизма [2]). Вотъ почему пословица новѣйшей формаціи любитъ спускаться до грошеваго зубоскальства. Банальность позднѣйшей пословицы въ свое время осудилъ съ обычной мѣткостью Ѳ. И. Буслаевъ [3]): „какъ порожденіе моды, она возникаетъ и пропадаетъ случайно. Игривость языка въ ней еще замѣтна, но мысли уже нѣтъ. Не имѣя никакого существеннаго для жизни значенія, она *примѣняется только къ пустой болтовнѣ*“.

Въ этомъ именно поражающее отличіе самобытной пословицы, вышедшей изъ устъ народа и вращающейся въ общенародной массѣ, отъ случайной сентенціи или мѣткаго выраженія, которое всегда можно свести къ опредѣленному поводу, или даже извѣстному автору. Величавое, эпическое теченіе народной пословицы несоизмѣримо съ вымученной мѣткостью изреченій новѣйшей формаціи. Сборникъ Балладоро даетъ богатый матеріалъ послѣдней [4]).

---

[1]) Напр. La scienza senza criterio—l'è un dona senza mari (p. 34), или: Vol più la pratica, che la gramatica, (p. 119) и т. п.

[2]) Отталкивающей рѣзкостью формы выдаются пословицы, имѣющія въ виду *крестьянина*:

Tri aseni e un vilan, fa quatro bestie (p. 69).

Ci fa piaseri ai vilani, fa dispeto al nome de Dio (ibid).

Ci fa un piaser a un vilan, se spua in man.

Или: Quando el vilan fa ben, l'acqua seca el fien (C.—p. 70) и т. п.

[3]) См. Ѳ. Буслаева, Русскія пословицы и поговорки, въ „Архивѣ“ Калачева, кн. 2, II (стр. 62).

[4]) Напр. Pianto de dona e sudor de cavala, No se ghe bada—(p. 24 N. E); Pianto de dona, fontana de malizia (ibid) —Dio te scampi da cani e gati, E da le done che gh'a i mostaci (ibid); (p. 26): È piu facile trovar l'assenzio (=полынь) dolçe, Che silenzio dove gh'è done.—'Na dona par essar parfeta, bisogna che la gh'abia quatro b: bela, bona, brava e bezzi (= деньгу). — jè più le done, che guarda i omeni, che le stele, che guarda la tera. — (p. 27): Soldo e dona—ingana ogni parsona.—(p. 56): Bon naso, fa un bel omo (p. 55): La dona picolina l'é sempre bela.—Dona bianca a essar bela poco manca., и т. п.

Digitized by Google

Имѣя дѣло съ пословицей преимущественно позднѣйшей формаціи, собиратель веронской пословицы могъ притти къ убѣжденію, будто вообще „пословица, наравнѣ съ пѣсней и т. п., является уже для народа продуктомъ *литературнымъ:* поэтому-то она стремится оторваться отъ даннаго нарѣчія и пытается приблизиться къ той формѣ выраженія, въ коей она видитъ признакъ литературнаго языка" (р. 13).

Если разсмотрѣть веронскую пословицу по сравненію съ общеитальянской, то она раздѣлитъ пристрастіе послѣдней къ отвлеченной, трезвой формулѣ: этимъ она отличается отъ пословицы арабской, греческой, нѣмецкой, славянской и др. Картинность и изобиліе образовъ, пристрастіе къ анекдотической, осязательной и наглядной формѣ выраженія встрѣчаются здѣсь лишь въ видѣ исключенія [1]).

Виднымъ преимуществомъ веронской, какъ и вообще итальянской, пословицы является разноображеніе бытовыхъ, общественныхъ отношеній, которыя она отражаетъ. Любопытно вылилось въ ней отношеніе общества къ духовному классу, къ адвокатскому сословію и т. п. [2]).

Остается сказать о пріемахъ собирателя. Составитель сборника отнесся, повидимому, къ своей задачѣ вполнѣ серьезно. Критикуя своихъ предшественниковъ (Пешетти, Поццати и др.) за ненаучное отношеніе къ дѣлу, онъ заимствуетъ веронскія пословицы только у двоихъ предшественниковъ: у Пасквалиго и Джуліари [3]), причемъ тщательно исправляетъ діалектическія неточности, допущенныя его предшественниками. Тѣ пословицы, которыя удалось ему провѣрить и прослушать лично, отмѣчены звѣздочкой. Подобнымъ же образомъ и изъ массы общеитальянскихъ пословицъ внесены въ сборникъ лишь тѣ, которыя услышаны имъ въ живомъ веронскомъ говорѣ (р. 11). Въ пословицахъ, собранныхъ самостоятельно, Балладоро пытается по возможности точно передать звуковыя особенности мѣстнаго произношенія (р. 12). По пути онъ затронулъ любопытный вопросъ о *складѣ* современной пословицы: — „одни пословицы вылились въ прозаической, другія въ стихотворной формѣ: большинство стоитъ на

---

[1]) Un orbo à trovà un fero da caval (p. 47); Poco pan—poco Sant' Antonio (p. 126; Ci (= chi) nova a tor Pasqua e Nadal, va a l'inferno *a caval* (S. p. 147) и т. д.

[2]) Напр. (p. 64): Se volì vedar el diluvio universal,
Metì dodeze preti a tola a disnar.—
Или: Dotori e preti no dà mai gnente a gnessun (S.).—
Lè meio un bon secolar, che un cativo prete.—
Tre cose simili: prete, avocato, morte:
El prete tol dal vivo e dal morto;
L'avocato—dal drito e dal torto;
La morte vol el debole e el forte.

Интересна поговорка, пошедшая отъ переселенцевъ въ Америку: L'acqua de mare la lava do tuti i debiti (p- 142—N. E.) и т. п.

[3]) Saggio di Proverbi, Facezie popolari veronesi. 1889.

Digitized by Google

рубежѣ между той и другой, поелику ухо простонароднаго поэта не всегда бываетъ вѣрнымъ судьей размѣра. Такъ это теперь, такъ это было и прежде,—обстоятельство, которое не долженъ упускать изъ виду собиратель фольклора, какъ справедливо замѣтилъ Ф. Пеллегрини [2]), который, между прочимъ, обратилъ вниманіе на слѣдующее явленіе: пауза въ срединѣ одиннадцати-слогового стиха зачастую вводитъ въ заблужденіе народнаго поэта, коему думается, будто здѣсь именно кончается стихъ, вслѣдствіе чего (говоритъ Пеллегрини) появляется александрійскій размѣръ вмѣсто одиннадцати-слогового, другими словами два шести-слоговыхъ вмѣсто одного одиннадцати-слогового. Это явленіе можетъ быть выражено въ болѣе общей формѣ, именно, что срединная пауза разрываетъ стихъ такимъ образомъ, что поэтъ теряетъ чутье къ одиннадцати-слоговому размѣру и принимаетъ за законченный стихъ извѣстную его часть, вслѣдъ за которой помѣщаетъ поэтому одинъ либо два стиха этого видоизмѣненнаго размѣра и отбрасываетъ одиннадцати-слоговой размѣръ. Срединная цезура, сталобыть, понимается такимъ образомъ, что поэтъ проникается здѣсь внутренней риѳмой или ассонансомъ: на этомъ именно основалось леонинское стихосложеніе съ внутренней риѳмой на цезурѣ (p. 13—14).

Впрочемъ, изъ сборника Балладоро можно видѣть, что часто встрѣчаются ассонирующія риѳмы въ концѣ стиховъ (asenel — porzel; marcante—lepante и т. д.).

Нѣсколько странно дѣйствуетъ на глазъ читателя въ сборникѣ Балладоро способъ размѣщенія собраннаго имъ матеріала: онъ разбитъ по рубрикамъ, какъ будто общепринятый азбучный порядокъ не вмѣстилъ бы всего разнообразія собранныхъ имъ пословицъ и поговорокъ. Эти искусственно придуманныя рубрики непріятно поражаютъ читателя, хотя авторъ и завѣряетъ, что онъ руководствовался не случайнымъ произволомъ, а придерживаясь извѣстной системы (p. 15). „Можетъ случиться, говоритъ онъ, что иная пословица предъявитъ претензію фигурировать въ нѣсколькихъ рубрикахъ. Это неудобство легко можно устранить при помощи принятой мной системы, именно присматриваясь, для какой основной цѣли первоначально составилась и употребляется извѣстная пословица“. Но это далеко не такъ просто, какъ думаетъ авторъ, что подтверждаетъ его же собственный сборникъ. Такъ, мы находимъ въ разныхъ рубрикахъ вполнѣ аналогичныя пословицы. Напр., въ рубрикѣ: „человѣкъ въ частности, при различныхъ общественныхъ отношеніяхъ“—находимъ поговорку: Ci (=chi) pianta brocoli, no magna brocoli (p. 63). Въ другой рубрикѣ (azioni, fine utile onesto: economia rurale) встрѣчаемъ подобное же изреченіе: Ci pianta dàtari, no magna dàtari и т. п. Та и другая поговорка выражаютъ одну и ту же мысль: ci laora, no magna (трудящійся не пользуется плодами отъ труда своихъ).

[2]) См. Il serventese dei Lambertazzi e dei Geremei. (Bologna, 1891, p. 65).

Digitized by Google

Да и сами отдѣлы и рубрики отдаютъ какой то натянутостью. Крупный раздѣлъ составляютъ „существа“ и „дѣйствія“. Первый отдѣлъ дѣлится на три рубрики: Богъ, человѣкъ и природа. Человѣкъ разсматривается *въ общемъ* и *въ частностяхъ*. Въ общемъ, сообразно своей *духовной* и *матеріальной* природѣ; въ частности, сообразно *общественнымъ отношеніямъ* и мѣстнымъ, бытовымъ особенностямъ.

Природа разсматривается *сама по себѣ* и *видоизмѣненная искусствомъ* (modificata dall arte) и т. п. Наивность такой классификаціи всюду выдаетъ себя. Такъ, въ послѣдней рубрикѣ (природа, видоизмѣненная искусствомъ) въ первыхъ строкахъ читаемъ: Vedi Napoli, e poi mori etc. Было бы много полезнѣе, если бы взамѣнъ этихъ придуманныхъ схемъ, авторъ удовлетворилъ нашему любопытству, сообщивъ напр., насколько распространенъ собранный имъ матеріалъ веронской пословицы въ Истріи и на Далматинскомъ побережьи (т. е. въ предѣлахъ господства веронскаго говора), если бы приложилъ діалектологическій аппаратъ и т. п. [1]).

Авторъ обѣщаетъ въ недалекомъ будущемъ продолжать свои экскурсіи въ области фольклора и обнародовать матеріалъ разнообразнаго содержанія: народную легенду, заговоръ, пѣсни, загадки, народную медицину, суевѣрія и т. п. Пожелаемъ успѣха благому и интересному дѣлу.

А. Д. Карнѣевъ.

August, Emil u. Hans Bielenstein. Studien aus dem Gebiete der lettischen Archäologie, Ethnographie u. Mythologie. (*Оттискъ изъ Magazin d. lettisch — litterärischen Gesellschaft. Riga. 1896, 8, стр. 61 + 178 + 42*).

Извѣстный знатокъ и изслѣдователь быта и исторіи латышей пасторъ А. Биленштейнъ вмѣстѣ съ двумя сыновьями (также пасторами) издали подъ приведеннымъ заглавіемъ Сборникъ, въ который вошли слѣдующія статьи: *А. Биленштейна*: Die alte Waldbienenzucht der Letten; *его же*: Die nationalen Getränke der alten Letten (Bier, Meth, Birkwasser); *Э. Биленштейна*: Wie die alten Letten gefreit haben *и Г. Биленштейна*: Die deewa dêli (Gottessöhne) des lettischen Volksliedes. Источникомъ всѣхъ четырехъ статей служатъ обширныя собранія латышскихъ пѣсенъ, м. пр. и самого А. Биленштейна: статьи представляютъ какъ бы объясненіе къ пѣснямъ, иногда въ значительной степени дополненное наблюденіями надъ бытомъ

---

[1]) Кстати, одна любопытная особенность народнаго говора — замѣщеніе звука *e* звукомъ *a*: pare (= per); parfeta (= perfetta): essar (= essere): parson (= persona) и т. д. Встрѣчаются наивныя поясненія (р. 113): — „pagni= panni“, — это одинъ изъ частныхъ случаевъ вліянія неударяемаго *i* на предшествующіе t, d, n, l,—свойственнаго извѣстнымъ сѣвернымъ говорамъ. Извѣстные веронизмы отсутствуютъ: Zoveni (а не: Zovini), brocoli (а не broculi) и т. д.

Digitized by Google

латышей. Первыя двѣ статьи касаются способовъ пчеловодства, отношенія къ пчеламъ и пр. и способовъ добыванія и приготовленія пива, меда и березоваго сока у латышей. Пчеловодство играло видную роль въ хозяйствѣ древнихъ латышей; количество пѣсенъ, имѣющихъ то или другое отношеніе къ пчеламъ, у нихъ вслѣдствіе этого чрезвычайно значительно. Но время сложенія пѣсенъ относится не къ одной эпохѣ; благодаря этому въ нихъ отразились различныя стадіи развитія пчеловодства и возстановить исторію этого развитія составляетъ задачу А. Биленштейна; удачно подбирая и комментируя различныя пѣсни, авторъ начертываетъ картину постепеннаго совершенствованія способовъ пчеловодства, начиная отъ самыхъ рудиментарныхъ пріемовъ. Изучить пріемы изготовленія хмѣльныхъ напитковъ и развитіе этихъ пріемовъ у латышей на основаніи пѣсеннаго матеріала составляетъ содержаніе второй статьи маститаго изслѣдователя. Обширная и интересная статья *Э. Биленштейна* имѣетъ цѣлью возстановить исторію брака и свадьбы главнымъ образомъ на основаніи свадебныхъ пѣсенъ латышей. Пріемъ этотъ не новъ: значеніе произведеній народнаго творчества, именно бытовыхъ и обрядовыхъ пѣсенъ, какъ матеріала для изученія исторіи древнихъ нормъ права, давно уже оцѣненъ изслѣдователями. Въ частности для населенія балтійскихъ губерній попытка начертать исторію развитія брака у эстовъ при помощи изученія ихъ пѣсенъ была сдѣлана г. Шредеромъ; работа послѣдняго повидимому побудила и Э. Биленштейна предпринять аналогичный трудъ по исторіи брака у латышей. Съ нѣкоторыми выводами и толкованіями автора можно не соглашаться: онъ стоитъ еще на прежней точкѣ зрѣнія, признававшей существованіе коммунальнаго брака, повидимому склоненъ признавать и обязательность развитія брака куплей изъ брака похищеніемъ и пр. Но работа его стоитъ въ томъ отношеніи значительно выше труда г. Шредера, что онъ привлекаетъ для уясненія главныхъ своихъ положеній не исключительно пѣсенный матеріалъ, какъ это дѣлаетъ г. Шредеръ, а провѣряетъ и дополняетъ его на основаніи данныхъ языка и изученія свадебныхъ обычаевъ современности. Благодаря этому работа Э, Биленштейна значительно полнѣе и детальнѣе освѣщаетъ исторію развитія брака у латышей и, оставляя въ сторонѣ нѣкоторые недостатки, представляетъ интересный трудъ по первобытной культурѣ латышей. Послѣдняго къ сожалѣнію нельзя сказать о статьѣ, принадлежащей *Г. Биленштейну*: Die deewa dêli. Въ латышскихъ пѣсняхъ нерѣдко упоминается о «сыновьяхъ бога»; авторъ на основаніи пѣсенъ старается опредѣлить ихъ природу и характеръ дѣятельности, чтобы затѣмъ перейти къ рѣшенію вопроса, о значеніи ихъ въ латышской миѳологіи. Г. Биленштейнъ стоитъ еще всецѣло на устарѣлой точкѣ зрѣнія при объясненіи миѳовъ: deewa dêli, по мнѣнію автора, не болѣе какъ олицетворенія облаковъ; онъ оспариваетъ мнѣнія Мангарта, который хотѣлъ видѣть въ латышскихъ «сыновьяхъ бога» утреннюю и вечернюю звѣзды.

Digitized by Google

Если откинуть небольшую замѣтку Г. Биленштейна, какъ не представляющую научнаго значенія, сборникъ гг. Биленштейновъ можно признать интереснымъ и полезнымъ вкладомъ въ этнографическую литературу, посвященную быту латышей.

Н. Х.

С. Маріанъ. Румынскіе заговоры*). (Orajі, farmece, si desfaceri adunate de *S. Fl. Marian*" «Analele Academiei Române» Seria II. tom. XV. «Memoriile sectiunei literare». Bucuresci. 1893. p. 77—172).

При первомъ же знакомствѣ съ румынскими заговорами поражаетъ насъ ихъ стихотворная форма; правда, очень рѣдко соблюдается ритмъ, онъ часто мѣняется вмѣстѣ съ перемѣной цѣлаго ряда риемованыхъ окончаній, но риема наблюдается почти во всѣхъ стихахъ. Если есть шероховатости въ стихахъ-заговорахъ, то объясняются онѣ вопервыхъ тѣмъ, что каждый стихъ очень коротокъ — около четырехъ хореевъ; во-вторыхъ тѣмъ, что заговоры эти очень рѣдко передаются другому лицу добровольно, а должны быть «украдены» со словъ знахарки, такъ какъ только при такой передачѣ заговоры сохраняютъ свою силу; въ-третьихъ, по словамъ С. Маріана, заговоры не поются, даже не говорятся, но произносятся шепотомъ.

Вотъ примѣры формы румынскихъ заговоровъ:

Че аре пе кап?
Пеле де драк!
Че аре пе труп?
Пеле де луп!
Че аре пе віне?
Пеле де кыне!
Се аре ын гура?
Пріказ ши ура!...

Ка німе' н луме н'о веде,
Німе'н луме н'о ауде.
Дар а възут'о
Ш'а аузіт'о
Майна Домнулуй
Дін поарта черюлуй...

---

*) Литература предмета: G. D. Teodorescu Poesii populare române. Bucuresci. 1885. p. 356—398—Народная румынская поэзія; D. P. Lupascu. Medicina babelorŭ, adunare de descântece, resete de doftorii ti orâjitorŭ bâbesci. Extrasŭ din. Analele Academiei române Seria II. tom XII. Memoriill sectiune literare. Bucur. 1890—лѣченіе у знахарокъ, собраніе заговоровъ, лѣчебныхъ средствъ и заговоровъ у знахарокъ. Оттискъ изъ лѣтописей румынской академіи; S. Liuba si A. Jana. Medicina poporală, credinte, datini, doftorii si descântece poporale. Familia. an. 1891. №№ 45—47, 49—52, an. 1892, №№ 1—13 si 22—Народное лѣченіе, вѣрованія, обычаи, медицинскія лѣченія, средства и заговоры народные. Журналъ „Семья"; R. Prexl. Descântece din Ardeală. Conoorbiri literare an: 1891—92. p. 353, 445 si 597—заговоры въ Аддалѣ. Журналъ „Литературныя собесѣдованія"; Besprechungsformen der Romänen in Siebenbürgen въ Zeitschrift für Volkskunde т. I. Leipzig. 1889, вып. 4 и 5, т. II, вып. 1, 2, 4 и 5.—формулы заговоровъ у Румынъ Семиградскихъ въ „Періодическомъ изданіи по народовѣдѣнію".

Digitized by Google

Далѣе, по содержанію заговоры поражаютъ своей замкнутостью: не считая заговоровъ для лѣченія болѣзней, всѣ заговоры почти-что исключительно-любовнаго характера. Среди румынскихъ заговоровъ не встрѣчается заговоровъ въ путь-дорогу, воинскихъ, противъ силъ нечистыхъ, охотницкихъ, обереговъ отъ пьянства, на рыбную ловлю, заговоровъ на-подходы, на-торговлю и т. п. -такъ богатыхъ своимъ разнообразіемъ въ русской народной литературѣ. И всѣ любовные заговоры различаются или по своимъ цѣлямъ, или по своимъ моментамъ, или наконецъ по обстоятельствамъ, среди которыхъ они произносятся, и дѣйствіямъ, которыми они сопровождаются. Такъ, выражаясь терминами русскихъ заговоровъ, въ румынскихъ заговорахъ можно назвать слѣдующія группы: заговоры отъ тоски, заговоры «тоску напустить» «на присушенье», „остудные" заговоры „на остуду" между любящими людьми, «на разлученіе» и наконецъ заговоры «на порчу» и „противъ порчи", которые опять-таки своею цѣлью или своею причиной имѣютъ одну любовь.

Румынскіе заговоры не представляютъ вида заговоровъ-молитвъ, которыя, обращаясь къ Богу и святымъ въ извѣстныхъ выраженіяхъ, обычныхъ и въ „каноническихъ" молитвахъ, даютъ апокрифическія молитвы. Румынскіе заговоры обращаются къ силамъ природы, къ предметамъ; если въ заговорахъ упоминается Богородица, святые, то только какъ лица дѣйствовавшія въ пользу больного по своему побужденію, а не по силѣ молитвы. Богородица, которая въ одномъ заговорѣ замѣнена королевой ночи, раздающей больнымъ свѣтила для красоты, сама приходитъ на помощь дѣвушкѣ, плачущей и воющей во весь голосъ «до самаго неба». Богородица сама утѣшаетъ больную, спросивъ раньше, отъ чего та плачетъ *).

Не имѣя духовнаго характера, заговоры весьма поэтичны, богаты эпитетами, фигурами. Вотъ нѣсколько обычныхъ постоянныхъ эпитетовъ: свѣтлое солнце-братецъ, луна-королева ночи, Змѣй съ золотой чешуей, метла изъ павлиньихъ перьевъ, грабли изъ васильковъ, толстая вдова, противная ворона, соколиные глаза, тинистые берега, мшистыя скалы, святое солнце восходящее поутру, коростливая лягушка и др.

Очень поэтичны и нерѣдко удачны сравненія. Такъ напримѣръ красивая дѣвушка сравнивается съ цвѣткомъ, заигрывающимъ съ лучемъ солнца; знахарка проситъ Богородицу, чтобы въ больномъ не осталось болѣзни даже такъ мало, какъ мало маковое зернышко, раздѣленное на сорокъ частей и брошенное въ море; дѣвушка проситъ, чтобы она выдѣлялась среди другихъ дѣвушекъ, какъ павлинъ среди пернатыхъ, а василекъ среди растеній.

---

*) Только одинъ заговоръ въ собраніи С. Маріана оканчивается „аминь'емъ, въ то время какъ русскіе заговоры въ большинствѣ случаевъ имѣютъ въ концѣ „аминь".

Digitized by Google

Всѣ заговоры, вошедшіе въ этотъ сборникъ, С. Маріанъ разбиваетъ на три группы. Признавая такое дѣленіе не вполнѣ удобнымъ, я все-же оставляю его. Первая группа—заговоры на порчу, по-румынски *вражъ*, множ. *вржъ*. Очевидно, это слово одного корня съ русскимъ глаголомъ ворожить, но послѣднее употребляется преимущественно въ значеніи гадать, въ малороссійскомъ или въ великороссійскомъ въ формѣ «приворожить» уже имѣетъ значеніе колдовать. Цѣль заговоровъ этой группы вполнѣ опредѣляется формулой: «причинить кому нибудь большее или меньшее зло". Поэтому заговоры имѣютъ своей цѣлью какое-нибудь желаніе овладѣть чужой волей, чужими желаніями, заставить кого дѣйствовать по требованіямъ другого лица, разлучить любящихъ людей, разсорить супруговъ, причинить какое нибудь несчастье, или совсѣмъ уничтожить человѣка. Конечно, благодаря такой дурной цѣли заговоровъ отъ порчи, ими занимаются по большей части спеціалистки, старухи немало видавшія на своемъ вѣку и занимаются онѣ заговорами, доставляя себѣ этимъ пропитаніе; очень рѣдко произноситъ такой заговоръ молодая женщина или дѣвушка, потерявшая надежду выйти замужъ. Такія старухи считаются колдуньями; народъ ихъ не любитъ, боится и думаетъ, что онѣ продали душу черту, а Богъ отъ нихъ отказался. Для такихъ заговоровъ самымъ удобнымъ временемъ считаютъ полночь, когда, по вѣрованію всѣхъ Румынъ, слетаются нечистыя силы и рыщутъ по свѣту, кому бы напакостить.

Первый заговоръ этой группы—заговоръ на тоску. Тотъ, кто этотъ заговоръ произноситъ, подходитъ къ плетню и трясетъ колъ. Вмѣстѣ съ этимъ онъ говоритъ:

«Я трясу колъ, колъ трясетъ заборъ, заборъ трясетъ перелазъ, перелазъ трясетъ грязь, грязь трясетъ землю, земля трясетъ озеро, озеро трясетъ дьявола, дьявола самаго большого, самаго сильнаго изо всѣхъ чертей. Ты, Вельзевулъ, выйди изъ своего логовища и созови всѣхъ своихъ чертей, большихъ и малыхъ,—созови ихъ такъ много, какъ листьевъ, такихъ злыхъ какъ щелокъ. И пошли ихъ, да поскорѣе, во всѣ страны, во всѣ уѣзды, во всѣ города, во всѣ села и во всѣ дома, во всѣ поля, во всѣ дубравы, на всѣ дороги, на всѣ дорожки, во всѣ лѣса, во всѣ горныя площади и на всѣ тропинки; и самъ ты пойди съ ними».

Дѣвушка проситъ Вельзевула съ его силами найти того, котораго она хочетъ испортить, котораго она называетъ «презрѣннымъ отъ Бога, оставленнымъ добрыми людьми, гонимымъ отъ Бога». Дальше дѣвушка говоритъ Вельзевулу, что онъ долженъ сдѣлать съ тѣмъ лицомъ, которое хотятъ испортить, если Вельзевулъ найдетъ его.

«Если вы найдете», говоритъ дѣвушка, его дома за столомъ съ отцомъ, съ матерью, съ братьями съ зятьями, съ сестрами, съ двоюродными братьями, съ братовыми, съ двоюродными сестрами, съ сосѣдями, съ чужанами, найдете его стоящимъ у стола за ѣдой, то

Digitized by Google

вырвите у него ложку, разбейте миску. И пусть братья и зятья... сосѣди и чужане—пусть покажутся ему ворчащими собаками и хрюкающими свиньями. А если вы застанете его за столомъ съ толстой вдовой, съ красивыми дѣвушками, то вырвите у него ложку, разбейте миску, и пусть его любовницы покажутся ему брюхатыми суками, паршивыми свиньями. Если вы найдете его въ дорогѣ или застанете спящимъ, сбросьте его на землю, мучьте его, преслѣдуйте и пошлите къ такой-то. Бѣгите за нимъ на 99-ти ногахъ, возьмите его силой и пошлите къ такой-то. Колите его, пронзайте его 99-ю языками—колючками, языками пронзающими и приведите его къ такой-то. Поймайте его, бейте его 99-ю хвостами ловящими и бьющими; поймайте его за лицо, бейте его сзади, кипятите въ немъ кровь, пошлите его къ такой-то»!

Дальше продолжаются такія же приказанія.-Дѣвушка приказываетъ нечистымъ силамъ непремѣнно найти его какъ можно скорѣе, сегодня же вечеромъ, не давать ему ни покоя, ни мѣста, сбрасывать его отовсюду, куда бы онъ ни легъ, куда бы онъ ни сталъ, переносить его съ мѣста на мѣсто, мучить его «въ панталоны ему—проливной дождь, въ штаны—мышей, въ туфли—крысъ». «Какъ горитъ пламя въ печи у трубы, такъ пусть горитъ и его душа за Домнику (имя больной), за ея думы, за ея жизнь».

Дальше опять повторяется просьба къ Вельзевулу найти такого-то, гдѣ бы онъ ни отыскался. Если онъ будетъ найденъ, «несите его къ такой-то съ быстротой мысли, съ легкостью вѣтра, несите его чрезъ лѣса безъ сосенъ, чрезъ поля безъ луговъ, черезъ воды безъ бродовъ, черезъ заборы». Какъ матери его тяжело было, когда она раждала его, такъ и ему пусть будетъ тяжело, пока онъ не пойдетъ къ такой-то, не станетъ говорить съ нею, цѣловать ее, любить ее. Заговоръ оканчивается угрозой самому Вельзевулу. «Ты, царь, слушай меня, не забывай того, что я сказалъ тебѣ! Если ты не забудешь и послушаешься меня, то возьму я изъ архіерейскихъ табуновъ чернаго, какъ воронъ, жеребца и дамъ его тебѣ; чернаго жеребца, какъ воронъ, и быстраго какъ огонь возьму я изъ царскихъ табуновъ и дамъ его тебѣ; если ты, рогатый царь, послушаешься меня, то я возьму и дамъ тебѣ ребенка отъ взрослой дѣвушки, ребенка некрещеннаго, не молитвеннаго. А если ты меня не послушаешься, то ты сыграешь плохую шутку: какъ женщина, я поймаю тебя и всажу въ тебя веретено, выколю изъ черепа глаза и сдѣлаю тебѣ и другія несчастья».

Слѣдующій заговоръ очень похожъ на предыдущій. Онъ произносится надъ огнемъ, который дѣвушка прикрываетъ золой при помощи веретена, непремѣнно украденнаго подъ день Андрея или подъ Новый годъ. Въ то время, когда дѣвушка накрываетъ огонь, и такимъ образомъ тушитъ его, въ комнатѣ никого больше не должно быть. Затѣмъ она перебрасываетъ веретено черезъ крышу дома и ложится

Digitized by Google

спать. «Тебя, огонь», начинаетъ заговоръ дѣвушка «я накрываю, накрываю тебя и тушу, а ты раскройся и снова загорись». Дѣвушка проситъ огонь превратиться въ змѣя съ золотыми крыльями и золотой чешуей, съ 99-ю головами, 99-ю глазами, 99-ю языками, 99-ю ногами, и итти по свѣту къ тому парню, котораго любитъ дѣвушка, и провести его къ ней.

Она отдаетъ змѣю такія же приказанія, какія встрѣчались въ предыдущемъ заговорѣ: если ты застанешь его за столомъ и т. д. заговоръ кончается приказаніями змѣю привести къ ней ея возлюбленнаго.

Въ одномъ заговорѣ дѣвушка говоритъ: не въ глину, не въ землю я втыкаю этотъ ножъ: а втыкаю его я въ сердце того, который разлученъ со мной. Говоря эти слова и весь заговоръ, дѣвушка медленно всаживаетъ ножъ въ землю въ уголъ дома. Лучшее время для успѣха заговора—вечеръ субботы. «Вечеромъ въ субботу», говоритъ дѣвушка, «вышла я во дворъ; посмотрѣла на гору—ничего не увидала, посмотрѣла на долину—и опять ничего не увидала, посмотрѣла на западъ—ничего не увидала, посмотрѣла къ востоку—и увидала тамъ Пажюру, въ огонь одѣтую, опоясанную, огнемъ окруженную». На вопросъ дѣвушки, куда идетъ Пажюра, она отвѣчаетъ, что идетъ она зажечь лѣса, поля обратить въ пустыни, высушить долины и разбить камни. Дѣвушка проситъ ее не дѣлать этого: «оставь» говоритъ она, «пусть лѣса покрываются листьями, поля пусть цвѣтутъ, долины пусть зеленѣютъ, камни пусть останутся большими». Дѣвушка предлагаетъ ей итти къ ея суженому, давая Пажурѣ такія же приказанія, какія встрѣчались раньше, правда съ сокращеніями и незначительными измѣненіями.

Въ небольшомъ заговорѣ на ту же тему призывается луна. «Ты прекрасна», говоритъ, обращаясь къ лунѣ, дѣвушка, желающая выйти замужъ, «и красива, ты королева ночи. Есть у тебя лошадь, а уздечки нѣтъ. Вотъ тебѣ мой поясъ; сдѣлай своей лошади уздечку и поѣзжай къ моему суженому». Далѣе она высказываетъ приказаніе, обычное по формулѣ: не давай ему ни спать ни отдыхать, гдѣ бы ты его ни нашла, хотя бы въ девятомъ селѣ. Этотъ заговоръ произносится въ новолуніе: Румыны весьма поэтично называютъ новый мѣсяцъ новымъ королемъ, луну—королевой ночи.

Въ такомъ же родѣ заговоръ, который произноситъ дѣвушка, одѣвая новый поясъ. Она проситъ поясъ сдѣлаться змѣйкой, змѣемъ съ золотой чешуей и пойти на поиски ея суженаго; при этомъ повторяются въ сокращеніи обычныя приказанія. Въ концѣ заговора она высказываетъ желаніе, чтобы ея суженый, безъ нея мучился такъ, какъ мучилась его мать въ родахъ.

Въ слѣдующемъ небольшомъ заговорѣ, мало характерномъ, призывается какой-то «Теме», котораго С. Маріанъ считаетъ миѳологическимъ существомъ (примѣчаніе 1-е), не давая впрочемъ объясненія своему предположенію. Дѣвушка говоритъ: «Выйди, теме, не бойся,

Digitized by Google

выйди изъ своего логовища, изъ своего обиталища, иди къ такому-то, войди въ воротъ рубахи и расположись въ его сердцѣ».

Вотъ еще нѣсколько любовныхъ заговоровъ. На горячіе уголья дѣвушка ставитъ верхъ-дномъ горшокъ, вертитъ его и говоритъ:

«Не горшокъ я верчу, а верчу я думы, слова и сердце такого-то, отворачиваю его совсѣмъ отъ другихъ дѣвушекъ ко мнѣ, чтобы показалась я ему барыней съ лица, а павой сзади. Сколькимъ людямъ я ни покажусь, всѣ они будутъ хвалить меня; съ ними я буду играть, буду цѣловать ихъ въ губы. Они возьмутъ меня за руку и съ ними я буду забавляться».

Обычное пожеланіе: не спать, не ѣсть возлюбленному—повторяется въ небольшомъ заговорѣ, который произносится при приготовленіи постели.

Въ концѣ заговоровъ этой группы, имѣющей преимущественно любовный характеръ, есть два заговора, болѣе характерныхъ, чѣмъ остальные. Первый заговоръ произносятъ тогда, когда хотятъ разлучить двухъ людей, супруговъ или жениха съ невѣстой, когда хотятъ сдѣлать ихъ противными другъ для друга для того, чтобы потомъ приворожить къ себѣ одного изъ нихъ; скорѣе это дѣлается дѣвушками или женщинами, такъ что заговоры имѣютъ цѣлью отбить мужчину. Заговоръ начинается нѣсколькими вопросами.

— «Кто это, кто это»?—«Екатерина»!—«Что у нея на головѣ?» «Шкура дьявола!»—Что у ней на тѣлѣ? Волчья шкура! Что у ней на жилахъ? Собачья шкура! Что у ней во рту? Проказа и ужасъ! Если она такая (страшная), то пусть такой-то бѣжитъ отъ нея, какъ отъ черта, и пусть боится ее, какъ волка, и остерегается, какъ бѣшеной собаки».

Въ заговорѣ называются по именамъ люди, которыхъ хотятъ разлучить. Тѣ подробности, которыя сопровождаютъ произнесеніе этого заговора, основаны на символизмѣ. Для этого ворожка отправляется въ лѣсъ и ищетъ дерево-близнецовъ, т. е. такія деревья, которыя срослись вмѣстѣ, выходя изъ одного корня. Дальше оба эти дерева должны разойтись уже другъ отъ друга и расти въ разныя стороны. Это и должно быть символомъ разлуки двухъ любящихъ людей, жившихъ раньше въ любви и согласіи. Изъ подъ корней такого дерева ворожка беретъ немного земли, заворачиваетъ ее въ тряпочку и держитъ при себѣ, ожидая случая, когда эта пара будетъ вмѣстѣ Увидя ихъ вдвоемъ, она произноситъ про себя этотъ заговоръ и бросаетъ землю промежъ нихъ.

Второй заговоръ произносится дѣвушкой для того, чтобы приворожить къ себѣ парня, чтобы онъ другихъ дѣвушекъ не любилъ, не говорилъ бы съ ними и не приглашалъ на танцы. Этотъ небольшой заговоръ она произноситъ на танцахъ, по адресу своей соперницы, называя ее по имени.

«Прочь, черная ворона, противная! Вѣдь я такая-то—самая кра-

Digitized by Google

сивая, среди всѣхъ дѣвушекъ лучшая. Я цвѣтъ села, цвѣтъ (собств. верхушка) василька, глава народа, любовь парней, предметъ хвалы для молодцовъ, красивый виноградъ въ цвѣту... Когда я стану говорить, я услажду всѣхъ парней, всѣхъ подростковъ и молодцовъ, всѣхъ сельчанъ и прихожанъ. Кто будетъ со мной, тому будетъ весело, какъ отъ хорошаго вина, кто ко мнѣ прикоснется, онъ будетъ облизываться, какъ будто бы отъ меда.

Ко второй группѣ С. Маріанъ относитъ любовные заговоры, по румынски—*фармече* единств. *фармек*. Заговоры этой группы имѣютъ цѣлью сдѣлать дѣвушку красивѣе, заставить полюбить ее тѣхъ парней, которыхъ она захочетъ; такимъ образомъ цѣль этихъ заговоровъ хорошая, не имѣетъ дурного характера «вражей». Поэтому въ нихъ не разъ обращаются уже къ Богородицѣ, а всегда почти—къ ключевой водѣ, къ росѣ, къ солнцу—однимъ словомъ къ предметамъ чистымъ и святымъ. Если приходится при произнесеніи такихъ заговоровъ употреблять какія нибудь травы, коренья, то и травы и коренья берутся чистыя, по большей части безвредныя. Точно также и время, необходимое для наговариванія, — раннее утро, когда вся природа еще спокойна, когда нечистыя силы доканчиваютъ свои ночныя шалости или отправляются на покой. Все это характеризуетъ эту группу заговоровъ, имѣющихъ спеціально любовный характеръ. Впрочемъ, чистота заговоровъ только кажущаяся, потому что для того, чтобы заставить какъ нибудь полюбить, нужно сначала овладѣть его волей и помрачить его разсудокъ, какъ видно изъ текстовъ самихъ заговоровъ. Эта группа начинается большимъ заговоромъ, въ которомъ упоминается имя больной Маріора (Марія). Въ началѣ заговора говорится, что, собравшись Маріора, отправилась по дорогѣ Траяна къ рѣкѣ Іордану, набрать изъ рѣки холодной воды и смыть съ себя тоску.

«Но не могла она даже приблизиться къ рѣкѣ, такъ какъ было тинисто, грязно,—и вернулась назадъ. Никто не увидѣлъ ее, никто не услышалъ ее; одни только ненавистники и всѣ враги. Только они видѣли ее, вышли раньше ея и бросили большой чурбанъ подъ ноги Маріоры. Бросили они чурбанъ, онъ отнялъ у нея ноги, связалъ руки, сдѣлалъ ее нѣмой, глухой, слѣпой... Не стала Маріора молчать, а плакать начала громко до самаго неба, плакать и вздыхать слезами до самой земли, вздохами до Святого Бога».

«Никто не увидѣлъ ее, никто не услышалъ ее, только Матерь Божья услышала ее вверху отъ райскихъ воротъ. Только Пречистая увидѣла ее и позвала ее по имени: Маріора, чего ты голосишь, на что ты жалуешься мнѣ громко, до самаго неба, плачешь и вздыхаешь слезами до самой земли, вздохами до Святого Бога? — Какъ мнѣ не голосить, какъ мнѣ не жаловаться?»

И вотъ Маріора разсказываетъ, какъ она отправилась къ Іордану, какъ она неудачно вернулась домой и какъ на дорогу ей бросили чурбанъ, который ее вотъ обезобразилъ.

Digitized by Google

«Тогда Матерь Божья вверху опустила изъ райскихъ воротъ золотую лѣстницу, вышла къ ней навстрѣчу, взяла ее за руку, повернула ее къ солнцу и оттуда отправилась, сопровождая Марію, по дорогѣ Траяна къ рѣкѣ Іордану. Затѣмъ погрузила она меня по поясъ въ воду и вымыла. Моетъ меня Матерь Божія, копаетъ серебряныя деньги и гребетъ ихъ мнѣ граблями, мететъ ихъ перьями, граблями изъ василька, перьями отъ павлина. Моетъ она меня и гребетъ мнѣ, мететъ и чиститъ меня. И вымыла она меня хорошо, хорошо вычистила отъ темени отъ самого лица до самыхъ лодыжекъ и до концовъ пальцевъ. Хорошо вымыла, хорошо вычистила отъ тоски, отъ измѣны»...

Очистивъ Маріору отъ всѣхъ недостатковъ, отъ всѣхъ ея враговъ, Богородица сняла съ ея головы терновый вѣнецъ и возложила на нее золотую корону. Затѣмъ, она одарила Маріору любовью и сдѣлала ее красавицей.

«Вынула она изъ черепа противные глаза и положила туда глаза сокола... Сняла Пречистая съ прекраснаго лица ея кожу коростливой лягушки, одѣлила ее красотой и сдѣлала ее цвѣткомъ, который заигрываетъ съ лучемъ солнца... Вынула она изо рта костяные зубы и положила подъ языкъ медвяные соты. Сняла она съ нея змѣиный поясъ и опоясала ее шелковымъ... Сняла съ нея плотуновые башмаки и обула ее въ высокіе желтые сапожки (чисме).

Преобразившись такимъ образомъ, Маріора начала хлопать бичемъ, трубить и призывать любовь: отъ царей съ царицами отъ королей съ королевами, отъ поповъ съ попадьями, отъ баръ съ барынями, отъ господъ съ госпожами, отъ жениховъ съ невѣстами, отъ ворниковъ съ ихъ женами, отъ шляпъ молодцовъ, отъ косъ дѣвицъ, отъ ложъ съ гвоздиками, отъ полей съ цвѣтами».

Здѣсь начинается послѣдняя часть заговора—заклинаніе. «Кто идетъ? Царица? королева? попадья? ворничиха? невѣста?—Нѣтъ! не царица, не королева, не ворничиха, не попадья, не невѣста, такъ какъ это—красивая Маріора, лучшая изъ всѣхъ. Кто посмотритъ на нее сзади, тотъ словно видитъ лицо ея; кто посмотритъ съ лица, какъ будто видитъ и сзади. А кто не можетъ видѣть ее, тотъ протягиваетъ пальцы, нельзя ли ему поймать ее, чтобы любить ее и поцѣловать. Съ этихъ поръ и навсегда, какъ кукушка первая птица, какъ василекъ первый цвѣтокъ, какъ серебро лучше мѣди, — такъ и Маріора да будетъ самая лучшая и самая красивая среди всѣхъ дѣвушекъ всѣхъ селъ».

Разночтенія другого варіанта этого же заговора очень незначительны. Гораздо интереснѣе тѣ обстоятельства, при которыхъ заговоръ произносится. Рано въ субботу, еще до восхода солнца, дѣвушка, для которой будутъ произносить заговоръ, встаетъ и отправляется къ ручью. Набравъ изъ него воды, она кладетъ въ нее сте-

Digitized by Google

бельки василька, и начинаютъ произносить заговоръ. Знахарка или сама дѣвушка, т е. то лицо кто произноситъ заговоръ, держитъ въ правой рукѣ связку изъ трехъ перьевъ кукушки или павлина, три стебелька василька, связано все это красной ниткой отъ иконы Богородицы или арханг. Михаила. Если заговариваетъ знахарка, то лѣвую свою руку она держитъ на груди дѣвушки. Этой водой дѣвушка моется, отправляясь на танцы, а васильки прячетъ за поясъ.

Въ одномъ заговорѣ дѣвушка проситъ себѣ красоты обращаясь къ ручью. Рано утромъ дѣвушка идетъ къ ручью, стараясь чтобы никто ее не замѣтилъ, три раза умываетъ обѣими руками лицо свое и говоритъ.

«Доброе утро, бѣлая и чистая вода!—Благодарю васъ, (такая-то) дурнушка.—Я не дурнушка, а я красива и хороша собой. какъ роза, когда расцвѣтаетъ, и святое солнце, когда восходитъ. Я вышла изъ дому и пришла попросить васъ дать мнѣ любовь, красоту и прелесть вашу. Какъ весь свѣтъ, всѣ люди, все разумное, всѣ животныя, всѣ птицы и звѣри страстно домогаются хорошей и чистой воды, такъ и всѣ парни, всѣ молодцы пусть домогаются любви моей, моей красоты, моей прелести, говоритъ со мной, жить со мной, бесѣдовать со мной, танцовать со мной. Какъ никто не можетъ жить безъ воды, такъ и парни пусть не могутъ жить безъ меня до тѣхъ поръ, пока не пригласятъ меня къ танцамъ, пока не станутъ со мной говорить, свататься, любить меня».

Слѣдующій заговоръ по идеѣ похожъ на предыдущій. Рано утромъ на Новый годъ умывается дѣвушка въ ручьѣ, произнося этотъ заговоръ, и возвращается домой, опасаясь, не увидѣлъ ли кто ее. Если ее замѣтятъ, заговоръ не имѣетъ силы. Обращаясь къ «росистой водѣ», дѣвушка говоритъ:

«Сдѣлай меня красивой и прелестной, какъ выбранная пшеница за столомъ, какъ святое солнце на восходѣ, какъ василекъ въ цвѣту. Одной мнѣ дай ты всю любовь, сколько есть ея на свѣтѣ. Пусть полюбятъ меня всѣ парни, которые увидятъ меня, а старики, которые услышатъ меня, пусть чтутъ меня словомъ».

Вотъ еще заговоры, въ которыхъ обращаются къ водѣ. Заговоръ начинается привѣтствіемъ, которое говоритъ дѣвушка водѣ изъ источника, ударяя по ней стебельками василька:

«Доброе утро, ключевая вода! Благодарю васъ (такая-то) красивый цвѣтокъ! Ключевая вода! очищаешь ты (обмываешь) и тинистые берега, и мшистыя скалы, и красивыхъ дѣвушекъ; очисти и меня .. Очисти меня отъ всякой тоски и отъ всякаго навожденія, чтобы сдѣлалась я цвѣткомъ, прелестнымъ цвѣткомъ, который всѣ станутъ нюхать. Очисти лицо мое, чтобы навсегда я осталась дѣвушкой рѣдкой красоты, чтобы осталась я чистой, какой сотворена Богомъ».

Второй заговоръ начинается такимъ же обращеніемъ къ росѣ, какимъ предыдущій заговоръ къ водѣ. Дѣвушка проситъ росу вы-

Digitized by Google

мыть ее, очистить отъ тоски, отъ всякаго навожденія и сдѣлать ее красивой. «Какъ Греки», говоритъ дѣвушка «сильно хотятъ яицъ, какъ бараны—соли, телята—молока, дѣвушки-подрости груди; такъ и парни пусть сильно хотятъ меня»!

Въ двухъ небольшихъ заговорахъ дѣвушка обращается къ солнцу, называя его святымъ и братцемъ. «Взойди», проситъ дѣвушка, «своими сорока лучами, но не всходи надъ горами, надъ домами, надъ дворцами, надъ стадами быковъ и овецъ... Взойди надъ моей головой и надо всею мной! Пусть я съ головы и до ногъ буду такъ сіять, какъ и ты, солнце. Какъ всѣ люди тебя ищутъ, такъ и такой-то пусть ищетъ меня съ головы и до ногъ! Какъ ты, святое солнце, оборачиваешься къ царямъ, къ царицамъ, такъ и ко мнѣ пусть оборачиваются дѣвушки, женатые мущины и холостые».

Третью группу, по раздѣленію С. Маріана, составляютъ заговоры, которыми знахарка старается сдѣлать безсильнымъ то вліяніе, которое уже существуетъ, на волю извѣстнаго лица, благодаря заговорамъ вражьимъ и фармекамъ. Заговоры этой группы называютъ *десфачерь*, единств. *десфачере*, и имѣютъ цѣлью разрушить силу порчи, силу любовнаго заговора или иногда перенести и порчу и любовный заговоръ на то лицо, отъ котораго они первоначально исходятъ. Такимъ образомъ, цѣль десфачере'й, по преимуществу, хорошая; поэтому эти заговоры похожи иногда на молитвы и называются даже молитвами объ освобожденіи отъ навожденія. Сообразно съ такой цѣлью и время для заговоровъ этой группы—цѣлый день до сумерекъ. Становясь какъ бы въ противовѣсъ заговорамъ первыхъ двухъ группъ, заговоры третьей группы необходимо произносятся тогда даже, когда заговоры на порчу или на любовь сдѣлали свое дѣйствіе. Иначе они могутъ повредить.

Первый, по мѣсту, заговоръ «на отгнаніе тоски» начинается обычнымъ разсказомъ о томъ, какъ дѣвушка—дальше упоминается ея имя: Маріуна-Марія—встала рано и пошла по тропинкѣ къ Іордану «по тропинкѣ, по которой никто не ходилъ, по росѣ, которую никто не стряхивалъ». Когда она была на серединѣ дороги, злая женщина ее околдовала, «украла ея слѣдъ» и обезобразила ее совершенно. Дѣвушка стала плакать. Ее услыхала «царица неба» т. е. Богородица и спросила ее, чего та плачетъ и жалуется. Дѣвушка разсказала все, что случилось съ ней. Несмотря на жалобу дѣвушки, царица неба ничего ей не отвѣчаетъ. На помощь ей являются неизвѣстно откуда три зори, «три сестры солнца». И вотъ старшая изъ нихъ вложила въ грудь дѣвушки луну, освятила ее, граблями откинула отъ нея тоску на далекое разстояніе. Вторая вложила ей въ плечи утреннія звѣзды (лучеферь), а тоску отбросила вилами. Младшая сестра солнца вбила ей въ лоно звѣзды и вымела остаки тоски метлой. Тогда она взяла дѣвушку за правую руку и посадила на желтаго коня, дала ей въ правую руку серебряную трубу, въ лѣвую золотую и, когда дѣ-

Digitized by Google

вушка стала трубить, къ ней собралась вся любовь и привязалась къ ней. «А тоска», говоритъ заговоръ въ концѣ, „пусть пойдетъ на голову тому, кто навелъ ее на меня, кто бросилъ ее мнѣ!“

Въ заговорѣ, который произносятъ, когда хотятъ «отнять слѣдъ» „вернуть слѣдъ“, т. е. сдѣлать слѣдъ безсильнымъ, безвреднымъ въ рукахъ лица, укравшаго слѣдъ у кого нибудь, интересны формулы проклятія:

Если сдѣлалъ это мужчина чистый, нечистый, то пусть у него глаза вылѣзутъ изъ черепа и выпадутъ всѣ волосы, пусть лопнетъ мошна, пусть треснетъ... для того чтобы онъ плакалъ по немъ (т. е. больномъ).

Если сдѣлала это женщина... то пусть у нея лопнутъ груди, пусть вытечетъ молоко... Если сдѣлала это дѣвушка... то пусть у ней лопнутъ ножныя икры, вытечетъ изъ жилъ кровь... Если сдѣлала это вдова, то пусть у ней лопнутъ руки, вытечетъ кровь.

Самое „отниманіе слѣда“ производится такимъ образомъ. Знахарка беретъ девять луковыхъ головокъ, девять цвѣтковъ лука, снятыхъ осенью, девять пшеничныхъ зеренъ отъ весны, девять зеренъ овса, девять фасолинокъ, девять зернушекъ перца, девять кусочковъ ладана, девять сѣмянъ конопли и девять угольковъ, потушенныхъ въ горшкѣ. Далѣе, знахарка разыпаетъ все собранное въ три кучки, чтобы всего было поровну, завязываетъ въ три узелка и отправляется куда-нибудь въ глухой уголъ. Поставивъ свою ногу на землю, она отмѣчаетъ ножомъ величину слѣда и выкапываетъ „слѣдъ“ свой. Положивъ эти узелки въ вырытую ямку, она бьетъ по нимъ валикомъ, которымъ, обыкновенно бьютъ на рѣчкѣ бѣлье.

Произнеся эту формулу проклятій, она говоритъ приблизительно такъ: если слѣдъ украли одной рукой, то я отнимаю его назадъ двумя руками, если двумя, то я тремя и т. д.—до девяти. «А кто сдѣлалъ это десятью руками, то пусть у него руки высохнутъ и свяжется языкъ, чтобы онъ больше ничего не могъ дѣлать. А такой-то пусть останется чистымъ и освященнымъ» и т. д.

Въ одномъ длинномъ заговорѣ „чтобы снять тоску“ обращаются къ какому-то капитану Антону.

«Чего ты пришелъ, чего ты ищешь? Кто тебя прислалъ? Вернись назадъ на голову тому, кто прислалъ тебя. Вѣдь ты спѣшилъ, ты пришелъ сюда съ 99-ю трабантами, съ 99-ю парнями — витязями злыми и свирѣпыми, весьма ужасными, грозными и немилостивыми, водой Іорданской немытыми, крещеньемъ господнимъ не крещенными, миромъ не мазанными, печатью не запечатлѣнными, именами божьими не названными. И пришелъ ты къ такому-то наказать его, мучить, принуждать и терзать его кожу и подъ кожей, кожицу и подъ кожицей, мясо и подъ мясомъ, мозгъ и подъ мозгомъ. Выйди, выйди со всѣми тѣми 99-ю трабантами и удались отъ меня“.

Здѣсь знахарка начинаетъ угрожать Антону. Если ты, говоритъ

Digitized by Google

она, меня не послушаешься и не уйдешь, то я стану молиться Богородицѣ и тогда, все равно, придется тебѣ оставить меня, такъ какъ Богородица прогонитъ васъ силой святыхъ архангеловъ Михаила и Гавріила съ 99-ю парами ангеловъ добрыхъ. Все описаніе этихъ добрыхъ ангеловъ построено на контрастѣ злымъ трабантамъ Антона; ангелы—разумны, смыслены, добры, красивы и милостивы, водой Іорданской мыты, крещены и т. д. Придутъ ангелы и станутъ гнать нечистую силу; каждый ангелъ будетъ гнать цѣлыхъ тридцать трабантовъ, „а три ангела—девяносто“. И станутъ они преслѣдовать трабантовъ повсюду—и въ воздухѣ и въ облакахъ, и въ морѣ. «И поднимутъ они пыль, золу и прахъ, для того чтобы такой-то остался чистымъ и свѣтлымъ, какимъ сотворилъ его Богъ, чистымъ, какъ серебро, какъ золото, какъ солнце на безоблачномъ небѣ; чтобы не осталось въ немъ болѣзни, ранъ, головокруженія, тоски, увѣчья, стрѣлы, и дурного навожденья даже столько, какъ малое маковое зернышко, раздѣленное на сорокъ частей и брошенное въ море».

Заговоръ противъ порчи начинается обычной формулой: рано утромъ я всталъ и отправился въ дорогу по тропинкѣ. „Шелъ я, шелъ, пока не дошелъ до бѣлой яблони—совершенно бѣлой: съ стволомъ бѣлымъ, съ кожей бѣлой, съ вѣтками бѣлыми, съ листьями бѣлыми, съ яблоками бѣлыми—совершенно бѣлой“. Тамъ уже сошлись нечистыя силы: здѣсь были Стригои, Морои, Змѣи, Триполики—со своими женами. Не было здѣсь одной только Иродіады. Но вотъ пришла она, увидала меня, заградила мнѣ дорогу, взяла за руку, бросила въ ровъ и накрыла терновникомъ. Сталъ я вопить, кричать и грозить злой Иродіадѣ, обѣщая ее поймать сѣткой и погнать на голову тому, кто ее прислалъ. Но никто не услыхалъ моего крика; только Богородица услыхала меня отъ воротъ неба и спросила, чего я кричу». Прослушавъ весь разсказъ больного, Богородица стала его утѣшать, обѣщая „поднять его съ кровати и сдѣлать его такимъ же здоровымъ и бодрымъ, какимъ былъ онъ раньше“.

„Пусть погибнетъ зло и навожденье, а порча совершенно пропадетъ, какъ пропадаетъ пѣна на морѣ, плевокъ на тропинкѣ и иней на солнцѣ. А во всемъ тѣлѣ твоемъ пусть не останется болѣзни и зла даже на столько, какъ мало маковое зернышко на 44 части раздѣленное и въ море брошенное“.

Заговоръ, который имѣетъ цѣлью „смыть тоску“, начинается привѣтствіемъ водѣ, которою дѣвушка обмывается рано на зарѣ; обмывается она вся, произнося заговоръ, и возвращается домой съ опущенной внизъ головой, тихо и скромно.

„Доброе утро, ключъ прелестный и красивый! — Благодарю васъ, госпожа Іорданка (Іордънясъ)! Отъ чего вы пришли съ господиномъ Іорданомъ такимъ прелестнымъ и красивымъ?—Дорогой ключъ, прелестный и красивый! Не пришла я пить изъ тебя или ѣсть тебя, но пришла я окунуться въ тебя, чтобы ты вымылъ меня, очистилъ меня,

Digitized by Google

какъ моетъ проточная и ключевая вода, всѣ берега и всѣ скалы и всѣ корни..., чтобы ты выдѣлилъ меня изъ среды всѣхъ дѣвушекъ, какъ павлинъ выдѣляется изъ среды пернатыхъ, а василекъ — изъ среды бурьяна".

Далѣе она проситъ ключъ сдѣлать такъ, чтобы во время танцевъ всѣ дѣвушки сидѣли молча подъ заборомъ, и чтобы она одна была бы впереди всѣхъ и чтобы ея слово брало всегда верхъ, чтобы она была дорога для всѣхъ, какъ святое солнце, когда восходитъ оно поутру. Заговоръ оканчивается картиной, которая встрѣчалась уже раньше: идетъ женихъ съ невѣстой, ворнихъ съ ворничихой, ватага съ ватажницей, баринъ съ барыней, попъ съ попадьей, царь съ царицей? Нѣтъ! Это не они идутъ. Это идетъ такая-то, самая красивая дѣвушка.

Второй разъ заговоръ этотъ произносится надъ медомъ, которымъ дѣвушка должна какъ нибудь намазать того парня, который ей нравится. Есть еще другой способъ. Доставъ немного земли изъ-подъ слѣда лошади, дѣвушка кладетъ ее въ горшокъ, наливаетъ непочатой водой или водкой и варитъ, нашептывая три раза приведенный заговоръ. Этой водой нужно вымыть того, за кого дѣвушка хочетъ выйти замужъ.

Большой заговоръ „отъ порчи", интересный по своимъ подробностямъ, начинается разсказомъ, какъ больной собрался въ святой день сегодня и выѣхалъ пообѣдать—поужинать, но немогъ сдѣлать этого, такъ какъ въ немъ—злая порча.

„А вы девять Зорь, девять сестеръ, прійдите сюда, и съ поспѣшностью ищите порчу. Ищите ее на выгонѣ коровъ, на пастбищѣ воловъ, въ свинятникѣ, въ курятникѣ, на дорогѣ его, на тропинкѣ его, на лазѣ его, на перелазѣ его, въ сѣняхъ его, въ домѣ его, въ столѣ его, въ кровати его, въ постели его; такъ какъ вамъ лучше знать, сколько разъ и кто его испортилъ: дѣвушка ли смѣлая, дитя ли малое, женщина ли молодая, вдова ли, женщина ли среднихъ лѣтъ, дѣвушка ли покинутая, старуха ли покинутая, парень ли покинутый, старикъ ли покинутый, Русскій ли, Русская ли, Цыганъ ли, Цыганка ли, Липованъ ли, Липованка ли, Армянинъ ли, Армянка ли, Нѣмецъ ли, Нѣмка ли, Венгръ ли, Венгерка ли,—съ поля ли, съ виноградниковъ ли, съ горъ ли, съ пустынь ли. Вѣдь самъ онъ не умѣлъ испортить и другой требовалъ, чтобы ему непремѣнно заплатили за то, что онъ сдѣлаетъ порчу. И заплатили тому, что обладалъ этимъ знаніемъ, и онъ его испортилъ".

Далѣе, знахарка спрашиваетъ девять Зорь, какъ его испортили, чѣмъ его испортили. Здѣсь дается богатый матеріалъ, исчисляющій всѣ способы, которыми можно испортить человѣка: дуть чрезъ волчье горло, ногой зайца, лукомъ вонючимъ, крошками малая, посудой гдѣ ѣли собаки, въ лѣсу въ ложбинѣ среди кустовъ ежевики, на упавшемъ чурбанѣ, обухомъ топора или барды, найденными желѣзными

Digitized by Google

гвоздями, брошенными тряпками или ложками, изображая его на стѣнѣ, подъ стѣной, на кровати, подъ кроватью саломъ ежа, кишками ежа, когтями кошки, шкуркой лягушки, головой мыши, экскрементами кошки, человѣка, чернымъ дегтемъ найденымъ на дорогѣ, золой отъ оброка лошадямъ, покинутымъ гнѣздомъ ласточки, глиной заброшеной печки, глиной изъ омута, глиной съ конца жердочки, по которой переходятъ черезъ рѣчку, мѣркой съ мертвеца, свѣчей которую держалъ мертвецъ при смерти, водой которой обмывали мертвеца, узлами полотна, ниткой отъ выброшеной метлы, ниткой изъ мѣшка, въ которомъ украдена была мука, зубомъ бороны, черепками отъ девяти базаровъ, черепками отъ брошенаго горшка, камнями отъ девяти бродовъ, завернутыми нитками красными изо рта девяти лягушекъ, воскомъ отъ мертвеца, ракомъ, котораго держать девять дней въ горшкѣ съ непочатой водой, глиной изъ могилы, закопанной на перекресткѣ дорогъ, гдѣ сходятся три забора, глиной изъ могилы, положеной подъ камень у порога дома, чтобы ее всѣ давили ногой".

Такимъ образомъ всѣ эти способы даютъ только намеки, весьма драгоцѣнные для опредѣленія наговориванія, изъ которыхъ многіе теперь уже неизвѣстны. Въ этомъ заговорѣ есть еще нѣсколько формулъ проклятій: пусть они встрѣтятся другъ съ другомъ тогда, когда сойдутся вмѣстѣ два омута; пусть тогда встрѣтятся люди покинутые Богомъ, когда сойдутся концы одного и того же моста; какъ воскъ таетъ отъ лица огня, такъ и человѣкъ дѣлающій зло пусть растаетъ; какъ конопля росшая лѣтомъ забывается, когда есть уже осенняя конопля, такъ пусть и свѣтъ весь забудетъ его,—и другія.

Въ заключеніи знахарка проситъ девять Зорь найти того человѣка, который испортилъ больного, косить его 99-ю косами, грести 99-ю граблями, мести 99-ю метлами, сгребать 99-ю вилами и т. д., посылаетъ порчу къ тому лицу, которое испортило больного, а больному приказываетъ быть чистымъ, какъ серебро и вода въ источникѣ, какъ василекъ и солнце.

Еще нѣсколько способовъ порчи находимъ въ другомъ заговорѣ, который также, какъ и предыдущій, произносится съ цѣлью освободить больного отъ порчи. Заговоръ начинается обычнымъ привѣтствіемъ водѣ:

— Доброе утро, тихая вода! Благодарю васъ, госпожа тихая и чистая вода, оставленная Богомъ! Я кланяюсь тебѣ и прошу тебя, дай мнѣ девять дѣвицъ чистыхъ и свѣтлыхъ... чтобы снять мнѣ съ себя эту большую порчу.

Далѣе перечисляются лица, отъ которыхъ, по мнѣнію знахарки, могла исходить эта порча: родственники, сосѣди и чужіе люди. Затѣмъ перечисляются способы порчи: лапой зайца, угреватой лягушкой, шкурой змѣи, чѣмъ-то отъ обрывистаго берега, мокротой изъ носа дряхлаго старика, плевкомъ брюхатой женщины, веревкой отъ повѣсившагося человѣка, костью покойника... Перечисливъ эти спо-

Digitized by Google

собы, дѣвушка проситъ девять чистыхъ сестеръ взять саны, лопаты, грабли, вилы, метлы и гнать эту порчу на голову тому, кто ее наслалъ больному.

«Разломайте стѣны, разбейте окна, бросьте ее (порчу) сквозь крышу, чтобы она упала ему на столъ, на его обѣдъ, когда онъ будетъ отдыхать. А мнѣ бы остаться чистой. свѣтлой» и т. д.

По нѣкоторымъ своимъ подробностямъ интересенъ и слѣдующій заговоръ, который произносится съ такой же цѣлью, какъ и предыдущій. Начало заговора обычно.

„Въ среду рано утромъ собрался я такой-то, приготовился въ путь и прибрался, какъ солнце на восходѣ". „А враги и недоброжелатели поджидали меня. Вышли они раньше меня, остановили меня и стали разспрашивать о моемъ житьѣ-бытьѣ, какъ я живу да поживаю. И посадили они меня верхомъ на медвѣдя, надѣли мнѣ на голову чертовскій колпакъ, нарисовали на моемъ лицѣ коростливую ужасно противную лягушку и ушли назадъ».

Тогда больной началъ плакать, голосить, громко до самаго неба. Услыхала его Богородица, спустилась съ неба и стала утѣшать больного, чтобы онъ не плакалъ, не выл, не стоналъ, не голосилъ. „Я возьму тебя, говоритъ Богородица, за правую руку и поведу по тропинкѣ Адама къ колодцу Іордана. Три раза я буду набирать сосновой коновочкой воду изъ колодца Іордана, буду наливать воду на тебя и мыть тебя; я очищу тебя отъ всякаго навожденія... Я посажу тебя въ мой корабликъ, и ты станешь гораздо красивѣе и болѣе чистымъ, чѣмъ какимъ былъ ты у матери твоей, которая родила тебя и выростила тебя... Интересенъ по своей формулѣ конецъ заговора: есть на свѣтѣ дѣвушки и молодыя женщины покрасивѣе тебя; но все-же онѣ – пузатыя суки; есть парни покрасивѣе тебя и женатые люди, а все же они мохнатые волки и противныя лягушки".

На этотъ заговоръ похожъ и слѣдующій. Въ воскресенье встала дѣвушка съ серебряной постели, умылась, одѣлась въ серебряное платье и собралась на танцы, и вдругъ сразу что-то съ нею произошло: она потеряла способность двигаться, онѣмѣла, оглохла, ослѣпла, сдѣлалась безобразной. Не могла она продолжать своего туалета и стала плакать, голосить. Далѣе передается обычный разсказъ, какъ ее услыхала Богородица, спустилась къ ней съ неба и стала ее утѣшать. Она обѣщаетъ снять съ нея порчу, которую навели на нее, повидимому, другія дѣвушки-соперницы. „А тебя, говоритъ Богородица, я возьму за правую руку, подведу тебя къ убраннымъ столамъ, услажу тебя медомъ, поднесу тебѣ стаканъ вина, вымою тебя васильковъ (т. е. настоемъ на стебляхъ василька), чтобы всѣ парни тебя приглашали на танцы". Далѣе Богородица рисуетъ ей картину: подъ заборомъ стоятъ парни, смотрятъ съ удивленіемъ и спрашиваютъ: что это за царица идетъ къ намъ танцовать? Нѣтъ, это не царица, а прекрасная такая-то.

Digitized by Google

Если дѣвушка замѣчаетъ, что она не пользуется успѣхомъ у парней, объясняетъ это тѣмъ, что кто нибудь вѣроятно ее испортилъ; она дѣлаетъ слѣдующее. Рано утромъ въ воскресенье она встаетъ, одѣвается какъ можно получше и идетъ къ ручью, изъ котораго со вчерашняго вечера никто не долженъ брать воду. Съ собой она беретъ ножницы и посуду для воды. Наклонившись надъ ручьемъ, она какъ бы рѣжетъ ножницами воду накрестъ, по направленію теченья ручья, и говоритъ, что она рѣжетъ не воду, а то, что навелъ на нее тотъ человѣкъ, котораго она любитъ. Разрушивъ такимъ образомъ эту порчу, она набираетъ воды и уже дома, положивъ въ нее василекъ, произноситъ заговоръ. Начало заговора обычно: вставъ рано въ воскресенье, она пошла по дорогѣ и встрѣтилась съ Василик'ами и Меделик'ами, какими-то женщинами, смыслъ которыхъ и названія необъяснены. Идутъ онѣ съ 99-ю санами, съ 99-ю граблями и т. д. Поровнявшись съ ними, дѣвушка сама спрашиваетъ ихъ: куда, дѣвушки, вы идете? Онѣ отвѣчаютъ, что идутъ въ церковь.

«Не ходите въ церковь», проситъ ихъ дѣвушка, «но поскорѣе вернитесь назадъ, ищите такого-то, поспѣшите къ такому-то, снимите съ его головы всю порчу и всю тоску, копайте ихъ санами, гребите граблями, метите метлами, возьмите на лопаты и бросьте въ Черное море». Въ Черномъ морѣ, говоритъ дѣвушка, вы вымойте такую-то, очистите отъ всякой порчи, отъ всякой тоски, чтобы она осталась чистой, какъ серебро

Интересно, что этотъ заговоръ, кажется, чуть не единственный, при произнесеніи котораго дѣвушка можетъ взять съ собой подругу, когда отправляется на рѣчку. Тѣмъ не менѣе она должна беречься, чтобъ посторонніе люди не увидали ее, такъ какъ успѣха не будетъ.

А. Яцимирскій.

Digitized by Google

ЖУРНАЛЫ и ГАЗЕТЫ.

Биржевыя Вѣдомости. 1896.—8, 9. *Ив. Славинскій.* **Ахалкалакскіе духоборы.—12.** Корреспонденція изъ Торопца о сектѣ „келейниковъ богомоловъ".—**14.** Подношенія дальняго Востока. Описаніе тунгузскихъ костюмовъ и конскаго убора, принесенныхъ въ даръ Государю Императору депутатами изъ Сибири.—**19.** Общественная жизнь. Къ мултанскому дѣлу. Замѣтка о засѣданіи антропологич. общества, посвященномъ рѣшенію вопроса о существованіи у инородцевъ человѣческихъ жертвоприношеній.—**21.** Отклики. Замѣтка о дѣятельности Императорск. Географич. Общества.—**23.** Отклики. Изложеніе статьи г. Тезякова въ „Новомъ Словѣ" о вотякахъ язычникахъ въ Больше-Гондырской волости Пермской губ. — **24.** О чемъ говорятъ и пишутъ. Изложеніе отвѣта Короленки на замѣтку Дьяконова (изъ Новаго Врем.).—**41.** Общественная жизнь. Русское поселеніе въ Малой Азіи. Замѣтка о сообщеніи въ отд. этногр. Императ. Русск. Геогр. Общ. относительно поселенія русскихъ раскольниковъ въ глубинѣ Малой Азіи.—**41.** Человѣческія жертвоприношенія у вотяковъ. Замѣтка о сообщеніи г. Луинова въ отд. этногр. И. Р. Г. Об. о существованіи человѣческ. жертвоприношеній у вотяковъ въ XVIII в.—**43.** О чемъ говорятъ и пишутъ. О сектѣ неплательщиковъ. (Изъ Пермскихъ Епархіальн. Вѣдом.). Секта возникла со времени освобожденія крестьянъ. Заводскіе крестьяне, раньше пользовавшіеся льготами, напр., освобожденіемъ отъ рекрутской повинности, были недовольны новыми порядками и заявили, что уставной грамоты не примутъ, отказались отъ надѣла на томъ основаніи, что всѣ покосныя земли и принадлежали и принадлежатъ имъ; отказались также отъ уплаты земскихъ сборовъ и отъ исполненія общей воинской повинности. Духовенство своими увѣщаніями подорвало свой авторитетъ среди населенія и отказъ отъ уплаты податей и исполненія разныхъ государств. повинностей получилъ религіозное обоснованіе. — Ученіе секты. Теперь—время антихриста; правды нѣтъ нигдѣ; нѣтъ ея и въ церкви. Нужно порвать связь и съ гражданск. властями—установленіемъ антихриста — и съ церковью, находящейся въ союзѣ съ гражданск. властями. Спасеніе возможно въ духѣ, а не плотью и обрядами. Церковь съ обрядами угодны Богу только до 7 тысячъ лѣтъ, теперь они не нужны.—**44.** Изъ Сумскаго уѣзда. Отказъ новобранца отъ присяги и военной службы на религіозномъ основаніи (изъ „Недѣли").—**44.** Обществ. жизнь. Этнографич. коллекція. Замѣтка о поступившемъ въ Военно-медиц. академію собраніи предметовъ домашняго обихода инородцевъ Сибири и жителей Китая и Японіи.—**45.** Сообщеніе о докладѣ В. Г. Короленко въ антропологич. Обществѣ въ Петербургѣ.—**60.** Отклики. Историческій очеркъ игры въ шахматы.—**63.** О чемъ говорятъ и пишутъ. Отзывы нѣкоторыхъ извѣстныхъ лицъ о возможности человѣческихъ жертвоприношеній у вотяковъ (изъ Петербургской Газеты). — **63.** Наблюденія фельдшерицы надъ укоренѣлостью суевѣрій среди крестьянъ (изъ Орлов. Вѣстн.).—**69.** *Дамикъ.* Кулачная часотка. О кулачныхъ бояхъ въ с. Озерахъ Московск. губ.—**79.** Общественная жизнь. Замѣтка о докладѣ Луинова въ Отдѣлѣ этнографіи Имп. Р. Г. Общ. объ обстановкѣ вотскихъ жертвоприношеній.—**85.** Обществ. жизнь. Любопытныя

Digitized by Google

рѣдкости. О поступившихъ въ Олонецкій Музей въ Петрозаводскѣ кожаной кисѣ и варежкахъ изъ конскаго волоса, связанныхъ костяной иглой —104. Корреспонденція изъ Могилевскаго у., Подольской г. Мошенничество съ помощью эксплоатаціи религіозныхъ повѣрій евреевъ при празднованіи Пасхи.—104. Корреспонденція изъ Черниговской г. Объ „осначахъ“ (сплавщикахъ лѣса). Ихъ, бѣдственное положеніе.— 109. Убійца шаха. О сектѣ бабидовъ. Исторія секты, изложеніе ея ученія.—104. „Съ согласія и благословенія преподобнаго старца Михаила“. Убійство съ религіозной подкладкой.—124. Обществ. жизнь. Замѣтка о сообщеніи проф. А. М. Позднѣева о буддизмѣ.—125. „Опять кончина міра“. Пропаганда приближенія кончины міра въ Гапсальскомъ у. Эстляндск. г. (Изъ „Валгуса“).—153. Судебная хроника. Кавказскіе нравы. Дѣло о убійствѣ, происшедшемъ при борьбѣ во время свадебной процессіи.—154. Изъ Арзамасск. у., Нижегородск. г. „Живой огонь“ (добытый треніемъ одного куска дерева о другой) какъ средство прекращать падежъ скота. (Изъ „Нижегор. Лист.“) —157, 162. Судебная хроника. Мултановское дѣло. Отчетъ о судѣ въ Мамадышѣ (По „В. К. Краю“).—157. Отклики. Добываніе жемчуга въ Олонецкой губ.—158. Страшное дѣло. Убійство съ цѣлью сдѣлать изъ жира убитаго свѣчу, предохраняющую вора отъ поимки. (Изъ Харьковск. Губ. Вѣд.).—158. Благодатный посланникъ. Эксплоататоръ народнаго невѣжества съ помощью заявленія о томъ, что Іоаннъ Кронштт. передалъ ему благодать и послалъ исцѣлять всякаго рода болѣзни.— 163. Корреспонденція изъ Курска. Повѣрье о томъ, что у поджигателя на спинѣ долженъ быть черный крестъ.—163. Корреспонд. изъ Ростова, Яросл. г. Повѣрье о томъ, что при ударѣ молніи улетаетъ въ землю громовая стрѣла, съ которой можно скачивать воду, служащую средствомъ противъ недуговъ.— 164. Обществ. жизнь. Замѣтка о коллекціи предметовъ, привезенныхъ Государемъ Импер. изъ путешествія на дальній Востокъ, поступившей въ Музей этнографіи и антропологіи Импер. Акад. Наукъ.—175, 176. *Е. О. Дубровина.* Мусульманская тризна въ Баку. Описаніе тризны по халифѣ мусульманъ шіитовъ Шахъ-Хусейнѣ, замученномъ и убитомъ Абу-Бекромъ.

Варшавскія Губ. Вѣд. 1896. 85. Хроника. По губерніи. (Документы о постройкѣ дворца въ Вилановѣ 1681—94 г. изъ „Kurjer Warszawski“).

Волжскій Вѣстникъ. 1897. 13. *Тун-Шубун*, Изъ бурятскихъ сказаній. I. Вода вѣчной жизни.—23. *Пономаревъ.* Къ вопросу о женскомъ образованіи въ Казани въ началѣ XIX-го вѣка.—31. Отчетъ о засѣданіи Казанскаго Общества археологіи, исторіи и этнографіи, 21 янв. 1897 г. Доклады: *Дивгева*: „О происхожденіи злыхъ духовъ по вѣрованіямъ киргизовъ Сыръ-Дарьинской области“, *Александрова*: „Матеріалы XVII в., касающіеся быта инородцевъ пензенскаго края“; *Дивгева*: „О древне-киргизскихъ похоронныхъ обычаяхъ“.—42. *Николаевъ В.*, Разборъ изслѣдованія *М. Бейлина*: „Изъ жизни вятскаго края“.— 46. Кузнечный промыселъ въ с. Чебаксѣ.— Находка санскритской рукописи II—III в. по Р. Х. въ Восточномъ Туркестанѣ.

Волынскія Епарх. Вѣд. 1896—1—36. Историко-статистич. описаніе церквей и приходовъ Волынской епархіи.—3. Къ чешскому вопросу на Волыни (истор. очеркъ поселенія на Волыни чеховъ въ текущ. столѣтіи).

Воронежскія Губ. Вѣд. 1896—91, 94. Вредныя повѣрья у русскихъ коневодовъ.

Вятскія Губ. Вѣд. 1896. 99. *П. Кушелевъ.* Черемисскія игры „щелчки“ и „крючки“.

Gazeta Radomska. 83. Zaduszki (обряды по отношенію къ покойнымъ).— 83. Некрологъ археолога и этнографа Мартыновскаго.—87. Dzien zaduszny.— 88. Pierwszy historyk Polski (отчетъ о книгѣ dr Макс. Гумповича. „Bischof Balduin Gallus von Kruszwica“). Замѣтка объ археологической находкѣ — камень съ руническими надписями.—93. Извлеченіе изъ доклада Спасовича о Павинскомъ.

Журналъ Министерства Юстиціи.—1897. 1 и 2. *А. А. Левенстимъ*: Суевѣріе въ его отношеніи къ уголовному праву. Авторъ указанной обширной статьи разрабатываетъ чрезвычайно интересный въ научномъ отношеніи и крайне

Digitized by Google

важный для практики вопросъ о преступленіяхъ изъ суевѣрія. Количество преступленій изъ суевѣрія очень значительно; въ виду того, что они совершаются вслѣдствіе укоренившихся въ народѣ взглядовъ, не разсѣянныхъ еще просвѣщеніемъ, вслѣдствіе того, что они стоятъ въ тѣснѣйшей связи съ народнымъ міровоззрѣніемъ, они должны быть выдѣлены въ особую группу, и отношеніе къ нимъ законодательства должно быть иное, чѣмъ къ другимъ видамъ преступленій. Вопросы, какъ должны смотрѣть законодатель и судья на эти преступленія, какими средствами слѣдуетъ вести борьбу противъ суевѣрія и пр., слѣдовательно, чисто практическая сторона, составляетъ задачу статьи. Для выясненія этихъ вопросовъ авторъ широко пользуется данными этнографіи и дѣлаетъ обзоръ, занимающій большую часть его работы, случаевъ преступленій изъ суевѣрія, отмѣченныхъ въ этнографической литературѣ, въ судебныхъ отчетахъ и пр. Если этнографическая литература доставила г. Левенстиму много интересныхъ фактовъ, то и на оборотъ—статья г. Левенстима представляетъ для этнографа существенный интересъ, т. к. въ ней собранъ и сгруппированъ рядъ суевѣрій какъ въ Россіи такъ и въ зап. Европѣ. Авторъ группируетъ преступленія изъ суевѣрія въ слѣдующія рубрики: 1) человѣческое жертвоприношеніе; 2) опахиванье; 3) убійство уродовъ; 4) колдовство и порча; 5) суевѣрные способы, употребляемые при розыскѣ преступниковъ; 6) упыри и разрытіе могилъ; 7) талисманы; 8) лжеприсяга; 9) народная медицина: 10) кражи; 11) мошенничество; 12) клинкушество; 13) мнимыя преступленія. Часть указанныхъ рубрикъ содержитъ описаніе преступленій, часть — описываетъ суевѣрные пріемы, употребляемые при преступленіяхъ (напр. при кражѣ), часть наконецъ — касается эксплоатированія суевѣріями населенія для совершенія преступленія. Въ виду важности правильнаго взгляда на преступныя дѣянія, совершаемыя изъ суевѣрія, и въ виду недостаточности литературныхъ данныхъ о нихъ—авторъ выражаетъ желаніе, чтобы географическія и юридическія общества входили въ судебныя учрежденія съ просьбой о присылкѣ имъ свѣдѣній о всѣхъ дѣлахъ, въ которыхъ суевѣріе такъ или иначе оказало свое вліяніе. „Для изслѣдователя, пишетъ г. Левенстимъ, болѣе всего важно собрать самыя разнообразныя дѣла, въ которыхъ, благодаря суевѣрію, сложился мотивъ преступленія; но при научной работѣ имѣетъ значеніе и косвенное вліяніе суевѣрія по каждому дѣлу, напр. на поведеніе свидѣтеля во время слѣдствія и суда по преступленію, которое ничего общаго съ суевѣріемъ не имѣетъ. Всѣ такіе факты могутъ быть обнаружены только лицами судебнаго вѣдомства во время ихъ работъ". Накопленіе матеріала указаннымъ г. Левенстимомъ путемъ будетъ имѣть и значительный научный интересъ: вопросы науки и практики часто идутъ рука объ руку, какъ это имѣетъ мѣсто м. пр. и въ поднятомъ г. Левенстимомъ вопросѣ

Калужскія Губ. Вѣд. 1896. 110—114. *А. Игнатьевъ.* Очерки мѣстныхъ промысловъ Мосальскаго у. (Рогожники, прод.).—131. Раскопки въ Ай-Тодорѣ.—134. Приметы: „Козьма-Демьянъ съ мостомъ, Никола съ гвоздемъ". „Коли Кузьма Демьянъ закуетъ, Михайло раскуетъ". „Коли на Михайла закуетъ, на Николу раскуетъ". „Юрій съ мостомъ, а Никола съ гвоздемъ".

Камско-Волжскій Край. 1897. 320. *Степной А. И.* Среди киргизовъ (продолж.).—323 *И. С.* Психическіе факторы цивилизаціи — Лестеръ Уорда (критика).—325, 327. *Борисовъ В.* Изъ прошлаго города Казани.—325, 326. *Грамезниковъ Вл.*, Экономическія противорѣчія въ деревнѣ (неравенство надѣловъ, кустарные промыслы).—331. *И. С.* Разборъ книги Бенжамена Кидда „Соціальная эволюція".—333. *Уралецъ.* Отчетъ о дѣятельности Уральскаго Общ. любителей естествознанія.—*И. С.* Разборъ книги Менизиса. „Исторія религій".—339. *Мищенко Ѳ.* Разборъ книги В. В. Латышева: „Извѣстія древнихъ писателей греческихъ и латинскихъ о Скиѳіи и Кавказѣ".— *И. С.* Разборъ первой книги „Этнографическаго Обозрѣнія" за 1896 годъ.—342. Происхожденіе масляницы и блиновъ.—341. *И. С.*, Изъ наблюденій надъ жизнью Сибири. Очеркъ первый.—343. Изъ чувашскихъ земельныхъ дѣлъ. Корреспонденція изъ Ядринскаго уѣзда.—344. „Дѣйство Страшнаго Суда" въ старой Москвѣ.—346. О стреи-

Digitized by Google

ленія бурятъ къ просвѣщенію.—347. *Борисовъ В.* „Русскія древности въ памятникахъ искусства", изд. И. Толстого и П. Кондакова. Выпускъ V. Библіографія. Масляница въ Закавказьѣ.—*Z.* „Прощеные дни" въ старинной Россіи.—348. *Ѳ.*, О дѣятельности Уральскаго Общества любителей естествознанія.—*И. С.* Разборъ книги Крживицкаго: „Антропологія".

Ковенскія Губ. Вѣд. 76—88. Изъ поѣздки на Кавказъ *В. Ч.*—90 Куда? (къ вопросу объ эмиграціи евреевъ въ Трансвааль; помѣщено письмо эмигранта съ характеристикой условій жизни въ Трансваалѣ).—91. Елка, ряженье, гаданье.

Костромскія Губ. Вѣд. 1897. 11, 12, 14. *Миловидовъ И. В.* Наказъ, данный Нерехтскимъ купечествомъ А. Н. Третьякову, избранному депутатомъ въ Коммиссію о сочиненіи проекта Новаго Уложенія.

Костромскія Епарх. Вѣд. 1897. 1—4. О пѣніи въ православныхъ церквахъ греческаго востока.—1—3. Спиново. Историческое описаніе его въ бытность монастыремъ и послѣ—приходской Троицкой церковью.

Курляндскія Губ. Вѣд.—84. Къ исторіи герцогскаго архива въ Митавѣ—85. Либава и Полангенъ (перепеч. изъ „Недѣли").—86. Корреспонденція изъ Грабина объ экономич. положеніи жителей.—87. Матеріалы для географич. словаря Курляндск. губ.—91. Юридическое положеніе евреевъ (изъ „Сборника", изд. на англійскомъ яз. канцеляріей Комитета Министровъ).—99—100. Истор. очеркъ правительственныхъ мѣропріятій по народному продовольствію въ Курлянд. губ.

Курскія Губ. Вѣд 1897. 45. Ожидаемый пріѣздъ въ Варшаву членовъ Лондонскаго Общества для изслѣдованія нравовъ и быта цыганъ.

Lodzer Zeitung. 1897.—10. Mädchen und Frauen in China.—17. Bevölkerung von Loncoran.—24. Zum Mammuthfund bei Tomsk.—23. Ueber den Aufenthalt des Kaisers Peter des Grossen in Libau.—45 *Franz G. Lange,* Masken und Maskenfeste.—48. Kreta's Bewohner und Geschichte.—50. Ochotsk—Kamtschatka Expedition.—53. Reformen bei den Kalmücken.—57. Menschenaffen.

Нижегородскія Губ. Вѣд. 1896—39. Розыскъ клада, зарытаго Стенькой Разинымъ въ Лукьяновскомъ у. — 40. Раскопки близъ Перми. — 41. Матеріалы изъ временъ Разина (документы, доставленные въ Нижег. Арх. Ком.).—43. О началѣ газетъ у Римлянъ (Acta diurna и Acta populi).—44, 45. *Соловьевъ.* Изъ древней рукописи о возникновеніи Казанскаго царства.—Документы о подвигѣ Сусанина, поступившіе въ Костромскую Арх. Ком.—49. Документы по исторіи раскола въ Семеновскомъ у. (указы Петра I и Екатерины II).—1897—4—7. Сибирское переселеніе. Впечатлѣніе изъ поѣздки по Сибири. — 8. *Апол. Можаровскій.* „Нижегородскій лѣтописецъ" по списку конца XVIII в. Приведены выдержки отъ 1762 года.—Происхожденіе масляницы.

Новгородскія Губ. Вѣд. 1896. 93—95. *В. Ч.* Новгородскій музей древностей.—95. *Ив. Боголюбовъ.* Воръ Ермошка. (Варьянтъ сказки, помѣщенной у Эрленвейна).

Оренбургскія Губ. Вѣд. 1896. 37, 39. Очерки Пріуралья.—41—43. *Кузнецовъ* Этнографическіе очерки (о „вечеркахъ" въ оренбургскихъ деревняхъ; приведены тексты пѣсенъ). — 42. Отчетъ о засѣданіи Оренбург. Отдѣла Географ. О-ва 15 окт. — 45. *Кузнецовъ.* „Попрядушки" (этнограф. очеркъ). 51 и сл. *Адашевъ.* Къ 100-лѣтію Оренбургской губерніи (историч. очеркъ). 1897 — 5. Изъ дер. Козловки. Кулачные бои, какъ развлеченіе мѣстнаго населенія.—7, 9, 13. *Ѳ. С—нъ.* Очеркъ базарной лѣсной промышленности орскаго и оренбурскаго уѣздовъ.—6, 8, 12. *Н. Ивановъ.* О задачахъ, дѣятельности и общественномъ значеніи ученыхъ архивныхъ коммиссій вообще и оренбургской архивной коммиссіи въ частности.—14, 16. *А. Кузнецовъ.* Село Покровское. Мѣстные заговоры и молитвы.—Ворожба и тому подобныя суевѣрныя дѣйствія мѣстнаго населенія.—15, 17. *ОО.* Отъ Оренбурга до Верхнеуральска. Путевыя замѣтки.—27. Смѣсь. Новооткрытое племя людей на памирскихъ плоскогоріяхъ (Изъ П. В.).—28, 32, 35. *П. А—скій.* Очерки Пріуралья. (Замѣтки и наблюденія). Климатъ. Веденіе сельскаго хозяйства въ краѣ.—

Digitized by Google

32. Снѣсь. Любимое блюдо бирманцевъ.—32. Русская жизнь. Производство священной утвари буддійскаго культа, какъ предметъ кустарной промышленности бурятъ Верхнеудинскаго Округа Забайкальской области. (Изъ Прав. Вѣст.).

Орловскія Епарх. Вѣд. 1896. 44. *Сахаровъ.* Русскія поминанья (Дмитр. суббота).

Пензенскія Губ. Вѣд. 1896. 201, 202 *Масловскій.* Изъ области народной медицины. (прод.). 216. О раскопкахъ Сысоева въ Кубанской области. 215. Находка монеты въ Казани чеканки XIII в. 218. Находка княжескихъ украшеній XII—XIII вв. во Владимірѣ. 240—243. *Корольковъ.* Городъ Пенза и Пензенская губ. въ царствованіе имп. Екатерины II. 242. Находка чудскихъ предметовъ X в. въ Архангельской губ. по бассейну р. Печоры. 247, 248. *Терехинъ.* Истор. матеріалы относящіеся до иногородцевъ Пензенскаго края конца XVII в. 261. По татарскимъ деревнямъ Краснослободскаго у. 275. Находка въ Херсонесѣ (катакомба).—1897. 12. Находка надгробной плиты съ гробницы Минина въ Ниж.-Новгор. 14—17. О сибирскихъ переселенцахъ. 18. О дѣятельности предварительнаго комитета по устройству XI археологическаго съѣзда. 30. Засѣданіе общества любителей древней письменности въ Петербургѣ, 31 янв. 1897 г. 34. *А. С.* Легенда о равнинѣ Раши. 38. *Масловскій В.* Празднованіе масляницы двѣсти лѣтъ тому назадъ. 42. Арабская легенда о продолжительности жизни человѣка. 43. *Масловскій В.* Обычай прощанія и проводи масляницы.

Пермскія Губ. Вѣд. 1896. 276, 277. *Н. Бѣлевичъ.* Въ жертву Инмару и Керемети. (Разсказъ нѣсколько интересенъ для этнографіи вотяковъ). 277. Хроника. (Деревянная курная церковь XVII вѣка въ селѣ Монастырѣ Чердынскаго уѣзда)—1897. 3. Экспедиція Д. А. Клеменца въ Монголію—4. *П. Вологдинъ.* Самоотверженный русскій ученый. Замѣтка о дѣятельности Н. Л. Гондатти въ Анадырскомъ Округѣ Приморской Области. — 6. Происхожденіе пляски и музыки. (Изъ Яросл. Губ. Вѣд. № 280 1896 г.).—9. Новая колыбель русскаго народа. Замѣтка о докладѣ В. В. Передольскихъ въ Антропологич. Обществѣ о поѣздкѣ его по берегамъ р. Енисея. На основаніи найденныхъ имъ предметовъ II. полагаетъ, что жители раскопаннаго имъ мѣста прародители новгородцевъ, и что изъ того мѣста совершилось движеніе русскаго народа въ каменномъ вѣкѣ. (Изъ Енисея № 1). 21. Изъ бурятскихъ сказаній (I. Изобрѣтеніе тарасуна. II. Два времени. III. Вода вѣчной жизни. Изъ Волжск. Вѣстн.)

Пермскія Губ. Вѣд. 1896. 24. *В. Кандауровъ.* На Святыхъ горахъ. (Монастырь въ Харьк. губ.).

Подольскія Губ. Вѣд. 1896. 8 — 10. Полувѣковая дѣятельность Императорскаго Русскаго Географическаго Общества 11. Происхожденіе масляницы. — Праздникъ „Громницы или Стрѣчань“ 2 февраля. (Повѣрье о встрѣчѣ и разговорѣ въ этотъ день зимы и лѣта. Примѣта сюда относящаяся: „напьется пивень воды, набереться пахаръ биды“. Освященіе „громничныхъ“ свѣчей и воды употребляющейся потомъ для лѣченія, окропленія пасѣки „кажду первую недилю“, т.-е. первую по новолунію, и—воловъ при отправленіи чумаковъ съ обозомъ). — 24. Голгоѳа на мозаикѣ IV вѣка. 25. Пасха въ старой Москвѣ. 76. Мстиславовъ Успенскій храмъ во Владимірѣ-Волынскомъ (XII в.—по поводу реставраціи). 84. Дмитровская суббота (приведены нѣкоторыя связанныя съ нею примѣты о погодѣ).—100. 50-лѣтній юбилей Имп. Русскаго Археолог. Общ.

Псковскія Губ. Вѣд. 1896. 47, 49. *И. Копаневичъ.* Рождественскія святки и сопровожд. ихъ нар. игры и развлеченія въ Псковской губ.

Revue de l'histoire des religions. 1896. XXXIII, 1. *L. Leger.* Etude de mythologie slave: Svantovit et les dieux en *vit* (обзоръ свѣдѣній на основаніи древнихъ источниковъ и совр. литературы). *J. Philippe.* Lucréce dans la théologie chrétienne du III au XIII siècles et spécialement dans les écoles carolingiennes *Fr. Macler.* Les apocalypses apocryphes de Daniel. *Pierre Paris.* Bulletin archéologique de la religion grecque.—2. *J. Philippe*: Lucréce etc. (оконч.). *Fr. Macler*: Les apocalypses etc. (прод.). *L. Marillier*: Une nouvelle philosophie de la religion (по поводу кн. Ed. Caird: The evolution of religion),.—

Digitized by Google

3. *L. Leger*: Les sources de la mythologie slave (обзоръ лѣтописей славянскихъ и иностранныхъ). *Fr. Macler*: Les apocalypses etc. (оконч.). *M. Zeitlin*: Les divinités féminines du Capitole. XXXIV. 1. *E. Chavannes*: Les inscriptions chinoises de Bodh-Gaya. *L. Knappert*: Le christianisme et le paganisme dans l'histoire ecclésiastique de Bède le Vénérable. 2. *L. Knappert*: Le christianisme etc. (прод.). *Ménard*: La symbolique des religions anciennes et modernes; leurs rapport avec la civilisation. *L. Feer*: Le pied de Buddha.

Revue des Revues. 1895. 23. Казни женщинъ преступницъ во Франціи. (Les supplices des femmes en France. Par *Paul d'Estrée*. Къ статьѣ приложены картины, изображающія казни женщинъ преступницъ въ средніе и послѣдующіе вѣка, по обычаямъ времени и нравамъ, господствовавшимъ въ ту или другую эпоху.— **1896. 6.** Художественное плетеніе кружевъ. (L'art dans les dentelles). Образцы кружевъ, представленные авторомъ, относятся къ прошедшимъ вѣкамъ. Статья заключается въ историческомъ изложеніи происхожденія ручныхъ кружевъ и ихъ плетенія.

Русское Богатство. 1896. 1. *Вл. Короленко*. Рѣшеніе сената по Мултанскому дѣлу. Рецензія на *Фр. Штрайслера*, *Исторія культуры*. **2.** Рецензія на кн. *П. В. Голубовскаго*, Исторія Смоленской земли до начала XV в. **5.** Рецензія на кн *Летурно*. Литературное развитіе различныхъ племенъ и народовъ въ брошюрѣ: „Прошедшее и будущее литературы". *Каторовичъ*, средневѣковые процессы о вѣдьмахъ. Дѣло Мултанскихъ вотяковъ. *Э. Ф. Беленъ*: Судебно-медицинская экспертиза въ дѣлѣ Мултанскихъ вотяковъ. *П. Богаевскій*: Мултанское моленіе вотяковъ. **6.** Толки печати о Мултанскомъ дѣлѣ. **7.** *А. Гедеоновъ*: За сѣвернымъ полярнымъ кругомъ (городъ Колымскъ и его обитатели: жизнь, промышленность, экономическое состояніе Колымчанъ. Гробница, найденная въ Кульдинѣ. Особый видъ кликушества т. н. по якутски мерячены). Рецензія на кн. Е. И. Якушкина: *Обычное право, выпускъ 3-й*. **8.** *Гр. Потанинъ*. Въ юртѣ послѣдняго киргизскаго царевича. (Поѣздка въ Кокчетавскій уѣздъ Акмолинской области; отъ Петропавловска до Кокчетава, а затѣмъ въ Киргизскую степь. Кочевка по Киргизской степи. Въ юртѣ султана Чингиса. Урочище Серембеть. Усиленіе Масульманско-клерикальнаго вліянія на киргизовъ. Русское культурное вліяніе ограничивается одной внѣшностью. Характеръ киргизовъ. Тамыры-друзья, сдѣлавшіеся таковыми послѣ особаго союза. Киргизская повѣсть,—любовь красавицы Балнъ-Сулу и бѣднаго пастуха Коду-курпеша. Легенды: о происхожденіи пѣсни и о первомъ Киргизскомъ шаманѣ Куркутѣ. Всѣ вышеупомянутыя свѣдѣнія освѣщены мало; авторъ говоритъ о нихъ какъ бы мимоходомъ и вся статья носитъ легкій описательный характеръ) **9.** Рецензія на кн. М Е. Соколова: Былины, историческія, военныя, разбойничьи и воровскія пѣсни. **10.** *Кизеветтеръ, А.* Реформа Петра Великаго въ сознаніи русскаго общества.— *Крюковъ, Ѳ.* Казачка (изъ станичнаго быта).—*Танъ, Н.*, Кривоногій (очеркъ изъ чукотской жизни)—*Елпатьевскій, С.*, съ Нижегородской выставки. **11.** *В. Катковъ*: Къ теоріи общества (старыя договорныя теоріи; ихъ слабыя мѣста. Выводъ: всякое общество есть результатъ совмѣстной (сознательной или безсознательной) воли лицъ, составляющихъ его, результатъ единенія, consensus'a ихъ, т.-е. гармоніи идей, чувствъ и воли. Классификація союзовъ на основаніи принципа сознательной или безсознательной воли). Рецензія на кн. Шарля Летурно: Соціологія по даннымъ этнографіи. **12.** *П. Е. Кулаковъ*: Инородцы и инородческій вопросъ на Нижегородской всероссійской выставкѣ (условія отрицательно вліяющія на жизнь инородцевъ: экономическій бытъ; — успѣхи нѣкоторыхъ въ этомъ отношеніи; сельское хозяйство—гигіена, семейно-полевыя отношенія. Образованіе.

Касаясь вліянія русскихъ пришельцевъ на ухудшеніе экономическаго быта инородцевъ и въ зависимости отъ этого вымиранія ихъ, авторъ слишкомъ много придаетъ значенія качеству пищи, забывая, что и до прихода русскихъ питаніе инородцевъ едва ли было болѣе удовлетворительно. *М. А. Плотниковъ*: Кустарная промышленность на выставкѣ 1896 года (историческій очеркъ и настоящее кустари. промышл.) Рецензія на кн. Эд. Тейлора: Первобытная культура. М.Гернесъ: Исторія первобытнаго человѣчества. І. Я. Ганнегеръ: Исторія человѣческой культуры.

Digitized by Google

Саратовскія Губ. Вѣд. 76. Нѣсколько словъ о кустаряхъ. — 79. О рыбномъ дѣлѣ. 80. Народныя приметы.—81. Письмо о расколѣ. 82. Дмитріевская суббота (извлечено изъ „Прав. Вѣсти."). — Изъ жизни раскола. Картинки изъ жизни переселенцевъ. 83. Лѣкарственныя травы (изъ „Сельск. Вѣсти."). — 84. О сельскихъ ремесленникахъ. Корреспонденція изъ села Мал. Костарева Камышинск. уѣзда, содержащая въ себѣ довольно подробную характеристику быта крестьянъ этого села.—85. Замѣтки о кустаряхъ Курской и Тамбовской губ.—93. Корресп. изъ села Тепловки Саратовск. уѣзда о бытѣ крестьянъ.

Самарскія Губ. Вѣд. 93. Перепечатка изъ „Прав. Вѣстн." о раскопкахъ, произведенныхъ Е. И. В. В. К. Александромъ Михаиловичемъ въ Ай-Тодорѣ.

Таганрогскій Вѣстн. 1897. 2, 4. *П. П.* Исторія Таганрога. (прод.). — 18. Положеніе донскихъ казаковъ, переселившихся въ Сибирь. — 19. Китайскій календарь.

Тверскія Епарх. Вѣд. 1896. 20, 23, 24. *Н Лилеевъ.* Древне-русскіе путешественники въ Св. землю.

Тульскія Губ. Вѣд. 1896. 193. Японскій способъ перевязки ранъ. Домикъ Петра Великаго въ Вологдѣ.—215. Кустарные промыслы и женскій трудъ. 221. Земледѣльческія артели. — 235 – 238. *Ивановскій.* Къ исторіи города Епифани. 247—251. *Зыбинъ.* Очеркъ кустарной промышленности въ Россіи.

Уфимскія Епарх. Вѣд. 1896. 19. Извѣстія и замѣтки. Предразсудокъ касательно встрѣчи со священникомъ. (Яросл. Еп. Вѣд. 24).

Хозяинъ. 1897. 2, 3. *И. А. Молодыхъ.* Вольныя земли. Воспоминанія земледѣльца Иркутской губ Рабочіе въ Сибири.

Черниговскія Губ. Вѣд 1896.—933. Права, по которымъ судится малорусскій народъ и универсалъ гетмана Мазепы сотнику Алексѣю Турянскому.— 937. Археологическія открытія Пьетта во Франціи въ Масъ-Азильской пещерѣ. — 992. Запретныя пищевыя вещества у разныхъ народовъ („Прав. В."). — 1006. Ходячія и мѣткія слова (по поводу книги Михельсона „Ходячія и мѣткія слова")

Южанинъ. 1897. 3. Замѣтка о новомъ изслѣдованіи Голгоѳской скалы. 19. Находка древнихъ золотыхъ вещей въ Мелитопольскомъ уѣздѣ (изъ „Крым. Вѣсти.").—46. Находка клада монетъ XVI—XVIII в. въ с. Спеѣ, Тираспольскаго уѣзда, Херсонской губ.

Ярославскія Губ. Вѣд. 1896. 48. Буддизмъ у сопредѣльныхъ съ Россіею монголовъ.

Digitized by Google

НОВОСТИ ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

Акаёмовъ, Н. Ѳ. Куявы. Историко-этнографическій очеркъ. Варшава. 1895. 8⁰. 84 стр., ц. 40 к. (По печатнымъ польскимъ источникамъ).

Антоновичъ, В. В. Археологическая карта Кіевской губ. (Прилож. къ XV Т. „Древности"). М. 1895. 4⁰ 139 + 20 стр. и 1 карта (10 верстъ въ дюймѣ).

Багалѣй, Д. И. Опытъ исторіи Харьковскаго Университета. Т. I (1802—1815), вып. 2-й. Х. 1896. 8⁰. стр. съ 203 по 483 ц. 1 р. 70 к.

Богдзевичъ, Каз. Очерки Нижегородской промышленности. Нижній-Новгородъ. 1896. 8⁰. 88 стр.

Брянцевъ, И. Дм. Очеркъ древней Литвы и западной Россіи. Изд. 2. Вильна. 1897. 8⁰ VI + 150 стр. ц. 60 к.

Будде, Евг. Къ исторіи великорусскихъ говоровъ. Опытъ историко-сравнительнаго изслѣдованія народнаго говора въ Касимовскомъ уѣздѣ Рязанской губерніи. Казань. 1896. 8⁰. 377 + II стр. + карта. ц. 3 р. 50 к.

Булацель, П. Ѳ. Изслѣдованія о самовольной смерти. Историческій очеркъ философскихъ воззрѣній и законодательствъ о самоубійствѣ. Спб. 1896. 8⁰. 206 + VII стр.

Булгаковскій, Д. Нижегородскія легенды. (Какъ начинался Нижній-Новгородъ. Коромыслова башня. Проклятіе Н.-Новгорода. Кума-Чародѣйка. Царская невѣста. Убойное дѣло). Спб. 1896 г. 12⁰. 48 стр. ц. 30 к.

В. Н. Изъ исторіи Москвы. 1147—1703. Очерки. Съ 212 рисунками. М. 1896. 8⁰. (Авторъ г. Назаревскій).

Грангремъ, Э. Цари морей. Открытіе Америки норманнами въ 1000 г. Сост. по Нейкомму и исландскимъ сагамъ. Съ 25 рис. Спб. 1896 г. 8⁰. vol. 1. 200 стр.

Демковъ, М. И. Успѣхи знанія (1883—1884). Физика, метеорологія, зоологія, ботаника, географія, этнографія и путешествія. Годъ 1-й. Черниговъ. 1885. 8⁰. IV + 168 стр.

Долгановъ, Е. Е. Страна эфіоповъ (Абиссинія). Спб. 1896 г. 8⁰. 200 + + 39 стр. + 1 карта.

Завитневичъ, В. З. Формы погребальнаго обряда въ могильныхъ курганахъ Минской губерніи. М. vol. 15 стр.

Ивановъ, И. С. Сборникъ статей о нѣкоторыхъ выдающихся событіяхъ въ современной жизни болгаръ. 1. Болгары русскіе. 2. Болгары княжескіе. Кишиневъ. 1896. 8⁶. 2 + 225 стр.

Кольбъ, Г. Фр. Исторія человѣческой культуры съ очеркомъ формъ государственнаго правленія, политики, развитія свободы и благосостоянія народовъ. Перев. съ 3-го переработаннаго и знач. дополнен. нѣм. изданія, подъ ред. А. А. Рейнгольда. Вып. I. Южно-русское книгоиздательство Ф. А. Іогансона. Кіевъ. 1896. 8⁰. 144 стр. (Все изданіе въ 8 вып., цѣна по подпискѣ 2 р. 50 к.).

Котляревскій, Н. Пробѣгъ сотника 2-го Забайкальскаго коннаго полка А. Н. Кеникe отъ Дудергофа до Читы 6568 вер., съ 14 іюня по 16 ноября 1895 г. Спб. 1896. 8⁰. 100 стр.

Коршъ, Ѳ. Е. Мысли о происхожденіи новогреческаго языка. Докладъ. Одесса 1896. 8⁰. 16 стр.

Майеръ, А. А. Годъ въ пескахъ. Наброски и очерки Ахалъ-Тэкинской экспедиціи 1880—1881. (Изъ воспоминаній раненаго). Изд. 2-е. Рыбинскъ. 1895. 8⁰. 301 стр. ц. 1 р. 25 к.

Маноцковъ, В. И. Къ вопросу о заграничной торговлѣ Архангельска въ царствованіе Алексѣя Михайловича (изъ „Арх. Губ. Вѣд.", 1896 года, № 52). Архангельскій, 1896. 8⁰. 8 стр.

Digitized by Google

Металловъ, В., свящ. Очеркъ исторіи православнаго церковнаго пѣнія въ Россіи. Изд. 2-е, испр., доп. М. 1896. 8°. IV + 138 стр. + 11 таблицъ снимковъ.

Молодыхъ и Кулаковъ, П. Иллюстрированное описаніе быта сельскаго населенія Иркутской губ. С.-Пб. 1896, 242 стр. (Богатый матеріалъ, масса фототипій. Составл. къ Нижегородской выставкѣ).

Одигитріевскій, Н. Крещеные татары Казанской губ. Этнографическій очеркъ. Изд. 2-е. М. 8°. 66 стр. 185 экз.

Отчетъ краткій, о путешествіи Д. Клеменца по Монголіи за 1894 г. (Изъ „Изв. Имп. Ак. Н." 1895 г.). Спб. 1895. 4° стр. съ 261 по 274. 60 экз.

Позднѣевъ, Д. Къ вопросу о пособіяхъ при изученіи исторіи монголовъ въ періодъ минской династіи. Спб. 1895. 8° съ 93 по 102 стр. (Изъ „Зап. Вост. Отд. Имп. Русск. Арх. Общ.", Т. IX).

Покровскій, Ѳ. В. Археологическая карта Гродненской губерніи. (Изъ „Трудовъ Вилен. Отдѣленія Москов. Предвар. Комитета по устройству въ Вильнѣ IX Археол. Съѣзда въ Вильнѣ 1893 г."). Вильна. 1895. 4°. 165 стр. и одна карта (10 верстъ въ дюймѣ).

Поливановъ, В. Н. Мурапскій могильникъ (Симбирск. губ.). Изслѣдованіе. Москва. 1896. 8°. 46 стр. съ планомъ и 10 табл. фототип.

Пѣвницъ, П. Словарикъ Заонежья. Слова изъ народной рѣчи. (Кондопожская, Великогубская, Толвуйская волости Петрозаводскаго уѣзда, Олонецкой губ.). Петрозаводскъ. 1896. 8°. 32 стр. (Изъ „Олонецк Губ. Вѣд." 1896).

Русскіе въ Бессарабіи до ея присоединенія къ Россіи. Историческій очеркъ. (Ко дню столѣтія кончины Императрицы Екатерины II Великой). Кишиневъ. 1896 г. 8°. 35 стр.

Смирнчанскій, В., прот. Историко-статистическій сборникъ свѣдѣній о Псковской епархіи. Псковскіе архипастыри. Островъ. 1896. 8°. 123 стр.

Соболевскій, А. И. Велико-русскія народныя пѣсни. Т. II. Спб. 1896. 8°. XVI + 588 стр. ц. 3 р.

Средняя Азія. Научно литературный сборникъ статей по Средней Азіи. Подъ ред. Е. Т. Смирнова. Ташкентъ. 1896. 8°. 212 + IV стр.

Флоринскій, В. М. Домашняя медицина. Лѣчебникъ для народнаго употребленія. Изд. 6-е. Спб. 1895. 8°.

Халатьянцъ, Г. Армянскій эпосъ въ исторіи Арменіи Моисея Хоренскаго. Опытъ критики источниковъ. Ч. I. Изслѣдованіе. Ч. II. Матеріалы. Москва. 1896. 8°. X + 347 + III + 80 стр. и 1 табл. 500 экз. ц. 3 р.

Циммерманъ, Э. Р. Вязъ по Волгѣ. Путевые очерки. Съ 12 рисунками. Москва. 1896. 16° 125 стр.

Gernet, v., A. Die Aufhebung der Leibeigenschaft in Esthland. Vortrag, gehalten in der Section der Esthländischen Literärischen Gesellschaft für Erhaltung der Alterthümer. (Separ. aus dem «Revaler Beobachter»). Reval. 1896. 8° 34 стр.

Hellwald, von, Friedr. Kulturgeschichte in ihrer natürlichen Entwickelung bis zur Gegenwart. Vierte Auflage. Neubearbeitet von: M. von Brandt. Prof. Dr. Ludwig Büchner, Privat-Docent Dr August Conrady... etc. etc. Lieferung I—XVIII. Leipzig 189 . 8°. (Выйдетъ въ 30 выпускахъ по 1 маркѣ за выпускъ).

Pamiatka z II wystawy hygienicznej w Warszawie, 1896. Wydawnictwo redakcyi „Zdrowia". Warszawa, 1896, 8°, vol. 1, стр. 180 Album widoków. Plan. Prace naukowe. Въ числѣ послѣднихъ работа *Казим. Даниловича — Стржельбицкаго:* „Przyczynek do badan antropologicznyh nad ludnoscia Królewstwa Polskiego", стр. 14—53. Работа обнимаетъ ростъ, окружность груди и вѣсъ 13614 чел. чисто-польскаго мужскаго населенія изъ 84 уѣздовъ Ц.— Польскаго, въ возрастѣ 31—58 л. Библіографія вопроса).

Digitized by Google

ИЗВѢСТІЯ и ЗАМѢТКИ.

Незадолго передъ Пасхой закрылась въ Москвѣ устроенная по мысли извѣстнаго путешественника въ Абиссинію К. С. Звягина *Абиссинско-санитарно-этнографическая выставка*[1]). Ближайшей цѣлью выставки было ознакомленіе публики съ Абиссиніей и бытомъ ея обитателей, равно и съ дѣятельностью санитарнаго отряда, посланнаго въ мартѣ 1896 г. Главнымъ Управленіемъ Россійскаго Общества Краснаго Креста для подачи помощи раненымъ и больнымъ на театрѣ войны Абиссиніи съ Италіей. Выставка можетъ быть подраздѣлена на два отдѣла: въ одномъ изъ нихъ собраны были свѣдѣнія о дѣятельности отряда (діаграммы), представлена обстановка, при которой ему пришлось совершить путешествіе и наконецъ помѣщены нѣкоторые не лишенные интереса пріемы лѣченія у абиссинцевъ и галла (напр. повязки, употребляемыя при переломѣ конечностей, металлическія пластинки — для закрытія язвъ, хирургическій приборъ, амулеты, носимые на раненыхъ мѣстахъ и пр.). Второй, значительно большій отдѣлъ, содержащій около 400 предметовъ, посвященъ преимущественно этнографіи абиссинцевъ, галла и сомали. Что касается до абиссинцевъ, то выставленныя коллекціи представляли преимущественно военный бытъ населенія Абиссиніи.

Въ довольно значительномъ количествѣ экземпляровъ были представлены щиты изъ кожи носорога и бегемота, иногда богато украшенные серебромъ и золотомъ, различное оружіе: мечъ, копья, сабли, изъ которыхъ нѣкоторыя съ золотою насѣчкою или съ украшенными золотомъ ножнами. Искусно сдѣланная изъ золота корона-шапка расы представляла большой интересъ по художественности работы. Далѣе отличалась большимъ обиліемъ коллекція предметовъ конской сбруи и убора, иногда также богато украшенныхъ серебромъ; дорогіе чепраки, вышитыя шелками попоны и пр. давали возможность представить ясно абиссинскаго коннаго воина въ его богатомъ военномъ нарядѣ. Въ коллекціи одежды особеннаго вниманія заслуживали плащи, состоящіе обыкновенно изъ шкуры леопарда или обезьяны, которые абиссинцы накидываютъ себѣ на плечи. Этотъ плащъ, характерный для одежды абиссинца, сохраняетъ въ своемъ покроѣ форму шкуры (съ вырѣзами, изображающими лапы и голову животнаго) и тогда, когда мѣсто шкуры заступилъ привозный бархатъ, изъ котораго богатые дѣлаютъ свои плащи (лемты). Амулеты, нѣсколько предметовъ украшенія (браслеты, серьги) дополняли отдѣлъ одежды. Небольшая коллекція предметовъ церковной утвари (кадила, кресты, трещетки), образцовъ книгъ священнаго содержанія, стѣнныхъ и иконостасныхъ изображеній святыхъ имѣли цѣлью познакомить съ церковнымъ бытомъ Абиссиніи и съ нѣкоторыми особенностями богослуженія. Видъ и планъ абиссинской круглой церкви служили дополненіемъ къ этому отдѣлу.

Устроители выставки отвели довольно значительное мѣсто предметамъ обихода, украшенія и вооруженія народностей сомали и галла, типы которыхъ были представлены довольно значительнымъ количествомъ фотографій.

Коллекціи, представленныя на выставкѣ, были собраны попутно экспедиціями, не преслѣдовавшими этнографическихъ цѣлей: этимъ слѣдуетъ объяснить ихъ, т. ск., отрывочность и нѣкоторую несистематичность. Одни отдѣлы представлены очень подробно, другіе (какъ напр. домашняя, будничная жизнь населенія Абиссиніи, его производства и пр.) нуждались въ значительномъ пополненіи; же-

---

1) Выставка сначала была устроена въ Петербургѣ.

Digitized by Google

лательно было бы видѣть и большее количество фотографическихъ снимковъ типовъ собственно абиссинцевъ и ихъ обстановки.

Но каковы бы ни были пробѣлы въ коллекціяхъ, которыя не всегда могли удовлетворить этнографа, мысль познакомить широкую публику Петербурга и Москвы съ Абиссиніей, хотя бы и при помощи случайныхъ коллекцій, бывшихъ въ распоряженіи устроителей выставки, можетъ быть принята лишь съ полнымъ сочувствіемъ и признательностью.

Нынѣшнимъ лѣтомъ, по порученію этнографическаго отдѣла Императорскаго Общества любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи, артистка Императорской оперы Е. Э. Линева (Павлищъ) *предпринимаетъ путешествіе по Россіи съ цѣлью собиранія старинныхъ русскихъ пѣсенъ*, преимущественно *многоголосныхъ*. Е. Э. Линева намѣрена записывать пѣсни посредствомъ фонографа, что дастъ возможность получить образцы вполнѣ оригинальной народной гармонизаціи, схваченной съ фотографической точностью. Какъ извѣстно, недостатокъ большинства существующихъ сборниковъ состоитъ именно въ томъ, что собирателями записывался только одинъ голосъ, а для хороваго исполненія пѣсни аранжировались различными композиторами. При этомъ гармонизація рѣдко бывала характерною и выдержанною. Счастливымъ исключеніемъ являлись лишь нѣкоторыя записи, напр., Мельгунова, Пальчикова, Лопатина и Прокунина. Но и эти собиратели находили громадную трудность въ записываніи „подголосковъ“, такъ какъ записывать одновременно можно только одинъ голосъ, а при повтореніи пѣвцы поютъ пѣсню уже иначе. Фонографъ въ данномъ случаѣ является единственно вѣрнымъ средствомъ для точной записи. Конечно, и записываніе фонографомъ цѣлыхъ хоровъ требуетъ большой опытности и спеціальныхъ приспособленій для сохраненія равномѣрности голосовъ, но тѣмъ не менѣе опытъ показалъ уже, что это возможно.

Путешествіе Е. Э. Линевой стоитъ въ тѣсной связи съ планомъ, который она предлагаетъ для распространенія хороваго пѣнія въ Россіи. Вотъ въ чемъ состоитъ этотъ планъ: выработавъ по возможности одну общую программу преподаванія, устраивать небольшіе хоры вездѣ, гдѣ возможно, — въ городахъ и деревняхъ, между любителями и при разныхъ Обществахъ, при воскресныхъ и сельскихъ школахъ, на фабрикахъ, при народныхъ читальняхъ, однимъ словомъ, пользоваться всѣми возможными случаями. Прежде всего обучать хоры элементарной музыкальной грамотѣ, а потомъ *по возможности* по одной общей программѣ разучивать духовныя и свѣтскія пьесы лучшихъ церковныхъ и свѣтскихъ композиторовъ. Само собою разумѣется, что на изящное и правильное исполненіе старинныхъ народныхъ пѣсенъ, при полномъ сохраненіи ихъ простоты и задушевности, должно быть обращено особое вниманіе. Изданіе хорошо гармонизованнаго, *дешеваго* сборника пѣсенъ является необходимымъ, и собираніе достовѣрнаго матеріала для подобнаго сборника составляетъ главную цѣль предпринимаемой поѣздки.

Когда хоры уже достаточно подвинуты, можно устраивать въ разныхъ центральныхъ мѣстахъ общедоступные концерты соединенныхъ хоровъ, что необыкновенно возбуждаетъ рвеніе пѣвцовъ къ занятіямъ. Мѣстнымъ учителямъ пѣнія придется вырабатывать общую программу сообща, такъ какъ, конечно, общность программы имѣетъ главнымъ образомъ значеніе только для тѣхъ хоровъ, которымъ придется собираться вмѣстѣ. Такая общая программа очень облегчитъ дѣло, и передъ концертомъ потребуется всего 2—3 общихъ спѣвки, а между тѣмъ эффектъ отъ громаднаго хора въ 200—300 человѣкъ, а въ большихъ городахъ, можетъ быть, и тысячнаго, получится величественный Съ осени начнутся уже занятія въ этомъ духѣ въ нѣсколькихъ московскихъ воскресныхъ школахъ, и устраиваются курсы для народныхъ учителей и учительницъ пѣнія при одномъ изъ педагогическихъ учрежденій подъ руководствомъ Е. Э. Линевой.

Планъ этотъ задуманъ Е. Э. подъ вліяніемъ впечатлѣній, вынесенныхъ ею изъ Америки, гдѣ подъ ея управленіемъ русскій хоръ пѣлъ на выставкѣ въ Чикаго

Digitized by Google

и въ другихъ городахъ. Несмотря на то, что американцы признаются всѣми и сами признаютъ себя немузыкальнымъ народомъ, у нихъ существуютъ хорошіе хоры, и притомъ какъ въ большихъ городахъ, такъ и въ маленькихъ. На послѣднемъ съѣздѣ хоровъ въ Нью-Іоркѣ собралось до 30 тысячъ человѣкъ. На выставкѣ въ Чикаго въ продолженіе 2-хъ недѣль каждый день состязались хоры музыкальныхъ клубовъ, основанныхъ въ честь великихъ композиторовъ: Бетховена, Моцарта, Шумана, Рубинштейна и др. Члены этихъ клубовъ задаются цѣлью изучать теоретически и практически классическую музыку. За послѣднее время очень внимательно изучаютъ Чайковскаго. Есть спеціальный клубъ изученія народной музыки, легендъ и повѣрій (Folk—Lore Society) съ отдѣленіями во всѣхъ большихъ городахъ.

За послѣдніе годы въ Нью-Іоркѣ основаны общедоступные классы хорового пѣнія, которые уже дали прекрасные результаты: въ послѣднемъ концертѣ участвовало въ хорѣ болѣе 1,000 человѣкъ и зала была биткомъ набита публикой. Классы эти платные, по 10 коп. съ человѣка; уроки бываютъ по воскресеньямъ отъ 2 до 6 часовъ. Хоръ состоитъ главнымъ образомъ изъ рабочаго класса, хотя къ нему принадлежатъ и люди всевозможныхъ профессій. Въ этихъ классахъ обучаются прежде всего музыкальной грамотѣ, по нотной (линейной) системѣ, и очень скоро переходятъ къ изученію образцовъ хорошей музыки. Въ концертѣ, который давался черезъ 2 года послѣ основанія классовъ, исполнялись вещи Мендельсона, Рубинштейна и даже Генделя. Наплывъ желающихъ учиться громадный. Каждый годъ приходится отказывать сотнямъ учениковъ, такъ какъ даже огромное помѣщеніе въ институтѣ Купера не можетъ вмѣстить всѣхъ. Хоръ раздѣленъ для занятій на группы, но всѣ идутъ по одной системѣ и одной программѣ, что облегчаетъ исполненіе, когда весь хоръ собирается вмѣстѣ.

Американцы ставятъ очень высоко русскую музыку вообще какъ духовную, такъ и свѣтскую, а русскимъ народнымъ пѣснямъ въ исполненіи вышеупомянутаго хора давали мѣсто въ программахъ своихъ лучшихъ симфоническихъ концертовъ на-ряду съ классиками. Американцы страдаютъ отъ сознанія, что у нихъ нѣтъ своей народной музыки, и завидуютъ въ этомъ отношеніи русскимъ.

Неужели намъ учиться у американцевъ цѣнить свое родное? Русская пѣсня быстро утрачиваетъ свою архаическую прелесть и требуетъ болѣе серьезнаго вниманія, чтобы спасти отъ забвенія то, что еще можно спасти.

Этнографическій отдѣлъ будетъ очень благодаренъ всѣмъ истиннымъ любителямъ народныхъ пѣсенъ, которые пожелаютъ сообщить, *гдѣ* можно еще услышать хорошіе народные хоры и какое время для этого самое удобное, такъ какъ маршрутъ можетъ еще быть нѣсколько измѣненъ. Покорнѣйше просятъ адресовать письма Николаю Андреевичу *Ямчуку*, въ Румянцовскій музей, въ Москву.

Отдѣленіе этнографіи И. Русс. Географич. Общества признало своевременнымъ приступить къ *изданію полнаго собранія народныхъ сказокъ*—великорусскихъ, малорусскихъ, бѣлорусскихъ и угрорусскихъ. Въ собраніе войдутъ не только матеріалы хранящіеся въ архивѣ отдѣленія, но и всѣ другія записи сказокъ, какія будутъ доставлены отдѣленію частными собирателями и учеными учрежденіями. Для обсужденія вопроса объ изданіи сказокъ и для подготовленія обширнаго матеріала къ печати отдѣленіемъ избрана особая комиссія подъ предсѣд. проф. Вл. Ив. Ламанскаго. Лица, желающія содѣйствовать этому предпріятію, могутъ сообщать свои матеріалы, не стѣсняясь ихъ количествомъ, въ отдѣленіе этнографіи Имп. Русс. Географическаго Общества въ Петербургѣ.

Digitized by Google